Полный текст “Маркграфа болот”

Смотрите другие форматы

маркграф і болотный

МАРКГРАФ БОЛОТ

Не многие люди на самом деле добиваются статуса легенды при жизни, но Джон Пил - исключение, великий британец, чей вклад в британскую культуру неоспорим. Любимый миллионами людей — будь то за его неустанную пропаганду музыкальных талантов на Radio 1 или за его популярное шоу на Radio 4 “Главная правда” — Джон писал эту необыкновенную книгу, когда умер в октябре 2004 года. В настоящее время она завершена его женой Шейлой Рейвенскрофт с помощью их четверых детей.

В первой половине книги, написанной Джоном, описывается его ранняя жизнь, от детства до зрелого возраста, включая школьные годы и национальную службу, уникальную Чистый голос слышен в каждом предложении. Вторая часть, написанная Шейлой, дает интимный портрет этого человека и его музыки, а также взлеты и падения повседневной жизни в их доме в Саффолке.

Работа над этой книгой была делом всей семьи Джона, и их энтузиазм принес свои плоды. Она настолько же необычна, каким он был, и является достойной данью уважения самому Джону.

я Сарт-де-настроение Аум горошка Эди Ио. a0id5f ОРТ

большой зат aoig Тянь! БНС Димет амиол кроватка ВАК. «4 дня назад мы были вместе с другими биогурсами , например , из Нью-Йорка в … | в 07.00 , в середине дня, в студии o1 .

—

- Ты ПРАВ. “в Фг и бв м д пем [7] ” = > ” п Е - m

Т е

МАРКГРАФ ИГЕ БОЛОТА

Джон Пил и Шейла Рейвенскрофт

БИБИК большой печатать

Впервые опубликовано в 2005 году b

Bantam Press Это крупное печатное издание вышло в 2006 году.

y BBC Audiobooks Ltd по договоренности с издательством Transworld Publishers Великобритания, Твердый переплет, ISBN 1 4056 4811 2 Великобритания, мягкий переплет, ISBN 1 4056 4812 0

Авторское право Шейлы Рейвенскрофт 2005

Право Джона Пила и Шейлы Рейвенскрофт быть идентифицированными как авторы этой работы было заявлено в соответствии с разделами 77 и 78 настоящего Соглашения. Закон об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года.

‘Stranger Blues’, слова и музыка Джеймса Элмора, Моррис Леви и Кларенс Льюис © авторские права 1993 года Издательство EMI Publishing (WP) Limited. Используется с разрешения компании Music Sales Limited. все права защищены. Международное авторское право защищено. “Одинокий Слова и музыка “Беглеца” написаны Андерсоном и Андерсон © Sony/AT V Music Publishing.

Издатели приложили все разумные усилия, чтобы связаться с владельцами авторских прав на отрывки , приведенные в этой книге, и пригласить владельцев авторских прав

чтобы связаться с ними напрямую .] Будьте готовы к встрече Все права защищены. Ео: 3 N

Каталогизация британской библиотеки в доступных публикациях

Отпечатано и переплетено в Великобритании компанией Antony Rowe Ltd., Чиппенхэм, Уилтшир

Джон пожелал, чтобы эта книга была посвящена преподобному Р. Х. Дж. Бруку.

И мы хотели бы посвятить эту книгу Джону с нашей любовью.

Харен Ип ~~ филс из Калифорнийского университета в Кершене, в.б.

3d pri dn

— квинт э м а

а я “эда —О

я СМОТРЮ на тебя с другой стороны Сина доу, ПОТОМУ что десиленс, я был на этой работе.

ду^. Д лер эпе М Т от К

я начинаю с того, что действую по-родительски радостно. ^

Песня и музыка»Джеймс Эле” - Лиази. Себ Тейтер Льюис. Crecpyright 1080 Только для »BINE £g MI”. выпущена с разрешения автора

Все материалы защищены… Патернота и желание защитить детей | Бегство: над видео от издательства Andiman & Ander’ ce TV Mua. M

n

“Генеральный директор pobsstacrm fier приложил все разумные усилия , чтобы сохранить доверие к владельцам die vrais m

я спродюсировал это , и у меня есть немного времени , чтобы прийти в себя.

ос. > Соблюдайте диету = A | на всех концертах. приготовлено: то есть , hk A À - > ‘ - a j 2

Вб. не трогайте корову во главе. 1 Дж|

унум Роу, парень. ©

Содержание

Признание Титры к картинкам Вступление

Часть первая

Часть вторая

Эпилог Приложение

Признание

Мы хотели бы поблагодарить Криса Бертуда, Лоуренса Блэколла, Большого Боба, Билли Брэгга, Ричарда Кларка, Фиону Купер, Джона Дэрина, Пола Гамбаччини, Дэвида Геджа, Питера Гриффитса, Стюарта Хендерсона, Клэр Хиллиер, Трейси

Холмьярд, Элисон Хоу, Кид Дженсен, Анита Камат, Луиза Каттенхорн, Энди Кершоу, Фил Нэппетт, Крис Лайсетт, Майк Маккартни, The Misunderstood, Том Робинсон, Майк Сэмпи, Шерли и Клайв Селвуды, Фиргал Шарки, Бриджит Сент-Джон, Майк Стакс, Дэйв Тейт, Хелен Уолтерс, весь персонал Transworld и все те друзья, о которых мы почти наверняка забыли упомянуть.

Отдельное спасибо Фрэнку, Алану, Габсу, Джону, Анджеле, Полу, Кармел, Захре, Эшли, Эрмиту и Арчи.

Также спасибо Райану Гилби и Кэт Леджер за то, что помогли сделать это мероприятие настолько приятным , насколько это было возможно.

Фотографии

Линейные рисунки в тексте Шейла Рейвенскрофт, из книг она написала и проиллюстрировала для Джона много лет назад, которые он лелеял.

Большинство изображений, используемых в рисунке разделы были любезно предоставленного Семьи Рейвенскрофт. Там, где есть ссылки на материалы, мы перечислили их здесь, но нам не всегда удавалось отследить правообладателей. Тем, с кем мы не смогли связаться, предлагается связаться с издателями.

Первая часть

Джон Пил получает почетную докторскую степень: “Истерн” Ежедневная пресса; в кадре для рекламы “Кей-Мэн”: Ричард Фаулер; Джей Пи с капитаном “Бифхарт”: О.С. Хилл; Джей Пи раздает автографы у Би-би-си: Питер Сандерс; Голливудский фестиваль (на главном снимке и внизу слева): Барри Пламмер, фестиваль в Рединге, 1976 (в центре слева): Нандо Валь Верде; состав диджеев, 1974 и Джей Пи с Алан Фриман: Би-би-си; Джей Пи в студии: Денис Джонс; Джей Пи падает с осла: Кевин Симпсон; Джей Пи с Кувыркается: Ричард Уоллис.

Вторая часть

Джей Пи в норе Нэн Тру: Брайан Муди/Рекс в ролях; Джей Пи на “Уэмбли”, 1976: Джозеф Кумбер; Джей Пи играет в футбол, 1996: Рекс и Хейли Мэдден; Джей Пи в фонтане: Фил Нэппетт; Джей Пи на Top of the Pops: Daily Mirror; Джей Пи с Фрэнсисом Росси: Фин Костелло; семейное фото: © Адриан Бут.; Джей Пи в Рединге с

X

начало в 09:00, начало в 09:00

Иди») Сан-ЭТИН ФАЙЛ “A npag | ˆ ЛЕПИД и я , которые видят все , что происходит вокруг .

72339 MHOD Йе (0 г) hatag ax, acwaa3ww0) Ой Whads CAO}, г

Томас: Джейн Хоутон; JP в Ленинградской, Болгария и водопад Виктория: Дэйв Тейт; Джей Пи с Робертом Уайаттом: Майкл Праудфут; Джей Пи дома с магнитофонной записью: East Anglian Daily Times; Джей Пи с Арчи: Пол Гилхули; семья вместе на вечеринке по случаю шестьдесят пятого дня рождения Джей Пи: Майк Маккартни.

Вступление

Для нашей семьи это было неожиданным и пугающим открытием в литературном мире, а в сложившихся обстоятельствах и несколько нежеланным. Папа успел написать половину этой книги. Хотя у нас была возможность опубликовать только это, мы сочли важным, чтобы его история была закончена, хотя бы для того, чтобы было ясно, что он познакомился с нашей матерью не в том заведении, где провел свою половину жизни. Он добрался до своих приключений в Америке, но остановился, не дойдя до своего первого выступления на радио. Нет никаких свидетельств из первых рук о семи годах, прошедших между его дебютом на радио и встречей с мамой, и, честно говоря, даже после этого детали могут быть немного туманными, но мы собрали воедино все, что смогли, чтобы можно было положиться на твердую память мамы.

Разные люди уговаривали папу написать автобиографию, и он обещал это сделать на протяжении последних тридцати лет. Мы даже зашли так далеко, что специально для его написания построили комнату, которую он тут же заполнил записями. В конце концов, после краха многочисленных пенсионных программ он понял, что, возможно, настало подходящее время начать. В какой-то момент ему захотелось начать со слов “ Младшие офицеры обменялись взглядами”. Миссис Брэдшоу снова была на борту. Не уверен, почему. Как только он разработал рутину, он стал очень продуктивным, хотя, к сожалению, все его ранние успехи были случайно удалены одним небрежным утром в понедельник. Он не очень хорошо разбирался в компьютерах. Он сидел на своем месте за кухонным столом и что-то печатал на своем ноутбуке под пристальным взглядом хозяйки.

Фотография Билла Шенкли на стене. Честно говоря, мы были в ужасе, когда узнали, что папа пишет книгу. Не то чтобы он что-то выдумывал, но в прошлом у него были преувеличенные истории о нас, он неправильно интерпретировал ситуации, и, да, он тоже просто выдумывал. Мы совершенно уверены, что здесь он этого не делал . Нам хотелось бы посмотреть, что бы он придумал, будь у него такая возможность.

Название книги, насколько нам известно, еще не было выбрано. Ему нравилось придумывать забавные, хотя и слегка озадачивающие названия: “Как поживает ваш “Поток?”, “Мокрое эхо”, “Летающие сливки”, “Козел” Коддс, “Если он когда-нибудь достигнет половой зрелости”, “Оленьи шкуры” и “Педерасты”, “Уоттерс” выиграли “Уэйс”, Историю Торговля йодом, 1847-1902, Азбука прыжков в высоту, Поиски Стемпеля Гарамонда: Как Он Победил Гелков и наказал обитателей Колодца, а Иисус был сделан не из рыбы. Мы нашли названия в его чемодане из Перу вместе с запиской для себя: “Лежал в постели и сочинял невероятно вульгарные песни Уэйна Руни. У меня есть идея, но здесь не место для обсуждения”, - свидетельство того, что он не был полностью сосредоточен на своей задаче.

В этой записной книжке также содержались различные цитаты, напоминания и наблюдения:

Проснулся в три часа,

людей будят в пять,

Американец кричит в 5.30,

Мужчина так громко пукает в соседней каюте, Затем тишина,

Произошел государственный переворот?

6.45 полная тишина.

Основное различие между их политическими

наша ситуация такова, что мы лучше — возможно, более тонко — разбираемся в коррупции и кумовстве. В перуанской политике нет Питера Мандельсона.

Включите книгу о финских сараях. в автобиографию.

Мы откладывали принятие каких-либо решений относительно книги, так как понятия не имели, что планировал папа, если вообще что-то планировал. Однако мы совершенно уверены, что он одобрил бы использование маминых глупых рисунков , изображающих их обоих, в качестве заголовков глав. Папа всегда говорил, что они будут первым, что он спасет в случае пожара в доме, но потом он сказал это обо всем.

Исследование, которое мы все провели для второй части книги, конечно, было необычным, но также это была возможность прочитать множество папиных газетных и журнальных статей. Некоторые из них действительно хороши, некоторые довольно глупы. Спрятанные среди всех этих непристойных значков, немецких трэшевых журналов и старых открыток Radio 1, мы нашли его старые дневники, которые были нашим основным продуктом питания в течение последних шести месяцев. Время от времени они охватывают период с 1967 по 1983 год. Они демонстрируют, как усердно работал папа, мотаясь взад и вперед по стране, выступая с концертами и ночуя в зонах обслуживания автомагистралей. Мы обнаружили несколько деталей, которые, честно говоря, предпочли бы пропустить , и множество историй о нашем детстве , которые показались нам очень забавными, но не будем вас утомлять. По-видимому, Томас съел мышь.

Позже в книге вы познакомитесь с рассказом отца о его близких отношениях с президентами США. Фотографии, на которые он ссылается, не были доказательством этой связи, как он полагал,

разрушенный. Брат его первой жены носил эти слайды с собой почти сорок лет и предложил прислать их из Америки. Когда спустя столько времени он взял их в свои грязные руки, на его красивом лице отразилась радость. Он с трудом мог поверить, что наконец-то получил доказательство правдивости своих рассказов

.

Нет никаких физических доказательств того, что папа все еще не с нами, здесь, дома. Пластинки из его стопки для прослушивания по-прежнему лежат на проигрывателе, небольшая подборка ждет, когда ей будет отведено место в очередном порядке. Механизм его давно отлаженной системы по-прежнему на месте, но не используется. Мы не знаем, что делать с грудами демо-дисков , которые заполняют каждый угол. “Здесь мог бы быть еще один Элвис “, - слышим мы его слова. Мы все чувствуем себя виноватыми , как когда-то папа, при мысли о том, что нам придется от них избавиться . Очевидно, что мы не можем продолжать его работу, слушая эти демозаписи и продвигая эти группы, но мы чувствовали, что могли бы хотя бы попытаться завершить эту книгу.

Мы не можем утверждать, что “Маркграф с болот ” станет тем чтением, которое предложил бы папа, хотя, надеюсь , его голос останется во всем, что касается плагиата в достаточном количестве его работ. Есть много историй, которые он рассказывал нам не так часто, чтобы мы могли их запомнить, но мы постарались включить в них все , что, по нашему мнению, было важно для него. Мы надеемся , что усилия, которые мы с мамой приложили, чтобы создать достойную хронику его жизни, в какой -то мере показали, как много он значил для всех нас.

Уильям, Александра, Томас и Флоренс

Часть первая

я

Очевидно, что диск-жокеи, как класс, по сути своей паразитируют. Мы, за прискорбно немногочисленными исключениями, не обладаем ни творческим потенциалом, ни продуктивностью. Однако мы манипулировали чужими творениями (записями), чтобы обеспечить себе репутацию арбитров общественного вкуса. У меня не больше причин (и не меньше) , чем у вас, писать эту колонку, однако я нахожусь в таком незаслуженном положении , а вы — нет. Я очень верю в радио как средство реализации трагически нереализованных возможностей, а также в музыку, которую я играю. Поэтому, принимая во внимание ложность моего собственного шаткого положения, я буду делать все, что в моих силах, где бы я ни был, чтобы распространять то хорошее , что я слышу вокруг себя. Эти музыканты заставили вас узнать и оценить их музыку, а не Дж. Пила.

Джон Пил, диск и музыкальное эхо, 1969

первая глава

Мы с Шейлой сегодня присматриваем за детьми, и наш внук Арчи недоволен. Ему не нравится смесь из помидоров, батата и базилика, приготовленная его матерью, Александра, наша дочь, приехала с ним сегодня утром. Я тоже не уверена, что согласилась бы. Он , кажется, без особого энтузиазма относится к ремням безопасности, которыми он пристегивается к своему стульчику для кормления. В этом вопросе я почти всегда с ним. Действительно ли я помню давление, натирание и даже запах различных ремней безопасности, которыми был привязан младенец Джон Роберт Паркер Рейвенскрофт? Я точно знаю, что у няни был коричневый кожаный поводок , которым она пользовалась, когда брала меня на прогулку, и я помню его запах и даже вкус. Возможно , на нем были колокольчики.

Я всегда говорил людям, что родился в возрасте четырех лет в домике лесоруба в Блэк-Форесте. Но неутешительная правда заключается в том, что я родился в больнице Хесуолл-Коттедж за несколько дней до начала Второй мировой войны. То Коттеджная

больница теперь является частным домом, и

семья, живущая там, дважды связывалась со мной. Однажды, когда отец прислал мне кирпич из стены , которую они демонтировали, и совсем недавно, когда я играл в “Чибуку” в Ливерпуле — это клуб, а не настольная игра, — и его сыновья пригласили меня погостить в здании, в котором я родился. Если бы у нас не было заранее забронировано место в “Ракетс Клаб”, и я бы не… - осознав, что мне придется выпить много красного вина, чтобы продержаться всю ночь, я бы тоже согласился. Вы бы удивились, узнав, сколько людей предположили какую-то связь между моим рождением и началом войны. ‘Значит, это была твоя вина”, — посмеивались они, но я никогда не смеялся - не больше, чем над людьми, которые в последние годы приветствовали меня словами, “Значит, ты знаком с Джоном Пилем?” Некоторые из них похоронены в неглубоких могилах на дорогах категории B, отходящих от автомагистрали A505. Полицейские признались, что они сами сбиты с толку. Естественно, я мало что помню о войне. Отец был в отъезде, с глазу на глаз с Немцы в Северной Африке. Мать была в ее спальня. Иногда я бы отнес к воздушной тревоги убежище на вершине сад, из Франции окна из гостиной, через сумасшедшие асфальтирование и бывший теннисный корт мы назвали Большой Газон. Позже ко мне присоединился Фрэнсис Хоутон Лесли Рейвенскрофт; зачатый, как мне объяснили годы спустя, в Лондоне, когда Отец был на полпути домой в отпуске. По большому синему радиоприемнику в бомбоубежище мы услышали, не понимая, что это значит, о войне в Европе. однако каким-то образом мы поняли, что слова , передававшиеся по радио, были связаны с учебниками по распознаванию самолетов, которые нам время от времени показывали, а также с аэростатом заграждения, который опустился на поле напротив

о дороге, о странных порошкообразных продуктах, которые мы

ели , и о том факте, что отца рядом не было. Я решил, что отца, вероятно, вообще не существовало, и первые шесть лет моей жизни он оставался фигурой столь же далекой и невероятной, как персонажи “Голубой феи” Книги, менее реальной для меня, чем дама Вашалот, Луноликий и другие обитатели дома Инид Блайтон

Далекое дерево.”

Это были книги по распознаванию воздушных судов. хотя и полезно. Я знал, что нужно искать черные кресты на крыльях, и был предупрежден, что ни при каких обстоятельствах я не должен заходить в верхнюю половину сада, который был размером и формой примерно с футбольное поле, с дорожкой, проходящей, так сказать, на полпути между стеной из песчаника и тем, что когда отец возвращался домой, она становилась наседкой. Однажды днем я ковылял по тропинке от кухонной двери мимо сарая с инструментами, теплицы, выгребной ямы, крыжовника, грядок гороха и фасоли, ревеня и мусорной свалки, а Фрэнсис, интригующе желтый, как ребенок , и редко просыпающийся, неуверенно ковылял рядом со мной. Когда мы дошли до тропинки, разделявшей сад надвое, я дал понять брату, что намерен проникнуть в запретную половину. Он возражал, насколько может серьезно возражать полуторагодовалый ребенок, когда я сделал свой первый шаг в качестве свободомыслящего человека. В этот момент над садом низко пронесся самолет — немецкий самолет. Прошло несколько мирных лет , прежде чем я снова преодолел половину пути.

Я, как уже было установлено, был ребенком , который любил держаться особняком. Дома, если была хорошая погода, я лазал по деревьям и читал. Благодаря няне, получившей при крещении имя Флоренс Хорн, но

Наш отец окрестил меня Торговцем в честь знаменитого морского капитана, и я научился читать еще до того, как пошел в детский сад. Мое любимое дерево для чтения - сочная, раскидистая сосна - возвышалось над полем, отделявшим наш дом от соседского, полем, на котором в соответствующее время года работали

немецкие военнопленные. Эти заключенные работали без присмотра, проявляя, как я полагаю, мало энтузиазма по поводу того, что они покидали относительную безопасность фермы в Чешире ради крайне неопределенного будущего, скажем, на российской территории. Перед. На ломаном, но довольно очаровательном английском они предупреждали меня об опасности лазания по соснам. С тех пор я утверждала, что по праздникам они будут дарить нам с Фрэнсисом подарки, вырезанные из обрезков дерева, но внутренний голос подсказывал мне, что я все это выдумала.

Кроме Уиттиморов, которые обрабатывали поля через дорогу, ведущую к дому Берендов, на некотором расстоянии от нас, в лесу, и мистера Хьюза, который обрабатывал землю через главную дорогу, у нас было мало посетителей. Колин и Мартин Уиттиморы были примерно того же возраста, что и мы с Фрэнсисом, и, поскольку у нас не было других детей, с которыми мы могли бы играть , мы проводили с ними много времени. Фрэнсис даже женился на Колине в определенной форме Уиттимор, брак, к сожалению, не признанный ни одной из основных религий, но к которому Англиканская церковь в наши дни, возможно, относится более дружелюбно . (Обратите внимание: проверьте позицию Церкви в отношении 0 браков между трехлетними детьми по обоюдному согласию.

Когда мы не были у Уиттиморов, Фрэнсис и я были предоставлены сами себе. Поскольку Фрэнсис обычно спал, это фактически означало, что я мог бродить по дому в одиночестве.

посидеть в саду и пообщаться с Бу-Бу, моим воображаемым другом. Бу-Бу жила в довольно негостеприимном я расположился под кустом в рокарии, всего в двух шагах от флагштока и сразу за углом от того места, где временный садовник, парень лет двадцати пяти, который приехал на велосипеде из Бертона, чтобы вспахать поля и разбрасывать их, предложил мне показать свой пенис. Помню, я был впечатлен ее размерами и способностью парня увеличивать или уменьшать ее, и, казалось, по собственной воле отклонил его последующие приглашения посмотреть на нее еще раз. Хотя она была большой.

Помимо лазанья по деревьям, бесед с Бу-Бу, осмотра интимных мест младшего персонала и помощи маме водружать Британский флаг, который развевался над садом на протяжении всей войны, единственным настоящим событием в нашей жизни были наши регулярные прогулки в Бертон с няней. В зависимости от ее прихоти, Фрэнсис, спящий в детской коляске, своим желтым оттенком вызывал восхищение у всех, с кем мы сталкивались (Заметьте, Фрэнсис не пожелтел ни сейчас, ни в течение нескольких лет), и меня, прыгающего вприпрыжку, повели либо по Денхолл-лейн к станции Бертон-Пойнт и болотам за ней, либо налево по Бертон-роуд в сторону деревни. Если бы няня выбрала первый — и более длинный — маршрут, она была вынуждена принять второе решение, когда мы проехали две трети пути до железнодорожного моста через реку. Здесь мы могли либо свернуть налево через ворота и пройти по тропинке, которая вела к станции и за ее пределы, либо спуститься с холма к болотам.

На углу у подножия холма находился вход в дом семьи Саммерс. То Саммерс явно был на несколько ступеней выше нас в социальном плане. Как мы поняли, они владели

сталелитейный завод виднелся сквозь голубую дымку на дальнем берегу реки Ди. Что еще более важно, у них , казалось, были десятки садовников , которые, подобно оленям, исчезали в подлеске при приближении посетителей, и у них был бассейн. Время от времени нам разрешалось посещать бассейн, и мы искренне завидовали его раздевалкам, деревянным лодкам и неправдоподобно голубой воде. Иногда к нам присоединялся некий Саммерс, единственный, кого мы когда-либо видели и кто был в Шрусбери , когда я появился там много лет спустя. Этот Саммерс — я не думаю, что мы когда—либо знали его имя - выглядел точь-в-точь как те пугающе красивые мальчики, которых художники рисовали с тщательностью, граничащей с вожделением , иллюстрируя истории о дерзких школьниках, к которым я позже обратился, когда мне надоели “Люди далекого дерева”. У него было , как можно было бы описать в этих историях, открытое лицо и седые волосы, которые сейчас, по-видимому, считаются необходимыми для любого человека, баллотирующегося на высокий пост в США.

Каким бы путем мы с няней и Фрэнсисом ни пошли, в конце концов мы оказались в Бертон-Виллидж. Здесь, у миссис Бойл или У Джексона в бакалейной лавке няня заводила разговор с другими нянями. Джексон - это тот самый Бакалейная лавка была настолько захватывающим магазином, что я поверил, что работа в бакалейной лавке принесет мне все те острые ощущения, которые только могут быть у одного человека. Разум настаивает на том, что “миссис Бойл” управлялась некой миссис Бойл и продавала, по-моему, газеты. Оба этих магазина прекратили торговлю в какой-то момент, затерявшийся в тумане предыстории и Сейчас Бертон превратился в спальный поселок, по которому можно проехать в рабочее время, не встретив ни единой живой души. Я знаю это, потому что сам делал это на

и не один раз.

Около дома Джексона няня рассказала компании соперничающих нянек подробности события , которое определило следующие двадцать или около того лет моей жизни. Я бы обманул вас, если бы попытался убедить, что уже в возрасте пяти лет я стремился создать для себя некую идентичность , нечто такое, что отличало бы меня от остального человечества, но на каком-то уровне я осознавал, что в то время как Фрэнсис был желтолицым и у спящего саммерса были седые волосы, а у садовника - огромный пенис, и у меня не было ничего интересного , что могло бы заинтересовать прохожего.

Наступил день, каким казались тогда все остальные дни : светило солнце, за окном столовой порхали бабочки , а пение птиц делало почти невозможной праздную беседу. Итак, выглянув утром на улицу и убедившись, что погода ясная, я решил прокатиться на своем трехколесном велосипеде по саду. Кульминацией этого был бы бешеный рывок через огород от мусорной свалки по длинной прямой, которая заканчивалась небольшим поворотом мимо теплицы, прежде чем трехколесный велосипедист, так сказать, перестроился, чтобы совершить сложную поездку мимо сарая с инструментами и задней двери, а затем через ворота в сад. подъездная дорожка. К несчастью для меня, судьба вмешалась на этапе легкого поворота, рулевое управление трехколесного

велосипеда отказало, и я врезался в стену теплицы. Осознав , что я вышел из-под контроля и направляюсь к тому, что , по сути, было стеклянной стеной, я инстинктивно поднял левую руку, чтобы защититься, и таким образом произошло то, что Няня нашла меня лежащим среди обломков, левое заднее колесо трехколесного велосипеда, вероятно, все еще лениво вращалось в воздухе, с глубокой раной на внутренней стороне

тс

мой локоть и еще один на внутренней стороне запястья. Глядя на эти шрамы сейчас, трудно представить, как Я избежал перерезания крупного кровеносного сосуда и смертельного кровотечения. Если когда-нибудь представится такая возможность , я буду очень рад показать вам свои раны. Меня, страдающую от шока, но, как ни странно, не чувствующую никакой боли , отвели в дом, чтобы мама могла оценить ущерб и принять решение о соответствующих действиях. Она решила позвонить доктору Ганну.

Доктора Ганна я запомнил только из-за чемоданчика , наполненного хирургическими инструментами и бутылочками с жидкостями забавного цвета, которые он носил с собой, и из-за того, что он ездил на очень странной машине , тип которой я до сих пор не смог идентифицировать . На самом деле, это было так странно, что все свое детство я бережно хранил старую шикарную машину, которую я никогда не видел ни в чьей другой коллекции , и которая сейчас стоила бы, как мне нравится думать, тысячи ваших фунтов, машину, известную всей семье как машина доктора Ганна. Я ждал доктора , сидя за обеденным столом, который мама предпочитала как место, где меня часто избивали, и коротал время, разглядывая свои раны. Помню, я подумал, что внутренняя сторона человеческой руки похожа на помидор. Я все еще была слишком потрясена, чтобы плакать, и не проронила ни слезинки, когда врач зашил мне руку - разумеется, без анестезии — перед тем, как отправить меня в больницу.

В тот день, выйдя из больницы Джексона, я услышала Няня рассказала многочисленным няням Бертон-Виллидж , что я прошел через все это без единой слезинки. Няни были впечатлены. На самом деле, это произвело на меня такое

впечатление, что я сразу же решил, что отныне я буду Мальчиком, Который никогда не

Плакала. Честно говоря, после этого я, наверное, иногда плакал: когда впервые пошел в школу-интернат, возможно, и когда щенка, которого я хотел получить в утробе матери и которого мне подарили на Рождество 1947 года, забрали у меня в первую неделю 1948 года и отдали фермеру мистеру Хьюзу вместо этого. Но, по большому счету, я редко плакал, пока не встретил Шейлу. С тех пор — и я не знаю, что бы сказал по этому поводу аналитик, — я плакала почти не переставая, от всего, начиная с самого раннего возраста. Дом в прериях, посвященный триумфам Ливерпуля в Европа.

На момент несчастного случая я уже была ученицей детского сада мисс Джонс, расположенного в Бэдлендс на границе Нестона и Паркгейта. Мисс Джонс и ее валькириям не подходит безрассудное современное представление о том, что год или два следует посвятить занятиям живописью, лепке из пластилина и рисованию изображений мамы и папы. В первый день в ее заведении нам рассказали о днях недели на французском языке — некоторые из них я знаю и по сей день, — и мисс Лакстон познакомила нас с реалиями современного образования, бросив в нас резиночки для настольных игр. У мисс Лакстон была крепкая метательная рука и хороший глазомер. Несмотря на все мои достижения, ре. “дни недели на французском” у мисс Джонс меня не впечатлили. На самом деле, настолько, что в отчете директрисы по окончании моего первого семестра полностью говорилось: “Робин не произвела особого впечатления в школе”. Я чувствовала себя уязвленной.

Именно у мисс Джонс я впервые влюбился в темноволосую девушку по имени Хелен Мэддокс. Наша любовь так и не обрела физической формы — что-то связанное с плохим питанием в военное время на

на котором, я полагаю, мы оба выросли, но я все равно могу закрыть глаза и представить Хелен и ее дом на дорожке возле паба “Уитшиф” в Нессе. Или это был дом Джейн Баркер? Она тоже была довольно милой . Так или иначе, мы с Фрэнсисом дошли до конца тропинки, совершив незабываемую прогулку с отцом. |

Отец редко разговаривал с нами по насущным вопросам, предпочитая оставлять вопросы здоровья и благосостояния на Мать, которая тоже не говорила с нами о них. Однако в этот раз мы путешествовали из Ехал из Биркенхеда в Нестон на автобусе и опоздал на пересадочный автобус до Бертона, так что у него не было другого выбора, кроме как пройти три или четыре мили пешком. На каждом этапе пути отец говорил нам с Фрэнсисом о первостепенной важности регулярного опорожнения кишечника и о том вреде, который может быть нанесен нам как физически, так и духовно, если мы не будем придерживаться достаточно строгого режима в этой области. Теперь я чувствую, что большая часть злобы, которая появилась во мне после той прогулки, была результатом того, что я не последовал совету отца. “Уходи , когда захочешь” - так я сформулировал свое отношение ко всему этому грязному делу, и это был совет, который я давал нашим детям, когда они , в свою очередь, прокрадывались в мою комнату, как это делают сбитые с толку молодые люди, чтобы спросить: “Дорогой папа, расскажи нам , ну, ты знаешь, иду в туалет.’

Вышеприведенный рассказ, вероятно, привлек ваше внимание к тому факту, что отец, в отличие от многих других отцов и дедушек, матерей и бабушек, вернулся с войны невредимым. Как и почти все, кого я когда-либо встречал, кто служил во время Второй мировой войны, он никогда по-настоящему не рассказывал о своем опыте. Когда он вернулся домой, отец

вернулся домой капитаном Робертом Рейвенскрофтом, королевским Артиллерией, но почти сразу же вернулся к гражданской жизни, и у него было мало времени для других мужчин, которые записались на это время, но настаивали на том,

чтобы после окончания войны к ним обращались по воинским званиям

.

Мы с Фрэнсисом впервые увидели нашего отца, когда были на каникулах в заливе Тре-Арддур на Англси, где много лет спустя в школу должен был пойти еще не родившийся Алан . Сейчас это трудно себе представить, но отсутствие автомобильного транспорта для всех, кроме немногих относительно состоятельных людей, в сочетании с нормированием расхода бензина приводило к тому, что на дорогах было мало машин , поэтому всякий раз, когда мы с Фрэнсисом слышали отдаленный шум двигателя, мы бежали в конец проезда, чтобы посмотреть, что там происходит. проезжающий мимо. Однажды днем— Я думаю, теперь мы можем позволить себе наслаждаться солнцем и голубым небом, хотя, если хотите, вы можете добавить к этому уравнению кружащихся чаек — мы играли в саду, когда услышали шум мотоциклетного двигателя в начале дороги и побежали к воротам, чтобы посмотреть , как мимо проезжает мотоцикл. К нашему удивлению и, как мне кажется, легкой тревоге, мотоцикл, вместо того чтобы проехать мимо, замедлил ход и свернул на подъездную дорожку. Дорожка была посыпана гравием и окружала небольшую лужайку, и, пока всадник осторожно выбирал дорогу, я побежал через лужайку в дом. Мама мыла голову в раковине, выходящей окнами на подъездную дорожку, и я вбежал с криком: “Мамочка! Мамочка! В дверях стоит какой-то странный мужчина.- Она выглянула в окно, разрыдалась и сказала: “Это твой отец. Через несколько секунд мы с Фрэнсисом стояли и смотрели на человека, которого мы теперь считали нашим мотоциклистом. Вот, значит, как выглядит отец.

Годы спустя я обнаружил, что стою в том же самом

в

я пересказывал эту историю для телевизионной команды. Рассказывая ее, я почувствовал , как во мне поднимается что-то неуправляемое, и мне показалось, что по завершении моего

рассказа у меня случится что-то вроде припадка. В итоге я издал довольно театральный низкий стон и рухнул на землю в слезах. Телевизионщики милосердно смонтировали этот коллапс из своего фильма. Я могу только предположить, что их заботливость объяснялась отсутствием у них опыта работы на телевидении.

18

Sh cd Миса Лора вторая глава —

Барбара из “Радио Флора”, Ганновер, скоро позвонит . Когда я разговаривал с ней на прошлой неделе, она, кажется, немного расплывчато рассказала о программе, которую я записываю каждый месяц, насколько я помню, для FSK в Гамбурге. На сегодняшний день это моя единственная радиосвязь с Германия. Мой друг Себастьян обтяжка копирует DAT-кассеты и я посылаю ФСК и раздается, я сказали, десяток или больше немецкоязычных радиостанций. Неудивительно, что большинство из них находятся в Германии, хотя в прошлом подписчики были как в Австрии, так и в других странах. Швейцария. Во что превращаются эти программы, два часа бесподобного веселья для всей семьи, после того как они покидают деревенское почтовое отделение, остается загадкой. я продолжу: это полная загадка. Несмотря на то, что я записался на По крайней мере, за последние четыре или пять лет я еще не получил своего первого письма от слушателя — если не считать записки, которую я получил от женщины , работающей на неназванной общественной радиостанции где-то недалеко от побережья северной Германии. “оА

ИДЕНТИФИКАТОР Е Р

Си ууу Ары

Выделите ее месяц, она сказала мне, когда он сошел к ней, чтобы

играть в мою программу, и она мог сидеть в одиночестве, на станцию с бокалом вина, смотреть на море и слушать музыку. Ради этой женщины, и только ради нее одной, я продолжаю запись.

Но Барбара не уверена, что “Радио Флора” по—прежнему транслирует мои работы - “Это можно назвать работой?” Голос критика — и я задаюсь вопросом, делала ли это радиостанция вообще. Вскоре она позвонит от имени Кая, который не очень хорошо говорит по-английски, и Кай захочет узнать о Дэвиде Боуи.

Все европейцы хотят знать о Дэвиде Боуи. Всего несколько недель назад съемочная группа прибыла из Дании и захотел узнать о Дэвиде Боуи. “Расскажите нам о Дэвиде Боуи”, - кричали они своими привлекательными, мелодичными голосами. “Как вы отреагировали, когда впервые услышали “Aladdin Sane”?” Напрасно я объяснял , что действительно не могу вспомнить, как я отреагировал на выход пластинки. ‘Думаю, мне это понравилось, и я включил треки по радио”, - улыбнулся я. “Но , Джон, расскажи нам о своих более глубоких чувствах”, - настаивали они. Поэтому, вместо того чтобы объяснить, что на самом деле у меня нет более глубоких чувств, я рассказал им о гастролях с Боуи и Tyrannosaurus Rex. Эта история дает мне возможность разыграть небольшую пантомиму, которую я придумал — ничего сложного, просто человек в телефонной будке , - которая обычно проходит успешно.

Я помню только один концерт в рамках тура, тот , что состоялся в Брайтоне. Это был Марк Болан/Тираннозавр Турне Рекса и Боуи, несмотря на то, что “Space Oddity” имел огромный успех, не увенчались успехом и оказались в самом конце списка; если вы можете в это поверить , то ниже этого самого низкого из Божьих созданий, австралийского гитариста, играющего на ситаре. Я сидел за кулисами и разговаривал с Марком

когда я понял, что время перевалило за половину девятого и шоу должно было начаться, я подошел к двери и крикнул в коридор: “Дэвид, ты в эфире”. Это был, пожалуй, единственный прямой

контакт, который у меня был с “хамелеоном поп-музыки” (авторские права: практически у всех, кто когда-либо писали о Боуи) во время тура. Я имею в виду, какой смысл разговаривать с художником-мимом? Ты понимаешь, о чем я?

В любом случае, перенесемся на несколько лет вперед, к тому моменту , когда Дэвид стал звездой, жил в Берлине и Нью-Йорке и стал очень, очень, очень большим. Его звукозаписывающая компания устраивает в его честь прием в каком-то темном, красном и роскошном месте, а я прячусь в уголке , размышляя о жизни и о том немногом, что я помню о Экскурсия по тираннозавру Рексу и размышления о письме Боуи как-то написал мне, спрашивая , не хотел бы я помочь с финансированием художественной лаборатории, которую он задумал для Бекенхэма и округа, и я решил пойти и поговорить со своим старым приятелем. С этой скромной целью я вышел из своего угла и направился туда, где стояла звезда в окружении невероятно гламурных придворных. Когда я был всего в нескольких футах от него, очень крупный чернокожий парень — эксперт по каратэ, как я потом всем рассказывал — загородил своим массивным телом мою цель. ‘Эй, придурок! Куда, черт возьми, ты собрался?’ он хотел знать. - Просто собираюсь перекинуться парой слов с Дэвидом, - ответила я со своей обычной быстрой, нервной улыбкой. «Типа, черт возьми, ты собираешься перекинуться парой слов с Дэвид, настаивал он. С тех пор и, конечно же, далеко за пределами намерений нью-йоркского эксперта по каратэ, Я не перемолвился с Дэвидом ни единым словом. Тем не менее, он появился в фильме, когда я был героем этого фильма. Это твоя жизнь, и хотя я не помню, что он сказал обо мне, я думаю, что это было что-то приятное

Злотый

милый. Как сказал капитан У.Э. Джонс, жизнь — забавная штука.

Поэтому я расскажу Барбаре с радио “Флора” эту историю и надеюсь, что она останется довольна. Люди обычно такие.

x

В возрасте семи лет я ушел из школы мисс Джонс, прослужив там без особых отличий — хотя мне нравится думать, что к тому времени, как я ушел, они уже знали , что меня зовут Джон, а не Робин, — чтобы провести лето дома, прежде чем меня отправят в Вудлендская школа, Деганви. Я мало что могу вспомнить о том лете — вы можете написать здесь свой собственный абзац , но не забудьте включить в него бесконечное солнечное сияние, бабочек, нехватку продовольствия и несколько мыслей о забавных примитивных методах сбора урожая в те дни, а также, если хотите , косой взгляд на страна смеха-девочек и то, что можно охарактеризовать только как их дерзость, но, вероятно, большую часть этого времени я потратил на то, чтобы представить, какой была бы жизнь в Вудленде , и старался избегать общения с местными детьми , знакомство с которыми, по мнению моих родителей, принесло бы мне пользу . Эти мальчики были поразительно хороши во всем, и я особенно хорошо помню одного, который был классическим примером ребенка, вызывавшего огромное восхищение взрослых, но ненависть и недоверие других детей. В минуты отчаяния отец спрашивал меня, почему я не могу быть больше похожим на него, и не слушал, когда я пытался объяснить, что лучше буду съеден заживо, чем буду таким, как он. Он преуспел в крикете и теннисе, и, возможно, в сквош, и в файвз, и в хоккее, и — о, я не знаю — во всем, но в одном из редких случаев моя защита сработала.

ер

были нарушены правила, и он появился в нашем саду, у него хватило наглости снова и снова пытаться побить мировой рекорд времени , который я установил на трассе, проложенной нами с Фрэнсисом вокруг сада, на моем велосипеде . Когда он покидал линию старта, возбужденно крича, мы с Фрэнсисом мрачно наблюдали, как он исчезает из виду, надеясь вопреки всему, что, когда он выполнит сложный удар правой, а затем левой через калитку у кухонной двери, он ошибется, и мы услышим удовлетворительный звук удара по голове на воротном столбе, за которым последовал удар велосипеда и всадника о бетон за пределами гаража.

Когда лето — бесконечное солнце, бабочки, куда они все подевались? — подошло к концу, семья начала готовиться к тому , что молодого хозяина придется отправить в школу-интернат. Был куплен чемодан, достаточно большой, чтобы вместить пару взрослых людей среднего роста, и мама отвезла меня в Коричневые тона Честера для придания формы в головокружительном сочетании красного и серого, которыми ее можно наполнить. Хотя я всегда старался создать впечатление, что, независимо от того, как я выгляжу на сегодняшний день, я был миловидным ребенком, мама была убеждена, что по крайней мере в одном отношении у меня были серьезные отклонения в развитии. Рождение мальчиков Равномерное Браунс-она хотела получить заверения, своим громовым голосом, от сотрудников, которые угодливо поспешил вперед, чтобы предложить свою помощь, что одежда может быть найден, что бы адекватно покрыть то, что она характеризуется как слишком большой зад. Пока она высказывала эти свои мысли, центр Честера замер. Как персонаж из мультфильма с Х.М. Бейтманом, я превращалась почти в ничто, когда другие клиенты и сотрудники вытягивали шеи, чтобы увидеть, что происходит.

деформированная часть тела и ее несчастный владелец, двери бухгалтерий и кабинетов менеджеров Открывались, и люди

выглядывали наружу с измученными заботами лицами, предвкушая то, что , вероятно, станет единственной забавой дня. Когда я возвращался домой, я, уединившись в своей комнате, осматривал, насколько мог, свою попку и не замечал ничего необычного в ее размерах. Я так и не смог рассказать маме, когда несколько лет спустя в Шрусбери моим маленьким задом восхищались многие мальчики постарше. Есть вещи, о которых нельзя рассказывать родителям.

В конце концов пришло время, когда сундук был отправлен по железной дороге, и меня отвезли в Честер Остановлюсь, чтобы встретиться со своими новыми одноклассниками и совершить медленное путешествие на поезде через Престатин и Колвин-Бей до железнодорожной станции Лландидно. Чтобы как-то скоротать время, я купил в книжном киоске на вокзале небольшой сборник анекдотов и карикатур , посвященных ресторанному бизнесу и заимствованных из него. Один из мультфильмов с тех пор остался со мной , и мне кажется, что в нем заключена одна из универсальных истин, хотя я и не уверен, какая именно. Посетитель ресторана обращается к официанту, выражая свое неодобрение блюдом, которое ставят перед ним , с помощью вилки и презрительного выражения лица. “Официант”, - говорит он. “Это слишком большое блюдо. Это не омлет, это знак ’о”.

По прибытии в Лландидно-Джанкшн мы разделились на пары и прошли маршем около мили до школы. Меня поставили в пару с мальчиком по имени Уорбертон которому было поручено познакомить маленького Рейвенскрофта со многими обычаями и курьезами жизни в пансионе

школа. Первое, что сказал мне Уорбертон, пробрало меня до костей. По его словам, у французов есть слово, которое они используют в повседневной беседе, и которое, по нашему мнению, в благопристойном обществе практически невозможно произнести. Когда я стал выпытывать у него подробности, он сказал: “Пи-пи” - и отвернулся. Я восхищался его утонченностью чувств, и мы продолжили наш путь до школы в молчании.

Школа Вудлэндс в Деганви имеет более чем пятидесятилетнюю

историю и является одним из многих подобных учебных заведений в округе. С таким же успехом меня могли отправить в Райдал, Эпворт, Херонуотер или Тре-Арддур-Бей и даже не удосужился спросить кого-нибудь, почему именно Вудлендс. Директор был капитаном. Ллойдом и главным из учителей были мистер Брук — родственник, как мне сказали, покойного Руперта Брука — и мистер Гибсон, от которого пахло пьянящей смесью фруктов и карандашной стружки. Также был некий мистер Ллойд (не родственник) , владелец довольно замечательного “Даймлера ” с датчиком температуры воды, установленным на капоте.

Очевидно, что гораздо большее значение для меня, чем персонал, имели мои сокамерники. Единственное другое новый мальчик этот термин, и единственный человек, вне моей ближайшие родственники, что я знал до середины двадцатые годы, с кем я продолжаю общаться, был Воробей Харрисон. Несмотря на то, что никто никогда не был известен по именам, и, на самом деле, я даже не знал имен мальчиков , которых считал своими лучшими друзьями, Спарроу всегда был Воробей. До лета 2004 года я всегда считал, что Спарроу - это имя, данное моему другу при рождении, и даже гордился этим. Каким-то образом я обнаружил, что на самом деле у него есть другое имя.

имя менее славное, чем Спарроу, но похожее на него, но для меня он остается и всегда будет оставаться Спарроу.

У Спарроу есть прошлое, которое включает в себя довольно знатное происхождение, очень сильное заикание и создание организации, помогающей людям преодолеть, как и у него , этот недостаток, а также дружбу с Крэями. Последнее объясняется скорее увлечением Спарроу боксом — он боксировал до шестидесяти лет, — чем какой-либо связью с организованной преступностью, и именно его занятия боксом сделали его таким полезным другом в Вудленде. Травля была широко распространена в школе, а в некоторых ее наиболее жутких формах - довольно изощренной. В нашем первом семестре мы со Спарроу стояли и смотрели, как мальчика , которого сверстники считали заслуживающим наказания, привязали к железным перилам, тянувшимся вдоль неровного участка земли, на котором

мальчишки прокладывали туннели, рыли траншеи и строили из них шалаши, засыпанные палками, дерном и глиной-этого сегодня не допустили бы ни в одной школе ни охрана труда, ни техника безопасности. Как только несчастного юношу привязали к забору, к нему приставили изогнутый кусок гофрированного железа, возможно , оставшийся от бомбоубежища времен войны , и, в свою очередь, закрепили его, прежде чем забросать кусками земли и камнями. К счастью, я не сделал ничего такого, за что меня могли бы наказать, но , должно быть, это было мучительно и страшно для тех , кто подвергся такому наказанию.

Еще одна популярная форма травли, которую я так и не смог определить, называлась ‘путо’. В этом случае жертву укладывали на спину на маленький столик , привязывая руки и ноги к его ножкам, а затем кто -нибудь, сведущий в этом искусстве, барабанил, и барабанил, и барабанил по его животу. Поначалу незадачливый мальчик мог напрячь мышцы живота, прижимаясь к

нападал, но в конце концов сдался под неумолимую, хотя и не особенно яростную барабанную дробь. Опять же, я никогда не испытывал этого ни как барабанщик, ни как барабанщица-пара, но те, кто испытывал, уверяли, что это было крайне неприятно.

Но в основном травля была довольно обычной: самыми распространенными формами ее выражения были пинки, побои и дерганье за волосы. Моим главным мучителем — как и большинства моих друзей — был придурковатый мальчик по имени Бардсли. Ходили слухи, что семья Бардсли занималась строительным бизнесом в районе Манчестера. В того, казалось, что большинство мальчиков в Woodlands вышли из Манчестер и большинство из них были болельщиками “Манчестер Юнайтед”, поэтому он не был удивительно, что я произвел необходимый скачок воображение и предположил, что Бардсли был сам организации сторонником. В этом предположении, вероятно , кроется мое постоянное отсутствие энтузиазма по отношению к тому, что стало не столько местной футбольной командой, сколько глобальным бизнесом, расположенным в Манчестере.

Прежде чем я еще больше разозлю болельщиков “Манчестер

Юнайтед", я должен рассказать вам о наших друзьях Чарли и Элисон.

В первые дни существования Radio 1 мне было высказано предположение, что с моей стороны было бы несколько неуместно слишком хорошо знакомиться с любым слушателем , который мог бы связаться с нами по почте. Я так и не выяснил, что именно стояло за этим, но предположил, что это соответствовало традиционному мышлению Би-би-си и, возможно, было результатом опасений, что слишком близкие отношения со слушателями могут привести к тому, что они будут держаться за руки до свадьбы или даже, в крайнем случае, целоваться. В любом случае, это было предложение, которое я полностью проигнорировал, и в результате

со многими людьми, которых мы с Шейлой считаем своими самыми близкими друзьями, я познакомился таким образом. Были и другие, Я должен признаться, с кем я действительно держался за руки, но подробности этих отношений я опубликую в закрытом разделе в конце книги. Излишне говорить, что большинство входящих писем , адресованных мне на Radio 1, касались записей, которые я крутил в эфире, и были написаны, в основном, людьми, которые ждали до десяти лет , прежде чем решились связаться со мной. 'Что, - хотели бы знать корреспонденты, - было названием регги-трека, который вы исполняли, возможно, осенью 1971 года, и в котором было слово "Jah"?" Ты сыграл ее как раз перед выпуском длинной пластинки, в которой много гитарных партий". Но однажды среди писем и открыток такого рода обнаружилось письмо со штемпелем Маразион в Корнуолле Почерк был пропорциональным и необычайно округлым и, как мне показалось, свидетельствовал об оптимистичной и экстравертной личности. Оно было от пятнадцатилетней девочки по имени Элисон Мартин, которая была более заинтересована в том, чтобы рассказать мне о своей жизни в Корнуолл, чем расспрашивать о старых записях регги со словом "Jah", поэтому я написал в ответ, положив начало переписке, которая продолжалась до тех пор, пока однажды вечером так называемое роуд-шоу Джона Пила не привело студентов в замешательство. Манчестерский политехнический

университет из-за того, что у них не было ни одной записи, которую они хотели послушать. Когда я извинялся за свою неадекватность перед недовольными клиентами, чья-то рука схватила меня за плечо, а ее обладательница крикнула: “Привет, премьер-министр Элисон из Marazion’. Я посмотрел вниз и увидел женщину , которая показалась мне очень похожей на кого-то из Марацион стоит посмотреть. Она была невысокой и темноволосой,

у него было больше волос, чем казалось разумным, и Фаст стал другом семьи и постоянным гостем в нашем доме в восточноанглийских пустошах.

В какой-то момент 1990-х годов Элисон позвонила мне по телефону и призналась, что встретила человека, который, как она подозревала, может оказаться тем самым Во—первых, что его звали Чарли, но — и, о Боже, она боялась, как я на это отреагирую , - он был болельщиком “Манчестер Юнайтед”. Я сказал ей, что она должна немедленно прекратить отношения, иначе рискует оказаться ввергнутой во внешнюю тьму, где все сметается и раздается зубовный скрежет.

Элисон, конечно, проигнорировала меня. В конце концов, они с Чарли поженились, и теперь у них трое детей (недавно она призналась, что все ее тесты на беременность проводились в нашей ванной на первом этаже), и я смирился с Объединенным бизнесом , осознав, что все братья Чарли, его отец и предки восходят к далеким временам до нашей эры.- история поддержала клуб. Таким образом, он не из тех несчастных неадекватов , которые поддерживают “Юнайтед” только потому, что их собственная жизнь настолько не омрачена успехами, что им нужно где-то, как-то связать себя с заметным успехом. Чарли также хватает хороших манер, чтобы не упоминать об этом, когда “Юнайтед” побеждает. “Ливерпуль” и я изо всех сил стараемся отвечать взаимностью, хотя в последние сезоны это не было большой проблемой

.

ОН такой…

Что он делает?

Глава третья

Все письма домой из Вудленда прочитывались кем-то из персонала перед отправкой, поэтому предупредить моих родителей о том, что надо мной издеваются, было невозможно . Иногда , однако, удавалось вложить в запечатанный конверт плотно свернутый крик о помощи , и мама помнила, как плакала , читая одну из этих, возможно, заплаканных записок, и умоляла отца что-нибудь с этим сделать. Оглядываясь назад, трудно представить, что это могло быть за “что-то”, и отец ограничился тем, что посоветовал мне хорошенько врезать мальчику Бардсли по носу. Хотя литература того времени была наводнена парнями с льняными волосами по имени Джек , которые проделывали подобные вещи ни с того ни с сего, один взгляд на задумчивого громилу, которым был Бардсли , подтвердил мне, что нападать на него было неразумным решением. Однако, в один прекрасный день я пошли в верхние комнаты, где обе Фрэнсис и я были свои шкафчики (76 и 54), и нашли моего брата в слезах, как Бардсли практикуется один или другие его примитивные технологии на Франк

миниатюрный человек. Вспомнив слова отца и подумав обо всех парнях, которые от всего сердца поддержали бы мою политику, я изо всех сил ударил хулигана по лицу. Я хотел бы записать, что он сел на холодный каменный пол и зарыдал, прежде чем обратиться к Иисусу и посвятить остаток своей жизни добрым

делам, но он просто выглядел испуганным и вышел из комнаты. Удивительно, но с тех пор он больше не подходил ни к кому из нас

.

К тому времени, когда Фрэнсис присоединился ко мне в Вудлендсе, капитан Ллойд ушел в отставку, и его место занял дуэт, полковник Синкер и преподобный Брук. На некотором расстоянии самым интересным из них был Преподобный Брук. Это был дородный человек, чья верхняя одежда неизменно свидетельствовала о том, что он недавно ел, до такой степени, что разум настаивал на том, что питательный бульон можно получить только из его священнического нагрудника. С тех пор как я сам достиг шестидесятилетнего возраста, я пришел к пониманию того, что бессмысленное распределение продуктов питания вокруг человека имеет пугающую неизбежность. Глядя на перед своей футболки, когда Я пишу, вижу следы обеда, в том числе кусочек вкуснейшей подливки длиной в дюйм, и внезапно, спустя пятьдесят пять лет, испытываю что-то вроде симпатии к моему бывшему директору.

Насколько я помню, темой Брук было Латынь, но на его долю также выпало руководить избиениями и предупреждать нас о тех, ужасных изменениях , которые вот-вот произойдут в наших телах. У некоторых моих друзей эти изменения уже шли полным ходом, и один из них, Паттерсон, уже мог мастурбировать, чтобы получить потомство. Я, несмотря на часы одиночества , посвященные самоистязанию, не смог добиться ничего, кроме алой крайней плоти и утешения

на

себя за свою сексуальную несостоятельность из-за того, что я начал курить. Это оказало положительное влияние на то, что я на всю жизнь отказался от серьезного курения, и когда я бросил Ради Шрусбери я был рад полностью отказаться от этого занятия. Ну, я говорю “полностью”, но я действительно курил трубку в середине шестидесятых , когда пытался продавать страхование урожая на Западе. Техас. Я сделала это, потому что ошибочно

полагала, что курение трубки придаст мне утонченный вид и, следовательно, сделает меня более привлекательной для деревенских девушек, которых кормили кукурузой, с которыми я сталкивалась в маленьких городках , которые посещала. Я отказался от практики, когда я сбросил миску с горячей золы в коленях при приближении Абилин и признали, что курение неквалифицированно а трубы во время вождения потенциально смертельным в как краткосрочные, так и долгосрочной.

Достать сигареты в “Вудлендс” никогда не было просто, и тем из нас, кто курил , приходилось довольствоваться окурками, которые мы находили выброшенными на школьной территории, - до тех пор, пока кто—то не догадался, что вместо них можно курить промокательную бумагу. Это также имело то преимущество, что мы могли делать это в помещении, и ученику было бы уместнее иметь при себе промокательную бумагу, а не треть брошенного “Крейвена А”. Таким образом, мы втроем или вчетвером собирались у камина в школьной библиотеке и относительно безнаказанно зажигали огонь. За несколько недель мы пришли к выводу, что разные цвета промокательной бумаги дают разные вкусовые ощущения и что, хотя все виды промокательной бумаги довольно хороши, некоторые из них лучше других. ‘У Рейвенскрофта есть немного красного”, - распространялся слух, когда мы направлялись в библиотеку, с горящими глазами при мысли о том, что нас ждет впереди. Очевидно, все промокательные бумаги

на вкус он был таким же — ну, как жженая промокательная бумага , на самом деле, — но я распознал подобное жульничество много лет спустя, в Лондоне шестидесятых, когда курил травку с другими хиппи. Честно говоря, я никогда особо не увлекался курением смолы, так как от нее меня почти всегда тошнило, но всякий раз, когда кто-нибудь объявлял, что мы курим перуанскую Черную или какую-то другую, считавшуюся лучшей маркой, я вспоминал “Вудлендс” Школа и старая афера с промокательной бумагой.

В последнюю неделю пребывания каждого мальчика в школе Вудлендс его вызывали в инспекцию по надзору за детьми в

кабинет Брук для проведения мероприятия, которое можно было бы условно назвать ‘половое воспитание’. Нет никаких сомнений в том, что нам это действительно было нужно. Мы слышали, что мастурбация, которой мы предавались при любой возможности, приводила к ухудшению зрения, появлению пигментных пятен, округлению плеч и быстрому ухудшению психики, но, кроме этого , мы почти ничего не знали. Время от времени среди выпускников распространялись слухи. “Девочкам, - взволнованно заявлял кто-нибудь, - в школе запрещено носить расчески с длинными ручками”, и мы обменивались понимающими взглядами, даже не понимая до конца, какое значение может иметь эта информация. Боюсь, Брук мало что сделал для прояснения ситуации, возможно, потому, что сам он на самом деле мало что знал о сексе.

‘Когда ты придешь в свою следующую школу, - говорил он, - ты обнаружишь, что, если у тебя уже есть кувшин , наполненный водой, и ты добавишь в него еще воды, он переполнится. Что ж, удачи (сверяется с листком бумаги). в Шрусбери. Приезжай как-нибудь навестить нас. До свидания. Если бы не один или два счастливых случая за прошедшие годы, я легко мог бы напугать Шейлу в нашу первую брачную ночь, сказав

обаятельно улыбаясь и воркуя, чтобы я поднялась наверх и приготовила кувшин с водой.

Хотя несколько моих друзей признались , что у них есть сестры, ни один из них не был готов обсуждать различия, которые они могли бы заметить — как бы это сказать? — в тонкой географии их подпупочных областей, и я понятия не имел о точной природе этих различий, пока однажды днем недалеко от Ладлоу.

Я гостила у своей крестной матери Этлин в ее великолепном доме Эшфорд-мэнор. Поместье показалось мне настолько великолепным, насколько только может быть великолепен дом, и позже в моем воображении оно стало заменять замок Бландингс и все другие величественные дома , о которых писал П. Г. Вудхаус. Перед домом было невообразимое количество лугов и озеро, по-моему, с небольшим островком посередине . Во дворе стоял

ветхий старый дом конца двадцатых годов постройки. Bentley, который тогда рассматривался скорее как довольно необычный и желанный подержанный автомобиль, чем как возможность для долгосрочных инвестиций. Рядом с ним в вечной грязи тонули останки предшественника Frazer Nash с цепным приводом. Этлин была замужем за Китом, который зарабатывал на жизнь составлением букетов и у которого из ушей торчало огромное количество волос. Несмотря на чудесный дом, ходили слухи, что семья всегда испытывала серьезную нехватку денег, вплоть до того, что Киту приходилось зимой стрелять белок на горшок.

Трудно представить, что какой-нибудь пятнадцатилетний подросток в наши дни стал бы играть в прятки, но именно этим мы и занялись в тот чудесный летний день. В частности, мы — дети Этлин, их друзья (все это ранее было мне неизвестно) и я — сыграл в прятки, в которых любой, кто найдет

тот, кто это делает, остается с ними до тех пор, пока их не найдут остальные. Я не помню подробностей , но думаю, что последним к этой хохочущей толпе присоединится именно Он для следующей игры. В любом случае, когда мне выпало стать им, я, Я спрятался в туалете на улице и стал ждать , когда меня обнаружат. “Здесь они меня никогда не найдут”, - думаю я. “- подумала я, издавая тот зловещий смешок, который так напугал маленькую Мэйзи Чемберс той ноябрьской ночью давным-давно”. Пять или десять минут спустя дверь открылась, и девушка, имя которой неизвестно, проскользнула в затемненный туалет рядом со мной. Прежде чем дверь закрылась полностью, она объявила , что отчаянно хочет уйти, и, стянув трусики, села , не обращая на это внимания, на унитаз. За все мои пятнадцать лет ничто не подготовило меня к тому, что я увидел, когда дверь закрылась и погас свет. С гордостью могу сказать, что у меня хватило самообладания не закричать вслух, и я благодарен судьбе за то, что не рухнул на землю в припадке гнева, но я знал, что что-то было не так. Ужасно, ужасно неправильно. Что, во имя всего святого, случилось с бедным ребенком? Должен ли я покинуть свое укрытие и позвать на помощь? Эти и другие, более мрачные мысли проносились у меня в голове , пока мы ожидали прибытия третьего прятальщика. Прошло шесть лет, прежде чем у меня

случился второй подобный опыт, но к тому времени, когда он случился, я был более чем готов к нему, хотя сначала мне пришлось совершить что—то вроде экскурсии с гидом по окрестностям . Но я часто задавался вопросом, кто была эта девушка и понимала ли она, какое влияние оказала на мое юное воображение. Если она читает эти строки, что ж, спасибо вам, мэм.

x

95

Мы ехали проселочными дорогами, чтобы не простоять весь день в пробке, но эта стратегия не сработала. Где-то к югу от Стоу-он-те-Уолда мы застряли в веренице машин, которая каждые полчаса увеличивала скорость на милю, и так и не поняли, почему. Мы с Шейлой гадали, где же Стоу. У Мадонны было поместье, и не она ли распорядилась перекрыть дороги общего пользования на случай , если кто-нибудь увидит ее в шортах? Я напомнил Шейле, что общественный пешеходный переход проходит так близко к нашему дому, что люди, пользующиеся своим неотъемлемым правом на передвижение , имеют неплохие шансы увидеть того или иного из нас в туалете, и мы также задались вопросом, каковы были бы шансы, если бы мы попытались перекрыть эту пешеходную дорожку. Мы пришли к выводу, что это нехорошо.

К половине шестого вечера того же дня мы добрались до места назначения - Истнорского замка, где располагался Большой Фестиваль “Чилл”, на котором у меня было запланировано прослушивание пластинок через час. Несколько лет назад я целый час бродил зигзагами по площадке, неся смехотворно тяжелую прозрачную коробку для пластинок, которая, как мне казалось, наконец-то после стольких лет работы придаст мне чертовски крутой вид, и был не в самом приятном расположении духа, когда подошел к коктейль-бару Finlandia. Ну, я и так был не в лучшем настроении. Когда мы стояли снаружи, осматривая открытый шатер в поисках эквивалента входа для артистов, кто-то в толпе снаружи заметил нас и начал аплодировать. Через несколько секунд к ним присоединились еще несколько сотен

посетителей фестиваля . Такое, думал я, случается только в Клиффе Фильмы Ричарда. - Они, наверное, думают, что ты Боб - Харрис, - прошептала Шейла. Я хмыкнул, и мы направились в палатку.

36

Меня часто принимают за Боба Харриса, несмотря на то, что мы совсем не похожи. Он стройнее и рыжее, чем я, и выше ростом, но не проходит и недели, чтобы кто—нибудь не сказал мне: “Я тебя помню. Знаете, раньше я никогда не пропускал тест на свисток .” — Я действительно верю, что вы меня убедили”, - начинаю я, но меня снова прерывают. - Да, никогда не пропускал. А как насчет того времени (укажите имя занудного прог-рокера семидесятых на ваш выбор), которое тогда было в ходу?” По крайней мере, однажды, в пабе на севере Лондона, где довольно грубый шотландец опознал во мне Боба и все больше возмущался, когда я настаивал, что это не так, я был вынужден признать, с усталым , но, надеюсь, не горьким смешком и пожатием плеч, что я действительно Боб Харрис и что я рад, что ему так понравилась программа. Я спросил Боба, встречал ли он когда-нибудь кого-нибудь, кто верил бы, что он - это я. Он заверил меня, что это не так. Позже я утешал себя мыслью, что Боба, вероятно, никогда, по крайней мере в последнее время, не спрашивали озабоченные режиссеры , не возражал бы он поставить несколько скучных пластинок, чтобы успокоить перевозбужденных танцоров на площадке, как это было со мной . Еще меня пригласили поцеловать крупного, румяного и потного мужчину, чего я не делала с подросткового возраста. Я приняла приглашение под одобрительные крики. Когда Боб Харрис в последний раз целовался с мужчиной на сцене, а?

*

Я уехал из Вудлэндса в конце пасхального семестра в 1953 году, так и не преуспев в мастурбации , но избежав — с течением времени — позорного клейма первого мальчика, который ушел из школы, не имея

успешно сдал экзамен по плаванию. Я виню свою мать за то, что я не делал различий в бассейне и на пляжах, поскольку она считала, что лучший способ научить плавать совсем маленького ребенка - это отнести его в море и бросить в волны. Она сделала это в Роснейгр, когда мне было четыре или пять лет, привел к откровенно катастрофическим последствиям. Я мгновенно скрылся из виду, и через несколько секунд меня выловили из воды с твердым намерением никогда больше не опускать голову ниже поверхности воды. Поскольку я провалил тест по плаванию — один из этапов школьного бассейна — по меньшей мере в полудюжине случаев, школьным властям, наконец, надоело ходить вокруг да около, и, когда остальная часть школы садилась обедать, меня отвели к бассейну, опустили в воду и заставили проплыть всю длину, с палочками-выручалочками по обе стороны от меня, проинструктированными отталкивать меня назад, если я попытаюсь пробраться в сторону.

Тем летом мы, как обычно , остановились в Красном доме на Лайон-Рокс в конце Брод-Бич, Роснейгр. Годы спустя мы с Фрэнсисом провели две самые печальные недели в нашей жизни в трейлере, припаркованном на открытой местности на другом конце пляжа, пока отец пытался убедить нас — и, я полагаю, самого себя, — что можно сохранить видимость нормальной жизни после того, как их с мамой пути разошлись. Я до сих пор чувствую угрызения совести из-за того, что мы дразнили его из-за комочков в заварном креме.

В конце лета я поехала в Шрусбери Школа. По традиции, меня сняли на день раньше, чтобы я, насколько это было возможно, акклиматизировался. Отец и мать оба присутствовали на этом странном и ужасном дне, в конце которого я

был оставлен в помещении, которое называли домом ожидания. Это было через дорогу от дома, для которого я был предназначен,

Риггс-Холла, и за ним присматривал Эй Джей Хаггер. Надо сказать, что этот Хаггер и У меня никогда по-настоящему не ладились отношения. Хотя для настоящих целей было бы полезно попытаться, как это делали многие другие автобиографы в прошлом, выдать себя за бунтаря, человека, пренебрегающего условностями, выступающего против всех, корни конфликта Хаггера и Рейвенскрофта Дж . уделяйте внимание более нескольких секунд за раз. Оглядываясь назад, я скорее подозреваю, что на самом деле провалил общий Вступительные экзамены, которые я сдавал в Вудленде, чтобы поступить в Шрусбери, прошли успешно, потому что мой отец, дядя Билл и оба деда учились в этой школе и отбывали там свой срок без каких-либо отличий. В тот первый семестр я поборол эту семейную склонность, оказавшись на последнем месте в школе.

Меня перевели в Третий класс, что, несмотря на то, что звучало так, будто, каким бы плохим оно ни было, было, по крайней мере, лучше, чем в первом или втором классах. Это было не так. В школе не было ни Первого , ни Второго класса, а Третий класс был, по сути, примерно эквивалентен тому, что в других местах называется коррекционной формой. Если быть честным с братьями, то лишь немногие из нас были по-настоящему глупы. Просто наши мысли были заняты другим, и я втайне гордился тем, что был одним из лучших в школе. Я пытался убедить своих родителей, что это дало мне преимущество, которое можно было превзойти, только став лучшим в школе, что, как я утверждал, они должны были признать, маловероятно. Я отметил, что это также означало, что я стал лучше относиться к своей задаче.,

чтобы они могли избежать Дня выступлений, когда существовала многовековая традиция, по которой вся школа проходила мимо директора и ‘надевала шапку” на него. (‘Шапка” - это форма приветствия, которая включает в себя прикосновение к затылку в том месте, где должна была быть шапочка, если бы мы не перестали ее носить во времена правления Вильгельма и Марии. Предполагалось, что вы будете наказывать любого сотрудника , с которым столкнетесь, независимо от того, где вы с ним столкнетесь . За невыполнение этого требования, как я полагаю, вас будут избивать. В большинстве случаев так и было. Подробнее

об избиениях в ближайшее время.) Предполагалось, что родители соберутся перед зданиями школы, чтобы стать свидетелями этого чрезвычайно утомительного парада, и я заверил их, что мама и папа будут благосклонно относиться ко мне за то, что я освободил их от этой утомительной обязанности. Увы, мои родители не были убеждены. Годы спустя я попытался избавиться от некоторых из многочисленных призраков, накопившихся за годы учебы в Шрусбери , согласившись выступить на утреннем собрании в Итоне. Честно говоря, утро прошло как в тумане, но я помню, как мне сказали, что ученикам предложили какую-то альтернативу собранию. Я только предполагаю , но, вероятно, это было что-то формирующее характер, вроде того, как меня поднимали на борт морские резервисты в старинных костюмах, так что мое собрание собрало довольно много народу. Я уверен, что не сказал ничего интересного или забавного, но после этого меня провели краткую экскурсию по колледжу — вероятно, это должен быть Колледж — и меня особенно поразило одно здание, в котором самые способные студенты были собраны вместе для их же собственной защиты. Как мне объяснили, они были так заняты переводом трудов малоизвестных центральноевропейских философов на ассирийский язык, что у них в голове и

такие вещи, что они не только не знали , как укрыться от дождя, но и довольно часто натыкались на кирпичные стены и падали с лестниц. “Мы были такими в третьем классе”, — подумал я про себя и почувствовал почти гордость, когда повернулся спиной к зданию, которое называлось как—то странно — как бы это сказать - Мотылек, что ли, или Сточные канавы.

В ответ на все мои ошибки Хаггер избивал меня. Это были довольно неформальные избиения, во время которых мы оба оставались полностью одетыми. Мне не очень нравилось, когда меня били, и в дальнейшей жизни у меня так и не появился к этому вкус , но я определенно привык к этому. Дома, Мать регулярно била меня с самого раннего возраста. Годы спустя она объяснила, что не хотела, чтобы я вырос неженкой . Эти побои были неформальными, поскольку не было определенного количества ударов, но формальными, поскольку они были результатом довольно ужасного ритуала. Если Трейдер считала,

что я в чем-то провинился, она подходила к подножию лестницы и выкрикивала слова: “Ты здесь?’ Если моя мама слышала ее со своего места, где она лежала на кровати и читала романтическую литературу, она выбегала из комнаты, пробегала по коридору и спускалась по лестнице, на бегу хватая 1) ремень и 2) меня. Затем меня отволокли в столовую, наклонили над столом и били до тех пор, пока маме это не надоело. Вопросов не задавали. Достаточно было того, что Трейдер крикнул: “Ты здесь?’ Если мама не слышала вопроса, я оставался безнаказанным. Мне казалось , что в этой форме правосудия есть что-то привлекательное, средневековое.

Большинство побоев, которые я получал от мистера Хаггера , были за проступки, которые можно было бы назвать правонарушениями

4]

ни в каком другом месте на Земле — за исключением, пожалуй, еще одной государственной школы. Наша жизнь была окружена системой правил и привилегий, равных которым не было за пределами армии и, как это также имеет место в В армии невозможно было прожить и дня , не нарушая правил и не пренебрегая привилегиями. Некоторые из них были настолько загадочными, что я по сей день не знаю, что они означали. Например, я полагал, что только ученикам Первой восьмерки школы разрешалось носить часы на носках. Если у вас есть какие-либо идеи о том, что это значит, я бы предпочел, чтобы вы держали эту информацию при себе. Мне нравится картинка часов на носках, которая была у меня в голове в течение пятидесяти лет , и я не хочу, чтобы реальность испортила ее. Существовали дорожки и коридоры, по которым вам не разрешалось разговаривать, держать руки в карманах или, в некоторых случаях, ходить, и на которые накладывались бессмысленные ограничения в виде двадцати минут между девятью тридцатью и девятью пятьюдесятью вечера, официально отведенных для “гуляния’. К сожалению, это не дало возможности осуществить то, что в словаре Chambers описывается как “шлифовка путем вдавливания между твердыми, шероховатыми поверхностями или более или менее аналогичные операции”, хотя, что интересно, это довольно точное описание того, что происходило. Фрезерование

состояло из грубых игр, в которых использовались свернутые носки, импровизированные мячи, безрассудные прыжки через железные кровати и под ними, а иногда и то, что можно было бы счесть чрезмерным физическим контактом. Риггс был единственным Домом, где разрешалось фрезерование, и в результате нам очень завидовали.

Излишне говорить, что у нас, новичков, было гораздо больше дел, чем школьные занятия и свободное развитие в трех направлениях: бегать, ездить верхом и плавать, как того требовала молитва. Нам также приходилось справляться с доулингом,

цветовые пробы и, если только нам не посчастливилось сильно искалечиться, любовь к себе.

Мои умные друзья сказали мне, что “доулинг” происходит от греческого слова, обозначающего раба, и в первые два года обучения в школе тебя мог заставить выполнять практически любое задание либо староста дома — их называли наставниками — либо твой наставник в учебе. Эти задачи могут варьироваться от варки яиц до выполнения чьей-либо ручной работы. Наблюдатели вызывали доулов, выходя в коридор и выкрикивая либо “Дддддддоооооооуууууууууууууууу”, либо “Доул -доул-доул-доул-доул-доул”. Во-первых, вы должны были бежать к монитору независимо от того, что вы делали, во -вторых, вы бежали только в том случае, если вы еще не были заняты школьной работой или выполнением задания для какого-нибудь другого подчиненного. Оглядываясь назад, кажется удивительным, что хоть кто-то в здравом уме хоть минуту мирился с этим, и удивление возрастает, если учесть, что все отцы-основатели Private Eye учились в школе, хотя и в разных учебных заведениях, и, предположительно, работали в системе как помощники и контролеры.

Когда все доступные доулы выстраивались в очередь, дежурный обычно выбирал ту, которая приходила последней, или, по желанию, самую симпатичную, чтобы почистить обувь, погладить форму кадетского корпуса, сбегать куда-нибудь с сообщением. Все это было вполне терпимо.

Наблюдатели за исследованиями предъявляли невыносимые требования . В исследовании могли участвовать три или четыре человека, старший из которых был наблюдателем, а младший - помощником. Мальчик по имени Кокс в течение года наблюдал за моими занятиями, и среди заданий, которые он мне регулярно поручал, была чистка шин его велосипеда. Когда он находил их достаточно чистыми и блестящими, он брал свой велосипед на прогулку.

немного покрутился в грязи, прежде чем предложить мне начать все сначала. Каким бы сильным ни было искушение послать его на хуй, это привело бы к серьезному наказанию. Однако в настоящее время я работаю без таких ограничений, так что: Иди на хуй, Кокс.

Другой наблюдатель за учебой вынудил меня оказать еще более неприятную услугу во время того, что должно было быть временем для выполнения домашней работы. Этот период, в течение которого мы были ограничены учебой, назывался “лучшие школы”, но для моего наблюдателя за учебой это была ‘ручная работа’. Если по какой-то причине моему мучителю не требовалась ручная работа, возможно , потому, что он уже заставил другого маленького мальчика сделать это, он отдавал меня взаймы одному из двух своих друзей, и я был обязан обслуживать их вместо него. Этот человек — и хотя меня так и подмывает назвать его по имени, я не собираюсь этого делать — был, по-моему, единственным по-настоящему аморальным человеком, которого я когда-либо встречал. Ближе к концу нашего совместного пребывания он вынудил меня согласиться встретиться с ним в общественном туалете на кладбище на окраине Шрусбери, где он изнасиловал меня. Как ни странно, несмотря на то, что я ненавидел этот опыт, я думаю, что настолько привык к систематическому сексуальному насилию, что не был особенно травмирован этим опытом. Однако это было за много лет до того, как Я мог заставить себя рассказать кому угодно о том, что со мной произошло, и когда однажды днем в восьмидесятых я все-таки рассказал Шейле, своей жене, когда мы проезжали через Шрусбери и проезжали мимо кладбищенского туалета, я думаю, она была расстроена больше, чем я когда-либо.

Мы больше не говорили об этом.

Конечно, жизнь в Шрусбери не сводилась к тому, чтобы меня постоянно избивали. Из третьего класса я перешел в четвертый, а оттуда в Старший

Четвертая и, в конечном счете, Пятая. Я участвовал в каждой из них с одинаковым отсутствием отличий, хотя и выиграл первый приз в конкурсе эссе, в котором, как меня заверили, никто другой не участвовал. К сожалению, мои первоначальные мысли о том, что такое Каждый человек может сделать что-то для продвижения международного сотрудничества. Благодаря доброй воле я получил книгу карикатур, многие из которых я не понял, и они потеряны. Как и книга карикатур.

Надо мной все это время висела угроза поступления в университет. Как я теперь понимаю, у меня было несколько предвзятое отношение к университету. Университет для нас , казалось, означал Оксфорд или Кембридж, и люди , которые не смогли поступить ни в один из них, ни в другой, опозорив таким образом свои семьи, поступали достойно и поступали на службу в Кенийский стрелковый полк на пять лет. Я был совершенно уверен — и удивительно, что никто ни на каком этапе не пытался разубедить меня в этих представлениях, - что университет будет чем—то вроде жуткого слияния Шрусбери со студенческим королевством и что в свой первый день в качестве первокурсника — что бы это ни было — я буду вынужден стоять на четырехсотлетний дубовый трапезный стол и пение ‘В Городе есть Таверна’ на латыни. Веря в это так, как верил я, вы поймете, почему, когда кто-то сказал мне, что если я не поднатужусь в своих идеях и не займусь какой-нибудь работой, то не поступлю в университет, я поверил, что мне открыт секрет вечного счастья. Так что я совсем не развивал свои идеи и не занимался какой-либо работой. Вместо этого я позволил своей жизни измениться, услышав сначала Лонни Донегана, а затем Элвиса.

Глава четвертая

По странной иронии судьбы, сегодняшняя утренняя почта (август

16 декабря 2004 года) приносит не один, а два конверта из Шэрон Донеган, вдова Лонни. В одном из них рекламируется предстоящий мюзикл под названием “Лонни Д.” с участием Питер и Энтони Донеганы, скиффл-группа , выступающая вживую, и весь актерский состав второго плана. Премьера мюзикла состоится в театре Уитли-Бэй Плейхаус. Во втором конверте я получаю программку из Королевского театра Альберт-Холл, датированную понедельником, 21 июня. В тот вечер множество звезд отдавали дань уважения Лонни Донегану , и я должен был быть там. На самом деле, я вызвался выступить в качестве конферансье, но на обратном пути с фестиваля Sonar в Барселоне меня задержали проблемы с машиной на севере Франции. То, что давно пора отдать должное Лонни Донегану , не вызывало сомнений, и, по крайней мере, концерт в Альберт-холле прошел в одном из самых странных составов, которые я когда—либо видел - или , точнее, я полагаю, не видел. Там были Чез и Дэйв , а также Рольф Харрис, Джерри Марсден, Рик Уэйкман, Билли Брэгг, the Barron Knights,

Роджер Долтри, Джо Кокер, Ван Моррисон и многие другие. Этот состав , на мой взгляд, прекрасно иллюстрирует дилемму, лежащую в основе творчества Донегана. Интересно, что аналогичная дилемма лежала в основе музыки Элвиса. —

Первый хит Лонни, “Rock Island Line”, единственная из его записей, оказавшая большое влияние на В США, достиг британских чартов в первую неделю 1956 года, за четыре месяца до выхода альбома Пресли “Heartbreak”. Отель’. Думаю, я услышал это впервые, как и многие другие люди, в одной из нескольких программ Би-би-си “Семейные запросы”. Выбор домохозяек или любимое блюдо всей семьи.

Домохозяйки предпочли ежедневную утреннюю программу с приглашенным ведущим. Любой , кто в то время приезжал к нам инкогнито с планеты Збззз, услышав это, предположил бы, что домохозяйки - это своего рода ненормальное меньшинство и что свадебная церемония, через которую проходили почти все домохозяйки в пятидесятые годы, была частью процесса удаления части их мозга. Что касается того, почему это могло быть сделано, то, возможно, наш иностранец, приехавший с визитом,

должен был ответить нам на этот вопрос.

С другой стороны, у “Семейных фаворитов ” были постоянные ведущие, супружеская пара Джин Меткалф и Клифф Майклмор. В том виде, в котором я чаще всего это слышал, оно слегка трансформировалось в двустороннее семейное “Избранное” или даже, хотя и редко, в трехстороннее “Семейное избранное”. В двухсторонней программе приняли участие британские военнослужащие, проходившие службу в оккупированной Германии, и члены их семей. В трехсторонней программе также участвовали военнослужащие, дислоцированные на Кипре.

В обеих программах звучала довольно консервативная музыка, хотя следует помнить, что в то время было не так уж много популярной музыки, которая не была бы консервативной, и что “The forces” в любом случае редко становились рассадником радикализма. Гленн Миллер и его Оркестр играл очень много, как и Дорис Дэй, Гай Митчелл, Фрэнки Лэйн, Джонни Рэй и Уинифред Этвелл. Подборки из . Оклахома!, “Карусель” и другие популярные мюзиклы также были в большой ротации. (Все это произвело на меня такое сильное впечатление, что я и по сей день сохраняю особую привязанность к тому, что “в Канзасе все по-современному Песня “City” из Оклахомы!, особенно ее фальшиво-деревенская вторая строчка: “Они старались изо всех сил!’ Это “fur” каждый раз выводит меня из себя.) В передачах по запросу также было много легкой классической музыки — имя Рудольфа Фримля звучит здесь как—то странно, - и этому нетерпеливому и скептически настроенному подростку казалось, что ни одна программа не может выйти в эфир без “Монахинь’ Припев’ из того, что называется “The Nuns” Припев “из чего бы это ни было”.

В вышеупомянутый день Митчелл, Лэйн, Рэй и Этвелл записывались для Phillips Records, и вы могли бы в значительной степени оценить, насколько хорошо вы ладите с людьми, узнав, кто из пятерых им дорог. От меня, Гай Митчелл и Дорис. “Дэй” были неприемлемы — слишком, знаете ли, яркие и полезные, — хотя, должна признаться, я купила “Пурпурную корову” последнего из них. Ну вот, я уже говорила об этом. Из остальных мне больше всего понравился “Фрэнки Лэйн”. Мама повела меня

посмотреть на него в ливерпульский “Эмпайр” и там, где я ожидал увидеть слегка хулиганистую фигуру в соответствующей хулиганской одежде, я увидел слегка полноватого парня в костюме из светлого шелка, который

должно быть, ему было около тридцати. Голос Фрэнки по-прежнему звучал хорошо, и я покорно ждал у входа на сцену его автографа, которого так и не получил. Я сделал то же самое для Джонни Рэя, взволнованный высокомерным неодобрением прессы по поводу его чрезмерно эмоциональных выступлений, при таком же отсутствии успеха в плане раздачи автографов. С другой стороны, я видела, как девочки-подростки превращаются в крикунов, и была очень тронута этим зрелищем и звуком. Увы, мне так и не довелось увидеть Уинифред Этвелл. Однако у меня было большинство ее записей, и это единственные записи кого—либо из квинтета, которые все еще могут звучать довольно захватывающе - за исключением ‘Последний бой парня’ Фрэнки Лейна. Это по—прежнему актуально в любой компании, что , конечно, было выше возможностей Кида.

Но “Песня Лонни о Рок-Айленде” была чем-то другим. В ней была сила повествования ‘The Kid’s Последний бой”, сочетая это с ощущением пространства и свободы, своего рода духом “бери или не бери”, по сравнению с которым все, что было до этого, казалось переваренным и вызывающим клаустрофобию. Однако даже ‘Rock Island Line”, который был записан двумя годами ранее в рамках традиционной джазовой сессии Криса Барбера (Chris Barber Band traditional jazz session), по сравнению с первой песней Лонни “Pye Nixa 76”, практически превратился в ничто, ‘Lost John’ в сочетании с “Stewball”.

За несколько дней до смерти Лонни я со своими коллегами по Radio 1 Луизой Каттенхорн и Эрмитом Чадхой отправились посмотреть на короля скиффла в его Ноттингемском гостиничном номере. Он был накачан болеутоляющими . накануне вечером он, как обычно, провел полнокровные девяносто минут и выглядел серьезно больным, каковым, впрочем, и был. Но, тем не менее, он был добр

и забавлялся, и терпел, когда я уже не в первый раз рассказывала ему, как много значит для меня его музыка. Каким-то образом я поймала себя на том, что напеваю куплет из “Lost Джон’, которая начинается словами “Потерявшемуся Джону нужна своя пара ботинок”, и Донеган присоединяется к финалу: “Вы не могли бы сказать, кто из нас потерял Джона Гвайна. ‘Я пел с Лонни Донеганом”, - подумал я, когда мы уходили, и Лонни сказал мне, когда я закрывал дверь отеля, что при нашей следующей встрече он научит меня играть на гитаре. ‘Я пел с Лонни Донеган: “Если бы кто-нибудь сказал пятнадцати-По моей версии годовалой давности, это могло произойти, и трудно представить, каков был бы эффект

.

За Пай Никсой последовали новые поразительные рекорды. 15036. Были “Скиффл Сейшн” с его мрачной, желтоглазой “New Burying Ground”, “The storming” “Принеси немного воды, Сильви” и эта редкая вещь, пластинка Лонни Донегана, которая попала в чарты синглов Витрина. На этом Лонни достиг того, что я до сих пор считаю пиком его творчества, исполнив зажигательную версию избитой старой песни “Фрэнки и Джонни”, которую исполняет группа “скиффл”. Я проигрывал это десяткам людей, которые, если и были знакомы с Донеганом, то только по новинке “Теряет ли ваша жевательная резинка вкус Вкус?” и “Мой старик - мусорщик”, и они были поражены. Среди изумленной есть были прекрасные черные клавиши Омаха и Детройт Белые Полосы. Джек и Мэг были настолько впечатлены интенсивностью и самобытностью выступления Лонни в “Фрэнки и Джонни”, что единственными словами, которые произнес Джек, когда несколько месяцев спустя получал награду Brit Award, были: “Помни, Лонни Донеган начал это ради тебя”. И он это сделал.

x * x

С тех пор, как я был, ну, не знаю, примерно на таком уровне, я всегда описывал момент, когда я впервые услышал Выступление Элвиса по радио стало определяющим моментом в моей жизни. Это, безусловно, связано с тем, что я впервые увидел гол Шейлы и Алана Кеннеди в ворота “Реала” Во всяком случае, в Мадриде, на “Парк де Пренс”. Я слышал Элвиса, каким я, вероятно, впервые услышал Лонни, на Two-Way Family Favorites. Я уверен, что где — то там, в самых диких уголках Интернета , наверняка есть сайт, который точно рассказал бы мне, где и когда ставился “Отель разбитых сердец” — и для кого - но, знаете ли, жизнь слишком коротка. Я всегда считал, что эта запись была сыграна для Л/Бдр Хиггинса в BFPO 15, но, боюсь, это моя выдумка. Достаточно сказать, что Элвиса называли ‘новой американской певческой сенсацией’, и это, безусловно, попало в точку. Возможно, сегодня это звучит не слишком убедительно, но ‘Heartbreak Hotel” произвел на меня впечатление голого инопланетянина, который вошел в дверь и объявил, что он/она будет жить со мной до конца моих дней. Когда Элвис вошел, Фрэнки Лэйн и Джонни Рэй на цыпочках ушли, и все изменилось. В “Heartbreak Hotel” было что-то пугающее, что-то непристойное, что-то совершенно неподвластное контролю, и , хотя Элвис меня встревожил, я знал, что хочу большего. И я понял это. Я все еще мог бы спеть тебе каждую ноту каждой песни с того классического первого одноименного альбома и, возможно, однажды я это сделаю. Хотя другие рок-н- роллеры, в частности Джин Винсент, со временем взяли верх над Элвисом, единственный раз, когда я участвовал в серьезном аукционе, был случай, когда Элвис 45 на

Sun был выставлен на продажу. Имейте в виду, это был не просто старый Sun 45. Он был подписан группой Элвиса. Здесь были Скотти Мур (гитара), Билл Блэк (бас), диджей Фонтана (ударные), а Элвис подписал свой альбом в уголке рукава: “Элвис Пресли (певец)”. Я считал, что этой пластинке самое место в моем доме.

Не в силах справиться со стрессом, связанным с аукционом, и зная, что если я приду на него лично, то почти наверняка увлекусь и предложу больше, чем мы могли себе позволить, я попросил своего друга и литературного агента Кэт Леджер выступить от моего имени. Я с трудом могу заставить себя напечатать эти слова, но Кэт было разрешено предложить цену до трех тысяч фунтов. К счастью для меня, торги значительно превысили эту смехотворную цифру, и сейчас документ , вероятно, находится в банковском хранилище в Токио или Лос-Анджелесе. Где бы это ни было, оно не здесь, где ему самое место.

Ни то, ни другое вызывало удручающе мало интереса Лонни или Элвис в Риггс-холле, в школах, Шрусбери. На самом деле, там было много низкого-уровень враждебности к популярной музыке, да и вообще к классической музыке двадцатого века, в моем доме. В кабинете, где я находился, когда рок-н-ролл вошел в мою жизнь, предпочтение отдавалось записи “Садок, священник” Генделя из оперы “Коронация”. Георга VI и запись великолепной речи того же короля, произнесенной во время войны, в которой он процитировал стихотворение “Человек стоял у ворот года”.

В одну точку, отчаянно пытаясь обнаружить, кто-то кто ухаживал за Лонни, Элвис, Джин и остальное, я сделала несколько записей вместе, чтобы заседании то, что называется, с умышленным неуместность, в Высшее Общество. Я знал, что это было джазовое общество , возглавляемое чопорным юнцом по имени Коминс, который

был деканом факультета. Он был на редкость категоричен по

поводу записи, которую я взял с собой на встречу. Желая произвести впечатление на Общество, я взял с собой Я соединил “Sleep” Эрла Бостика и “Flamingo”, полагая, что в этом альбоме я нашел запись, которая поможет преодолеть пропасть между нами. Коминсу это совершенно не понравилось, он высказал несколько осуждающих мыслей по поводу широты тона Бостика, а затем указал мне на дверь. Безутешно возвращаясь домой, я размышлял о том, что бы сказали Комины о бешеной гонке Джина Винсента С Дьяволом”. Не так уж много, настаивал разум.

Помимо дьявольской музыки, главным утешением в жизни юного Рэвенскрофта Дж. Р.П. был футбол. Не столько профессиональная игра, которой, казалось, никто не интересовался (я болел за “Ливерпуль” с финала Кубка 1950 года, в котором они проиграли “Арсеналу” со счетом 2:0. В знак признания этого я не пускал в наш дом никого из болельщиков “Арсенала”, кроме Роберта Уайатта и Альфи, до середины матча).- 1990-е годы. Я до сих пор не уверен, что поступил правильно, изменив эту политику), но в том, что сыграл самого себя. Я был старомодный правого вингера —вы знаю, взять мяч к линии, пересекать ее, что-то вроде вещь— хотя я предпочел бы, чтобы играли на левое крыло эмуляции моего кумира детства, Билли Лидделл. Портрет Билли до сих пор висит в нашей столовой, и это был его первый автограф Я всегда коллекционировал. Во время моей первой в жизни самостоятельной поездки в На “Энфилде” я увидел, как Билли выходит из автобуса — в те дни игроки ездили на общественном транспорте — и схватил листовку социалистического еженедельника, Reynolds News и попросил его подписать ее. Я храню его в специальном месте в старом письменном столе моего отца, и это , пожалуй, самая священная вещь, которая у меня есть. Я носил его на

я, когда “Ливерпуль” обыграл “Реал Мадрид” в Финал Кубка Европейских чемпионов в Париже, как это было со мной, когда они обыграли “Брюгге” на “Уэмбли”. Я отправился на матч в Париж с Джоном Германом из “Эшафота”, сумев вылететь во Францию на самолете, на котором летели жены игроков. Мы с Джоном оба умудрились надеть красные брюки. Не могу сказать, что кто-то из нас выглядел в них очень хорошо.

После игры мы обнаружили, что присоединились к группе из двадцати или тридцати игроков , собравшихся отпраздновать победу. С этой целью мы пошли на то, что оказалось Байкерс-бар не далеко от Елисейские Поля. Будучи в некотором роде трусом, я нервничал по этому поводу, но оказалось, что парижские байкеры, несмотря на великолепную внешность, высокие скулы и безупречную кожу, — но были ли у них велосипеды, Я задавался вопросом? — были готовы уступить ликующему Болельщики “Ливерпуля”. Другие французы в баре не поддавались стереотипам и были щедры и дружелюбны. Они, как могли, присоединились к нашему пению и пивной драке, которая разразилась около двух часов ночи. После этого, промокшие с головы до ног, мы высыпали из бара на улицу, спели самую прекрасную песню “You’ll Never Walk Alone”, которую я когда-либо слышал, и разошлись по отелям, машинам, фургонам и кемпингам. Горман и я, совершенно случайно, остановились в том же отеле, что и команда “Ливерпуля”, и утром, спустившись к завтраку, нашли Билла Когда Шенкли на стойке регистрации оплачивал счет, собираясь выйти к карете, я бросился вперед и предложил донести его сумки. По-видимому, великому человеку это совсем не показалось странным, потому что он сразу согласился. Я считаю это своим величайшим спортивным достижением. Фотография Билла - это

единственную фотографию, которую разрешено повесить на нашей кухне. Как говорится, она у меня перед глазами, когда я пишу, и я только что пересек комнату, чтобы проверить подпись. Надпись гласит: “Менеджер “Ливерпуля” Билл Шенкли поддерживает кампанию по расширению спортивных сооружений в городе”. Кроме него, на снимке обычные люди. Мы с ливерпульцами часто задумываемся, кто же они такие, особенно тот парень слева, который смеется над тем, что говорит Билл. Поскольку они работают на нашей кухне уже лет двадцать, а то и больше, мне кажется, что я их все равно знаю. Наша дочь Флоренс, недавно окончившая Ливерпульский университет, названа в честь Шенкса. Флоренс Виктория Шенкли Рейвенскрофт — теперь у нее есть имя , с которым стоит считаться. Размышляя о нелепостях современной игры, я задаюсь вопросом , смог бы Билл найти свою роль в футболе в 2005 году? Захотел бы он

этого?

В 1978 году я был на матче на “Уэмбли” в одиночку и стоял в одиночестве на стадионе “Коп”. Когда Далглиш забил свой победный гол, огромный парень , стоявший передо мной, повернулся и прыгнул в мои объятия, когда мы все рванулись вперед. Под его весом я упал на землю и на мгновение испугался за свою безопасность. Я вспоминаю о своих повторяющихся проблемах со спиной с этого момента, но мне было все равно тогда, и мне действительно все равно сейчас. Я редко испытывал такую радость. Люди говорят, - Но, Джон, конечно, рождение твоих детей… ?’ Близок, признаю, но голы Далглиша и Кеннеди возглавляют этот конкретный рейтинг. ‘А как насчет того, когда вы с Шейлой поженились?” - настаивают они, но я увлечен беседой с кем-то еще, возможно , об изречениях Конфуция, но, скорее всего, нет.

Мой собственный футбол, увы, был плачевным, хотя в конце концов я получил цвета своей домашней команды

5$

в Шрусбери. Я знаю, что это было сделано скорее за отвагу и упорство, чем за то, что я внес какой-либо серьезный вклад в игру. С годами у меня развилась способность бить по мячу очень сильно и очень точно. Я оттачивал эти навыки задолго до того, как отправился в Шрусбери, на Большой лужайке у себя дома. К Фрэнсису и я присоединились в Хэддоне Корнер 18 декабря 1946 года или позже Алан Уотсон Рейвенскрофт. Хотя мы с Фрэнсисом нашли новичка несколько интересным, нас возмутил тот факт, что он явно был любимцем отца. Оглядываясь назад, я понимаю, что в этом нет ничего удивительного, поскольку он был фактически единственным из нас, кого отец действительно знал, и Алан до сих пор, сам того не желая, может заставить меня ревновать, описывая случаи, когда они с отцом гуляли вместе. Фрэнсис и я хотел бы получить нашу собственную спину, приглашая Алана на Большая лужайка для игры в футбол. Честно говоря, Фрэнсис мало интересовался этой великой старой игрой и был скорее зрителем, чем участником, поэтому я бы пригласил Алана занять позицию вратаря у изгороди. С безжалостностью и, как мне хотелось бы думать, мастерством опытного палача я бы

повернулся и отправил мяч прямо в Алана. Обычно это сбивало его с ног и уносило в изгородь, а когда он выбирался, то, рыдая, бежал в дом, чтобы Трейдер его утешил. Минут через пятнадцать -двадцать, когда он становился немного старше и мудрее, процесс можно было повторить.

Я применил эти самые специфические навыки в борьбе за “Коринтианс” в Лесные массивы. (Другие дома были такими же Варвары и Вольные лесники. Не спрашивай меня почему.) Опять же, я бы предпочел быть левшой, как Билли Лидделл, но всякий раз, когда я

попытавшись ударить по мячу левой ногой, я упал на спину. Единственной игрой в “Вудлэндс”, которую я помню, не считая матча по крикету, во время которого я намеренно ударил крикетной битой мальчика по фамилии Пирсон и чуть не был отчислен, был домашний матч против “Варваров”, во время которого я был переведен на позицию центрального нападающего и забил два победных гола. Второй из них я помню до сих пор и до сих пор удивляюсь тому, как быстро, словно в замедленной съемке, проходят мгновения. Я могу закрыть глаза и увидеть, как тяжелый, промокший кожаный мяч по дуге вылетает из моего тяжелого, промокшего кожаного правого ботинка и летит мимо того, что спортивные писатели называют ” отчаянной хваткой вратаря”, туда, где была бы сетка , если бы у нас были сетки. Это, будь оно проклято, единственный опыт, который мог бы дать мне хоть какое-то представление о том, как Алан Кеннеди и Кенни Далглиш, должно быть, чувствовал себя во время Финал Кубка Европы, о котором говорилось выше.

В Шрусбери я играл в футбол, когда только мог, вплоть до того, что, по мнению некоторых моих друзей, стал одержимым, но у меня это всегда плохо получалось. Медлительный, неуклюжий и боящийся получить травму в подкате, я , должно быть, был обузой даже во второй команде, и цвета, которыми меня в итоге наградили, могли быть только эквивалентом “золотого мяча”. Е за приложенные усилия.

ww

€

эмн эд

Глава пятая

Прошлой ночью снова шел дождь. Дождь идет и сейчас. Дождь будет идти сегодня днем, и сегодня вечером, и завтра. К счастью, вчера днем дождя не было. Вчера днем Уильям и его Зара, Александра и ее Эшли, и Флосси, в настоящее время Соло, встретилась с Томасом в B2004 в Челмсфорд. “Это было самое корпоративное мероприятие, на котором я когда-либо была”, - сказала Александра, все еще кипя от негодования из-за того, что охрана изъяла у нее пластиковую бутылку водки. Единственным доступным напитком была, кажется, кола Virgin. Как говорится, приятно.

На этой неделе нас особенно интересует rain, поскольку в воскресенье мы устраиваем вечеринку в честь моего выхода на пенсию и, по мнению экспертов в этой области, нашей главной годовщины. На поле через дорогу будет разбит шатер, а на другом поле через дорогу можно будет припарковать машины, и мы не хотим устраивать праздник грязи в стиле Гластонбери, хотя бы потому, что существует вероятность того, что жители Восточной Англии узнают об этом и напечатают краткий абзац под этим названием. подпись:

ПРИГЛАШЕННЫЙ диджей. Они уже несколько раз повторяли это в “Историях о нас” и “хватит, ребята”.

Мы снова сидим за кухонным столом и слушаем… Арчи, которому сейчас одиннадцать месяцев, произносит свое первое слово. Он часто произносит свое первое слово. Это своего рода

песня - Привет, или, по крайней мере, что-то похожее на стандартное “Привет’. Арчи заметил, что “поздороваться” или “пропеть” очень нравится его основной аудитории, к которой сегодня утром относится и Кэролайн, которая приходит два раза в неделю, чтобы помочь с уборкой, с тех пор как В 1996 году у Шейлы случилось кровоизлияние в мозг. Кэролайн - самая быстрая уборщица на Свете, и сегодня утром ей придется устранять небольшое пятно на полу в ванной, которое указывает на то место, куда Арчи умудрился оставить какашку, когда мы вчера стояли к нему спиной. Когда наши молодые люди, слегка подвыпившие, вернулись из Челмсфорда домой, поговаривали , что, возможно, какашка была оставлена мной как невольный и трогательный символ надвигающейся старости. Я нанес ответный удар, спросив, как они умудрились напиться колы Virgin, но оказалось, что крошечные бутылочки красного вина Patagonia из Аргентины продавались по три фунта за штуку. Даже скупые промоутеры некоторых из самых невероятных фестивалей 1960—х — я имею в виду, в частности, те, что проводились на холмах над Бакстоном, - удивленно подняли бы брови, услышав это.

На втором из них, в 1969 году , с темно-серого неба от начала до конца нещадно лил дождь . Я должен был выступать в качестве ведущего и создателя самых важных блюд, но когда я прибыл на место, то обнаружил, что моя работа, скорее всего, будет

несколько ограниченный, поскольку для моего использования не было предоставлено ни одного микрофона, да и деки тоже не были установлены. Режиссер-постановщик, явившийся на работу в совершенно не ироничной манере, в вечернем костюме, который он надевал на дневную или ночную работу в качестве менеджера клуба в самом Бакстоне, повел меня к себе домой, чтобы я взял его домашнюю стереосистему, в надежде , что каким—то образом мы можно было бы подключить этот предмет роскоши с его крышкой из дымчатого пластика и рядом функций к PA. Должно быть, я представлял собой глубоко комичную фигуру, бегающую по сцене и умоляющую техников помочь мне в этом. Я не помню, чтобы мне когда-нибудь удавалось поставить хоть одну пластинку за весь день, хотя я и ухитрялся несколько раз объявлять на сцене о том, что “Будут ли Сноттер и Вут встречать Дэйва перед сценой

, потому что Дэйв забыл свой инсулин?’ разнообразие. Они были основным блюдом на фестивалях того периода, и , судя по их невероятному количеству, либо беспрецедентное количество диабетиков было привлечено к прог-року, либо “инсулин” на самом деле был сокращенным названием того или иного запрещенного напитка.

На самом деле я не знаю, кто играл на том фестивале в Бакстоне — я полагаю, вполне возможно, что никто не играл, но Чак Берри точно не играл. Слухи о Неявки Чака было достаточно, чтобы разозлить большое количество рокеров, которые прибыли на площадку, причем многие, как говорили, не заплатили. Чак Берри был единственной причиной, по которой они отправились в Бакстон, и они продемонстрировали свой гнев , перераспределив грязь, которую щедрое провидение предоставило в их распоряжение. Все оборудование, которое было на сцене, включая режиссера -постановщика, различных техников и конферансье, было

вскоре они были покрыты грязью, и, судя по всему, вскоре ее станет еще больше . Тем временем рокеры, многие из которых к тому времени были совершенно голыми, устроили прямо под нами, как казалось со сцены, странную гомоэротическую драку в грязи. Ни одна группа в здравом уме не стала бы выходить на сцену при таких обстоятельствах, и в условиях полного отсутствия какой-либо охраны я поплелся через поля в безопасное место, расположенное достаточно далеко , чтобы оно легко могло оказаться в соседнем графстве, чтобы обратиться в полицию. Я застал их в тепле, сухости и за чашкой чая. Когда я объяснил, что Я опасался, что дела на сайте могут обернуться плохо, они выразили свои сожаления, а затем , в свою очередь, объяснили, что не могут и пальцем пошевелить, пока не будет совершено правонарушение.

конечно, я предположил, что предотвращение преступлений входит в их компетенцию, но оказалось, что, по крайней мере, в этой части Дербишира, это не так. Я поплелся обратно по грязи, чтобы снова занять свое место на сцене.

Не успел я вернуться к своей роли, как умоляющий Пит и другие ребята из Шапель-ан-ле-Фрит, которые собирались встретиться с Боффо, покинули сцену, когда из болота вылез огромный грязевой чертенок и спросил меня, как мне показалось, довольно грубо, может ли он сам сделать объявление. В желто-сером свете он держал что-то похожее на нож, но, должен признать, это могло быть почти все, что имело тусклый блеск. Я посмотрел через фестивальную площадку на борющихся рокеров, промокших и удрученных любителей музыки, и понял, что через несколько минут могу быть уже в пути в Саффолк, а если повезет , то и домой успею к главному матчу дня, и вручил ему кубок.

61

микрофон. “Ты не только можешь сделать объявление, мой друг, - сказал я ему, - но и с этого момента ты - ведущий. Удачи’.

Когда я уходил с фестиваля, я уже формулировал свою заставляющую задуматься теорию, с тех пор подхваченную социологами по всему миру, о том, что рок-фестиваль стал для послевоенного поколения заменой национальной службы. Дойдя до выхода, я обернулся, чтобы посмотреть на холм, и увидел трех парней, которые стояли в грязи, утопая в ней ботинками, лицом внутрь, а армейская простыня служила им единственным утешением и укрытием. Как изображение сплошное страдание было трудно превзойти, и в горький свете тот несчастный день, свет что сделало сцену почти монохромная, она казалось, как будто бы это было изображение из Великая Война.

Признаюсь, сейчас в это трудно поверить, но когда мне было тринадцать или четырнадцать, я была довольно симпатичной, и поэтому многие мальчики постарше меня обожали. Вообще говоря, они были заинтересованы не в проникновении, а больше, как мы видели, в том, что мы называем расслабляющим массажем, или даже, в отсутствие обслуживающего персонала или охотничьих собак, с которыми они, возможно , спали дома, в тепле. Испытав дома несколько проявлений физической привязанности — что, как я полагаю, было свойственно почти каждому мальчику в Доме, — я был весьма польщен этим

вниманием и также осознавал, что единственными людьми, к которым я мог обратиться за помощью , были, по большому счету, самые близкие мне люди. люди, которые жаждали обнять меня. В то же время, моя собственная сексуальная

переживания по-прежнему носили исключительно одиночный характер.

Хотя предполагалось, что система государственных школ наводнена теми, кого мы теперь называем педофилами, я никогда, несмотря на свой вздернутый нос и красивые лодыжки, не привлекала внимания похотливых сотрудников. На самом деле, я никогда не слышал ни о ком, у кого это было, и единственный пример этого Я знал о том, что мы могли бы назвать “неподобающим поведением”, когда молодой, блестящий и странный мастер был пойман в парке на городской стороне Северна с маленьким мальчиком на груди. Я даже благополучно пережил совместное проживание в палатке в лагере ITC (ITC - Корпус начальной подготовки) в Уэльс с директором школы, который впоследствии приобрел дурную славу в другой государственной школе за свой почти маниакальный энтузиазм по поводу того, что мы знаем как избиения в рамках TDSU (TDSU = Штаны спущены, рубашки задраны). На самом деле, этот воспитатель, возможно, был первым взрослым , который относился ко мне почти как к равному и , поделившись со мной небольшой частью своих обширных знаний и понимания, впервые заставил меня осознать, что можно получать удовольствие просто от того, что знаешь что-то новое. Кроме того, за эту неделю, проведенную в Уэльсе, я впервые сел за руль автомобиля , несмотря на то, что мне было всего четырнадцать лет. Машина принадлежала мальчику постарше, который позже назвал меня “кокетливым”, но, тем не менее, был доволен тем, что позволил мне проехать на его “Остине-7” несколько миль по однопутным дорогам района, который я впоследствии так и не смог идентифицировать, где мы разбили лагерь. В записке , сопровождавшей найденный им на чердаке пятнадцатисекундный фильм, в котором я кокетливо карабкаюсь по школьному склону, он также напомнил мне, что водил меня посмотреть

нарезки кадров, хит-парады ‘Crazy“ о моем Детка’ и ‘Ш-Бум’ в Ливерпульской империи. Кроме того, я занял у него деньги , которые так и не вернул. Что за шлюха!

Увы, моей невыразимой привлекательности было недостаточно, чтобы помешать мне нарушить миллиарды — ладно, я преувеличиваю — правил и предписаний, которыми окружена наша жизнь. Большинство из них касалось странных привилегий, предоставляемых мальчикам постарше — были дорожки , которыми могли пользоваться только школьные старосты, известные как, например, “почтальоны”, и другие дорожки, по которым нельзя было свистеть, или разговаривать, или держать руки в карманах, или бегать, пока ты не окажешься на месте. школа на два, или три, или четыре года — но мы также должны были уметь идентифицировать, когда это приказывал мальчик, занимающий руководящую должность, сотрудников, их предметы, классы, жен, детей, адреса и даже, где это уместно, их домашних животных. Воскресными вечерами глава факультета проверял съежившихся первокурсников на предмет их знаний и понимания этих тайных вопросов . Эти тесты назывались цветовыми, и если вы их не проходили, вас избивали.

Конечно, вас также избивали за то, что вы свистели, разговаривали, держали руки в карманах или бегали там, где вам не полагалось этого делать, и за фильм Майкла Пэйлина о жизни государственной школы, Школьные годы Томкинсона, в которых негодяев распинали на школьной стене и заставляли участвовать в скачках по пересеченной местности, всегда казались мне скорее документальными, чем фантастическими. Майкл поступил в Риггс через год после Фрэнсиса, примерно через три года после того, как я поступил в Шрусбери, но , будучи довольно смышленым мальчиком, начал учиться в более высоком классе, чем тот, на который у меня ушло три года.

достигать.

Само собой разумеется, что скачков как таковых не было, и распятие на кресте было редкостью, но каждый день недели было обязательным принимать участие в каком-либо спортивном мероприятии. Невыполнение этого требования приводило к избиению. Игра в футбол считалась “сменой обстановки”, как назывались эти санкционированные мероприятия , так же как и игра в крикет, час на ривере, игра в пятерки или то, что называлось “бенджи’. Я не знаю, почему эти пробежки по определенной трассе рядом со школой назывались “бенджи” — возможно, в честь какого—то мальчика, который погиб во время такой пробежки, - но делать это нужно было каждую неделю. Курс проходил по пешеходной дорожке через поля, через кладбище в центре города. Джентльмены, из-за которых я лишилась девственности, и по оживленной объездной дороге обратно к дому. Я думаю , что трасса была примерно в полторы мили длиной. Прежде чем начать пробежку, вы должны были уговорить старшего мальчика засечь время, и если вам не удавалось пройти дистанцию менее чем за тринадцать минут, это означало, что вам приходилось делать это снова. (Я только что пересмотрел это утверждение и не могу поверить, что все понял правильно, но это то, что я помню.) Можно было облегчить задачу , уклоняясь от той части пробежки, которая проходила через кладбище, но если вас ловили за этим занятием, вас избивали. Вы также должны были быть осторожны , чтобы не показать подозрительно хорошее время и, таким образом , не попасть в какую-нибудь соревновательную гонку, в которой ваш обман был бы раскрыт.

Побои, которые вы получали за то, что не сдали сдачу или, на самом деле, за то, что забыли зарегистрировать сдачу в книге, предоставленной для этой цели, были великолепным ритуалом. Избиваемый должен был приступить к работе в десять часов, сразу после помола,

на лестничную площадку, где в длинном низком шкафу хранилась форма кадетского корпуса. Затем жертва наклонялась над шкафом, и глава семьи наносил четыре или шесть ударов, в зависимости от тяжести проступка, расщепленным бамбуком по

заднице, одетой в пижаму. Говорили, что был выбран расщепленный бамбук, потому что, если трость повернуть таким образом, чтобы расщепленная часть пришлась под углом девяносто градусов к основанию стебля, ожидающего своего прибытия, она причиняла боль при ударе, а затем, растянувшись и защемив кожу, снова причиняла боль при извлечении. После избиения, которое вы, как ожидалось, должны были вытерпеть без криков, вы поблагодарили старосту за его внимание, вернулись в свою спальню, и остальные ученики смогли снова начать дышать, временно перестав дышать, чтобы они не пропустили ни одного стона, который вы могли себе позволить. К сожалению, вы не могли обсудить только что произошедшее со своими друзьями, потому что разговоры после отбоя были запрещены. Наказанием за разговоры после отбоя, как вы, наверное, догадались, было избиение.

За прошедший год я получил несколько писем от бывшего декана факультета с приглашением внести средства на стипендию, которая будет учреждена на имя нашего декана Р. Х. Дж. Брука. В своем первом письме он напомнил мне, если я не забыл, что ему, возможно, приходилось время от времени избивать меня. Он выразил то, что я воспринял как легкое сожаление по поводу случившегося, и когда я написал ему в ответ, объяснив, что у меня нет тех материальных запасов, которые, как он предполагал, у меня были, я сказал ему в качестве утешения, что не держу на него зла, понимая, что он, в конце концов, всего лишь подчинялся

заказы.

x

О, нет. Больше никаких “самоуничижительных” высказываний. На этот раз статья опубликована в журнале “Зависимый в воскресенье”, ABC. Иногда самоуничижение воспринимается как нечто хорошее, как в случае с Джоном Тернедом, и когда он повернулся, лучи вечернего солнца упали на его правильные

черты, осветив тонкий нос и решительный изгиб челюсти. Он улыбнулся самоуничижительной улыбкой. - Нет, вы слишком, слишком добры. Я практически не участвовал в восстановлении монархии, - запротестовал он. В других случаях самоуничижение не так уж хорошо, как в “После чего воздух наполняется самоуничижением”. (“Индепендент” в воскресенье, 29 августа 2004 г.). На этот раз я часто повторяю, что вы можете посмотреть, что для справочных целей мы будем называть ‘моя карьера’ основана либо на бескорыстной преданности делу общественного вещания, либо на шокирующем отсутствии амбиций. Я признаю, что говорил это публично и наедине слишком много раз, часто позволяя вечернему солнечному свету падать на мое лицо, когда я это делал, но причина, по которой я так часто повторяю это, заключается в том, что это правда. Я искренне, до смешного горжусь тем, что проработал на Би-би-си так долго, и благодарен за то, что Мне платили не те баснословные суммы , которые воображали некоторые критики, но достаточно, чтобы мы могли позволить себе содержать четыре машины (“содержать” здесь немного неточно , так как две машины стоят в сараях в саду , и есть все шансы остаться там) и запивать еду бутылкой вина. Я также благодарен за то, что за все тридцать семь лет, что я проработал на Radio 1, никто из руководства не

кто-нибудь говорил мне, что я должен либо играть то, чего я не играю, либо не играть то, что я играю. Сомневаюсь, что это произошло бы в коммерческом радиоэфире. По общему признанию, один придурок из младшего звена и один Диджей, представляющий начинающий шоубизнес со стороны The DJ tracks , действительно говорил мне на заре хип-хопа, когда он был, как его часто называют, “свежим” и, по сути, идеалистичным, что мне не следует включать его по радио, потому что он был, цитирую, ‘музыка чернокожих преступников”. Я чувствовал, что это больше говорит мне о людях, которых это касается, чем о хип-хопе. Кроме того, — и студенты, будьте начеку, потому что это один из моих руководящих принципов , как добиться хороших отношений с Руководством— Джонни Бирлинг, часто критикуемый Джоном Уолтерс и я), ведущий “Радио 1”, который с тех пор зарекомендовал себя как неплохой человек, однажды , после одного из случайных изменений в

расписании, из-за которых я состарился раньше времени, спросил меня, не мог бы я сделать первые полчаса программы немного более понятными для потребителя. чтобы обеспечить его полное соответствие с предшествующей программой. В то время как такой человек, как Энди Кершоу, великий, но воинственный телеведущий, немедленно перешел бы на военные рельсы, выдвинул ультиматум и открыл огонь во все стороны, я победоносно улыбнулся, пообещал немедленное сотрудничество и продолжил вести программу в прежнем режиме. Пять или шесть недель спустя Джонни остановил меня в коридоре третьего этажа Эгтон-хауса, чтобы поблагодарить за то, что я так быстро отреагировал на его просьбу, и заверить, что новая политика кардинально изменила ситуацию. Это будет первое уведомление, которое Джонни получит о том, что такая новая политика не вводилась. Что произошло

изменилось и его восприятие того, что он слышал по радио.

Джонни Бирлинг был автором трех моих самых любимых моментов на Радио 1. Величайший из них — и одно из самых экстраординарных событий Я имел удовольствие наблюдать — это был залив Мероприятие “Городские роллеры в Мэллори-парке”. Это история Я столько раз говорил, что найдутся те, кто сможет виртуально подпевать моему аккаунту, но для тех, кто с ним не знаком, я оставлю это на пару страниц . Джонни также был ответственен, совместно со Всемирной службой, за то, чтобы отвезти нас с Шейлой в Россию. Мы впервые приехали в Москву в эпоху Ельцина, и там было все, чего бы вы только пожелали, — пронизывающий холод, паранойя, заснеженность, обида. Мы остановились в огромном и ужасном отеле — “Все номера прослушиваются, так что будьте осторожны с тем, что говорите”, — посоветовал Джонни, - а еда была отвратительной, хотя, несомненно, лучше, чем та, которую едят сами москвичи. Их, конечно, не пускали в отель , если, как мы быстро сообразили, это не делалось для того, чтобы сделать Жителям Запада быстрый минет. Нам посоветовали вообще не вступать в какие-либо контакты с местными жителями. “Они почти наверняка будут тайными полицейскими”, - было объяснено, хотя и без каких-либо дальнейших пояснений относительно того, что эти тайные

полицейские могут найти полезного в прослушивании пустых разговоров диджеев-остряков. Поскольку этот совет прочно засел в нашем коллективном сознании, мы с Шейлой были в восторге, когда однажды вечером нам позвонил мужчина, который не назвал своего имени, но настаивал на том, что ему необходимо встретиться с нами как можно скорее. Пульс учащается, на наших ладонях выступают капельки пота.

69

Столкнувшись лбами, мы договорились встретиться со звонившим на отдаленной станции метро на следующий день. Мудрость этого решения показалась мне сомнительной с того момента , как мы покинули безопасную территорию нашего отеля сразу после очередного отвратительного завтрака, во время которого я в порыве раздражения разбил тарелку, услышав, что Шейле нельзя входить в зону для завтрака в пальто — или без пальто. Я забыл, какой именно. Грозил неприятный инцидент , когда вездесущие сотрудники службы безопасности напряглись и предприняли шаги в мою сторону, хотя и отступили, когда поняли, что такое поведение является симптомом западного упадка. С другой стороны, возможно, их отпугнул блеск стали кинжала , заткнутого у меня за пояс. Вероятно, мы никогда этого не узнаем.

Система московского метрополитена, как и все подобные системы за пределами Лондона, основана на здравом смысле, и нам не составило труда найти станцию , где мы договорились встретиться с нашим таинственным посетителем. На самом деле мы были очень рады сойти с поезда , потому что, хотя нам и казалось, что после двух-трех дней пребывания в городе мы сами выглядим вполне по-московски , на самом деле это было явно не так, и все наши попутчики неотрывно наблюдали за нами на протяжении всего путешествия со смесью любопытства и ненависти.

Мы вышли из поезда на плохо освещенную платформу, на которой, казалось, не было ни единой живой души, и именно в этот момент наша уверенность начала улетучиваться. Мое воображение начало генерировать газетные заголовки самого высокого уровня. ДИДЖЕЙ ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ В московском

издании variety, и я утешал себя, представляя разочарование большинства британских читателей, когда они поймут, что заблудился не Ноэль Эдмондс, а

какой-то придурок, которого они едва знали.

Мы простояли на этой холодной, плохо освещенной платформе, как нам показалось, - по—другому и не скажешь, — целую вечность, пока не заметили движение в густом мраке в дальнем конце платформы. Медленно, с ужасающим видом, к нам приближалась фигура. Когда она приблизилась, мы узнали в ней мужчину, очень крупного мужчину, сутулого, и, когда на его лицо упал слабый свет десятиваттной лампочки, мы заметили , что у него, по сути, нет зубов. (Возможно, десятиваттной лампочки и не существует, но я пытаюсь создать здесь хоть какую-то атмосферу, так что потерпите.)

Существо заговорило.

“Привет, я Миша”, - сказало оно.

Так оно и было.

Миша, как оказалось, был одним из тех редких людей, с которыми при первой встрече чувствуешь, что знаешь их всю свою жизнь. Он вырос в каком—то военном городке, настолько защищенном, что, по его словам, его не было ни на одной карте, и он был уверен, что, как бы ни улучшилась жизнь бывших советских граждан, он, поскольку родился в этом городе, который я даже сейчас не решаюсь назвать, никогда не улучшится. мне будет позволено уйти от матери Россия. У нашего нового друга, похоже, не было ничего , что он мог бы с готовностью назвать работой, но он жил, как и многие другие, в условиях растущих свобод , которыми пользовались более хитрые прежние Коммунисты, судя по его уму. Мы быстро поняли, что всего этого у него было предостаточно, несмотря на его заявление, каким бы лестным оно ни было, что он выучил английский , чтобы лучше понимать, что я говорю о музыке в программах, которые я представлял на канале. Всемирная служба Би-би-си. (Предупреждение о самоуничижении.) - Ты , должно быть, был

разочарован, Миша, когда узнал, что

~

Он понял, что все, что я хотел сказать, было “Это было… а это…” Он громко рассмеялся и повел нас с платформы, на которой мы стояли, на другую , а оттуда в квартиру с видом на Красную площадь. Ну, не совсем с видом, если честно, но с заснеженной крыши дома, в котором располагалась квартира, были видны огни Красной площади. Мы знаем это, потому что гораздо позже тем вечером мы…— Шейла и я, Дэйв Тейт из Всемирной службы, Миша и молодая пара, занимавшая квартиру, забрались на крышу, заполненную голубями, наполовину обезумев от ужасной сахарной воды, которую они называли ‘шампанское’, и, перепачканный птичьим пометом, на крышу, чтобы поиграть в снежки. Мало что в нашей жизни было прекраснее той пьяной драки на крышах старой Москвы.

С тех пор Миша был нашим неофициальным гидом по Москву, а затем и в Ленинград/Санкт—Петербург . Он был с нами, когда подозрительно состоятельные местные бизнесмены пригласили нас в ресторан, который работал так долго , что, как нас уверяли, Чайковский там обедал. Судя по состоянию туалетных принадлежностей, администрация, без сомнения, отдавая дань уважения беспокойному гению, оставила их неубранными, поскольку он сам указал Перси на фарфор. Продукция в стиле шампанского разливалась так же, как и сама продукция в стиле шампанского, группа играла, среди прочего, “Рок круглосуточно”, а те из нас , кто представлял Би-би-си в этом разрушающемся великолепии , несли всякую чушь во все горло. Однажды я подслушала, как Шейла объясняла Дэйву, своему постоянному спутнику в путешествиях, почему я никогда не танцевала. Она вкратце рассказала о боли, которую я испытывала на уроках танцев в Нестоне и

Уилластон виллидж холл, боль, которая не покидала меня с тех пор, несмотря на награду, которую мы с Фрэнсис получили за нашу польку в Уилластоне, и я объяснил недоверчивому Дэйву, что, несмотря на мой статус настоящего короля ритма, мы с ней

никогда не танцевали вместе. Услышав это, я неуверенно поднялся на ноги, пробормотал что-то о том, что никогда не будет лучшего времени и места, чтобы исправить это печальное упущение, и повел Шейлу на танцпол, где принялся хорошенько пихать ее ногами в самых сложных фигурах танца. Шоттище. С тех пор мы не танцевали, потому что, Я думаю, это своего рода поэзия в честь того, что мы танцевали в комнате, где танцевал Чайковский.

я ненадолго и с явной неохотой возвращаюсь в деревни Нестон и Уилластон. Когда нас с Фрэнсисом впервые отвезли на уроки танцев в бывшую школу, мы проявили мудрость не по годам — примерно десяти и восьми лет — помахав на прощание от двери, прежде чем войти и целеустремленно пройти через холл, выйти через заднюю дверь и направиться в туалет. Мы узнали, что мама в молодости проделала нечто подобное, когда шофер доставил ее к внушительному входу в ливерпульский университет. Отель “Адельфи”, как я полагаю, предназначался для того, чтобы, как надеялся мой дед, заманить в ловушку молодого человека с перспективами с помощью танца. Мать, слегка располневшая и лишенная чего-либо, что можно было бы назвать уверенным в себе, точно так же заперлась в туалете.

Когда наш трюк был раскрыт, нас с Фрэнсисом заставили танцевать, и, поскольку мы были самыми застенчивыми мальчиками в классе, нам пришлось взять в партнерши тех молодых женщин, которых наши галантные сверстники считали настоящими

самая некрасивая в зале. Поэтому я регулярно танцевал с одной рослой девушкой, у которой независимо от времени года ноги всегда были в грязи, в то время как Фрэнсис оттачивал свои вальсы, фокстроты, гавоты, военные тустепы и все остальное с неестественно худой девушкой, которая была на добрую голову выше его. Единственный танец, в котором я мог передвигать ноги , был вальс, и то я мог двигаться только по прямой. Однажды днем мы с моей перепачканной в грязи партнершей, как обычно, пересекли комнату по диагонали - если она это читает, Мне жаль, что я вел себя так паршиво, — и уже дошел до угла, где нам

нужно было разъединиться, развернуться, а затем снова вступить в бой, когда мы услышали какой-то шум в противоположном углу. Когда мы отправились на разведку, то обнаружили Фрэнсиса в слезах, склонившегося над своей партнершей. Каким —то образом он ухитрился лишить ее сознания во время зажигательной мазурки — или чего-то еще - и образ несчастной девушки на неумолимых досках “Нестон Виллидж Холл”, струйка крови, сочащаяся из уголка ее юного рта — нет, это я дописал, — осталась со мной по сей день и, возможно, является причиной, по которой я не танцую. Безопасность превыше всего, не так ли?

Миша был на платформе, когда наша компания садилась в полуночный поезд, следовавший из Москвы в Ленинград/ Санкт-Петербург, несколько дней спустя. Температура была такой низкой, что, если слишком долго стоять на одном месте, можно заболеть. Мартенс примерз к платформе. Четырехместные спальные купе в ночном поезде были чистыми, но тесными, а окна были с матовыми стеклами, чтобы, как я полагаю, волки не могли заглянуть к нам, когда мы катили по бескрайним снежным полям Европейской России. Грустно,

они также мешали путешественникам выглядывать наружу , и, хотя, вероятно, там и так было не на что смотреть , мы с Шейлой чувствовали, что наши поэтические души, какими бы они ни были, прекрасно гармонировали бы с тысячами квадратных миль сосен, снега и волков , через которые мы проезжали. Там был участок стекла размером с детскую ладошку, который оставался незамерзшим, и мы провели ночь, по очереди заглядывая в него. Не думаю, что кто-то из нас увидел хоть что-то, но дело было не в этом.

Миша каким—то образом появился снова через несколько часов после нашего приезда в Санкт-Петербург и сказал нам , что, что бы мы ни делали, мы должны посетить кладбище, где похоронен Чайковский - снова он!— Римский-Корсаков, Рахманинов и остальные мальчики. Мы так и сделали, тем самым упустив возможность провести день с остальной командой Би-би-си, которая предпочла пообщаться с кем-то вроде заместителя министра культуры и по развитию зарубежных стран в Большом

зале Народного конгресса. Или что-то в этом роде.

Когда мы с Шейлой нашли вход на кладбище, нам показалось, что мы были не просто единственными, кто заходил на кладбище, но и единственными людьми на Земле. Внутри кладбищенских стен мир казался строго монохромным: массивные черные надгробия и редкие участки незамерзшей пешеходной дорожки, похожие на гильзы от заводских пластинок на фоне снега. Чайковский и остальные были похоронены в самом дальнем углу кладбища — если их там больше нет, то до меня еще не дошли слухи, — и мы стояли перед ними в почтительном молчании, пытаясь сделать вид, что серьезно интересуемся погребальной архитектурой, и одновременно размышляя, как нам лучше поступить.

могли бы, глубокие размышления на тему Жизни и Смерть. Пока мы стояли, я почувствовал, как кто-то дергает меня за рукав. Я сердито отвернулся, подумав, что на самом деле не в том настроении, чтобы меня грабили, не здесь и не сейчас. Передо мной стоял невысокий мужчина, который, как настаивал разум, не принадлежал к классу грабителей. Со вздохом, который я изобразил со всей возможной усталостью от жизни, я полез в карман за рублем или двумя, чтобы передать ему с покровительственной улыбкой. - Это вы, не так ли? - спросил он. - Мне нравится ваша программа о мире. Обслуживание. И он поспешил прочь. - По крайней мере, он не принял меня за Боба Харриса, - сказал я Шейле, когда мы направились к выходу.

x

Джонни Бирлинг также возглавлял экспедицию Radio 1 в Япония. Я не являюсь энтузиастом авиации, но знаю , что должен использовать любую возможность дальнего перелета, которая подвернется мне на пути. Сочувствующие, зная о моем беспокойстве, часто советуют напиться как лучшее средство избавиться от страха, но некоторые исследования показали, что, как бы сильно вы ни разозлились, все равно остается область,

расположенная примерно в центре вашего лба, из которой доносится неприятный голос : “Ты можешь быть злишься, но все равно боишься.’ Я обнаружил, что коктейль из редких и экзотических травяных транквилизаторов, собранных маленькими смуглыми детьми-рабынями в непроходимых лесах там, где еще сохранились непроходимые леса, под руководством мужчин, одетых только в тыквы-пенисы, оказывает чудесное действие, при условии , что они употребляются в сочетании с огромным количеством химические транквилизаторы, опрометчиво полученные по рецептам других людей. Другу это было бы

было бы безумием рекомендовать лошадиные транквилизаторы, но я еще не опускался так низко. Токио, по крайней мере, поначалу, разочаровал. Я говорил людям с приводящей в бешенство уверенностью человека, который на самом деле не знает, о чем говорит, что, по моему мнению , пребывание в Японии настолько близко к путешествию на другую планету, насколько это возможно на этой планете. Токио посмотрели из автобуса в аэропорту довольно знакомо, в только свет в нашей жизни исходит от молодой женщина, которая назначается обильная Провиденс, чтобы заботиться о нашей маленькой группы. Она сказала нам, что ее зовут Флоренс, хотя это явно было не так, и она произнесла это удобное имя, вполне естественно, как Фроленс. Было много невинного удовольствия, которое можно было получить , пытаясь уговорить Флоренс произнести “Фроленс”. Нашей дочери Флоренс до сих пор приходится мириться с тем, что ее обожающий отец время от времени называет ее Фроленс. Я уверен, что в глубине души она ценит эти моменты. Нет, правда. | Оглядываясь назад, трудно понять, почему мы вообще оказались в Японии. Джонни договорился с нами о съемках программ из витрины магазина Yamaha в Сибую-Ку, которые вела Дженис Лонг, но со мной в качестве постоянного репортера. Джонни, как я подозреваю, думал, что жители Токио будут в восторге от такой экзотики, но, конечно, вряд ли кто-то когда-либо слышал о Radio 1, и хотя все были вежливы и делали вид, что в восторге, когда им на это указывали, мы, тем не менее, чувствовали себя немного обманутыми. Неизбежно, что большая часть моих репортажей о путешествиях привела меня в магазины грампластинок, и в одном

из самых больших из них был впечатляющий

7

презентация релизов Peel session на Strange Fruit. Я просматривал это, когда женщина-ассистент спросила меня, интересуюсь ли я этими записями, и мне пришлось объяснить, что в некотором роде интересуюсь, а в некотором - нет. Она, по понятным причинам, выглядела озадаченной, поэтому я продолжил объяснение, сообщив, что я и есть Пил , упомянутый на рукавах. “Вы Джон Пил?” - ахнула она. Я скромно улыбнулся и признался в этом, после чего она разрыдалась. Были ли это слезы радости или разочарования, я так и не смог решить.

Кроме того, мы были в Токио, чтобы снять документальный фильм для Radio 1 о песенном конкурсе Yamaha. Эту программу должен был представлять я, но ее сделал Майк Хоукс, мой тогдашний продюсер. Мы с Майком неплохо ладили. Он, конечно, любил свою музыку и знал о ней совсем немного, но я всегда чувствовал, что где-то внутри есть Микрофон, о котором я на самом деле не знаю. Он мог быть до нелепости скрытным и любил создавать впечатление, что он - рейвер высшей лиги и дамский угодник. В Токио он появлялся на завтраке как будто прямо из какого-нибудь эксклюзивного клуба, в котором он был в центре внимания. Были бы косвенные намеки на то, что привлекательные японские модели запали на него, и еще более косвенные намеки на то, что он каким-то образом доставил им удовольствие. Не было никаких сомнений в том, что Майк хорошо справлялся со своей работой, его странные , как у насекомого, пальцы порхали по клавишам различных звукозаписывающих инструментов , которые были у нас с собой. Сам конкурс Yamaha Song Contest был, в лучшем случае, неудачным. Внешне он напоминал конкурс Yamaha Song Contest. Конкурс песни “Евровидение”, за исключением того, что теоретически он был глобальным, и японцы в своей эффективной манере ничего не оставили на волю случая. Все

участники, с которыми мы беседовали, утверждали , что заранее знали, кто победит, поскольку только американский участник летел в Токио клубным классом. Так это было или нет, вряд ли имеет значение. Победителем стал конкурсант из США, и наша программа, созданная за ночь в комнате с очень наглядным предупреждением о землетрясении на стене, впоследствии получила награду Sony Award. Я подумал, что было просто замечательно получить награду Sony Award за программу о песенном конкурсе Yamaha, хотя я думаю, что мы с Майком, вероятно, заслужили ее — хотя бы потому, что нам пришлось записывать ссылки, чтобы учесть практически все возможные варианты, поскольку Майку пришлось вылететь в Блайти до того, как конкурс действительно состоялся. Таким образом, в день рождения Шейлы, когда мы должны были от души веселиться, мы втроем сидели на кровати в отеле, в то время как Гламурные токийские модели, уединившись в каком -то шикарном ночном клубе, обсуждали отсутствие новой коллекции. Джеймс Бонд в их жизни, - и я продекламировал: ‘ Норвежская работа заняла четвертое место… малазийская команда заняла четвертое место … занявший четвертое место Въезд на Мальту и так далее, пока мы не оказались на самой грани безумия.

В дневное время в магазине, когда покупатели сновали по магазинам и, вероятно , задавались вопросом, что вообще делают в этом месте эти жалкие евро, мы заметили , что большинство менеджеров среднего звена были женщинами, а почти все рядовые - мужчинами. По вечерам, когда нас выводили развлекаться, все было наоборот: женщинам среднего звена приходилось прислуживать своим подчиненным. Шейле и Дженис Лонг разрешили присоединиться к нам только после того, как они были назначены почетными мужчинами. Обычно мы ходили куда-нибудь перекусить.

мне не очень понравился внешний вид, и, как ни странно, я был более склонен к этому, чем Шейла. Во время нашего пребывания 1н В России молодой русский писатель пригласил нас к себе домой на ужин и, не зная, что мы вегетарианцы, с немалой гордостью угостил огромными кусками жирного мяса. Мы с Шейлой знали, что у нас не было другого выбора, кроме как

съесть все это, хотя и не могли определить, из какого животного — быка, медведя, пенсионера — были сделаны эти кусочки. В В Токио мы столкнулись с похожими проблемами, особенно в тот вечер, когда к нам присоединился представитель Yamaha , который на протяжении всего ужина демонстрировал свою любовь — которую я разделяю — к музыке в стиле кантри и вестерн , исполнив нам головокружительную подборку номеров о пикапах, барах, официантках и автострадах. С нашей стороны было бы невежливо воскликнуть в один голос: “Эй, ты! Заткнись!’ Вместо этого нам пришлось сидеть, изображая удовольствие, пока он не закончил. Ситуацию не улучшал тот факт, что менеджеры среднего звена обслуживали нас из помещения, похожего на переполненный аквариум, под которым кто-то ненадолго пропустил горелку Бунзена. Рыба , которую при должном внимании ветеринара можно было бы вернуть в дикую природу для возобновления полноценной жизни, в невероятных количествах попадала на наши тарелки, и, клянусь, в какой-то момент я ел что-то вроде анального сфинктера. На допросе мне пришлось бы признать, что я никогда не видел анального сфинктера отдельно от его хозяина и надеюсь , что никогда этого не увижу, но если зазубренное резиновое кольцо на моей тарелке не было таким сфинктером, то я хотел бы знать , что это было. Шейла с величественным видом просидела весь ужин с посеревшим лицом, явно жалея, что ей выпала роль почетного гостя на этот вечер.

После застолья — или без него, в случае с моей женой, — нас отвели в караоке-бар. Это было до того, как караоке в его ужасной европейской форме стало практически обязательным, и нам всем очень хотелось узнать, что там происходит. Мы оказались в маленьком и практически пустом баре, где хозяйничала кореянка. Тот факт, что она была кореянкой, важен, поскольку она была не только намного выше японских мальчиков и девочек, которые были с нами, но и гораздо более экстравертной. На улицах мы заметили разницу в размерах поколений наших друзей. Японец проходит мимо. Бабушка с дедушкой были маленькими и, как я всегда говорю, довольно несправедливыми по отношению к Ноэлю Эдмондс мог бы пройти под кофейным столиком с раскрытым зонтиком. Родители были бы примерно Размер

Шейлы. Она настаивает, что ее рост - пять футов два дюйма, хотя скептики, включая меня, оспаривают это. Детей, выросших на бургерах и коле, было великое множество.

Мы сидели вдоль стены караоке-бара, надеясь вопреки всему, что никакая прихоть судьбы не приведет к тому, что нас заставят петь на крошечной сцене. К счастью, кореянка была счастлива петь столько, сколько было необходимо, несмотря на то, что все записи были на английском, на котором она не знала ни слова. Ее визитной карточкой стала американская песня Live Aid, которую в оригинале исполнили множество звезд, включая Брюса Спрингстин и Боб Дилан. Кореянка исполнила все партии, как мужские, так и женские, и исполнила их на удивление хорошо.

Я бы с удовольствием назвал эту кореянку по имени, потому что она была из тех, кого мы, врачи, называем “сногсшибательными”. Несколько лет спустя я открывал почту дома, и среди посылок была одна от компании “Общественные бани” из Айова-Сити, штат Айова. Я

думаю, вскоре после этого торговля общественными банями прекратилась , но в то время они были моими любимыми , потому что многим из них был доступен американский релиз Японские пластинки, которые в противном случае было бы невозможно купить на Западе. Чтобы подчеркнуть японскую направленность синглов, которые они выпускали, в общественных банях рукава были украшены Японской символикой. Автобусные билеты, рекламные листовки, открытки, все они были красиво оформлены и изготовлены, вываливались из рукавов, и среди всего этого в то утро была открытка караоке-бара, в котором мы были, и фотография кореянки, которой мы все так восхищались. Если бы я мог вспомнить, что это была за пластинка…, Я мог бы пойти в магазин, найти ее и назвать вам ее имя. Она была звездой — в этом нет сомнений.

И поэтому мы прощаемся с международными поездками — по крайней мере, на время — и направляемся к Мэллори Автодром “Парк автогонок” в Лестере.

Передо мной программа. BBC Radio 1 В ней говорится: “День

гонок". Воскресенье, 30 июля 1978 года. Внутри Джонни создает обстановку. В нашем специальном выпуске На сцене Radio 1 у нас будут живые выступления одной из ведущих британских групп Darts; знаменитое роуд-шоу продлится большую часть дня, а диско-диджей Froggy будет представлять все радиостанции. Диджей 1 играет главную роль, а в три часа Пол Бернетт выступит в прямом эфире на Radio 1 при поддержке the Goodies. Даже сейчас это заставляет сердца биться быстрее, не так ли?

* xxx

Я никогда особо не участвовал в роуд-шоу. На самом деле, это был единственный раз, когда я видел шоссейную программу Radio 1

Шоу было, когда я ездил в Брайтон, чтобы сделать обзор одного из них для the Observer. Я был впечатлен количеством зрителей, которые пришли посмотреть на Гэри Дэвис делал, честно говоря, не очень много и был благодарен мне за то, что я имел возможность наблюдать за происходящим с некоторого расстояния. В то время Гэри был настоящим пин-ап-мальчиком на Радио 1, и каждая его обаятельная улыбка, обращенная к аудитории , вызывала одобрительные возгласы. Фанаты. Всякий раз, когда меня останавливали молодые женщины у здания Радио 1 в Эгтоне Хаус, они никогда не хотели обсуждать со мной содержание моей зажигательной программы накануне вечером , а вместо этого хотели, чтобы я сказал им, будет ли Гэри Дэвис был в здании. Если его еще не было в здании, то когда бы он появился? И если бы он был в здании, когда бы он ушел? Я редко знала ответы на эти часто задаваемые вопросы, и мне редко верили, когда я говорила это молодым женщинам. Они, казалось, думали , что мы все живем вместе в какой-то кошмарной коммуне и что мое заявление о том, что я не могу раскрыть подробности планов Гэри на день, было ложью. Каким бы странным ни было это убеждение, оно было ничем по сравнению с мнением женщины, которая была убеждена , что я живу в квартире на

Бейкер-стрит с Лу Ридом и Стиви Уандером.

Я был настолько заинтригован этим убеждением — и, как вы можете себе представить, мне очень хотелось выяснить, откуда оно взялось, — что, боюсь, я скорее подзадорил свою корреспондентку, отправив ей ответное письмо с подробностями нашей совместной жизни с Лу, Стиви и мной. Помню, я рассказывал ей, как мы боялись тех недель, когда наступала очередь Стиви готовить. Я также переписывался с гречанкой, у которой сложилось впечатление, что я ее любовник. Так

она была так благодарна мне за мои совершенно воображаемые услуги , что время от времени отправляла мне по почте небольшие суммы денег. Я возвращал ей эти деньги, притворяясь сотрудником Би-би-си, которому было поручено заниматься подобными вещами. ‘Я очень сожалею, что нашим авторам не разрешается получать денежные подарки от слушателей, и, соответственно, я возвращаю пять фунтов, которые вы хотели отправить по почте (укажите имя автора)”, - написал я. По крайней мере, однажды моя благодетельница, дородная девушка лет пятидесяти, стояла рядом со мной в здании телерадиовещания В приемной, когда я искал информацию о моем местонахождении, она не узнала меня. Я могу только предположить, что она была одной из тех, кто перепутал меня с Бобом Харрисом.

Еще более неуравновешенной была красивая блондинка, которая прибыла в Дом вещания. На ресепшене ей сказали, что меня нигде нет, и она сняла с себя всю одежду. Поскольку она обладала телосложением, вызывавшим восхищение у студентов The Третья страница Sun — и, должен добавить, у меня — эта неожиданная тактика была по достоинству оценена сотрудниками службы безопасности BH, которые прибыли в беспрецедентном количестве, чтобы решить, что делать дальше. В течение многих лет после этого меня спрашивали, когда бы я ни проходил через На приеме по дороге в студию я спрашивал, придет ли кто-нибудь из моих “друзей” в тот вечер. Я точно знал, что подразумевалось под этим запросом. Единственный раз, когда эта женщина появилась на работе, она лежала полностью одетая перед

“лендровером”, которым я тогда управлял , и нет никаких сомнений в том, что если бы наша подруга Мэдж, изображавшая простую деревенскую девушку и дочь художника Лоуренса Селфа, не была бы со мной и не увидела бы нога, торчащая из—под машины, несмотря на темноту, - это было после

полночь — я бы бросил “Лендровер ” на первой встречной, отъехал от обочины и убил прекрасную блондинку.

Кстати, я могу поручиться за превосходную фигуру блондинки, потому что в течение многих лет она присылала мне свои фотографии обнаженной, а также письма , наполненные причудливо перемешанными религиозными, расистскими и медицинскими намеками и предложениями и требованиями, чтобы я что—то сделал с отсутствием признания — и денег - у нее. получил за то, что написал все песни, столь ошибочно приписываемые Полу Маккартни, и Пол Саймон. Я почти уверен, что узнал эту женщину, чье имя мне известно, когда в последний раз был в Бирмингеме. Она стояла одна, одетая в лохмотья, в центре города, вызывая отвращение и насмешки прохожих. Боюсь, что я тоже, в соответствии с библейским приоритетом, перешел на другую сторону, но не из-за отсутствия сочувствия , а из-за того, что совершенно не представлял, что можно сделать, чтобы помочь ей.

Но вернемся к Мэллори Парк. Мы с Шейлой поехали на автодром на нашем “Фольксвагене-дормобиле” и, подъехав к нему поближе, были поражены количеством девушек, которые тащились в том же направлении, одетые в Шикарные ролики из Бэй-Сити. Чего они не знали, а мы не знали, так это того, что The Rollers, на тот момент самая крикливая группа в стране, должны были выступить во время гонок — в дополнение ко всем развлечениям на Radio 1 , там была полная программа, посвященная автоспорту, включающая, например, формула “Данлоп - звезда завтрашнего дня” Гонка Ford Championship Race и Allied Polymer Гонка Формулы Ford 200 (нечетные номера), а также демонстрация драгстера Дэйва Ли и Трэвиса и гонка диск-жокеев BBC Popstacle Race. Для некоторых

причина, по которой я был освобожден от участия в последней из названных, заключалась в том, что я добрался до трассы в хорошем настроении и с дормобилем, наполненным безумно перевозбужденным Поклонники роллеров, которых мы подобрали на обочине дороги. Это были, как мне показалось, в основном крепкие четырнадцатилетние подростки, чья коренастость резко подчеркивалась нарядами в клетку, которые были на них надеты. Попрощавшись с ними, мы с Шейлой направились в элитный район на внутренней стороне автодрома.

Для тех, кто не знаком с Мэллори-парком, скажу, что в середине западной оконечности трассы есть большое озеро, на северном берегу которого находится собачий двор.- остров в форме кости, соединенный с материком узким пешеходным мостиком. На восточной оконечности этого острова в тот неповторимый июльский полдень был установлен шатер в средневековом стиле, из которого мы могли наблюдать за скачками, не опасаясь приставаний молодых людей, жаждущих познакомиться с предпочитаемым ими катком в Бэй-Сити. Прежде чем я смог добраться до этого святилища, я внес свой небольшой вклад в праздник души и разума, провезя небольшие группы фанатов Radio 1 по трассе со скоростью, эквивалентной скорости автомобильного диктанта. Интересно, многие ли из моих пассажиров, за рулем которых при большей удаче могли бы оказаться Пол Бернетт или Саймон Бейтс, помнят этот опыт как одно из самых ярких событий в своей жизни?

Пока я был так занят, Шейла отправилась в шатер, имитирующий средневековый, чтобы, так сказать, подготовить дорогу своему господину, и я присоединился к ней там вскоре после двух часов дня, разумеется, во время затишья на празднике скорости, которое позволило нам пересечь трассу.

Я вышел из палатки, когда вертолет был уже в воздухе.

доставьте горстку роллеров из Бэй-Сити на западную оконечность острова в форме кости. На этом месте был — и, возможно, до сих пор находится — наблюдательный пункт, нечто вроде двухэтажной оранжереи, и именно отсюда можно было увидеть Бэй-Сити-Роллс и быть замеченным другими. Уже значительное количество их фанатов перебежало трассу и с криками стояло на краю небольшой полоски воды, которая отделяла материк от острова. С каждой минутой к ним присоединялось все больше людей, поток людей в клетчатых одеждах, который, казалось, подобно прорвавшемуся водопроводу, невозможно было остановить. Естественно, их целью было попасть на остров , чтобы хотя бы прикоснуться к подолу одежды — конечно, тоже клетчатой — своих жизнерадостных героев. Узкий пешеходный мост, упомянутый выше , был нереалистичным вариантом, поскольку его охранял собственный крепыш Гораций. (Я смутно припоминаю, что Ларс Порсена с чудесным именем из Клузиума сыграл какую-то роль в истории с Горацием и мостом, но я забыл , какую именно, поэтому, увы, не могу включить Ларса в эту историю.)

Я стоял у входа в палатку, рядом с превосходным Джонни Уокером, и мы с ним оба заметили важный поп-момент в “Мэллори” Парк, хотя и один из них почти затерялся в суматохе. На протяжении семидесятых годов группа Slade пользовалась значительным успехом, выпустив ряд пластинок, включая “Mama Weer All Crazee Now’, ‘Cum On Feel The Noize’ и замечательный ‘Bangin’ Man’, неправильное написание названий которого предшествовало увлечению гангста-рэпом фонетической орфографией почти на три десятилетия. Ведущий певец Нодди Холдер был еще одним гостем на этой вечеринке Мэллори Парк-айленд, и когда он перешел мост,

миновал Горация и незамеченным прошел сквозь толпу фанатов “Роллерс”. Должно быть, он подумал: “Ну, вот и все’.

Но у нас с Джонни было мало времени размышлять об эфемерности популярности, поскольку мы были более смелыми фанатами, наполовину обезумевшими от близости залива Городские роллеры начали пробираться к острову вброд , по

грязи, сорнякам и, я полагаю, утиному дерьму. Единственной организованной силой , имевшейся в наличии, чтобы попытаться остановить эту волну, был, с трудом поддающийся оценке, подводный клуб Би-би-си, члены которого были одеты в ласты и гидрокостюмы. Мы с Джонни и другими гостями в изумлении наблюдали, как эти похожие на лягушек фигуры вытаскивали из водорослей бьющихся в истерике девушек и, за неимением какой-либо разумной альтернативы, переносили их обратно на противоположный берег. Тут, конечно, девушки развернулись и снова поплыли обратно по воде . Тем временем вертолеты переправляли еще несколько катков в Бэй—Сити - возможно, таких, как Королевский Семья, они не смогли полететь вместе — и, хотя я, возможно, это себе вообразил, гонки возобновились. Определенно, сцена напоминала что-то Возможно, Данте вызвал это в воображении, когда пытался произвести впечатление на друзей на вечеринке, и, не в силах вникнуть во все детали происходящего, я на мгновение отвернулся , чтобы посмотреть, что происходит на самом озере. То, что я увидел, заставило меня схватить Уокера за руку , словно в тиски. По прозрачным водам озера взад-вперед носился скоростной катер, а в катере был Тони Блэкберн, махавший толпе. Катером управлял Уомбл. “Посмотри на это и поразись”, - прошептал я Джонни Уокеру. “Ты никогда больше не увидишь ничего подобного”.

Глава шестая

На прошлых выходных мы устроили вечеринку в поле через дорогу, чтобы отпраздновать мое превращение в пенсионера по старости. Мне было предоставлено некоторое представление о преимуществах, вытекающих из этого условия, поскольку вот уже несколько месяцев я получаю право на пенсионный вычет в размере одного фунта за пятничный обед в “Честнат Хорс “. Вечеринка, благодаря подготовительной работе, проделанной Шейлой, ее сестрой Габриэль, нашей Александрой и

многочисленными друзьями, имела огромный успех. С того места, где я сижу, мне видны некоторые из обширных Со шведского стола остались сыр чеддер и несколько целых стилтонов , а красного вина в доме достаточно , чтобы отравить алкоголем всю деревню, в том маловероятном случае, если у меня хватит бескорыстия поделиться им с ними. Музыка была представлена к всеобщему признанию шотландской группой Camera Obscura и группой Slightly Soiled, фронтменом которой является местный фермер Питер Джордан. Питер убирал урожай до четырех часов дня, но по непонятным для меня обстоятельствам—

по—моему, это как-то связано с удельным весом, он сказал, что ему пришлось покинуть “филдс” ради гламура нашей вечеринки. Я часто говорю людям, что Slightly So -Piled - моя любимая группа после The Fall, и они , безусловно, играли в тот вечер “блиндер”. Группа ограничивает себя любимыми кантри—композициями — они выучили “Lonesome Fugitive” только для того, чтобы я мог стонать под нее, - и несколькими классическими рок-н-ролльными песнями, некоторые из текстов которых Питер запомнил наизусть. ‘Lonesome Fugitive’ важна для меня, особенно в ее версии Роя Бьюкенена, потому что именно эту песню я пел нашим детям в тех редких случаях , когда мне вообще выпадала возможность что-то спеть. На мой 45-й день рождения, важный юбилей для диджея старой школы, вместе с 3315 и в 78-м Шейла организовала запись, на которой дети пели вместе с группой Роя Бьюкенена , и выпустила ограниченное издание из шести 7-дюймовых синглов. Также на пластинке каждый из детей и их мать поют отдельно “С Днем рождения, Уильям, затем восемь, говоря: как он часто, Это несправедливо”, Александра (шесть) кричать, ‘Shuddddupppp!’, Томас (четыре) рев его мантра, - вы будете вытирать мое дно?’ и Флоренция (двух) бульканье в то время как остальная часть семьи хихикнула на нее. Как вы можете себе представить, это пластинка, которую я не могу слушать без того, чтобы не разразиться потоками звенящих волшебных слез.

Единственное, что печалит в моем шестьдесят пятом дне рождения , - это то, что на нем не было никого, кроме членов моей собственной семьи, кого я знал до того, как мне

исполнилось двадцать восемь. Спарроу - единственный человек, с которым я до сих пор поддерживаю связь со времен учебы в Вудленде. Харрисон (qv), по его словам, обеспечивал безопасность на цветочной выставке в Денби — те

Выставки цветов в Северном Уэльсе , по—видимому, могут быть немного напряженными, и я не поддерживаю связь ни с кем из тех, кто был со мной в Шрусбери, ни с кем-либо еще за два года моей службы в королевских войсках или за семь лет, проведенных в Соединенных Штатах. Состояния.

В последнее время я часто размышляю об этих вещах и ожидаю, что теперь, став пенсионером, буду размышлять о них еще больше. Я думаю, правда в том, что в Шрусбери меня не очень любили — один бывший знакомый, чьим мнением обо мне интересовался предприимчивый телевизионный исследователь, сказал, что “Джон был не из тех парней, которых можно пригласить домой на выходные. Я не совсем уверен, что подразумевается под этой фразой, но, думаю, хорошего в ней быть не может.

Конечно, у меня было несколько друзей. Такие имена, как На ум приходят Эдвардс, Солтмарш и Стивенс, но они были, в основном, намного умнее меня, никогда не были в такой же форме и, по-видимому, поступили в университет, затем возглавили семейный бизнес , прежде чем стать лордами-лейтенантами графств. Поэтому моим главным утешением за годы , проведенные в Шрусбери, была огромная польза, которую я получил от пребывания в Доме — и, в течение незабываемого года, в классе — под руководством Р. Х. Дж. Брука.

Справедливости ради надо сказать , что наши дети дали мне такое образование, которое позволяет говорить около двадцати секунд практически на любую тему, хотя нет ни одной вещи , о которой ты бы знал очень много. Я упоминаю детей в этом контексте, потому что они почти ежедневно пользуются преимуществами моего несовершенного образования, разгадывая кроссворд в The Guardian. Флоренс, в частности, извлекла пользу из этого.

на

исходя из этого, я думаю, было бы справедливо сказать, что мы с ней наконец-то сблизились после нескольких трудных лет , в течение которых моя роль слегка смущающего родителя угрожала дестабилизировать наши отношения, благодаря сочетанию быстрого разгадывания кроссворда и мобильного телефона. Я до сих пор бережно храню воспоминание о звонке, который мне позвонили однажды днем, когда я ходила по магазинам в Оксфорд-стрит. В целом наш разговор проходил примерно так:

Флосси: 'Письменный стол, десять писем?'

Я: "Секретер'.

Флосси: "Спасибо".

И только вчера Томас позвонил домой, чтобы спросить о подсказке в кроссворде "Обсервер спиди". "Это неприемлемо, папа", - сказал он, - "6-3-4". "Это выходит за рамки приличия", - предположила я. Я уверен, что не смог бы заниматься такими вещами без образования в государственной школе . |

x

После программ я обычно ездил на велосипеде к маме домой на Джеймсон-стрит. В прошлом я ездил к Джону и Хелен Уолтерс в Кройдон, затем к нашим друзьям Кнаппеттам, потом к Праудфутам или к Лайсеттам на границе Килберна и Уэст-Хэмпстеда , но когда движение в Лондоне ухудшилось, парковка стала дороже, а я растолстел, мне показалось, что лучше поехать в Лондон. проедьте на велосипеде несколько миль до Вместо этого Ноттинг-Хилл. Сама поездка обычно проходила без происшествий, хотя бывали ночи, когда велосипедисту с чересчур богатым воображением казалось, что в воздухе витает неопределенная угроза, когда я крутил педали, в то время как, если воздух был теплым, а на улицах было больше людей, Лондон казался почти

9г

романтический.

Ночь, когда меня сбил водитель и скрылся с места происшествия, была, насколько я помню, довольно безоблачной . Я направлялся в сторону Бэйсуотера Я ехал по Гайд—Парк—сквер, когда машина - цвет, марка и количество пассажиров неизвестны - выехала с боковой дороги, подрезала мое заднее колесо и, возможно, даже не заметив, что сбила меня, исчезла в ночи. Я упал на небольшой прямоугольник недавно уложенного асфальта, который в моем ошеломленном состоянии показался мне мягким, даже слегка теплым и неплохим местом для того, чтобы провести несколько минут, а возможно, и ночь, поэтому я не делал попыток подняться на ноги. Несмотря на близость Бейсуотер-роуд, на площади не было ни пешеходов, ни других транспортных средств, так что никто не мог броситься мне на помощь, проверить мои жизненные показатели или перевязать раны. Постойте, подумал я, что это за разговоры о ранах? А у меня есть раны? Я приподнялся на локте, чтобы проверить, и в этот момент почувствовал, что из моего носа течет что-то теплое и липкое. Встревоженный этим, я вытер его рукой и, поднявшись на ноги, подошел к уличному фонарю, чтобы проверить, не кровь ли это. Когда я увидел, что это не так, я поднял свой велосипед и, обнаружив, что он тоже относительно цел, продолжил свой путь в Ноттинг-Хилл.

На следующий вечер я рассказывал эту довольно непримечательную историю Малышу Дженсену, моему радио-1 Приятель по ритму, я был в эфире, и наш разговор подслушал врач, который позвонил на Би-би—си, чтобы сообщить мне, что жидкость, которая вытекла у меня из носа, могла быть спинномозговой жидкостью, что это была — и, медики, я, возможно, ошибся - спинномозговая жидкость.

9в

вещество, в котором плавал ваш мозг, и то, что оно выпало,

обычно указывает на перелом черепа. Врач объяснил дежурному офицеру , принявшему вызов, что мне следует как можно скорее обратиться в больницу.

Я провел ночь под наблюдением в близлежащем Я попал в больницу Мидлсекса и был выписан ни свет ни заря с радостной новостью, что у меня не было перелома черепа. Однако один из таблоидов также пронюхал о моем разговоре с Кидом и опубликовал статью о том, что я был срочно доставлен в больницу, где у меня диагностировали перелом черепа, но я выписался сам, чтобы представить “Top of the Pops” в тот вечер. Я предпочел бы эту историю, с ее оттенками безрассудного героизма в бессмысленном деле, правде и позвонил домой, чтобы обсудить ее с Шейлой, с которой, как оказалось, связалась конкурирующая газета , желая получить цитату и ее размышления о моей храбрости и стойкости духа. Она, зная, что оригинальная история почти полностью является плодом журналистского воображения, отметила, что цитировать художественную литературу, какой бы запоминающейся она ни была, ей не хотелось. Второй таблоид, потерпевший неудачу, ждал целый час, прежде чем позвонить снова , чтобы сказать моей жене, что они только что узнали о том, что я потерял сознание и был срочно доставлен обратно в больницу, и спросить, хочет ли она что-нибудь сказать сейчас? К счастью, Шейла, понимая, что если бы эта вторая история была правдой, она услышала бы ее первой , не запаниковала и не привела цитату.

Любопытно, что оба таблоида упустили из виду единственный по-настоящему интересный аспект всего этого дела, который они могли бы озаглавить “ТЕМНЫЙ” ЛОРД СПАСАЕТ ТОП-диджея. (Я приношу извинения за очевидный

самонадеянность этого воображаемого заголовка, но, как известно любому , кто изучает популярную прессу, любой диджей , фигурирующий в такой истории, по определению является топовым диджеем, почти так же, как любая женщина, которую когда-либо фотографировали, является моделью, и если эта фотография была сделана кем-то из ныне живущих. в Париж или Нью-Йорк, топ-модель.)

История, которую они пропустили, была основана на том факте, что моя мать, Шляпа, в течение нескольких лет прожила половину своей жизни с актером Себастьяном Шоу. Кажется, они познакомились, когда она гостила в пригороде Ладлоу у моей тети Этлин, хотя, насколько я знаю, не в уличном туалете , который сыграл такую важную, хотя и недолгую роль в моей жизни. Они встретились в более возвышенном месте, в замке Ладлоу, где Себастьян снимался в постановке. Мне никогда не нравились их отношения, хотя я никогда ничего не говорила — в конце концов, это было не мое дело, — но мне казалось, что Хэт, всегда довольно целеустремленная женщина, отвернулась от большинства своих друзей и от любой возможности более стабильных отношений посвятив себя Себастьяну. На протяжении всех их отношений, Себастьян поддерживал параллельные отношения с другой женщиной, которая была полной противоположностью Шляпы. В то время как моя мать никогда не работала, страдала избыточным весом, много пила и была довольна жизнью, которую беспристрастный наблюдатель вполне мог бы назвать убожеством, другая женщина сделала очень ответственную карьеру в сумеречном мире оперы, была подтянутой, редко выпивала и жила довольно элегантно. Тем не менее, надо сказать, что дни, которые она проводила с Себастьяном — график работы был строго четырехдневным и четырехдневным выходным, - были замечательными.,

для нее это были счастливые дни. Если бы они не отправились в Стратфорд-на-Эйвоне — любимый “Стратти” Хэта — они были в Лондоне, и мое появление на Джеймсон-стрит в предрассветные часы не всегда встречалось с безудержным ликованием, на которое я мог надеяться. И наоборот, когда Хэт оставалась одна, она часто становилась угрюмой и враждебной, а поскольку я, вероятно , был единственным человеком, которого она видела за весь день, вымещала свое недовольство на мне. Несмотря на это, мы продвигались вперед, и я снабжал ее куртками для гастролей по США, которыми отделы рекламы звукозаписывающих компаний осыпали Джона Уолтерс и я. Она с немалой гордостью рассказывала мне, что отправилась на распродажу то ли в своей куртке от Bob Seger Band, то ли в куртке от Boston, и ее перехватил американский турист, которому не терпелось либо

обсудить последнюю пластинку группы, либо, что еще лучше, купить куртку.

Ночь, когда произошел наезд, была одной из самых Ночи Себастьяна и произошли примерно во время съемок фильма “Звездные войны: возвращение джедая”, в котором он сыграл Дарта Вейдера. В более ранних фильмах Темный Роль Лорда ситхов сыграл актер Дэвид Прауз, который сыграл Зеленого Креста в длинной серии телевизионных фильмов о безопасности дорожного движения, а также в третьем фильме трилогии “Звездные войны”, в котором Вейдер предстал в образе Люка Отцу Скайуокера и был вынужден снять шлем, который он носил до сих пор, продюсерам требовался мужчина старше Провса и без сильного западного акцента, характерного для Человек с кодом Зеленого Креста. Результатом этого решения стало то, что я мог похвастаться тем, что после того, как меня ранил сбивший меня водитель, Дарт Вейдер вымыл мне голову. Немногие люди, я

хотелось бы думать, что он может это утверждать.

Себастьян/Дарт иногда приходил со Шляпой погостить ко мне и Шейле, и среди друзей Уильяма распространился слух, что Темный Лорд находится в доме. Обычно тихая аллея, которая проходит мимо нашего дома, прежде чем упереться в вершину холма, заполнилась бы озадаченными родителями, потакающими обычно эпически ленивым детям, которые, вопреки всем ожиданиям, с энтузиазмом отнеслись к прогулке, которая должна была провести их мимо Дом Рейвенскрофтов. Я полагаю, что эти дети, в основном мальчики, втайне надеялись, что, когда они будут проходить мимо дома, Себастьян выскочит из парадной двери, размахивая световой саблей, и бросит им вызов . Вместо этого дружелюбный пожилой джентльмен приглашал их войти, если у него было настроение, и показывал им простые фокусы , включая фокус с подбрасыванием монеты по столу. В наши дни такое добрососедство было бы истолковано как “ухаживание”, и орды дружинников толпились бы в нашем узком переулке, чтобы сжигать кресты и выкрикивать угрозы. Что касается меня, то я до сих пор не знаю, как Себастьян занимался этим бизнесом по обмену монетами.

В один из редких вечеров, когда я приезжал на Джеймсон-стрит с Шейлой, шляпа извинилась и, пыхтя, исчезла наверху, чтобы через десять минут появиться снова с перепачканной пандой и коричневым конвертом. Панда, которую я в последний раз видел тридцать или сорок лет назад, была моей постоянной спутницей в детстве, и я не знал, что она пережила войну. Большинство бывших владельцев панд или медведей при подобных обстоятельствах вынуждены сообщать , что их панду или медведя звали мистер Контрабандумс , Буги-вуги-медведь или что-то в этом роде-от

поэтому я горжусь тем , что могу сказать вам, что у моей панды не было имени. Это была самка, а не самец. но только потому, что у нас была другая панда, для взрослых, но живая. настоящий друг для нас с Фрэнсисом. который , скорее всего, был мужчиной. (Я не имею в виду, что у него был пенис.

просто у него были большие уши, и он почему-то казался,

мужчиной.) Я был тронут до слез, увидев своего друга детства после стольких лет. Она сидит. по состоянию на сегодняшний день. на сундуке с моей стороны нашей кровати, все еще храня воспоминания о младшем учителе.

В коричневом конверте были мои школьные отчеты.

Честно говоря, я мог бы наполнить эту книгу подробностями из этих отчетов, а также оргиями самооправдания. но я рискую свести с ума читателя , жаждущего услышать истории о звездах. Тем не менее, это было бы полезно. возможно. чтобы дать вам представление о том, как другие люди относились к младенцу Джону Рейвенскротт.

Самое раннее сообщение датировано декабрем 1945 года и поступило из детского сада мисс Джонс, который. До сих пор я забывал, что более официально он был известен как Уэстборнская школа, Вуд-Лейн. Нестон. Как я уже говорила . у мисс Джонс не было ничего подобного. На втором курсе коррекционные занятия - рисование ерунды. Мы занимались арифметикой. История. География. Священное Писание, Французский и ораторское искусство, среди прочего. Моя ораторская речь была “довольно хорошей для первого семестра”, и я якобы “очень интересовался Священным Писанием”. Мое поведение разочаровывало. ‘хорошо’

и Э. Обри Джонс, директор школы, пришла к знаменитому выводу , что “Робин очень хорошо начала учебу в школе”. Я всегда говорила людям, в том числе и вам, что ее слова были правдой. “Робин не произвела особого впечатления в школе” — история получше, если, увы,

неверный. Придурок!

В следующем семестре мое поведение ухудшилось до “примерного”. Не всегда был послушным, что больше похоже на рок-н-ролл, и мне было объявлено , что я “вполне готов попробовать петь в одиночку’. Летом 1946 года я все еще был непослушным, и мое обучение было “честным”. К весне 1947 года я ” действительно очень заинтересовался” Священным Писанием, и позже в том же году перевелся в Вудлендз, где С.П.Л. Ллойд счел меня “очень хорошим” в том, что называется Повторение. Мои критики, включая членов моей собственной семьи, настаивали бы на том, что это все еще так. Директор нашел меня ‘чрезвычайно милым мальчиком’. Когда “Вудлендс” перешел во владение господ Брук и Синкер в рождественском семестре 1948 года у “чрезвычайно милого мальчика” все пошло наперекосяк. “Мы надеемся, что в следующем семестре он проявит больше интереса ко всем сторонам школьной жизни”, - хныкали они вдвоем. В спортивном плане я “не очень хорошо разбирался в плавании” и , по-видимому, не проявлял особого интереса к футболу.

Наступило новое десятилетие, которое началось с поражения “Ливерпуля” от “Арсенала” в Финал Кубка Англии, но позже он принес нам Элвиса, я хорошо изъяснялся по-английски и “разрабатывал интересные идеи”. Я был ‘великолепен в создании моделей’. Спасибо, мисс Бейкер. Мой рост составлял четыре фута девять дюймов, а весил я чуть больше шести стоунов.

К следующей зиме я уже регулярно играл за 2-ю команду в качестве старомодного крайнего защитника и “доказал, что являюсь бесценным игроком основы ’. Я хорошо отбивал атаки и всегда был настойчив. Если кто-то из бывших участников 2-го состава XI лиги читает это, интересно, вспомнит ли он

неприятный запах, который распространялся в автобусе, в котором мы ехали на матч с “Херонуотер”. Мы провели

всю дорогу я пытался определить источник вони и теперь впервые могу признаться, что это был я. Когда автобус выехал из Деганви, я попытался незаметно пукнуть, но все пошло наперекосяк. Я не буду вдаваться в подробности, но я оставил свои испачканные трусы в раздевалке в Херонуотере и хотел бы извиниться перед теми, кто их нашел.

Следующий рождественский семестр (1952) и еще одно откровение. По словам дуэта директоров, я был “призван стать старостой в чрезвычайной ситуации” и полностью оправдал их выбор. Я совсем этого не помню , мне очень стыдно, что это было так , и я бы предпочел иметь возможность сказать вам, что я подошел к своему подростковому возрасту как к трудному и неспокойному юноше с горстью “дай мне” и полным ртом “премного благодарен”. Что бы это ни значило. Когда я уехал в Шрусбери, мой рост был пять футов, а вес - семь стоунов.

Первый отчет о Шрусбери был ужасающим. В Третьем классе нас было четырнадцать, и в разбивке по годам я был 14-м, 14-м, 13-м, 14-м и 14-м. Я не могу не задаться вопросом, кто же был тот несчастный идиот, который занял 14-е место в те третьи две недели. Я редко приносил нужные книги (Богословие), мне “не хватало энергии’ и “неудовлетворительно” (французский), “не имел ни малейшего представления о том, что такое работа ” (математика), и директор признал, что я был “ленивым” и “уклончивым’. Даже Р. Х. Джей Брук, директор школы и единомышленник, считал, что “нам лучше забыть об этом семестре и начать заново в следующем семестре’.

Однако в середине следующего семестра, когда Я перешел на более низкий IV балл, и мой классный руководитель смог написать: “Он вел себя скорее как

довольно смышленый мальчик лет четырех, а не четырнадцати«, и чувствовал, что в конце tecum “я “остался таким же отвратительным, как и всегда”. Боюсь, что, учитывая время и место, это было бы примерно равносильно современному “Он несносный маленький придурок”. Что интересно, я занял одиннадцатое место из семнадцати, и, возможно, именно это подтолкнуло меня к этому. Брук написала: “Очевидно, что в этом что-то есть, но нам предстоит долгая, терпеливая и изнурительная борьба, чтобы это выяснить. Мне нравится этот мальчик, и я думаю, у нас все получится’.

Летом 1954 года, когда Элвис записывал свои демозаписи для Сэма Филлипса в Мемфисе, было написано, что “его (мой, а не Элвиса) внешний вид и отношение к музыке довольно плачевны”, но А.Л. ле Кен, который преподавал мне историю, счел возможным написать: “Вероятно, единственный представитель этой группы , обладающий большим воображением или литературными способностями. Если он мог узнать, что он не один из царей создание, он мог бы сделать очень хорошо, и мой воспитатель отмечается тот факт, что я был ‘постепенно теряет репутацию Проблема детского дома’.

К Михайловскому семестру 1955 года я был в одной форме с Бруком и выступал за его команду, но страдал от перелома запястья в подкате — интересно, что это то самое запястье, которое Джон Бирт сломал в позорном поединке много лет спустя во время игры “пять на одну” в спортзале в Холборне — и до этого несчастного случая я впервые в жизни был лучшим в классе. Это я могу объяснить только необычайной выдержкой и пониманием моего классного руководителя, человека, которого я — вместе с, я думаю, почти всеми в Доме и многими другими мальчиками в школе — просто обожал.

Я думаю, что на каком-то уровне он понимал, что из того, что кажется неудачей, можно извлечь своего рода любопытный успех, что если вы в конечном итоге делаете что-то, что приносит вам огромное счастье, как это сделал я , вы достигли этого в той же

степени, что и в результате ваших предполагаемых “неудач”. ваши предполагаемые ‘успехи’. Мальчик, учившийся в частной школе в 1950 -х годах, чрезвычайно слабо контролировал свою жизнь. Все казалось предопределенным, предначертанным заранее, и пока я учился в школе и шел в армию, до меня дошло, что единственный доступный механизм контроля заключается в неудаче — неспособности сдать экзамены, необходимые для поступления в университет, неспособности сдать экзамены, необходимые для поступления на офицерскую подготовку.

В следующем семестре, когда уровень успеваемости был на пределе, я опустилась на третье место в классе Брук. Согласно моим отчетам, я пропустила большую часть семестра из—за болезни - должно быть, это произошло, когда я лежала в школьном санатории с тяжелым приступом кори. Я так тяжело перенес корь, что пару недель меня держали в полной темноте, и я, таким образом , упустил возможность провести время с кем-либо из моих товарищей по несчастью. Среди них, в разное время, были Ричард Ингрэмс, Кристофер Букер., Пол Фут, Вилли Раштон и Майкл Пэйлин. Первые четверо из них были очень старшими мальчиками и , вероятно, в любом случае не стали бы со мной много разговаривать, но было бы интересно понаблюдать за ними и послушать, как они играют. В то время они работали над пародией на школьный журнал “Салопиан” под названием “Уоллопиан”. Вы можете возразить, что это был, по сути, первый журнал “Частного детектива “, и я бы хотел, чтобы у меня сейчас был его экземпляр. Я даже представил то, что, по моему мнению, было уморительно забавным произведением,

написана в основном в неуклюжем подражании Джей Би Мортону, “Пляжному бродяге” из “Экспресса”.

Творчество Бичкомбера сейчас редко обсуждается , но мне казалось тогда — как и сейчас — что оно занимает центральное место в традиции того, что можно было бы назвать “сюрреалистическим” написанием комиксов и перформансом, который мы, британцы, считаем исключительно британским, но почти наверняка универсальным. Антология лучших произведений Ингрэмса Бичкомбер лежит у ног моей панды у

нашей кровати. К счастью, моя попытка написать Beachcomber был отвергнут редакционной командой Wallopian.

Несмотря на этот отпор, с тех пор я читаю “Частного детектива” Я вернулся из Калифорнии в 1967 году и до сих пор читаю ее, считая, несмотря на случайные ошибки в суждениях, что она настолько близка к официальной газете , насколько это возможно у нас. Вы чувствуете, что очерненные злодеи действительно заслуживают порицания, и частный детектив обладает впечатляющим опытом работы в долгосрочной перспективе , даже если иногда ошибается в деталях. Однажды я был приглашен на один из обедов частного детектива, прославленных в народных песнях и легендах, и сидел рядом с Полом Футом. Он был очаровательным, умным, веселым и добрым, и я пожалел, что каким-то образом не попал под его влияние во время учебы в Шрусбери. Ингрэмс показался мне холодным, даже враждебным, и когда я однажды обнаружил, что он ищет студию в подвале Broadcasting House, и привел его туда, я почувствовал, что он все еще относится ко мне, тогда, когда мне было за пятьдесят, с тем высокомерным презрением, которое он, несомненно , проявил бы в том санатории, если бы я был в хорошей форме. положение , в котором можно было бы с ним поговорить.

Брук, возможно, отчаянно нуждавшаяся в том, чтобы написать обо мне что-нибудь позитивное, предположила в моем отчете за этот семестр, что “Журналистика могла бы

похоже, у него неплохая карьера, поскольку он обладает своего рода литературным даром красноречия, который вполне может сослужить ему хорошую службу.“В то время я думал , что никто никогда не говорил обо мне ничего лучше — и подозреваю, что Брук знал об этом, когда писал мой отчет. Семестр спустя он написал, и я был уверен, с нежностью, что от него требовалось “меньше Донни Лонегана и больше конструктивных усилий’.

Меня еще больше воодушевил мой итоговый отчет по Шрусбери, написанный, когда я был на каникулах и был , по крайней мере, на год старше среднего возраста в классе. Из моих одноклассников я помню только Холла и Балфур, оба примерно

моего возраста, и оба, как и я, наслаждались последними месяцами в Шрусбери. Тот, кто научил нас этому термину на латыни — подпись неразборчива, — довольно точно подытожил мою общую успеваемость. ‘Жизнерадостно некомпетентный’, - написал он.

Снаружи его манили кошмарные миры работы и военной службы.

À

Глава седьмая

За те четыре года, что я провел в Шрусбери, семейная жизнь кардинально изменилась. Когда я уехал, Фрэнсису оставалось служить еще два года, а десятилетний Алан жил в пансионе “Тре-Арддур Хаус” на окраине города. Холихед. Отец поселился в Хесуолле со второй женой, а мать жила в Лондоне в неустановленном месте Розари Гарденс, в квартире рядом с советским агентством ТАСС информационное агентство. (Она рассказывала, что по ночам ее часто беспокоили крики отрекшихся от престола и реваншистов, которых пытали по соседству.)

Я полагаю, что если бы мы с Фрэнсисом не проводили в школе-интернате тридцать шесть недель в году, мы бы заметили, что надвигается развод . Мы, конечно, слышали, как наши родители ссорились, обычно из-за денег и нежелания матери прекратить тратить их так быстро, как она это делала. Она совершенно ясно дала понять, что, по ее мнению, компромисса быть не может , и тратила дальше. Большая часть денег ушла на одежду, купленную либо у браунов из Честер или из бутика, которым управляет ее подруга

Рене Уильямс на показе в Паркгейте, и некоторые наряды, которые мама надевала, когда навещала нас с Фрэнсисом в Шрусбери, были для нас источником острого смущения. Перед важными событиями в школьном календаре, такими как День речи, другие мальчики спрашивали нас, придет ли наша мама , так как им, по их словам, не терпелось увидеть, во что она будет одета на этот раз. Более экстравертные парни, чем мы с Фрэнсисом , возможно, и приветствовали бы этот интерес, но мы определенно этого не сделали. Маме особенно нравились шляпы, которые, по словам отца (и не без оснований), если их перевернуть вверх дном и снабдить ручкой, прекрасно служили бы горшком под кроватью. Не то чтобы отец был большим знатоком моды, одеваясь, как он это делал, в костюмы строго традиционного покроя, которые были сшиты на десятилетия, а возможно, и на всю жизнь. К счастью, мама была готова потворствовать мне в покупке костюмов, которые максимально расширяли перечень школьной одежды . Был двойной-темно-синий костюм с нагрудником, который я носила в свой последний год в Риггс-холле, заставлял меня чувствовать себя так , словно я надела что-то от особенно модного театрального костюмера. На неопытный взгляд, он, должно быть, выглядел точно так же, как костюмы , которые каждое воскресенье носили все мальчики в школе, но я знал — и радовался этому факту каждый раз, когда надевал его, — что этот костюм был на тон светлее, чем у всех остальных. Вы должны иметь в виду, что это девиантное поведение появилось в то время, когда практически все, от королевской семьи до самого простого дорожного мастера, ходили на работу в костюме, рубашке и галстуке, и если бы вы захотели, скажем, красную рубашку, вам пришлось бы ехать в Равенну или В Ницце или еще где-нибудь

еще в Средиземноморской Европе, чтобы получить его.

Никто из моих родителей не знал, что я спрятал на дне гардероба в Хэддон-Корнер пару очень плохо сшитых и крайне неудобных

брюк-дудочек, какие носят Тедди-Бойз в Ливерпуле, Биркенхеде и за его пределами. Они, вместе с лимонно-зелеными носками, которые я купила вместе с брюками на Скотленд-роуд, были символами необузданного бунта, который я изо всех сил старалась скрыть от остальных членов семьи. Мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы спуститься вниз. Скотланд-роуд, которая в то время была одной из самых известных магистралей империи. Имейте в виду, что я бы пришел туда в брюках из твиловой ткани, спортивной куртке, вязаном галстуке и замшевых ботинках, и вы, вероятно, почувствуете, что и сами с удовольствием дали бы мне пинка. Однако именно в этой форме я регулярно посещал университет. Клуб “Шрусбери Хаус” в Эвертоне, чтобы поиграть в мини-футбол, и, хотя местные жители обычно насмехались надо мной , на меня никогда не нападали. Отец находил эти визиты непонятными и полагал, что я проявляю не совсем здоровый интерес к мальчикам. Напрасно я объяснял ему, что мне нравится играть в футбол и нравится тот факт, что ребята в “Эвертон” был готов принять меня за чистую монету, в отличие от парней из “Шрусбери”. Честно говоря, некоторые родители мальчиков, с которыми я дружил, были точно так же озадачены и по крайней мере однажды написали ему, чтобы спросить, что, черт возьми, происходит. Именно после получения этого письма он сказал мне, что даже в то время показалось мне довольно удивительным, что он даст мне пятифунтовую банкноту, если я приду домой и скажу ему, что у меня забеременела официантка. Мне не хотелось говорить ему об этом, каким бы желанным это ни было,

Я не был уверен на 100% в том, как все это происходило.

Не думаю, что ни Фрэнсис, ни я сам имели хоть какое-то представление о том, что должно было произойти, когда мы получили записку от отца, в которой он предупреждал нас о том, что он приезжает в Шрусбери через несколько дней, и хотел, чтобы мы встретились в приемной отеля “Ворон “, чтобы он мог сообщить нам нечто довольно важное. Однако мы оба знали, что каким бы важным ни было это сообщение, оно вряд ли будет хорошим.

Когда мы приехали в отель, отец уже был там, и с тех пор я часто задавался вопросом, какие мысли, должно быть, крутились у него в голове, пока он ждал нас. Он усадил нас на мягкий диван и, сев на стул напротив, рассказал, что они с мамой не ладили уже некоторое время, практически с тех пор, как он вернулся из Северная Африка в конце войны, и он будет добиваться развода. Когда развод будет оформлен окончательно, продолжал он, он снова женится — и это, по его словам, с видом человека, достающего кролика из шляпы, и есть та женщина, на которой он женится. При этих словах невысокая, довольно непримечательная на вид женщина, сидевшая неподалеку, встала, подошла и села рядом с нами. К этому времени бедный Фрэнсис тихо всхлипывал в своем углу дивана, в то время как я, в своей двойной роли Мальчика, который никогда Заплакал и старший брат — давайте сделаем так, чтобы он стал старше Брат — стал, как я подозреваю, смертельно бледным, как Я думал, что в 1950-х годах шикарная школа-интернат была эквивалентом “Что, черт возьми, мне теперь делать?’

Я ничего не помню об остальном дне, кроме прогулки с Фрэнком по Кингслендскому мосту. Больше всего на свете мы были обеспокоены тем, как повлияет предстоящий развод на нашу жизнь.

это влияет на отношение к нам других мальчиков. Сейчас трудно представить, но развод родителей считался чем-то вроде позора, и мы знали только об одном мальчике из 630 или около того в школе, который подвергся такому же проклятию.

Возвращение домой на каникулы после такого ошеломляющего события — простите за банальность, но для нас с Фрэнсисом это было не менее важно, и я думаю , что Алану, оставшемуся одному в Тре-Ардду ре, было еще труднее это осознать Залив — действительно был странным. По причинам, которые я так и не смог понять, меня отправили жить в Хесуолл к моей бабушке, в то время как Фрэнсис и Алан остались в Угол Хэддона.

Бабушка, добропорядочная жительница Глазго, жила в довольно роскошном доме в Нижней деревне, Хесуолл, на который позже,

по-видимому, позарился Ринго Старр. Она жила одна, если не считать двух служанок, одну из которых, сказочно добрую женщину по имени Бесси, чья душевная щедрость обеспечила бы ей место в любом рассказе Энид Блайтон, носила нашу фамилию. Мы всегда были озадачены этим, но недавно получили письмо от слушательницы, которой была Бесси. Тетя Бесси уверяет меня, что это просто совпадение. Бабушка уехала из Глазго в 1908 году или около того, чтобы выйти замуж за нашего дедушку. В семье ходят слухи, что она уехала на юг с баснословным приданым, которое по нынешним меркам исчисляется многими миллионами, но , увы, никаких следов этого не сохранилось. Я всегда говорю, что ничто так не поднимает настроение, как крупица несправедливо унаследованного богатства. Фрэнсис, семейный архивариус, недавно обнаружил фотографию бабушки, сделанную примерно в то же время, и она , безусловно, была очень привлекательной женщиной. Я не уверен, что в Ветхом Завете говорится о том, что ты любишь свою бабушку, но я не могу не

поверьте, это было бы без энтузиазма. Для нас, конечно, она была бесконечно древней, бесконечно морщинистой, со спокойным, аристократичным, слегка озадаченным видом. Чаи, которые она подавала, были потрясающими, с таким количеством пирожных и желе, что каждому из нас хватило бы в несколько раз больше, чем на наш собственный вес. Хотя она любила напитки — в основном сухой херес — и начинала пить с утра пораньше, она не притрагивалась ни к одной капле, как только напольные часы в холле пробивали полдень. Тогда она хотела сесть, чтобы посмотреть скачки на телевидения и делайте ставки с Мистер Пайк в Мясник, в neston. В то время эти сделки были совершенно незаконными, но бабушке все это так нравилось, что даже когда букмекерство стало легальным, она продолжала делать ставки с помощью Мистер Пайк.

Я был не слишком доволен тем, что меня поселили с Бабушка, несмотря на ее и Бесси, по-видимому , безграничное терпение и доброту. Дом был огромным, темным и не на шутку жутковатым, вдобавок к тому, что он был заполнен, как мне показалось, чрезвычайно ценными произведениями искусства. Однако бабушка была великолепна, она была готова даже проявить

интерес к пластинкам, которые я приносил домой из Ливерпуль. Я помню, как играла ее песню “Ма, он Строит мне глазки” из “Шоу Джонни Отиса ” с участием Мэри Адамс и трех тонн Joy—песня достигла второго места в чартах в Ноябрь 1957 года, и это одна из самых громких пластинок, когда—либо выпущенных, - и у бабушки сложилось впечатление, что, несмотря ни на что, она действительно была к этому неравнодушна. Имейте в виду, она также высоко оценила “Shout” братьев Айсли, еще одну великолепную пластинку, так что на каком-то уровне,

явно знала свое дело. Как и в случае со многими другими членами моей семьи, я жалею , что не знала ее лучше. Я уже тогда твердо решил, что, что бы ни случилось со мной позже в жизни, и если предположить, что я овладею чем-то иным, кроме секса в одиночку, дети, которых я мог бы стать отцом, никогда не будут отправлены в школу.

В семье поговаривали, что у отца был какой-то нервный срыв, но, возможно , это был способ скрыть от нас странные ритуалы , которые должен был соблюдать каждый, кто надеялся получить развод. Чтобы выйти в свет, необходим был один партнер, почти всегда мужчина, поскольку принятие на себя такой роли, побуждение к совершению супружеской измены или вовлечение в нее было бы полностью разрушительным для репутации женщины.

Я не сомневаюсь, что многие мужья или жены действительно воспользовались возможностью по-настоящему прелюбодействовать, почувствовать горячее дыхание третьего лица на своей шее, ощутить трепет, когда незнакомая рука ощупывает их… Ну, вы понимаете картину. Менее похотливые потенциальные разведенцы симулировали супружескую измену, шумно заселяясь в какой-нибудь безвкусный отель или паб с женщиной (или, предположительно, мужчиной). нанятые для этой работы, они подписывались в реестре своими именами и вообще давали понять всем и каждому, что, ей-богу, они ничего хорошего не замышляют. Отец, судя по всему, не был особенно

увлечен сексом, называя совершение репродуктивного акта “занятием на ферме”, поэтому , вероятно, выбрал второе блюдо.

Тем временем, отчаявшись, что я когда-нибудь найду работу, он проявил благоразумие и пригласил одного из своих конкурентов в ливерпульской хлопчатобумажной промышленности взять меня на работу рассыльным без портфолио, вероятно, рассудив, что моя некомпетентность поможет ему.

поставить своего соперника на колени. Этим соперником был чрезвычайно приятный человек по имени Тони Хайнд, на самом деле один из лучших приятелей моего отца и персонаж , которого вы легко могли встретить в одном из рассказов П.Г. Вудхауза. Компания, которую он возглавлял, называлась “Бауманн-Хайнд и Ко”, и ее офисы находились в задней части Ливерпульского хлопкового завода. Биржа (ныне снесена), с которой можно было увидеть Ливерпульский стадион, известный как место проведения соревнований по борьбе и место, где в 1954 году я видел детский хор Обернкирхена.

Детский хор Обернкирхена подарил мне, тогда сказочно наивной четырнадцатилетней девочке,- годовалый, с целым рядом острых ощущений, большинство из которых - хотя и не все — вполне уместны. На момент их мирового успеха “The Happy Wanderer” менее двух лет хит-парады основывались на записи, а не на нотах . До тех пор, пока в 1952 году не произошли изменения, которые привели к появлению искусственного интеллекта. Пластинка Мартино “Here In My Heart” стала первой пластинкой, возглавившей хит-парад, став предметом постоянных опросов в пабах . Все было основано на продажах нот. Это было вполне возможно, как в случае с такой популярной песней, как “Love Is A Many”.- Великолепная вещь или ‘Три монеты в фонтане” , чтобы покупатель мог сделать свой выбор из двадцати пяти, даже тридцати записанных вариантов номера.

Но что меня поразило, так это то, что это выглядело так, как будто Обернкирхен Запись детского хора должна была стать первой в истории, которая целый год оставалась в топе Двадцать. К моему горькому разочарованию, он исчез на пятьдесят второй

неделе, но появился снова на следующей неделе. Это сделало боль — боль, которую я испытываю до сих пор, — каким-то образом еще сильнее.

112

Мама повела меня посмотреть на хор — я не могу заставить себя снова набрать “Обернкирхен” — на стадионе во время их первого и, возможно, единственного тура по Великобритании. Это событие было не только музыкальным, но и культурным, а для меня и сексуальным. Давайте сначала поговорим о культуре.

Вряд ли вам нужно напоминать, что это произошло менее чем через семь лет после окончания войны, в которой Мерсисайд принял на себя удар со стороны Люфтваффе, от которого, можно сказать, она так и не оправилась по-настоящему. Ливерпуль и Биркенхед были покрыты обширными участками щебня — “дебрами и оллерами” (обломками и впадинами), на которых мои друзья из “Эвертон” играл в футбол, когда “Шрусбери Хаус ” был закрыт, и привезти семьдесят или восемьдесят немецких школьников и, надо полагать, несколько сопровождающих в Ливерпуль, чтобы они исполнили немецкие песни на немецком языке, было довольно смелой инициативой. Почти в то же время стоит обратить внимание на то, что, Бронированный Mercedes Германа Геринга привлек толпы людей, включая меня, в демонстрационный зал в Биркенхеде.

Теперь о сексе. С самого первого номера the Выступал хор, и я обратил внимание на хористку , сидевшую тремя рядами дальше слева. Отец одобрил бы тот факт, что этой хористкой была девушка. С нашего места в центре зала на стадионе было не очень хорошо видно ее черты, но мне нравилось, как она двигалась , и я стал одержим ею, как это бывает, когда тебе четырнадцать и ты довольно глуп. После концерта я предпринял некоторые попытки определить отдаленный объект своего желания, но был явно обречен на неудачу. На самом деле, я не думаю, что когда-нибудь узнал имя любого члена группы. то

Детский хор Обернкирхена, но я все еще вижу я мысленно представляю себе “мою” певицу и хотел бы, чтобы она знала, что ее любят. Я не хочу делать вид, что я все еще получаю эрекцию при мысли о у нее—диабет позаботилась и об этом—но я конечно же, спустя несколько лет.

У меня не было подобных устремлений на других концертов Я пошел к шляпе. Возможно, это было и к лучшему, поскольку на концертах выступали, в частности, The Four Aces, Дуэйн Эдди, Бобби Дэрин, Клайд Макфаттер, Билли Фьюри из Ливерпуля, Джонни и Харрикейнз, Эдди Кокран и Джин Винсент.

Глава восьмая

Во время моего последнего семестра в Шрусбери было много разговоров о моей будущей карьере. Казалось, все пришли к единому мнению, что у меня практически ни к чему не было способностей, семейный бизнес был на последнем издыхании и в любом случае был до одури скучным, а в нашей части страны, похоже, было мало возможностей для кандидатов в лорды Наместник графств. Кандидатов в маркграфы было еще меньше. Мне говорили, что у нас в стране нет маркграфов и что они существуют только в Центральной Европе, но, тем не менее, я по-прежнему мечтаю стать одним из них. Возможно, в расширяющейся Европе я мог бы стать маркграфом Болот титул, о котором я мечтаю.

Брук предположила, что, возможно, я смогу сделать какую-нибудь кошмарную карьеру на основе своего энтузиазма к шумным записям и написанию чрезмерно длинных и остроумных эссе. Кроме того, единственный приз, который я получил в Шрусбери , был присужден именно за такое эссе. Этот

ЛОЖЬ)

утомительно долго отвечал на заданный вопрос, ‘Что Может Сделать Человек Для Продвижения Международная репутация? Насколько я знаю, там был еще только один участник, и его вклад , должно быть, действительно был очень невелик. Я хотел бы вспомнить, что именно я предложил этому человеку сделать для продвижения международной доброй воли, но не могу вспомнить ни слова. Моим призом был пятифунтовый книжный жетон. Следует помнить, что в это время середина-1950-е годы можно было купить каменотеса коттедж в Сноудония не намного больше, чем пять фунтов. Поскольку мне не нужен был домик каменотеса, я потратил свой выигрыш на сборник мультфильмов, собранных со всего известного мира, а сдачу - на пинту пива. У меня был небольшой опыт употребления алкоголя, и хотя я с удовольствием рассказал бы вам историю подросткового пьянства, рвоты в “Принце” Руперт, неуклюжего ношения одежды барменшей, что привело к преждевременной эякуляции, и многого другого, я не могу. Во всяком случае, пока. Время от времени Мы с мальчиком по имени Родити частенько пробирались в город , чтобы посмотреть игру “Шрусбери Таун”, и у Родити, которая была на год старше меня и довольно смуглой, не было проблем с обслуживанием в одном из пабов неподалеку. Риверсайд-граунд в Шрусбери. Заметьте, я тоже , и выглядела я как двенадцатилетняя девочка. Всякий раз, когда нашего сына Уильяма называли полным именем Уильям. Роберт (в честь моего отца) Энфилд Рейвенскрофт, жаловался на энфилдскую часть этого великолепного имени, я бы заставил его замолчать, указав, что у него Я болел за “Шрусбери”, а не за “Ливерпуль”, им был бы Уильям Роберт Гей Мидоу. Рейвенскрофт. Обычно это прекращало его нытье , как, впрочем, и нытье его сестры Александры Мэри

До этих пинт в Шрусбери единственным алкоголем, который попадал мне в рот, был сидр, которым нас кормили так же, как сегодня молодых людей кормят колой, и я не испытывал опьянения, пока не стал солдатом королевы и не обнаружил, что

непрекращающаяся битва, которую мы вели, чтобы сохранить наш остров. дом, свободный от красных орд, толпящихся, так сказать, у ворот, означал, что мужчине нужно нечто большее, чем сидр. Именно во время одной из нескольких бесед, которые мы вели с папой — по его наущению, всегда по его наущению — о работе, я вспомнил кое-что из прочитанного, о том, что в викторианские времена старший сын возглавлял семейный бизнес, средний сын пошел в армию и потерял конечности и/или глаза за границей , прежде чем вернуться домой и жениться на дочери местного аристократа с глазами лани, а младший сын - обычно казавшийся слабоумным — поступил в Церковь. Я признался отцу, что был готов отказаться от своих прав старшего сына и вместо этого прикинуться слабоумным. Поскольку он был склонен представлять меня людям как “семейного идиота”, у него не нашлось много аргументов против этого.

Я должен признать, что на самом деле не верил в Боже, но я думал, что это не препятствие для прогресса в Англиканская церковь. Я втайне верил — и , полагаю, до сих пор верю, — что на самом деле никто не верит в Бога не больше, чем в Зубную фею или инспектора Морса, но никогда не был силен в отстаивании этой позиции в дебатах. Но, я имею в виду, да ладно…!

Моя неспособность верить во что—либо, кроме превосходства футбольного клуба “Ливерпуль” - это

вера, которая сама по себе немного притаилась в последние годы, не была положительно затронута моей конфирмацией на втором курсе в Шрусбери. Боюсь, я настолько неверно истолковал Священное Писание, что пришел к убеждению, что простое возложение рук каким-то необычайно мистическим образом позволит мне видеть сквозь одежду девушек. Оглядываясь сейчас назад, я не могу себе представить, как я в это поверил, но верю, что так оно и было. Таким образом, когда я торжественно возвращалась по проходу школьной часовни после благословения епископа Личфилдского, я бросила взгляд в сторону задних рядов собрания, где молились дочери сотрудников. Представьте себе горечь моего разочарования, нет, утраты иллюзий, когда я даже не смог разглядеть их сквозь верхнюю одежду, необходимую им

для того, чтобы не замерзнуть насмерть в этом месте. Я читала в какой -то неподходящей книге, что дочери рабочих обязаны носить то, что считается модным ‘нагрудная одежда”, но, несмотря на мой новый статус полноправного члена Церкви, я не увидел ни одной нагрудной повязки . Я могу сказать тебе, друг, что я был озлобленным мальчиком.

И все же, несмотря на это, и несмотря на мое недоумение по поводу того, что тебя могут побить за постоянные опоздания в церковь, мне казалось, что это прямо противоречит христианскому духу прощения, о котором мы постоянно слышим, Я все еще был готов посвятить себя служению Господу. Это было больше связано с удовольствием Я обратил внимание на язык и исполнение псалмов — там был “Te Deum”, кажется, Стэнфорда, который был записан по канону и который мне очень понравился, — и, опять же, на влияние Брук. Мой домоправитель проповедовал редко, возможно, раз в год, но когда он это делал

вы бы поверили во все, во что он просил вас поверить. Его тексты редко были взяты из Священное Писание, но что бы он ни говорил и как бы забавно он это ни говорил — а он был по— настоящему забавным человеком, - я чувствовал, что он немного нервирует, хотя и приоткрывает окно в темноту моей души.

Папа, по общему мнению, был очень увлечен Старым Завещание — версия короля Якова, конечно. Я не думаю, что ему понравилась бы эта нелепая новая Библии, которые хлынули потоком из США и, похоже , были написаны с единственной целью - оправдать внешнюю политику Вашингтона, не больше, чем я сам.

К счастью, программа “Домашние истины” на радио 4s почти еженедельно предоставляет мне возможность заново познакомиться со старыми Завещание. Как раз на этой неделе Крис Роббинс написал в программу письмо по поводу инициалов своего отца. Будучи школьником, Крис не знал их — но, с другой стороны, какой школьник знает инициалы своего отца или, если уж на то пошло, чем его отец зарабатывает на жизнь? Наведя справки, наш корреспондент выяснил, что инициалы его отца на

самом деле были Е.Х. Буква “Х” означала “Езекия”, а буква “Е” - “Скорая помощь”.

Теперь я должен признать, что до этой недели я не слышал об Ире, и, как оказалось, его история была мрачной, но интересной. Интересна тем, что она проливает иной свет на одного из наиболее часто очерняемых персонажей Ветхого Завета, Онана. Позвольте мне напомнить вам, что все это происходило во времена жестоких наказаний и деторождения, а также всех этих проблем с мандрагорами. Кажется, Иуда вошел к Шуах, и она родила сына и назвала его

его зовут Эр. Тогда Иуда снова вошел к Шуе , и она родила ему другого сына и нарекла ему имя Онан.

Несколько лет спустя, короче говоря, в Господь был недоволен Иром, к тому времени уже женатым человеком, и ударил его. И, не удовлетворившись этим, Он велел Онану войти к жене Ира и переспать с ней. Онан, будучи, по общему мнению, порядочным парнем, решил, что это несколько сурово по отношению к вдове, и, чтобы не заострять на этом внимания, излил свое семя на землю, а не на жену своего брата. Эта утонченность чувств тоже поразила его. Так Онан, во что бы вы ни верили до сих пор, на самом деле был высоконравственным человеком, а не тем придурком, каким его все считают.

Возможно, вы можете понять по моему деликатному отношению к этому откровенно мерзкому делу, что я мог бы сыграть убедительную второстепенную роль в Англиканской церкви , но этому не суждено было случиться. Вместо этого, после нескольких месяцев, проведенных телефонисткой/рассыльным в На Ливерпульской хлопковой бирже я подал заявление о досрочном призыве и вместо этого стал солдатом.

Я родился, как я уже отмечал ранее, всего за несколько дней до начала войны, 30 августа 1939 год, и когда в 1960 году правительство решило покончить с национальной службой, оно издало указ о том, что никто, родившийся во время войны или, конечно, после нее , не должен был служить. Если бы я позволил событиям идти своим официально установленным курсом, мне

пришлось бы поступить в армию, военно-морской флот или военно-воздушные силы в возрасте девятнадцати с половиной лет или около того, но, понимая , что, что бы ни случилось, мне суждено служить моей королеве и Стране, я подал заявление о досрочном призыве и вскоре после этого ему было приказано явиться на медицинское обследование и проверку интеллекта.

Все скаутеры, с которыми я проходил тесты, были в какой-то степени мудрее меня в том, как устроен мир, и когда я впоследствии похвастался некоторым из них , что справился на самом деле неплохо, они указали на это, учитывая, что медицинские тесты на самом деле невозможно подделать и что силы потребуются. в любом случае, если от вашего тела исходило тепло или врачи могли уловить биение пульса, единственный шанс избежать столкновения с колонной заключался в провале тестов на интеллект. Я полагаю, вы могли бы возразить, что, пройдя тесты на интеллект с такими высокими оценками Я просто продемонстрировал, насколько мне на самом деле не хватает ума.

Несколько месяцев спустя, подав заявление о вступлении в Королевская артиллерия, поддерживая семейную традицию, насчитывающую почти двадцать лет, я получил то, что Я полагаю, что на самом деле это были мои боевые приказы, и мне было приказано записаться на базовую подготовку в Освестри. Эту базовую подготовку я вспоминаю со смешанными чувствами. Пройдя некоторую подготовку в Объединенном кадетском корпусе В школе группа мальчиков, прикрепленных к В KSLI или королевской Шропширской легкой пехоте (‘Королевские Глупые маленькие идиоты, наш сержант-инструктор вызвался добровольцем , когда я сказал ему об этом), я был достаточно компетентен в строевой подготовке и, честно говоря, получал от этого удовольствие. Кроме того, дисциплина, хотя и была достаточно жесткой, была не более грубой или бессмысленной, чем многие другие вещи Я столкнулся с ним в Шрусбери. С другой стороны, моя недавно обретенная сводная сестра Кэрол встречалась со вторым лейтенантом, ответственным за нашу учебную программу. Кэрол, симпатичная девушка, для которой можно было бы подобрать определение “свеженькая” , была

старшей дочерью моей мачехи Альты.

Отец был помолвлен с Альтой до того, как

я встретил свою маму и влюбился в нее во время лыжных каникул в Венгене. Мой дедушка и так уже выражал неодобрение отношениям отца с Альтой, поскольку его шокировало, что она твердо решила изучать медицину — в Эдинбурге — и стать врачом. Она никогда не умела скрывать тот факт, что я или Фрэнсис ей ни в малейшей степени не нравимся. Алан, любимец отца, нравился ей меньше всего, возможно, потому, что Алан был примерно одного возраста с ее младшей дочерью Сью и проявлял признаки мальчишеского интереса к подпупочным прелестям Сью, как он их называл.

Но Кэрол, которая проходила обучение, чтобы стать медсестрой-ортопедом в Освестри, в течение этих трех неуютных месяцев всегда была со мной любезна и великодушна

.

Ее бойфренд, чье имя, увы, затерялось в туманах предыстории, был совсем другим. Казалось, он никогда не утруждал себя запоминанием имен других новобранцев в нашем отряде, полагаясь исключительно на то, что, пытаясь продемонстрировать сержантам , что он знает, что делает, и может быть суровым блюстителем дисциплины, когда это необходимо, выкрикивал мое имя и устраивал мне разнос. В тех, к счастью, редких случаях, когда я встречал его дома или с Кэрол, он настаивал, чтобы я называл его ‘Сэр’. Я думаю, для этого нужно быть каким-то особенным болваном.

По завершении нашего обучения стало ясно , что, как бы я ни был хорош в строевой подготовке — боюсь, за исключением того, что менял шаг на марше, — я , скорее всего, стану тем редким созданием, бывшим учеником государственной школы, которому не удалось получить офицерский чин. И снова я воспользовался единственным доступным мне вариантом.

Разум подсказывал, что получить комиссионные означало бы проводить большую часть своего времени с мужчинами вроде бывшего Кэрол , а это определенно было не то, чего я хотела от него Армейская жизнь. !

После базовой подготовки, стрелок 23558538 Рейвенскрофта Дж. отправили в лагерь Ларкхилл на равнине Солсбери. Ему это не очень понравилось.

Ларкхилл был намного, намного тяжелее, чем все, что я когда-либо испытывал в жизни. Я, например, никогда не встречал людей, готовых сражаться за то, что, казалось, было сущим пустяком, хотя я однажды ударил мальчика Бардсли за то, что он издевался над Фрэнсисом в Вудлендсе, и довольно обидчивого парня в очках по фамилии Смит, которого несколько моих друзей заставили разлить бутылку Квинка обагри меня чернилами в Шрусбери. Смит довольно резко сел, когда я ударил его, и разрыдался. Хотя кому-то это могло показаться удовлетворительным заключением, я чувствовал себя ужасно, и если бы Смит, который, как мне сказали, после окончания университета уехал жить на отдаленный остров и предавался прекрасным мыслям , читает это: “Мне жаль.

Но некоторые — очень многие — парни из Ларкхилла, казалось , были охвачены каким-то психозом, и жизнь для бледного юноши с аристократическим акцентом могла быть очень неприятной. Благодаря политике, в основе которой лежала малодушная трусость, мне удавалось избегать побоев, но часто это было на грани срыва. Единственное удовольствие, которое я получил в Ларкхилле — и судьба милостиво стерла почти все воспоминания о нескольких месяцах, проведенных там, за исключением этого, — это дежурство по ночам в гараже для машин. Если набраться смелости, можно забраться в кабину автомобиля. Матадор, и ты будешь там спать лучше, чем если бы ты спал со своим тестостероном-123

обезумевших сослуживцев в медвежьей яме, которая служила им местом дислокации. Еще лучше, чем это, было то, что на рассвете ближайшим невоенным зданием к складам для хранения техники

оказался Стоунхендж, и увидеть Стоунхендж, появляющийся из мрака и тумана и (время от времени) освещаемый ранним утренним солнцем, вызывал сильное волнение, даже давая мне, в тех неприятных обстоятельствах, в которых я оказался, нечто, что аналитики могли бы определить как надежду. Еще одну надежду мне дала супружеская пара , управляющая столовой Армии спасения в лагере. Не думаю, что я когда-либо знал их имена, но я многим им обязан. Они были необычайно добры и терпеливы к солдату — и, должно быть, были и другие, — которые не могли справиться с культурой мачо в Ларкхилле , и их щедрость породила во мне привязанность к Армии спасения на всю жизнь. Я знаю , что люди с такой работой, как у меня, обычно подразумевают , что они жертвуют огромные суммы денег на благотворительность и что они каждую ночь плачут перед сном , думая о детях, находящихся в неблагоприятном положении. Я не настолько лицемерен, чтобы пытаться создать у вас такое впечатление, но большая часть этих мизерных сумм Я действительно раздаю пожертвования в Армию Салли.

Возможно, понимая, что я, возможно, приближаюсь к какому-то кризису, супружеская пара из Армии спасения помогла мне подготовить заявление о назначении на работу в Ларкхилл из соображений сострадания. Честно говоря, я бы поехал в любое другое место на Земле, но, по их предложению, я обосновал свое заявление тем фактом , что мои родители недавно развелись и что моему десятилетнему брату Алану, на которого я в то время действительно оказывал значительное влияние, нужно было, чтобы я жил где-нибудь поблизости туда, где он садился на борт в бухте Тре-Арддур, Англси. Я

ожидал, что Военное министерство, или кто бы там ни был , кому я отправил это заявление, ответит лаконичным “Чушь собачья!”, поэтому был поражен и обрадован , когда получил сообщение из штаба, что меня направляют в Испытательный центр Королевской артиллерии, штат Ти Лагерь Кроуз, Англси. Лагерь, который вскоре стал испытательным центром (управляемое оружие) Королевская артиллерия, находился в нескольких сотнях ярдов от Кейбл-Бей, где мы провели много дней, валяя дурака на песке и скалах, когда я был ребенком, примерно в пяти милях от

Роснейгра, где Дедушка Рейвенскрофт жил там много лет, и мы проводили там почти каждое лето моей юной жизни, примерно в пятнадцати милях от школы Алана. В качестве бонуса, “Тайкроуз” отличался от большинства других военных заведений тем, что на каждых двух-трех солдат приходилось по офицеру, и, как следствие, здесь царила относительно спокойная обстановка . Заметьте, только относительно

.

Следующие полтора года меня разместили на краю лагерного плаца, и в остальном я имел беспрепятственный вид на море, за травой и скалами. У меня бывали каникулы и похуже.

В тот первый вечер в “Тай Круз” я впервые встретил Джорди. Его звали Джорди Коулман, и он был похож на футболиста. Возможно, так оно и было. Когда я впервые услышал, как он говорит, я предположил, что он, должно быть, является частью притока новых людей. Венгерские беженцы, которые недавно бежали из своей страны в нашу. Прошло несколько недель, прежде чем я смог понять хоть одно его слово. Джорди Коулман был далеко не единственным сюрпризом, с которым я столкнулся в лагере.

Моей первой работой в Ty Croes было наблюдение за дальностью полета. Несмотря на невероятную привлекательность этого майского

M25

судя по звуку, он состоял в основном из покраски радарных установок и генераторов, которые их питали. Они были выкрашены в вездесущий оливковый цвет, и большую часть дня можно было потратить на походы в магазины за добавкой оливкового цвета и на заправку дизельным топливом для генераторов. Я быстро овладел необходимыми навыками мелкого воровства и уклонения от уплаты налогов, а также проникся невольным уважением к младшим бомбардирам, бомбардиршам и сержантам, которые контролировали почти все аспекты нашей скучной жизни. Параллельно с этим росло вопиющее неуважение

к офицерам, которые считали, что контролируют почти все аспекты нашей скучной жизни. Самыми худшими из них, безусловно, были младшие офицеры, младшие лейтенанты и подручные, которые были, в основном, моего возраста и ничуть не менее глупы. Они прошли процедуру, связанную с отбором в Военное министерство Правление, процессы, в которых все еще существовала небольшая вероятность того, что я могу оказаться вовлеченным, если не буду осторожен. Мне нравится думать, что я поставил крест на любых подобных перспективах, которые могли бы у меня быть, когда я по неосторожности провел группу людей через одну из аккуратных, хотя и довольно сентиментальных клумб перед зданием гауптвахты.

Чтобы показать, насколько глупыми могут быть эти младшие офицеры, мы высоко ценили опыт , который испытали члены нашего подразделения, отряда F, от рук одного высокомерного маленького засранца, сына старшего офицера, который остается безымянным только потому, что я, увы, не могу вспомнить его имени. Однажды очень холодной ночью этот простофиля появился в нашем буровом цеху с инструкциями о том, что необходим генератор и что его следует запустить до, а не после, что было бы гораздо разумнее, после того, как его отбуксируют в нужное место . Эти генераторы были

их и в лучшие-то времена было нелегко завести, а с понижением температуры запускать становилось все труднее. Я из предосторожности так и не научился запускать генератор, но, насколько я помню, у них было три альтернативных системы. Первым был, конечно же, автоматический стартер; вторым - рукоятка; третьим - что-то, с помощью чего специальный патрон вставлялся в стартерный двигатель и срабатывал, тем самым, как надеялись, запуская генератор. Сами генераторы были установлены на орудийных лафетах, чтобы облегчить быстрое развертывание. Само собой разумеется, что между колесами орудийного лафета и генератором не было никакой механической или электрической связи. Тем не менее, наши Младший лейтенант, расстроенный тем, что генератор не удалось запустить ни одним из методов , которые обычно считались выполнимыми, приказал пригнать грузовик , чтобы протащить лафет по

площади, вероятно, в надежде, что это каким-то образом ускорит запуск генератора. Очевидно, что любой, кто заметил бы, что это пустая трата времени и ресурсов, был бы привлечен к ответственности за нарушение субординации, поэтому прибыл грузовик, и примерно полчаса было потрачено на то, чтобы безрезультатно таскать генератор по плацу. О, как мы смеялись.

Дни проходили за тем, что мы рисовали радары на благо свободного мира, играли в футбол в сарае для строевой подготовки хлопковыми отходами или всем, что попадалось под руку, и как можно медленнее передвигались из одной точки в другую. Через несколько месяцев меня назначили на один из нескольких теоретически секретных проектов, над которыми работал TE(GW)RA. Этот проект носил кодовое название Желтая лихорадка и должен был занять следующий год.

моя жизнь.

С военной точки зрения, самое лучшее в Желтой лихорадке заключалось в том, что она ускоряла и упрощала способы, с помощью которых зенитные орудия и их операторы определяли точку, в которой снаряд , как мы надеялись, встретится со своей целью. В то время, до Желтой лихорадки, для этого использовался радар дальнего действия размером с большой грузовик, который обнаруживал цель на большом расстоянии, передавал информацию на радар меньшего размера, а оттуда на орудия. Затем они были натренированы на мишени — наведены, если хотите, — вручную несколькими закрепленными за ними стрелками , которые, получив приказ “Огонь”, открыли огонь. Еще раз повторю, то, что вы можете истолковать как чуткое отношение к потребностям национальной обороны и понимание того, что даже сейчас лучше помнить, что у стен есть уши, связано не столько с осторожностью, сколько с тем, что мне никогда не приходилось работать с этими тяжелыми орудиями и, следовательно, я не имею ни малейшего представления о них что происходило дальше. “Желтая лихорадка”, которая была размером с кабину большого грузовика, была необычна тем, что, в отличие от обычных декораций, у которых сверху была вращающаяся антенна , вся эта штука вращалась. Это означало,

что когда что—то шло не так — мне рассказывали , что это было равносильно перегоранию предохранителя, - вся установка выходила из-под контроля, и оба оператора цеплялись за специально предусмотренные ручки, чтобы их не выбросило. Если бы это сработало должным образом , я полагаю, как это всегда бывает, это привело бы к прекращению военных действий в том виде, в каком мы их понимаем, и сделало бы жизнь безопаснее и лучше для всех нас. Что подводит меня к следующему…

С невоенной точки зрения, лучшим в Желтой лихорадке было то, что она редко срабатывала. Оборудование было расположено на некотором расстоянии от

основной лагерь находился за пределами зоны безопасности, и нам повезло, что мы работали над ним летом 1959 года, одним из тех летних периодов, когда люди скажут вам, что у нас их больше нет. Светило солнце, дул теплый ветерок, чайки — возможно, в том числе бакланы и морские котята — кружились и пикировали в нежном воздухе, а мы сидели и рисовали оливково -серым цветом все, что казалось поддающимся раскрашиванию, играли в футбол или, думаю, только в моем случае, карабкались на скалы, с которых я мог видеть море. Бунгало, Дедушкин дом, в котором, увы, больше никто не живет Дедушка — сидеть у воды, смотреть , как разбиваются волны, и размышлять о жизни в целом. Ученые тем временем будут копаться в недрах Желтой лихорадки и гадать, что же, черт возьми, пошло не так на этот раз. Будучи потенциальным пушечным мясом, скромным стрелком, у которого были все шансы остаться стрелком, я не играл никакой роли в технической жизни Yellow Fever, несмотря на то, что сдал экзамены на звание оператора радара BII. Я, как человек, по сути, незнакомый со сдачей экзаменов, добился этого, выучив инструкцию по строевой подготовке на манер попугая. Это полностью удовлетворило армейских экзаменаторов, которые, по-видимому, сочли, что понимание содержания инструкции по строевой подготовке не соответствует предъявляемым требованиям.

Я бы не хотел, чтобы налогоплательщики думали, что их деньги тратятся на нас впустую. Время от времени желтая лихорадка

давала о себе знать, и когда это случалось, Королевские ввс вызывали самолеты Долине и пролетел над нами на высокой скорости и малой высоте, надежно скрытый от нашего взгляда — и, увы, от взгляда Желтой лихорадки — на фоне залитой солнцем далекой Сноудонии. Это , несомненно, было захватывающе, и, когда мы закончили работу, чтобы-129

отправившись на двадцатиминутную прогулку в лагерь для нашего получасового перерыва в НААФИ, мы были горды тем, что можем рассказать о том вкладе, который мы вносим в защиту свободного мира. На самом деле это совсем не так , но приводит к рассказу о демонстрации потенциальной опасности желтой лихорадки перед высокопоставленными сотрудниками НАТО, которые привезли нас в Манорбиер в Южном Уэльсе.

Большинство парней, с которыми я в то время делил квартиру, были выходцами из Клайдбанка, и я сожалел, как ни о чем другом в своей жизни, что потерял с ними связь после дембеля. Само собой разумеется, что всех их звали Джок. Я особенно хорошо помню Джока Хэмилтона и Джока Стила и подозреваю, что они, возможно, были в той компании, которая совершила томительное путешествие на поезде до Манорбье. В какой-то момент мы ехали по лесистой местности в грузовиках для перевозки скота, к счастью, в грузовиках для перевозки скота, которые, очевидно , уже некоторое время были свободны от скота, и час за часом катили под мягким солнечным светом. По прибытии в Манорбье у нас было несколько дней репетиций, в течение которых Yellow Fever вела себя безупречно, перед тем как мы должны были произвести впечатление на руководителей НАТО.

Утро выдалось дождливым и ветреным, и демонстрация прошла неудачно. Не совсем хорошо. Мой единственный вклад состоял в том, что в определенный момент вступительного замечания я быстро привлек к себе внимание, наклонился вперед и что-то включил. Я проделал это без сучка и задоринки, но на обратном пути споткнулся о трос и упал ничком . Руководители НАТО не рассмеялись, но, полагаю, руководители НАТО редко смеются. С этого момента дела быстро пошли под откос, и к концу

в тот день тысячи снарядов были выпущены по ряду дрог, которые буксировались в небе над нами, и ни одно из них не попало в цель. Я почти уверен, что это фактически положило конец Желтой лихорадке. Это, безусловно, ознаменовало конец моего участия в ИТ, поскольку я вызвался занять недавно освободившуюся должность разносчика батареек.

Я объяснил капитану, насколько я подхожу для этой работы. Джонс, единственный офицер в нашей батарее, к которому можно было испытывать хоть какое-то уважение, был основан на счастливом стечении обстоятельств - у меня было четыре высших разряда (Английский язык, история, география и Математика) и мотоцикл James 150, который я был готов предоставить в распоряжение Ее Величества , чтобы ускорить общение между офицерами и солдатами — выигрышная комбинация, я уверен, вы согласитесь. Капитан. Джонс, конечно, так и сделал.

#1

Глава девятая

Было сказано, что первое правило для национального Военнослужащий, впервые поступивший на военную службу, никогда не должен был признаваться в наличии особых навыков и идти добровольцем просто так. Возможно, формально это два правила. По большому счету, это — или эти — оставалось здравым смыслом Первый принцип — или здравые Первые принципы. Все утверждали, что были застигнуты врасплох неизвестным. вопрос сержанта об их умении ездить на велосипеде, а именно:

‘Кто-нибудь из вас или этих ужасных человечков умеет ездить на велосипеде?”

“О, скорее, бомбардир. Я умею ездить на велосипеде’.

“Что ж, тогда сбегай в сержантскую столовую с этим комично тяжелым свертком, а потом сбегай на кухню и явись на чистку

картофеля

“.

Что-то в этом роде.

Мой собственный момент “катания на велосипеде” произошел во время лекции эксперта по стрелковому оружию о пистолете Bren. Я неоднократно разбирал и собирал пистолеты Bren в кадетской школе

корпус, хотя на самом деле я никогда из него не стрелял. Очевидно, что инструктаж скучающих национальных военнослужащих по обращению с оружием, даже автоматическим , не мог быть очень веселым занятием, и наш эксперт, сержант, построил свое выступление таким образом, что оставил единственный слегка забавный аспект оружия в качестве своего рода кульминационного момента. К сожалению, я был слишком умным , чтобы сдержаться, поэтому, когда он поднял голову, указал на Bren и спросил, знает ли кто-нибудь из нас, как называется эта часть оружия, я украл его доверие, заявив, что это стопорная гайка ствола Фиксирующий поршень. Инструктор, что вполне объяснимо, был в ярости. ‘ Ладно, - прорычал он. - Если ты такой чертовски умный, то можешь собрать эти два брена и бегать с ними по площади, пока я не прикажу тебе остановиться.

Что я и сделал.

С тех пор я держал рот на замке. По крайней мере, до тех пор, пока крутые парни из “биллет” не пригласили меня присоединиться к ним на рождественской вечеринке. Позвольте мне объяснить, что это далеко не так весело, как может показаться некоторым из вас. Рождественская вечеринка в тылу заключалась в том, чтобы просто остаться в лагере на каникулы, сохранив, если хотите, своего рода костяк персонала. Среди моих обязанностей было убирать за сержантами после рождественской вечеринки, и именно из-за этого мы с ребятами из Клайдбанка вызвались добровольцами на службу.

Мы уже открыли для себя неожиданные преимущества добровольной помощи в перевозке семей офицеров из одного населенного пункта в Роснейгре или Аберффрау в другой. Во-первых, жены офицеров обычно переживали из-за этого и угощали нас чаем с пирожными. я хотел бы сказать вам, что они

иногда он также предлагал нам сексуальные услуги, но это было бы полной неправдой. Широко распространено мнение, что в чай что-то добавляли, чтобы устранить любые сексуальные позывы, которые у нас могли возникнуть, и это , должно быть, 1) было правдой и 2) сработало. Я не помню, чтобы кто-нибудь в нашей части утверждал , что за те восемнадцать месяцев, что я там находился, у него вообще был какой-либо сексуальный опыт, даже с женами офицеров.

После чая с печеньем мы укладывали домашнюю утварь в чайные ящики, заботясь о том, чтобы рядом или сверху лежали предметы, которые нам нравились на вид. Затем мы переносили ящики с чаем в грузовик и, когда он наполнялся, отправлялись в новый дом семьи. Притормаживая на крутых поворотах или горбатых мостах, мы выбрасывали заранее отобранные вещи на обочину - мы никогда не брали с собой ценные вещи или что-то еще, чего могло не хватить, вместо этого сосредоточившись на том, что могло бы улучшить качество нашей жизни в деревне. Затем, после Работая, я ездил по тому же маршруту на “Джеймсе” и собирал вещи, которые мы выбросили из грузовика.

аналогичные принципы — или их отсутствие — применялись и к рождественской вечеринке сержантов. Все, что от нас требовалось, - это прийти на следующее утро и навести порядок в этом большом беспорядке. По прибытии в довольно невзрачное здание мы с товарищами не были удивлены, обнаружив, что там все еще присутствуют сержанты. К счастью для нас, все они были без сознания и, если не считать того, что время от времени издавали тихие стоны, не мешали нам выполнять наши обязанности.

Те, кто в прошлом году добровольно участвовал в “тыловой

вечеринке", рассказали нам, что , хотя было продано много выпивки и сигарет,

в начале вечера эта бухгалтерия велась довольно скрупулезно, затем пришла в беспорядок, а затем была полностью заброшена в предрассветные часы. Таким образом , никто не имел ни малейшего представления о том, какие запасы были проданы, а какие остались, и нам пришлось убрать как можно больше из того, что осталось, прежде чем кто-либо пришел в себя. Это было легко сделать довольно незаметно, если вы были одеты, как мы, в мешковатые джинсы, плотно заправленные на лодыжках в гетры. Мои шотландские приятели, должно быть, были любимцами своего общества, когда несколько дней спустя вернулись домой на Хогманай, изнемогая под тяжестью армейского шотландского виски и коктейлей Navy Cut. В ночь большого пожара у нас получилось еще лучше.

Сигнал тревоги впервые прозвучал около двух часов ночи, почти в тот же момент, когда группа людей В барак вошли сержанты и подняли нас с постелей. "Это всего лишь чертова учебная тревога", - ворчали мы друг другу , одеваясь. Так вот, в то время королевские правила гласили, что военнослужащие, вызванные на противопожарные учения, должны были носить жестяные шляпы и ботинки. Что было надето между ними, не уточнялось, поэтому мы вышли на холод и в темноту в своих защитных шлемах, ботинках и пижамах. Затем мы построились, и нас по двое провели к пункту сбора перед лагерным кинотеатром. На бегу мы заметили , что склады квартирмейстера охвачены пламенем.

Это было — и, возможно, остается — традицией в Силы, которые всякий раз, когда кражи из магазинов доходили до такой степени, что самый опытный бухгалтер уже не мог скрывать недостачу, квартирмейстер поджигал магазин. Боюсь, что, по нашему циничному мнению, именно это и произошло, как мы предполагали. Когда мы снова вышли из кинотеатра, несколько человек

в сотне ярдов от пожара я позаботился о том, чтобы занять свое место сзади, рассудив, что если от кого -то и потребуется рисковать жизнью, чтобы спасти горы старых шинелей и прочего хлама, то это будут те, кто находится впереди . К моему ужасу, отряд развернулся так, что теперь я был впереди, и мы двинулись к месту пожара.

Когда я оказался у магазина, мне в руки сунули топор и втолкнули в горящее здание, приказав выбросить все, что я смогу найти. В то время я думал, что все это какая-то ерунда, но если бы здание, которое в итоге было почти разрушено, рухнуло прямо на меня, Я бы перестал смеяться в два счета. Прошло совсем немного времени, прежде чем в окнах начали появляться лица сотрудников “Клайдбанка”, которые быстро оценили коммерческий потенциал этого пожара и которым было приказано собрать все, что я и мои коллеги -пожарные по принуждению выбросили, с конкретными просьбами. ‘Джон, ты не можешь найти какие-нибудь тостеры?” Помню, как меня спрашивали , когда я совершал свою героическую работу, а надо мной трещали балки крыши, асбестовые панели взрывались от жары. Это, несомненно, была самая большая опасность, с которой я столкнулся во время своей национальной Служба — за исключением, возможно, тех нескольких несчастных месяцев, в течение которых я был вратарем в Лагерная хоккейная команда. Боюсь, это еще одно дело, на которое я вызвался добровольно.

Я уже упоминал, что мы были не очень высокого мнения о наших офицерах, за исключением капитана Дж. Джонс, но армейская жизнь не давала нам абсолютно никакой возможности напасть на них физически, чтобы не оказаться в Шептон-Маллет, военной тюрьме. Однако мы неторопливо спускались с Желтого

Однажды мы заболели лихорадкой и прошли мимо защиты хоккейной команды лагеря, которая проводила тренировочный матч против нападения. Наблюдая за игрой, мы увидели капитана. Хогг получает особенно сильный удар клюшкой от

игрока соперника и с тихим стоном падает на землю. “В этом хоккее есть нечто большее , чем кажется на первый взгляд”, - пробормотал кто-то. Так что, скорее из бравады, чем по какой-либо другой причине, я предложил свои услуги в качестве вратаря, пообещав, что сделаю все возможное, чтобы травмировать любого офицера, который выйдет против меня.

К сожалению, это тоже имело неприятные последствия. Я быстро понял, что быть вратарем в армейском хоккее - это не очень хорошо. Совсем не хорошо . У меня было гораздо больше шансов получить травму, чем быть в состоянии нанести ее, и, что еще хуже, как единственному рядовому солдату в команде, мне приходилось ездить на выездные матчи в одиночку в кузове грузовика. Когда офицеры умчались прочь от Тайкроуза в своих MG и Торжествуя победу, я перелезал через заднюю дверь, хотя королевскими правилами было запрещено даже ехать впереди с водителем. Однажды я проделал этот путь от Тайкроуза до Олдершота. До и после игр никто из моих товарищей по команде не разговаривал со мной, да и во время игры они разговаривали редко, разве что пожурили меня за то, что я позволил сопернику забить. Я был никудышным вратарем, а они были никудышными людьми.

*

Дризен узнал наш адрес у Георга из “а-Мюзик” в Кельн и надеется, что мне понравится его альбом. Бекки из Дарлингтон хочет поблагодарить меня за то, что я сыграл трек от |

ее группа “We Start Fires” выступала на Radio 1 прошлым вечером и интересуется, могу ли я упомянуть даты гастролей группы. Лейбл Data Error Records из Малоу прислал белую этикетку с записью альбома Хакана Лидбо, нашего любимого шведа, и Джеффа из Orrell Парк из Ливерпуля, который раньше играл в рок -метал-группе Carcass, хочет записать каверы на популярные кантри и вестерны и прислал демо-версию своей песни “Sunday

Morning Coming Down'. Хиндзи Ди из Восточного Лондона присылает, без сопроводительной записки, свой мини-альбом "Baked Beatz" на Жалящий ярлык. (Это не имеет никакого отношения к надоедливому певцу с таким же именем.) Рекордом Хиндзи станет то, что сейчас называется grime, или eski , или sub-lo, или 2.2, или 4.4, или underground garage. Не стоит использовать ни одно из этих названий на радио, так как слушатели отправят вам электронное письмо или смс-сообщение, в котором сообщат, что никто, абсолютно никто, больше не называет это так. Сегодняшние утренние призывы к благотворительности исходят от Фонда Спасения Армии и из Фонда детского питания. Как ни странно, я с нетерпением жду возможности прослушать все записи, которые пришли с утренней почтой , и, возможно, мне придется включить некоторые из них в программы на эту неделю , что приведет к сбоям в работе - заказах, на которые я потратил выходные, — и к тому, что мне придется многое подготовить. Название, исполнитель, продолжительность, композитор(ы), издатель, лейбл, номер по каталогу, Необходимо указать название пластинки или мини-альбома (при необходимости) и номер трека или стороны и группы. Есть люди, которым кажется действительно странным, что я сам печатаю свои текущие заказы (на пишущей машинке, которую купил в Барселоне ранее в этом году, где нет "+" или "&", но вместо этого есть ряд забавных испанских персонажей), но я опровергаю их софизмы , указывая, что это единственный способ, которым я могу быть

я вполне уверен, что информация , которую я получаю, когда вещаю по радио, точна. Иногда в пылу битвы я могу проигрывать не те треки или проигрывать нужные треки с неправильной скоростью, но информация, по крайней мере, достоверна. (В прошлом году кто-то изготовил довольно неплохой значок, на котором под моей фотографией было напечатано: "Правильное время, Правильное место, неправильная скорость". Мне это очень понравилось. Это каким-то образом отражает то, что я считаю духом программы. Иногда критики предполагают, что я намеренно ставлю пластинки на неправильной скорости, чтобы казаться милым, но я утверждаю, что было бы что-то глубоко нездоровое в том, что кто-то в моем возрасте пытается быть

милым.)

Вчера вечером “Ливерпуль” играл с “Манчестер Юнайтед ” по телевизору. Вы не поймаете меня на том, что я критикую “Юнайтед”, хотя я знаю, что, возможно , эту книгу читают фанаты “Юнайтед”. Для них: если вы когда-нибудь задумывались, где находится Манчестер, он находится примерно в середине Англии слева. “Ливерпуль” проиграл, но я не смотрел. Я пытался разобраться с некоторыми коробками с демо-дисками, которые загромождают каждую комнату в доме, чтобы занять себя, зная , что если я посмотрю матч, то взвинчусь больше , чем это было бы полезно для меня.

Удаление демозаписей - едва ли не самый удручающий аспект того, что мы со смехом называем “моей работой”. Они приходят, в основном, на адрес Би -би-си и со всего мира. Там был один из Перу во вчерашней почте, здесь, дома. Несколько недель назад, в целях исследования, я подсчитал, сколько демоверсий пришло в тот день. Их было 158. Итак, предположим, что при пятидневной рабочей неделе мы получаем 790 долларов в неделю, хотя, честно говоря, я сомневаюсь, что мы получаем так много. Давайте остановимся на 400 в неделю. Итак, предположим, что

каждый из них будет длиться 15 минут, то есть 100 часов прослушивания из 168 часов в неделю. Если вычесть из этого количество часов, потраченных на сон или попытки заснуть (56), то остается 12 часов в неделю, которые мы тратим на еду, питье, посещение туалета, просмотр телевизора, прослушивание пластинок, выполнение заказов, восхищенные взгляды на Арчи, нашего внука, и танцы голышом в в роще рядом с нашим домом. Здравый смысл подсказывает вам, что это означает, что не каждое демо будет услышано. Вчера вечером, когда “Ливерпуль” потерпел поражение на “Олд Траффорд”, я угрюмо относил коробки с компакт—дисками — большинство из них были услышаны, некоторые - нет, но все они были годичной давности - в корзину на подъездной дорожке. Среди них письма и фотографии групп. Именно тогда, когда вы смотрите на это, вас поражает грандиозность того, что вы делаете . Эти письма, дружеские, иногда слегка дерзкие, написаны, возможно, для того,

чтобы продемонстрировать, что авторы независимы, беззаботны, немного неуправляемы, а фотографии задумчивых молодых людей, выглядящих если не как наши собственные дети, то, по крайней мере, как некоторые из их друзей, вызывают у вас желание снова послушать их музыку, вопреки всему, я надеялся, что ты что -то пропустил в первый раз, что ты сможешь сразу же позвонить и спросить их, собирается ли группа по-прежнему и не будут ли они возражать, если ты поставишь какой-нибудь трек на радио. Иногда мне удается это сделать, но не часто. Так что, прости, Мип, Автосветильник, Янтарные виды, Что это?, 84 дня, Укушенный обезьяной, Тревожный звонок, Карманные боги и тысячи других. Я надеюсь — я действительно надеюсь, — что в один прекрасный день ты сможешь навестить меня в Стоумаркетском приюте для сбитых с толку и крикнуть: “Послушай, ты, старый мудак. Ты ошибался на наш счет”.

140

Наконец, в качестве помощи начинающим музыкантам, Луиза Каттенхорн, в настоящее время мой продюсер на Radio 1, и я работаем над списком того, что не следует указывать в пресс-релизах, которые вы, возможно, планируете включить в свои демозаписи. Позже будет подробный список, а пока обратите внимание на следующее: избегайте слова “джаз”, не заявляйте, что всю жизнь восхищались New York Dolls, MC5 или the Stooges (это почти наверняка означает, что вы швед или немец, носите кожаную одежду и вам под сорок) и, по возможности, не включайте в группу саксофониста. Полагаю, этого должно быть достаточно, чтобы заставить вас задуматься.

*

Вернемся в наши хаты в торговом Крус, У нас было мало времени для музыка. Удивительно, если собрались мы все вокруг печь что-либо слушать, это был Жлоб-Шоу. Несмотря на энтузиазм нашего будущего монарха по поводу “Головорезов”, я думаю, они не выдержали испытания временем. В двадцать первом веке Селлерс, Секомб и Миллиган звучат, скажем так, по-детски. Я никогда не

встречался с Гарри Секомбом или Питером Селлерсом, хотя в конце 1960-х переспал с Югославская женщина, которая утверждала, что она также довольно регулярно спала с продавцами. Она почти каждую ночь танцевала в клубе Revolution, расположенном неподалеку от Бонд-стрит, и готовилась к своим выступлениям там же, в квартире, которую я снимал на Парк-сквер Беседовал с фотографом Питером Сондерсом, известным всем моим приятелям как прекрасный Питер, каким он , бесспорно, и был. Моя югославская подруга каждый вечер переодевалась в то, что я могу описать только как кольчужное бикини с эффектом золота, прежде чем

отправляясь на поиски популярного, хотя и, по-видимому , глубоко несчастливого громилы. Если ей не удавалось его найти, она возвращалась на Парк-сквер-Мьюз и спала со мной. l

Со Спайком Миллиганом я однажды встречался, когда заменял гостя, который не явился на передачу британского военного вещания Сервис (BFBS). Он мне совсем не нравился. Для начала, Миллиган, казалось, не проявлял никакого интереса ни к кому , кроме себя, и, казалось, рассматривал меня как некую угрозу, которой я, безусловно, не был. Я был весьма взволнован неожиданной возможностью встретиться с ним и был обескуражен , когда он решил попытаться свести на нет все скучные ответы, которые я давал на скучные вопросы, которые мне, как дублеру, задавали, придумывая веселые Громиловские звуки, пока ведущий не повернулся к нему спиной.

Те из моих коллег—стрелков, которые собрались у радио, слушая “Шоу громил”, - the massed Jocks, Питер Эджсон, Стэн Уильямсон, Нил Белл, бывший шахтер из Мидлендса, Билл Стотт из Болтона (мы, конечно, были переменчивым населением, поэтому я не помню всех имен) - были бы так же опечалены, как и я , встретившись со Спайком Миллиганом в таком настроении , в каком он был в обеденный перерыв в программе на Лучшие друзья.

В музыкальном плане моим единственным настоящим союзником был человек, с которым я пытался создать скиффл-группу. Он

играл на гитаре, а я пел. Конечно, только в Бедламе мой голос считался бы мелодичным, но это не помешало нам попытаться выйти на сцену во время одного из нечастых танцев, которые проводились в лагерном кинотеатре. К счастью, едва мы вышли из-за кулис, как нас насильно вывели из зала.

на сцену. Боюсь, выпивка была уже выпита. Я не помню, какую песню мы планировали спеть, хотя , по-моему, это мог быть Джон Генри. Как вы помните, он был человеком, который управлял железными дорогами. Необычно, Я действительно помню имя моего гитариста, но также помню, что много лет назад, когда я упомянул его на радио в связи с тем же инцидентом, связанным со скиффлом, я получил от него письмо, в котором он угрожал подать в суд, если я еще раз упомяну его на публике. Так что я не буду.

К этому времени и вдохновленный, как всегда, Лонни Донеган, я начал проявлять интерес к блюзу. Я начал, как и многие до меня, с Сонни Терри и Брауни Макги. Сынок и Brownie часто гастролировали по Европе, предположительно , ненавидели друг друга, и их музыка, за исключением тех моментов, когда Сонни исполняет одно из своих соло на губной гармошке в стиле сельской жизни, теперь звучит скорее успокаивающе. От них я перешел к Хьюстону, техасцу Сэму Lightnin' Хопкинса, в основном благодаря пластинке, выпущенной в магазине звукозаписи Дуга Добелла на Чаринг-Кросс-роуд, 77, . Эта пластинка, "A Rooster Croawed In England", позже помогла мне получить мое первое место на радио WRR в Далласе, и я помню , как проигрывал ее маме, чей интерес к тому , что я, вероятно, представлял для нее как вопль угнетенного человека, был, боюсь, минимальным, и я был в восторге. разочарованный тем, что ее не тронули с места. Но Я любил Lightnin' — и продолжаю любить — и у меня больше его записей, чем у кого-либо еще, кроме The Fall. (Я догадываюсь об этом. Вы бы вполне разумно сомневаюсь в здравомыслии любого, кто знал о подобных вещах хотя бы краем уха.) Мама была гораздо больше впечатлена, когда я привез домой несколько месяцев спустя и всего за несколько недель до отплытия в

в США вышел альбом Мадди Уотерса. Сейчас это трудно себе представить, но в конце 1950-х тех из нас, кто серьезно относился к нашей музыке, глубоко беспокоила мысль об электрогитарах. Da blooz, как нам казалось, включал в себя акустическую гитару и только акустические гитары, и мы никогда не задумывались, например, о том, как сильно Роберт Джонсон или Сон Хаус любили бы электрогитары и какую потрясающую музыку они могли бы создать, если бы у них был к ним доступ . (Студенты. Смотрите мою статью о Караваджо и революции в области аэрозольных красок.) Но игра Мадди на гитаре на этом альбоме стала для меня откровением.

(Я только что заглянул в свою картотеку в поисках пластинки и немного огорчен, обнаружив, что у меня больше нет той копии, которую я проигрывал своей маме, хотя у меня есть все треки с более поздних релизов. Кстати, под каким именем вы бы назвали Мадди Уотерса, М или Ж? Его имя явно не было ни грязным, ни Уотерса звали Маккинли Морганфилд, так что его профессиональное имя было такой же конструкцией, как, скажем,, Воющий волк. Тем не менее, Мадди находится под подпиской о невыезде. W, в то время как Howlin' Wolf зарегистрирован под именем H. Я не могу себе представить, что какой-нибудь здравомыслящий человек стал бы кричать' Волк под руководством У. Если вы это сделаете, не выходите на связь. А еще есть Бо Диддли. Как-нибудь в другой раз, ладно?)

Ранее я упоминал Питера Эджсона. Эджи был единственным человеком в нашем подразделении, который действительно участвовал в боевых действиях на Кипре. Хотя мы никогда не обсуждали это с ним, нам полуофициально сообщили, что он был единственным выжившим из грузовика с людьми, взорванного ЭОКА. Хотя он был редкостью в нашей хижине, южанином, он встречался с девушкой, которая жила в Киркби, недалеко от Ливерпуля, и когда я ехал по Джеймс приезжал в Ливерпуль на футбол почти каждые выходные, он часто занимал свое место на моем

заднее сиденье. “Джеймс” не был мощным мотоциклом, и поездка по прибрежной дороге, через Бангор и В Конви и Куинсферри, конечно, было непросто, но обычно я успевал на “Энфилд ” к началу матча. В воскресенье вечером я, пыхтя , возвращался в Киркби, чтобы забрать Питера, и мы возвращались домой ночью. Зимой это была совершенно невыносимая поездка, и в большинстве выходных нам приходилось останавливаться в Пенменморе или Лланфейрфечане, чтобы побегать и попытаться выяснить, по-прежнему ли мы наслаждаемся разнообразными благами кровообращения.

За несколько недель до моего демобилизации, в то время , когда мне было присвоено почетное звание разведчика , вслед за дембелем Алана, нашего Бомбардир и бывший чемпион по боксу “Золотые перчатки “, шестеро или семеро из нас отправились в Ливерпуль , в театр “Эмпайр”, чтобы увидеть Джина Винсента, Эдди Кокрана и Билли Фьюри.

К тому времени, когда я доберусь до конца этой книги, я, возможно , составлю список из десяти лучших концертов Все время, и нет никаких сомнений в том, что Эдди Кокран и Джин Винсент из ливерпульского Империя будет в любом таком списке. Концерт подтвердил мою любовь к Джину Винсенту , в частности, на всю жизнь, хотя Эдди Кокран был почти так же хорош. Но Джин выглядел так, как я мечтал, - совершенно неуправляемым. Он почти полностью игнорировать аудиторию, уставившись безумными глазами в крылья как будто демоны скрывались за Шикарные шторы империи. Время от времени он подносил свою поврежденную ногу — скрепленную, как нам сказали, вопреки медицинским показаниям булавками — к микрофону, и тот неземной высокий, почти женский голос, которому я подпевал у себя в спальне, отдавался эхом, как от чего-то заброшенного

и страшно в ливерпульской ночи. Джин был идеален, именно таким, каким я надеялся его увидеть, и все, что мне нужно сделать, чтобы вспомнить ту ночь, - это послушать ‘Race With The Devil’, или “Who Slapped John”, или любой другой из десятков

классических треков. Возможно, тот факт, что Джин так и не добился коммерческого успеха, как следовало бы, помог мне проникнуться к нему симпатией. Годы спустя он записал альбом для Dandelion Records, лейбл, которым руководили Клайв и Шерли Селвуд, а я был своего рода художественным руководителем, и, хотя это был не самый лучший альбом, это все равно был альбом Джина Винсента. Как пел сам Джин, “Би-и-бики-би, бо-бо-бу”, и только грубый мужчина или женщина не согласились бы с этим.

Мы отправились на концерт на “Джеймс Энд” в обшарпанной машине, принадлежавшей солдату регулярной армии по имени Джинджер Фурд. Джинджер была одной из немногих завсегдатаев, готовых провести время в “Нэшнл” Служил и был человеком, который, перефразируя слова Лонни Донегана, мог рассказать много первоклассных историй. Я до сих пор могу закрыть глаза и увидеть Джинджера за рулем его машины, когда мы с ним мчались бок о бок по длинному прямому участку дороги недалеко от Хавардена.

В моем последнем отчете, который выдается каждому солдату после дембеля и редко отличается чем—то большим, чем щедростью — многим парням приходилось использовать его в качестве рекомендаций , чтобы найти работу на гражданской улице, - говорилось: “Этот человек не продемонстрировал никаких признаков приспособления к военному образу жизни”. Я был весьма горд тем, что сделал это, ни разу не попав в серьезные неприятности. Полагаю, мои грехи заключались скорее в бездействии , чем в совершении преступления, и хотя папа в очередной раз довольно негативно отнесся к тому, что я считал большим достижением, я полагал, что Брук будет

он бы криво усмехнулся, если бы когда-нибудь прочитал этот отчет. Хотя я был рад уйти из армии, Мне очень понравился тот год или около того, который я провел в Тай Круз. Лагерь оставался практически нетронутым еще долгое время после окончания Национальной службы, и годы спустя, когда телевизионная компания снимала фильм о национальных военнослужащих, которые впоследствии стали сотрудничать со

средствами массовой информации, я вернулся в ТЕ(ГВ)РА, затем в нафталиновых шариках. Исследовательница рассказала мне, что все лагеря, в которых служили те, кого выбрали для участия в программе, были снесены, а земля возвращена в гражданское пользование. “На самом деле, - сказала она, - в стране остался только один такой лагерь ’. - О, правда? - Ответил я, проявляя лишь слабый интерес. - Тогда где же это находится?’ - Он называется “Тай Круз”. Это на Англси, ’ ответила она.

Таким образом, по умолчанию я стал звездой программы, остановившись в отеле “Мейлог Лейк”, где мой отец напивался, когда мы останавливались в Роснейгр в детстве сидел на маленьком пешеходном мостике над рекой, впадающей из озера в море, — рекой, которую мой дедушка на склоне лет посвятил борьбе с водорослями, гулял по берегу, сердито ударяя по воде тростью, — и ждал, когда Шейла приедет из Саффолк с Уильямом, Александрой и Томасом, которым тогда было семь, пять и три года соответственно. Сидя на мосту и размышляя о том, что я знал это место ребенком, солдатом, а теперь и мужем, и мог ассоциировать его с моими отцом и дедушкой, которые оба были мертвы, все это стало невыносимым, и я сидел на солнышке, заливаясь слезами, свесив ноги над водой. -

К сожалению, отснятый в те выходные материал так и не был использован. Никто так и не смог меня увидеть

стоя у кинотеатра и рассказывая истории о великом пожаре и группе скиффлеровцев, или разговаривая с пожилыми местными жителями, присматривающими за лагерем, все они делали вид, что помнят меня, но это было невозможно. Киношники сказали мне, что каждый дюйм отснятого материала был передержан, но я-то был уверен в обратном. Когда я положил трубку, услышав плохие новости, я сказал Шейле, что, похоже , я был таким же никудышным бывшим солдатом, как и раньше, и мы рассмеялись.

В течение нескольких недель, предшествовавших тому моменту, когда я перестал быть 23558538 Гнр Рейвенскрофтом Дж. и снова стал Джоном Рейвенскрофтом, джентльменом, Полиция несколько раз обсуждала с папой мою будущую роль в обществе.

“Что ты собираешься делать со своей жизнью?’ Папа хотел знать, и я ответил примерно так: “Ну, знаешь, просто побродить вокруг и понаблюдать за тем, как проходит мир, я полагаю. На это папа разыграл свою лучшую карту. “Я отправлю тебя работать в В США, если хотите”. Пораженный, я только и смог пробормотать: “Да, хорошо. Посмотрим, не все ли равно’.

Из-за этого нарочитого безразличия я подумал , что разгадал его блеф. Шесть или семь месяцев спустя, когда я сел в Ливерпуле на пароход “Юджин Лайкс”, направлявшийся в Хьюстон, я узнал, что он позвонил мне , и было уже слишком поздно кричать: “Давай, папа. Я просто пошутил”.

Надо отдать ему должное, мой отец был очень скрупулезен, договорившись со своим другом Арнольдом Огденом из “Таунхед Милл”, Рочдейл, что я буду работать на него до тех пор, пока не уеду в Техас. Я полагаю, что это было сделано по настоянию Альты, нашей мачехи, которая не хотела никого из нас, мальчиков из Рейвенскрофта

слонялся по дому на Фарр-Холл-драйв, Хесуолл, куда они переехали. В общем, мне понравилось проводить время на мельнице. В течение недели я жила в отеле типа “постель и завтрак”, стараясь держаться особняком

,

а по выходным возвращалась в Хесуолл на старой “ламбретте” моей сводной сестры Кэрол. Сама работа была тяжелой, грязной и очень шумной, так как в мои обязанности входило помогать двум другим мужчинам разбирать тюки хлопка, которые были подняты лебедкой на стену здания, а затем загружать их в машины, которые еще больше измельчали хлопок, прежде чем отправить его вниз, в корпус фабрики. Идея состояла в том, что я должен был каждую неделю переходить в другую часть фабрики, чтобы узнать больше, но я обнаружил , что грубые рабочие, почти все из которых были женщинами, - это гораздо больше, чем я мог вынести. Они, вероятно, не без оснований, считали меня довольно нелепой фигурой, и через несколько часов после того, как меня переводили в другую часть фабрики, я обычно находила

дорогу обратно в комнату отдыха, откуда начинала. В конце концов, кто-то понял, что нет особого смысла пытаться научить меня фрезерованию и готовить там.

За те шесть месяцев, что я проработал в Рочдейле, я стал более подтянутым и сильным, чем когда-либо в своей жизни, и мне нравилась моя вечерняя прогулка вниз с мельницы, через небольшой парк и вверх по другой стороне долины к моему дому. У меня не было никакой общественной жизни, и я проводил вечера в своей комнате, читая Бичкомбера, Натаниэля Габбинса, Роберта Бенчли, Джеймса Тербера и П. Г. Вудхауза. “Бок о бок через Борнео” Бичкомбера я знал практически наизусть. Если бы кому -нибудь пришло в голову поинтересоваться моим мнением о ситуации, в которой я оказался в Рочдейле, я бы высказал

я был бы совершенно счастлив. Я вполне мог бы заявить, что был бы рад продолжать работать на фабрике в Таунхеде до конца своих дней.

К сожалению, папа все еще был обеспокоен моей неспособностью оказать какое-либо влияние на общественную жизнь семьи. Хесуолл, неисправности, что резко контрастирует с Членство Кэрол, так как мне казалось, каждый гольф, теннис и плавание клуб в районе. Я очень завидовал общительности Кэрол и всегда считал, что она старше меня , хотя она настаивает, что это не так. С другой стороны, я обнаружил, что большинство ее друзей были очень неприятными, самоуверенными и выпивали в гостиной с матерью Кэрол и моим отцом - и называли его “Боб”, что я расценивал как наглость, — в то время как я прятался в задней комнате, слушая Лонни Донегана.

Моей единственной уступкой папиным желаниям было вступление в футбольный клуб под названием “Ливерпульские бродяги”. То Бродягами были почти исключительно учащиеся государственных школ , которые плохо играли в футбол и встречались в баре под названием “Кривая рожа”. Войдя в Скрючившись, вы оказывались на верхней площадке лестницы, ведущей вниз, в глубь бара , и мне казалось, что, как герои мультфильма Х.М. Бейтмана, все оборачивались, чтобы

посмотреть на вновь прибывших на верхней площадке лестницы. В третий раз, когда я подвергал себя такому испытанию, когда я вошел, я почувствовал, что мои товарищи по команде, собравшиеся на площадке, начали хихикать. Я застыл в дверном проеме. В конце концов, какой-то вялый увалень отделился от толпы у бара и неторопливо подошел ко мне. “Извини, старина”, - сказал он. “Ты играешь за “Рамблерс ” сегодня днем?” Когда я нервно подтвердил, что я

было, он слегка повысил голос, чтобы сказать: “Может быть, тогда ты будешь хорошим парнем и поднимешь свои мушки”. Это было встречено хохотом, как мне показалось, всей компании. Я так и не вернулся.

Глава десятая

Весной 1960 года я уехал в Хьюстон, штат Техас. Папа пришел проводить меня. Как мне сказали годы спустя, он был невероятно опечален моим уходом, но в то время я этого не осознавал, будучи слишком поглощенным своими собственными чувствами, которые можно было бы объединить под общим названием “Ужас”. Кроме моего дяди Майкла, сводного брата матери, я не знал никого, кто бывал бы в США, и абсолютно не представлял, чего ожидать. В наши дни, когда люди владеют домами отдыха во Флориде или приезжают в Нью-Йорк за покупками, это может показаться маловероятным, но мое представление об американской жизни сложилось благодаря чтению The National Географические, дешевые приключенческие журналы, Джаз Журнал и джазовый ежемесячник, а также от прослушивания Кавер-версии песен Лонни Донегана “Ледбелли” и Песни Вуди Гатри. Таким образом , под редвудами стояло множество крепких мужчин в клетчатых рубашках , возможно, тех самых, о которых я

читал в таких легендах, как “Янки-авантюрист”. Кто открыл Долину закованных в цепи блондинок,

краснолицые пионеры в рабочих брюках и накачанные чернокожие мужчины, почти постоянно бегающие , как индюки, по кукурузному полю, чтобы успеть на поезд, идущий на юг, и посетить сельские похороны. Реальность оказалась совсем другой, и в некотором смысле разочаровывающей.

Переезд “Юджин Лайкс” прошел без происшествий , а я и пятеро других пассажиров большую часть времени смертельно скучали. В середине Атлантики мы были воодушевлены чередой самых удивительных закатов, которые я когда-либо видел, — настолько, что я лежал на единственной палубе, к которой у нас был доступ, и смотрел в небо, пока не стемнело, — и когда мы вошли в Мексиканский залив с его дельфинами и летающими птицами. рыба и температура на двадцать градусов выше всего, что я испытывал раньше, и мне действительно казалось, что я направляюсь на другую планету, а не на другой континент. |

Когда мы приблизились к устью канала , по которому проходят суда из Галвестона в Хьюстон, — единственного водного пути на Земле, по словам капитана, который когда—либо подвергался пожарам, - вы почувствовали запах нефти задолго до того, как увидели сотни и тысячи насосов на берегу. Жара и запах масла опьяняли, и было легко поверить, что среди фигур, которые я едва различал на берегу, были ОП Райли, Потерянный Джон, Бетти и Дюпре, Фрэнки, Джонни и Том Дули. И может ли этот поезд быть старым 97-м или Вабашем Пушечное ядро или двигатель на каком-нибудь выступе скалы Островная линия? И была ли та женщина с бесформенным свертком, пробиравшаяся от одного скопления деревянных лачуг, которые на самом деле немногим лучше садовых сараев , к другому, возможно, Сильви, которая принесла немного воды? Я въезжал в Одинокую страну.

Ту первую ночь в Техасе я провел в отеле в центре Хьюстона. Когда мы причалили, на причале меня никто не встретил, никто не сказал: “Привет, ты, должно быть, Джон”, но меня это не беспокоило. Как только я зарегистрировался, я отправился на прогулку. Даже ночью стояла невыносимая жара. Я был поражен количеством людей, которые все еще бродили по центру города в середине или конце вечера. Большинство из них были чернокожими, и хотя я видел чернокожих мужчин и женщин — в основном, как сказал мне папа, Сомалийцев — в Ливерпуле, я и представить себе не мог, что окажусь в месте, где половина населения - чернокожие. Вот мужчина горячо спорит с продавцом газет, а вот, несомненно, какая-то накачанная девчонка, наклонившись к машине, разговаривает с двумя ее пассажирами-мужчинами. Время от времени, пока я шел, какая-нибудь дверь распахивалась, и оттуда доносился порыв пивного воздуха, гул голосов, запах пота и звуки пластинки, которую, я был уверен, я знал. Возможно, мне было бы неловко заходить туда, хотя и не так неловко, как в “Кривую заготовку”. Может быть, я попробую сделать то, к чему пришел в следующий раз.

В итоге я вернулся в свой гостиничный номер, не в силах заснуть от жары и волнения. Утром я сел на поезд до Далласа.

Мой отец договорился, чтобы я узнал еще больше о хлопковой промышленности в компании , расположенной на хлопковой бирже Далласа, с которой он вел дела. На вокзале меня встретил человек, который , как я выяснил через несколько секунд, не только слышал о Джине Винсенте, но и, по его словам, когда-то играл в его группе. Я все еще был под кайфом от жары, пыли и первых суток моего По своему американскому опыту я без труда поверил ему.

я “м” 4 ЗАРАБАТЫВАЮ и ошибаюсь, когда вспоминаю Ф.

По часовой стрелке сверху: родители Джона, Харриет и Боб Рейвенскрофт; Джон в Рошнейгре; Джон и его братья, Алан (средний) и Фрэнсис, Джон и его отец

ШКОЛА В ШРУСБЕРИ

HHJ “d ` Дом В ВИРДЖИНИИ, телевидение : Вирджиния,

Форма

ве. Й КР Ма

ААААА ВНА -р Терм, 1985

мула становится все больше в моей жизни

Я очень люблю свою жену

Прошло 2008 лет с тех пор, как мы расстались.

4. причины, по которым Твой сын хочет жениться на мне.

Шланг) 3. Я не хочу, чтобы ТЫ был женат на киаго.

3. Я хочу, чтобы ты был женат. Был ли Фалевд, которого он назвал проном

Коврики. ДО встречи в Нью-Йорке

+ > УЛА 4

ШКОЛА ШРУСБЕРИ В Нью-Йорке,

летучая мышь ” 5 ” В ПЕРМИ, ГДЕ я ЖИВУ, и Дом.. 5 лет! Из МАШИНЫ я иду домой. + > Семестр, 195 евро Возраст в конце семестра. 45-летний возраст поступления в школу..ˆ2-4, номер в форме t | только после того, как я закончу обучение. Разместить виде раз в две недели, заказы :— РА 3]–-: АЦ | к | - ину 0 мне УГ много aene п Тор урожденная Бойе.) (Только форма предметов.) Ы ? ЕС 25) ииииииииииииии СОСТАВЬТЕ ОТЧЕТ о моей работе в ре : PERA SD LU Я вхожу в ЕС 4 года назад. я не знаю, как это сделать. 2 —- Разрыв в генах — Я не знаю, как это сделать. 6 ЛЕТ назад я! я [в АР-CSS у меня все в порядке. мадам де юэ, вы здесь, Ра А7 : только мне 4 года, и я вижу, как он приближается ко мне.

я был без сознания. на самом деле, я не знаю, кем я был раньше.

фанат моей работы, но во-вторых, половина из них была

Очень довольна результатом. Ммм.

И всегда 2ˆ

домашнее животное зазывалы

: x dm ˆr E E er — ЧТО ЭТО ЗА крыса, и почему я И мои родственники можем = 3 “E FL , я : 39-й, самый БЛИЗКИЙ, самый близкий. “М —_

Ada eee ; y » z = = я: ларро, ОДИН Сарт.

ЧТО? Он готовит тушеное мясо в домашних условиях?

Домашняя ферма в Сша. 3-е название в прошлом году Семестр, 1953 год Возраст на конец семестра - 13 лет. средний возраст учащихся в

фу М и А. Образуют Сосновый бор.

5 (чердак освободится для новых мальчиков.) амаль =е ^^ МЭЙ

ХОЗЯИН ДОМА я

Чай

Pu Ee

np в {13 будет

ЗАПОЛНЯТЬ ОТЧЕТ ДИРЕКТОР, кто такой ДВУКРАТНЫЙ чемпион Мира? Не знаю, почему я не понимаю, почему он считает, что у меня есть предзнаменование, что я не замечаю, что у меня есть карцинома. Все, что касается вас, кто плохо использует, совершенно

———————— M-Diviniry Отчет Кай ineludes работы аил 1

Вторая Половина

идентификатор хы. “Т

1% [ˆв Т ПА Крир быть аага & нетто в “этэ я по возр. Аэаэ

АНГЛИЙСКИЙ: МИСТЕР ХЕ НС АР Ча

все в порядке | Я в порядке.

ДА, я В ПОРЯДКЕ. И овал 4: 13 Наука о том, что делает 41 человек, которые считают, что это выбор избирателя

ОПРОС. 2 ЧЕЛОВЕКА Считают, что Кт? Когда мы подошли к дому, мы увидели, что мы сидим и смотрим на то, что происходит вокруг. ОН увидел ЭТО. Фаолсмаэ, ты копал под гудьером. Gm Vemtote | ЕЭС

ЗАДАВАЙТЕ ТЕМЫ математика

Сер да (Ре КРИ КА А ое д

артикул WD i Me Os Ae 5 c Cb

Слева: Джон Беторе уезжает в США | Вверху: Лагерь Тай Кросс, Англия | где был размещен Джон

| Внизу: Джон Арреа после получения степени | вместе с (слева направо) Флоренс, Шейл: | Уильямом и Эм -

а

СТАРЫЙ САЛОПИАНСКИЙ КЛУБ

Вверху: Две ранние фотографии “Джина” Рейвенскрофт Вверху, в центре: Начало коллекции пластинок

Выше и левый: Драгоценные фотографии Джона Ф. Кеннеди, сделанные Джоном Ф. Кеннеди в Даллас в

1961

я ХОЧУ, ЧТОБЫ ты был РЯДОМ, чтобы ты был рядом, чтобы ты был рядом, чтобы ты был рядом, чтобы ты был рядом, чтобы ты был рядом, чтобы ты был рядом, чтобы ты был рядом.

Балин?” был ли я женат

К/МУЖСКАЯ Джон РЕЙВЕНКРОФТ, 6-9 утра, принимаю. несколько из множества запросов, которые

вызываются каждое утро

По часовой стрелке сверху вниз: Рассылка новостей Kmen; Джон |

DALLAS COUNTY CRICKET CLUE

Стил, мой друг и коллега по работе в cotton Don. Рейвенскрофт

биржа; Джон и ТАМ Понатис, штат Пенсильвания.

экспериментировал с модой; Джон с the Byrds, которые отказались с ним разговаривать

m

Для упаковки с C

J Y ae = =

A | Dona

D ˆj E e. N сварных швов

| 5s [oir d

мы ЗДЕСЬ. Ano b AX qvo 8 : для кого :

— AO ap : рабочая группа

“здесь и сейчас

Вверху: переписка с

Марком Боланом

Справа: Джон, Пит Драммонд и Клайв Селвуд в Парк-сквер-Мьюз
Внизу: Джон на палубе “Гэлакси”, корабля Лондонского радио.

Слева: Джон с Капитан Бифхарт и его Волшебная группа | Внизу: Джон в своей койке на балконе

Вверху: Трансляция Благоухающего

Сад

Ниже на фото: Джон раздает автографы

снаружи “Радио-1”, за которым подозрительно наблюдали.

его няня в детстве, торговка Ниже: Джон посещает панихиду по Мартину Лютеру Кингу

Ww

Вверху слева: мать Джона с размахом празднует свое пятидесятилетие Вверху справа: Джон с матерью, одетые для вечеринки в Глайндборне Внизу: Фрэнсис, Алан и Джон со своим отцом и сыном Фрэнсиса Сашей.

Рени - это я

джон Рейвенсорофт и Шейла Гилхули (поэтесса-свинья)

они сами по себе: слишком сложные люди Лондон, 8.11.

начало 1914 года.

И Уб. Nw \ Костюм должен быть удобным, р.9.На стр. 89, возможно, в стиле жлоба BB

скорее, официальным

свадьба Джона и Эйлы, на которой я присутствовал Слева: Алан, Джон и Фрэнсис со своей матерью

“привет, Тиг”, Вверху: Шейла в Шипли, Йоркшир, Южная Каролина Слева: Записка, которую Джон отправил в ночь своего первого

увидел Шейлу б. Вверху справа: Джон в постели, выздоравливающий от желтой желтухи

Справа: набросок Джона , изображающий его и Шейлу

В я

На противоположной странице, слева вверху по часовой стрелке:

Джон в образе льва в Кении; в Риджентс-Парле позирует для альбома, посвященного дню рождения Йоко Оно;

во время предсвадебного медового месяца в Египте;

измученный во Флоренции; со своим праздничным тортом в Сент-Стивенс-Гарденс

С разными друзьями и коллегами, включая Тедди Уоррика (второй слева), Дасти Спрингфилда (третий слева), Джона Уолтерса (в центре) и Элтона Джона |

(второй справа).

Джон падает с осла в день веселья на Радио 1

Джон Уот кувыркается на улице Радио 1, 1975

Сначала меня отвезли в YMCA, где я должен был прожить два месяца, а оттуда в офис и комнату для образцов, в которой мне предстояло работать. Здесь я встретил Джо Блэк и Джон Стил - первые чернокожие мужчины, с которыми я когда-либо разговаривал. Джон, умный, гордый и обидчивый человек, расположил к себе тем, что, когда мы только познакомились, спросил меня: “Джон, как ты?” Он повторял этот вопрос каждое утро Я работал бок о бок с ним на Хлопковой бирже. Я думал тогда и думаю сейчас, что Джон Стил был отличным парнем. Я часто задаюсь вопросом, что с ним стало. |

Руководитель компании — я ни за что на свете не вспомню ни его имени, ни названия компании — казалось, не проявил ко мне такого интереса, как я надеялся и ожидал. Казалось, он мало что знал о моем отце и о семейном бизнесе “Штраус и компания”. И это была еще не вся степень его невежества.

“Привет, Джон. Откуда ты?” - спросил он, когда меня провели в его кабинет.

‘Англия”, - скромно, но точно ответил я.

“Англия”, - повторил он. ‘Это во Франции?’

Я часто сталкивался с подобными вещами в Техасе. Люди, даже те, кто казался образованным, даже искушенным, имели очень слабое представление о том, что происходит за пределами Техаса, даже по ту сторону границы с Луизианой. (Несколько лет спустя юрист из Далласа рассказал мне , что диплом некоторых техасских университетов - в частности, в этом контексте он упомянул Техасский технологический институт в Лаббоке — был примерно эквивалентен одному из наших высших учебных заведений.) Время от времени я встречал людей, которые служили в армии США в Европе, и они, казалось, тоже мало что замечали в нас , проводя время среди нас. У многих, казалось , сложилось впечатление, что их было всего несколько

ми

сотни людей в стране, и если бы мы все не были родственниками, то, по крайней мере, знали бы друг друга достаточно хорошо. “Я встретил этого парня, Билла, в вашем Лестершире (произносится Щелок-сестер-шир) во время войны”, - таков был довольно типичный разговор. - Ты знаешь Билла из Щелок-сестер-шир?’ Когда я осторожно отвечал, что не верю в это, они казались задетыми, даже слегка обиженными, как будто я в некотором роде насмехался над ними. В конце концов, я воспользовался этой наивностью, когда The Beatles попали в США. Я никогда, если быть честным к себе, не утверждал, что знаю их, но, с другой стороны, я никогда не говорил, с кем это было Я обсуждала симпатичные топики для швабр , хотя тоже их не знала. Опять же, мне нравится думать, что это скорее грех бездействия , чем совершения преступления.

Довольно рано, еще когда я работал на Хлопковой бирже, мне стало ясно, что никто не собирается утруждать себя обучением меня торговле хлопком, но что ко мне следует относиться как к дешевому иностранцу. труд. Я был вполне доволен этим. Это означало , что большую часть дня я проводил с Джо и Джоном, и иногда мы работали в комнате для образцов после того, как белые уходили домой. Затем банки с Солодовый ликер “Кантри Клаб” появлялся как по мановению волшебной палочки, и я отправлялся в кафе-барбекю на пустыре рядом с биржей, чтобы поужинать. Джона и Джо, которых мои белые коллеги со странной нежностью называли “ниггерами”, на барбекю не пустили, так что они остались бы голодными, если бы я не воспользовался привилегией быть слегка печеночно-розовым.

Пару раз Джон и Джо брали меня с собой, когда после работы отправлялись в клуб. Я осознавал, что я был единственным белым человеком

я был там, но никогда не чувствовал себя неловко из—за этого - по крайней мере, до тех пор, пока другие (белые) люди не выразили недоверия к тому, что я сделал. Меня огорчило, когда я понял, что в клубе все равно существует своего рода цветовая маркировка: Джо, у которого кожа намного темнее, чем у Джона, обычно уходил от нас пораньше , чтобы посидеть с мужчинами и женщинами такого же цвета кожи в другой части зала.

Мое пребывание в YMCA, которая находилась всего в паре кварталов от офиса и была на удивление дешевой, резко оборвалось, когда мой коллега -ординатор предпринял попытку своего рода вялого изнасилования. Я принимал душ в кабинке общей душевой, когда в комнату ворвался незнакомец с откровенно завидной эрекцией. Когда он дал понять, что надеется, что эта эрекция закончится, я ударил его по лицу. Он сел и заплакал, приговаривая: “Ты не должен был этого делать . Он тоже был прав. Это еще одна вещь, из-за которой я с тех пор чувствую себя виноватым.

Тем не менее, я начал искать альтернативное жилье и быстро нашел, на Гастон Авеню, недорогой пансионат. Заведовала им

великолепная пожилая дама по имени мисс (произносится Мизз) Смит, а большинство из семи или восьми других жильцов были членами съемочной бригады. Один из них, сукин сын, играющий на гитаре , по имени Эдгар Уортэм, из Уэйко, Техас, был примерно моего возраста, и он взялся показать этому несколько замкнутому, даже слегка невротичному одиночке из тех мест, о которых он никогда не слышал , как следует и можно жить в Далласе. Покойный Вив Стэнсхолл, в свое время самый забавный человек из всех, кого я когда—либо встречал, и самый умный, как —то сказал , что британцы рассылают приглашения с уверенностью

что у вас не хватит дурных манер принять их, и в этом есть доля правды . С другой стороны, в Техасе, когда люди говорили: “Джон, ты должен приехать к нам как можно скорее, слышишь?”, они имели в виду: “Джон, ты должен приехать к нам как можно скорее”. К такой щедрости духа нужно было привыкнуть, и первые несколько когда Эдгар пригласил меня присоединиться к нему и его коллеге и лучшему другу Валли (в честь Руди Валли) в баре рядом с аптекой, на квартал ближе к городу, чем наш общий дом, я извинился и не пошел. В конце концов, после очередной одинокой ночи, проведенной за прослушиванием пластинок в стиле r’n’b, на которые я тратил слишком много из своей мизерной зарплаты, которую получал на Хлопковой бирже, я согласился с Эдгар, Вэлли и еще несколько бродяг временно остановились под нашей крышей. Одним из них был канадец Том Шуинар, и позже я прочитал, что есть канадский писатель с таким именем. тот же человек? Я понятия не имею.

Однажды в баре к нам присоединилась необыкновенная молодая женщина по имени Мирна. Мирна, которая утверждала, что состоит в родстве с актрисой Мирной Лой, которой было около двадцати пяти, обещала все, но, насколько нам было известно, ничего не дала. Она была из тех женщин, которые подождут, пока какой-нибудь незнакомец положит деньги в музыкальный автомат, стоящий за их столиком, а затем встанут, подойдут, сядут к нему на колени и выберут столько треков, за которые он заплатил. Мы с Эдгаром тосковали по Мирне, как и почти все остальные в комнате, но никто из нас не осмелился бы поднять на

нее руку. Насколько мы могли судить, Мирне нравились только опасные мужчины: либо крупные, драчливые, покрытые синяками , либо худощавые, жилистые, с невыразительным бледным лицом.

глаза — местное фирменное блюдо, казалось, от одного взгляда на которые можно было легко поверить, что они убьют тебя. Когда кто-то из них заходил в бар, я всегда считал, что разумнее встать и уйти, не допив свое пиво.

Однако я пользовался успехом, хотя и весьма ограниченным , у одной из подруг Мирны. Я был в В Техасе в течение шести месяцев, положенных мне по разрешению , когда я понял, что если подам заявление о продлении, то на следующие шесть месяцев мне исполнится двадцать один год. Я очень хотел это сделать, понимая, что если Я возвращался домой на какое— нибудь громкое мероприятие с участием людей, возможно, в том числе и тех Ливерпульских бродяг, которые мне были безразличны или которых я на самом деле не знал, на котором я невольно оказывался в центре внимания. Итак, я подал заявление на продление моей визы, оно было удовлетворено, и я провел свой двадцать первый день рождения , в одиночестве наблюдая за Питером Селлерсом в фильме “Двусторонняя съемка” в кинотеатре при Южном методистском университете. Университет (SMU). Результат, подумал я.

Вскоре после этого я, как обычно, сидел в баре с Эдгар, Вэлли и другие наблюдали, как Мирна работает в комнате, когда к нам присоединилась невысокая, слегка неопрятная женщина неопределенного возраста, которая представилась подругой Мирны из откровенно убогого многоквартирного дома через дорогу. Несколько часов спустя я оказался в этом многоквартирном доме, пытаясь объяснить подруге Мирны, что у меня нет точных сведений о географии района, который я хотел бы исследовать, и спросил, может ли она, так сказать, выступить в роли моего гида. Она со вздохом подчинилась, и не успел вздох сорваться с ее губ, как я уже перекатился на спину, сказав: “Это было потрясающе”, и спросил, когда я смогу увидеть ее снова. Она ответила: “Никогда”. Я подумал, что у нее, должно быть,

я пошутил, но оказалось, что это не так. Тем не менее, благодаря ей я стал МУЖЧИНОЙ.

Несколько недель спустя я был в другой квартире с другой женщиной, на этот раз понимая, что мне следует попытаться продлить эти дурацкие толчки еще немного — хотя бы, о, я не знаю, до минуты. Счастливица лежала на диване, пока я возился с ней, и примерно через тридцать секунд я открыл глаза, чтобы насладиться выражением экстаза, которое ожидал увидеть на ее лице. Она склонила голову набок и левой рукой листала журнал , лежавший на соседнем кофейном столике. Она тоже больше не хотела меня видеть.

В 1960 году в США проходили президентские выборы , и я все еще работал на Хлопковой бирже , когда несколько дней подряд кандидаты проходили парадом по центру Далласа. Парад Никсона и Лоджа проехал первым: все с открытыми машинами, улыбающиеся местные республиканцы, марширующие кадеты из A&M Университета в Колледж-Стейшн и мажоретки-барабанщицы из SMU в вдохновляюще коротких юбках. Я на цыпочках подальше от работы и смотреть, как парад прошел, заметил, что зрители были работает от тротуаров трясти руки кандидатов, поэтому побежал вперед себя парад потихоньку мимо меня и поздоровался с Ричард Никсон. Трудно представить, что такое может случиться в нашем веке. С тех пор я всегда говорил людям , что у Никсона была холодная, липкая рука, но я не уверен, что это было так. Заметьте, никто никогда мне не сомневался.

На следующий день парад Кеннеди/Джонсона проходил по тому же маршруту, с теми же кадетами и теми же мажоретками. Казалось, что на тротуарах было больше людей, и казалось, что они были

в мрачном настроении. Хотя Линдон Джонсон , очевидно, был

одним из них, Кеннеди определенно к ним не относился. Он был янки, католиком и, по всеобщему мнению, грубияном, и люди, в какой-то степени, возненавидели его. На каком-то этапе, невысоко на холме, который начинался на Мэйн-стрит от того места, где Пару лет спустя Кеннеди предстояло умереть, и кортеж остановился напротив меня. Воспользовавшись моментом, я подбежал к Джону Кеннеди, чтобы пожать ему руку. - Удачи, мистер Кеннеди, - сказал я. - Привет, вы из Англии, - ответил он. Когда я сказал ему , что это так, он спросил меня, откуда именно, почему я в Техасе, нравится ли мне там и планирую ли я остаться. Пока мы разговаривали, я был поражен, что человека, баллотирующегося в президенты США, может заинтересовать то, что я ему скажу. Черт возьми, я даже не мог проголосовать за него. Затем он заметил фотоаппарат в моей руке. 'Ты собираешься сфотографироваться?" - спросил будущий президент, и когда я сказал, что хотел бы, он предложил мне отойти на несколько шагов назад, а потом, когда я буду готов, крикнуть, и он улыбнется мне. 5o Я отступил на три или четыре фута, поднял камеру и крикнул: "Привет, мистер Кеннеди". Он улыбнулся, и я нажал кнопку, прежде чем вернуться к все еще неподвижной машине, чтобы поблагодарить его. - Что ты собираешься делать, если это не выяснится?' он спросил. - Почему бы тебе не нанести еще один удар по ветровому стеклу машины? Тогда вы сможете связаться с мистером Джонсон тоже здесь.' Поэтому я подошел к передней части машины, облокотился на капот и сделал еще один снимок. Когда я побежал обратно, чтобы поговорить с Джоном Кеннеди снова заговорил с кем-то еще, но он все же нашел время кивнуть и предложить мне перейти на другую сторону вагона, чтобы встретиться с Эл-Би-Джей. Этот Я так и сделал, прежде чем поспешить обратно на работу.

1L]

Боюсь, что эту историю я рассказывал сотни раз, и каждый раз наблюдал, как недоверие моих слушателей растет. Я часто представлял, как они хотят спросить, были ли какие-то Марсиане присутствовали при событиях, которые я описал, или слышал ли я, как ангельские хоры поют "Осанна!" когда мы разговаривали, я пожалел, что не могу закончить , сунув руку в задний карман: "А вот и фотографии". Увы, все, что я смог сделать, это жалобно сказать: "К сожалению, моя первая жена однажды ночью в

приступе раздражения сожгла все мои дневники и фотографии , так что я не могу доказать правдивость своей истории.' Все поднимают глаза, кто-то замечает, что это моя очередь, и еще несколько человек убеждены , что я несу полную чушь.

В тот вечер в баре мне тоже никто не поверил.

В конце концов, мои работодатели в Хлопковом Биржа стремилась избавиться от меня не меньше, чем я хотел начать получать приличную зарплату, и папа, которому надоело регулярно присылать мне чеки на крупные суммы, связался со своим другом Лексом Кэрнс, который работал в страховой отрасли и жил в престижном районе Хайленд-парк в Далласе. Лекс сделал несколько телефонных звонков и устроил меня на должность рассыльного в "К.Т. Мартин". Страховая компания К.Т. Мартина занималась исключительно страхованием урожая от града, и я полагаю, что мой благодетель убедил его в том, что мои всесторонние знания хлопкового бизнеса окажутся для него бесценными. Меня назначили руководителем компании Studebaker Hawk, и я начал новую жизнь, совершая каждый рабочий день по нескольку поездок на главный почтамт в центре города. Как я понял, это давало мне те же возможности для катания на лыжах, что и работа бегуна на батарейках в TE(GW)RA.

Перед тем как покинуть Хлопковую биржу, расположенную в самом центре Большого Ди, я обнаружил, что на улице Вязов, на черной стороне Центральная скоростная автомагистраль (где она была известна как Глубокая Elm, произносится как "Эллум", как поется в нескольких песнях) - магазин подержанных пластинок. Пластинки, почти все 7-дюймовые синглы, были разложены стопками на ручках для швабр, установленных на узком столе, тянувшемся вдоль стен, и, оглядываясь назад, я жалею, что у меня не было денег подогнать грузовик к двери и увезти всю эту чертову партию. Как бы то ни было, за год я купил, должно быть, несколько сотен — примерно по двадцать центов за штуку, — хотя единственная книга, которая у меня до сих пор есть, - это "Mojo Workout" Ларри Брайта на Tide. Остальные синглы исчезли вместе с несколькими тысячами других малоизвестных, а ныне

коллекционируемых синглов из кассет различных радиостанций, когда я несколько лет спустя уехал из США в Великобританию.

Со временем из дома начали поступать другие мои записи, в частности, Sam Lightnin' Хопкинса ("Петух пропел в Англии", а Выпущенный только в Великобритании на 77 пластинках, он включал трек под названием "Blues For Queen Elizabeth", который, бьюсь об заклад Наш государь до сих пор ничего не слышал. (Есть еще один трек, в котором задается вопрос: 'А ты Вы когда-нибудь видели, как плачет одноглазая женщина?" и, знаете что?, я никогда этого не делал.) Эту пластинку я взял с собой вместе с несколькими французскими 10-дюймовыми пластинками таких артистов, как Big Maceo, Washboard Sam и Джаз Гиллум, когда я посетил радиостанцию WRR в ее штаб-квартире в штате Техас Ярмарочный центр.

В дневное время WRRR была, даже для того времени, на удивление старомодной станцией, транслировавшей уличную музыку, которая была

на самом деле это середина пути. Я не могу быть более точным, хотя слова "Лес Браун и его Песня "Band of Renown" неожиданно всплыла в моей памяти , потому что я никогда не слушал WRR иначе, как в промежутке между десятью часами вечера и полуночью. Именно тогда появилась волшебная программа под названием "Kat's" "Караван", которую представили Джим Лоу или Билл 'Жеребец' Кэрролла, был в эфире. В течение дня я слушали поп станций Клиф и kbox, как ничего, казалось, почти все в Даллас/Форт Уэрт. Только иногда страшных новинка хит (Дискотека Авария и кудри' 1959 разбить Семь Девчонок, Сидящих На Заднем Сиденье, кто?) Клиф и kbox сыграл замечательный музыка, с kbox кажущееся, возможно, немного больше юношеский, немного более низкопробный. В качестве примера того, насколько хороша была музыка, можно привести то, что у Lightnin' Hopkins был хит номер один в чартах KLIF с песней "Mojo Hand'. Если это для вас ничего не значит, пришло время внести серьезные коррективы в свою жизнь.

Но "Караван" Кэт был чем-то другим. Ди—джеи были

проницательны, хорошо информированы - хотя и не настолько , чтобы вы не могли иногда обратить их внимание на какие-то мелкие детали из жизни, скажем, Джона Ли Хукер — и эффект от прослушивания Хопкинса, Hooker, Howlin' Wolf, Бо Диддли, перемежающиеся комедийными треками Джонатана Уинтерса, Шелли Берман, Боб Ньюхарт или брат Дэйв Гарднер (большой местный любимец), гремевшие из автомобильного радиоприемника, когда вы ехали со своими приятелями в Гарленд, Мескит или Ричардсон, чтобы попытать счастья с девушками в другом заведении, возбуждали. Но главным человеком в "Караване Кэт" был Джимми Рид, и я по-прежнему глубоко сожалею о том, что никогда не видел его вживую. Возможно, раньше я утверждал, что видел

я видел его всего один раз, но если и видел, то солгал. Заметьте, Джимми довольно часто приезжал в Даллас, как и большинство великих блюзменов electric — я полагаю, Мадди Уотерс и даже Элмор Джеймс прошли бы мимо нас в то время, но если бы они это сделали, я бы пропустил плакаты. В любом случае, они, вероятно , играли бы в каком-нибудь клубе или танцевальном зале на Холл-стрит в черной части города, и к этому времени полиция была бы слишком напугана, чтобы идти туда. Тем не менее, я видел Лайтнина Хопкинса у Лу-Энн и десятки артистов из чартов, таких как the Coasters, the Drifters, Etta Джеймса и Джимми Маккраклина на грандиозных концертах в Sportatorium. Я даже видел богинь-подростков (на самом деле, в то время, вероятно, пост-подростковых богинь) в "Шангри-Лас", в боулинге на другом берегу реки в Окклиффе. Это было одно из тех концертов, когда артисты нынешнего хит—парада — десятки из них - приезжали в вагонах со вчерашнего концерта, выступали, исполняли свой хит и возвращались в вагон, пока он не заполнялся достаточно, чтобы отправиться в следующий зал. Единственным другим артистом, которого я помню по "Ночи в Шангри-Лас", был Трой Шонделл ("Этот Время"). Трудно представить себе более совершенное подростковое имя, чем Трой Шонделл. Что меня расстраивает , так это то, что, должно быть, были десятки других чудес, которыми я мог бы похвастаться, увидев их в эти ночи Из тысячи Звезд, если бы только я мог вспомнить , кто из них появился.

Проработав некоторое время у К.Т. Мартина , я начал время от времени ездить в Новый Орлеан В результате у меня появилась одна из лучших коллекций слайдов с испанским мхом на Земле — вместе с парой других английских парней, с которыми я познакомился. Должен признаться, что наш главный интерес к Новому Орлеану был сосредоточен не на музыке или архитектуре города.

Французский квартал или морепродукты, но молодая женщина , представившаяся как Крис Колт, Девушка в возрасте 45 лет. Это, напомню, было задолго до имплантатов и Крис Колт была на 100% настоящей — настолько, что мы с друзьями ходили за ней от одного захудалого стриптиз-заведения к другому, оплачивая по пути завышенные сборы, которые включали в себя «бесплатный" напиток, состоящий из *такого-то количества бурбона и ****"«*" вот столько воды. Не то чтобы нас это волновало. Размышляя о Крис Колт, о ее 45-летнем возрасте и последующей карьере, я не перестаю удивляться, чем она занимается сейчас. Обратно в 1961-2 в "Вье Карре", со скучающим видом покачивая хвостовым оперением под отрывистую пластинку Билла В исполнении Блэка она была богиней.

Мне только что пришла в голову мысль о том, что , возможно, существовал не один Крис Кольт, а несколько других. Девушка Лет сорока пяти. В конце концов, это такое очевидное название для пневматического стриптизера, и я помню , как букер в "Лу-Энн" сказал мне, что он точно знал , что там было по меньшей мере шесть мальчиков-Сонни Уильямсон, работающий в Южных Штатах одновременно, и не менее двенадцати "Мемфис Слимз". Я сказал ему, что вечер в клубе получился бы незабываемым, если бы он заказал все билеты на "Мемфис" Одновременно стройнеет. Я бы вышел на массовую "Мемфис стройнит", - восхищалась я, но он уже не слушал.

Однажды в выходные мои спутники без предупреждения решили остаться на ночь в Новом Орлеане, оставив меня одного возвращаться в Даллас. С тех пор я благодарен судьбе за это , хотя в то время Я был не в восторге, потому что поездка подарила мне один из величайших музыкальных моментов в моей жизни. Я

уже некоторое время был за рулем, и, должно быть, это было

в два или три часа ночи я отправился в путь по густо покрытому лесом району Восточного Техаса, известному как Пайни Леса. На дорогах было мало машин, и по мере того, как дорога поднималась и опускалась между деревьями и мимо крошечных городков, которые часто были едва ли больше горстки обшарпанных лачуг, луна, которая ярко светила прямо передо мной, окрашивала бетон в серебристый цвет. Я слушал, как мне кажется, Человека-волка Джека из Ксерба, что за границей, в Мексике, и когда я поднялся на вершину холма, чтобы посмотреть на другой крошечный городок подо мной, он сыграл Элмора Элмор пел “Блюз незнакомца” Джеймса, “Я здесь чужой, только что был в вашем городе”, и я знал, что никогда не забуду этого идеального сочетания места, настроения и музыки. Я тоже.

Работа в K. T. Martin была довольно скучной, но некоторые из моих коллег скрасили обстановку в офисе. Жила-была женщина по имени Бобби Умхольц, которая вместе со своей подругой Джорджией часто приглашала иностранца из своей среды провести с ними выходные в том или ином доме в одном из безликих кварталов недорогого жилья, окружающих Даллас, или провести вечер с выпивкой за барбекю на озере. Бобби и Джорджия были замужем, хотя я мало что помню об их мужьях, кроме того, что Джорджию звали Форрест. Бобби была первой женщиной, от которой я услышал слово “Блядь’. Помимо этого, я был еще больше поражен щедростью моих новых друзей, которая стала еще более удивительной из-за того, что у обеих пар было очень мало свободных денег. Они и их друзья также познакомили меня с чудесами дрэг-рейсинга, когда взяли меня с собой в Гоночная трасса Кэддо Миллс, Форт-Уэрт. На Кэддо Миллс тоже было не так много свободных денег, и все

среди участников были энтузиасты, которые работали над своими

автомобилями с двигателями Chevrolet, Ford, Dodge Plymouth или Pontiac в собственных гаражах у себя дома. Бобби и Джорджия также помогали мне, когда у меня возникали проблемы с девушкой — что я делал довольно часто.

Я переехал из заведения мисс Смит в более современную — и более дорогую — специально построенную квартиру через дорогу, которую я делил с родственником мисс Смит, Оби, живущим в лесной глуши. Я подозреваю, что Оби был геем, но геем в то время , когда большая часть населения города оспаривала даже само существование гомосексуальности. Техас. Возможно, так оно и есть до сих пор. Он, безусловно , был удивительно женоподобным человеком и одевался так, что лет десять спустя прохожие убедились бы, что он член группы Duran Duran. Он также находил мой энтузиазм в отношении секса довольно неприятным, хотя я должна признать , что, поскольку пришла к сексу относительно поздно в жизни, у меня развился, возможно, чрезмерный энтузиазм по этому поводу. Таким образом, квартира, которую я делил с Оби, была заполнена чередой довольно неряшливых, даже плохо вымытых, но морально спокойных молодых женщин, которые были готовы разделить со мной постель. Я не помню имен ни одного из них, и они, вероятно, тоже не помнят моего, но я благодарен тому из них, кто подарил мне копию Песни Rosie and the Originals “Angel Baby’ и Джи Ай на второй стороне ‘Give Me Love’. Что за девчонка.

В конце концов, мы с Оби поссорились из-за женщин , и я переехал в более шикарный район Гастон-авеню вниз по направлению к озеру Уайт-Рок, в многоквартирный дом, заполненный стюардессами и людьми с карьерой. Здесь я делил квартиру с

Майлз, Чарли и мексиканец по имени Мануэль Авила. Учитывая расовые взгляды почти каждого белого человека, которого я встречал в Далласе, я представляю себе единственные причины, по которым последнему разрешалось жить в одной квартире с Майлз и Чарли были в том, что он не выглядел Мексиканец, настаивал на том, что на самом деле он испанец и происходит из богатой семьи. Одному богу известно, почему они приняли меня в

свое ненавистное маленькое сообщество. Майлз, честно говоря, был неплохим парнем, достаточно сообразительным и англофилом, чтобы водить XK 120 Ягуар, но Чарли Манн был одним из самых неприятных людей, которых я когда-либо встречал. На самом деле, я, кажется , припоминаю, что был такой Чарльз Манн, который был членом семьи Мэнсона, и я часто задавался вопросом, могло ли это быть то же самое дерьмо. Конечно, легко поверить, что это могло быть так. Он был смугл и невысок, но привлекателен своей по -свински опасной внешностью, что пользовалось большим успехом у стюардесс авиакомпаний . Он ясно дал понять, что презирает меня как за мою бедность, так и за то, что я не являюсь Американец, и он издевался надо мной почти так же, как надо мной издевались в школе. Его издевательства никогда не были физическими, хотя он не испытывал отвращения к насилию, и угроза насилия, казалось, висела в воздухе всякий раз, когда Чарли находился в комнате. Я думаю, что Майлз, вероятно, тоже боялся его. Они вдвоем проводили вечера в клубе , пристроенном к нашей квартире, в клубе, вступить в который я не мог себе позволить, да и вообще ни разу не заходил туда за те восемнадцать месяцев, что жил над ним, и возвращался поздно вечером с одной-двумя стюардессами, которых они там подцепили. Это меня полностью устраивало, так как я встречался с семнадцатилетней девушкой из Гарленда, другой Джорджии, которая любила ритм-н-блюз.

блюзил так же сильно, как и я. Джорджия, суровая старшеклассница, бросившая учебу в неблагополучной семье - вероятно, весь Гарленд можно было отнести к неблагополучным районам, состоящим, как ей казалось, из рядов автосалонов подержанных автомобилей и дешевых бунгало, — боялась Чарли так же, как и я и по тому, как он смотрел на нее, она поняла, что он вполне способен напасть на нее. Возможно, она была права.

Я не принял правильного решения или чего-то похожего на это, когда перестал встречаться с Джорджией и начал встречаться с рыжеволосой девушкой по имени Джуди. Звучит как что-то из Оклахомы! или Карусель, но это было не так уж весело. По иронии судьбы, Джуди работала стюардессой в авиакомпании “Брэнифф”. Авиакомпании. Несмотря на видимость

респектабельности, которую это придавало ей, она была тверда как стеклышко. Примерно раз в неделю Джуди заставляла меня водить ее в клуб под названием “Хай-Хо Баллрум” — те из вас, кто видел фильм “Братья Блюз”, наверняка узнали бы “Хай-Хо баллрум”. Уровень насилия, который иногда сопровождался применением огнестрельного оружия, был поразительным, вплоть до того, что поход в туалет становился опасным. Много раз я подумывал о том, чтобы выбрать более легкий вариант и просто обмочиться, вместо того чтобы рисковать мужчинами, но я с гордостью могу сказать вам, что никогда этого не делал. Довольно часто, возвращаясь, я заставал Джуди, демонстративно закинувшую ногу на спинку стула и разговаривающую с каким - нибудь ковбоем убийственного вида, который нагло тянул что-то вроде: “Привет, парень. Ты не возражаешь, если я приглашу эту маленькую леди на танец ? Я, конечно, приглашал, но я уже видел, что может сделать с человеком пуля. Не люблю об этом говорить, ты же понимаешь. В результате я часто делал

в конце ночи я возвращаюсь один через залитую кровью автостоянку , оставляя Джуди в покрытых шрамами объятиях деревенского простака.

По сей день я не знаю, почему я с этим мирюсь. Джуди даже не была готова заняться со мной сексом, сходить в кино или на дрэг-стриптиз, или съездить в “Дейри Куин” в Меските за замечательным продуктом под названием “Доктор Пеппер Айси”. Она даже почти не целовала меня, но я был так увлечен Джуди, что к концу наших отношений (“Это можно назвать отношениями?” - Э. В. Рейлтон, Уитчерч) Я обычно возил ее на своем “Шевроле Импала” 63—го года выпуска аж в Канзас—Сити - это примерно в шестистах милях отсюда, - чтобы она проводила выходные с другим, а потом возвращалась одна и рыдала. Какой придурок! - вполне возможно, подумаете вы, и будете правы , думая так. Я даже зашел так далеко, что сделал предложение Джуди — кстати, ее фамилия Гаррисон — и предложил ей кольцо, которое, как я объяснил, принадлежало моей дорогой седовласой бабушке, но которое я купил в тот день в центре города. У нее ничего этого не было, а я был сыт ею по горло и пошел дальше, ища кого-нибудь более домашнего, кто был бы не

прочь почувствовать мое горячее дыхание на своей шее, когда я обнимал ее блестящую… Ну, вы поняли картину. Я даже не подозревал, были ли у Джуди глаза. |

“Импала” 63-го года выпуска, о которой вскользь упоминалось выше , заменила мою первую подержанную машину, которой я когда-либо владел “Шевроле Бискейн” 58-го года выпуска, самая дешевая модель в цветах, которые сейчас можно было бы назвать цветами Норвич Сити. Я купил ее как-то в обеденный перерыв в Дружелюбный “Шевроле” в Далласе и в такой спешке отправился обратно к К.Т. Мартину, чтобы произвести впечатление на своих друзей , что съехал по пандусу на автостраду и

прямо в кузов грузовика. Добрые люди из дружественного Chevrolet jus сразу же приехали, подобрали и починили его для меня, и я ездил на нем два года, прежде чем продать. Я бы хотел, чтобы он сохранился у меня до сих пор, хотя подозреваю, что Шейла настояла бы на том, чтобы его покрасили в бело-голубой цвет Ипсвича.

*

‘На что я, в некотором роде, надеюсь, так это на то, что после того, как я уйду, кто-нибудь из наших детей заявит, что холодной, тихой, темной ночью они могли бы поклясться, что слышали стук моей трости по дороге снаружи”, - объяснила я Алану. Он улыбнулся. Конечно, в отличие от обычных палок, они не гремят, но эта когда-то служила ручкой для швабры и до сих пор имеет металлические пластины, которыми головка швабры крепилась к ручке. ‘Ему вообще не нужна палка”, - услышал я Шейла что-то объясняет Розмари, жене Алана. ‘Он просто любит носить его с собой.’ На самом деле ручка от швабры - не самая моя любимая палка. Эта честь принадлежит ручке от метлы, которая исчезла вскоре после того, как я воспользовалась ею в безуспешной попытке прочистить канализацию. Есть и третья палка - красивая трость с серебряным набалдашником, подарок на шестьдесят

пятый день рождения от женщин, работающих на дому Истины — “Коровы Домашних истин”, как они себя довольно нелюбезно называют, — но это предназначено только для торжественных случаев и вряд ли подошло бы для прогулки после обеда на вершину холма, которой мы наслаждались вчетвером.

Обычно я совершаю это восхождение на холм каждый вечер , когда вывожу собак на прогулку перед тем, как они - и мы — отправимся спать. Владельцы собак будут

поймите, выгул не является основной целью этого упражнения, как и физическая нагрузка, но вы не можете говорить о том, чтобы вывести собак посрать, и ожидать, что это произведет впечатление на людей . Я всегда намеренно расплывчато описываю точную природу холма в надежде, что тот, кто меня слушает, будет незнаком с Саффолк и предположит, что это, по крайней мере, Пеннинские горы, если не настоящие Альпы. Правда в том, что в большинстве районов страны этот холм едва ли можно было бы назвать холмом, поскольку он представляет собой скорее пологий склон, высота которого, если измерять от зеленого ковша в живой изгороди у подножия до конца забора наверху, составляет 128 футов. Я проверяю это каждый вечер, решив, что если мне потребуется пройти 130 шагов или больше, то на дом Рейвенскрофт обрушится беда. Бывают ночи, возможно, когда луна стоит высоко, когда я пытаюсь улучшить свой рекорд по количеству шагов, который она может сделать, и который в настоящее время составляет восемьдесят пять. Сторонний наблюдатель — и давайте помолимся , чтобы такого человека никогда не нашлось, — мог бы стать свидетелем странного зрелища: дородный джентльмен, одетый в высшей степени неформально , часто в пижамные штаны, как можно шире вытягивает свои маленькие толстые ножки, взбираясь на холм следом за собаками, Нелли и Бернард.

Я часто считаю шаги, даже когда гуляю по лондонскому Вест-Энду. Если я не преодолею двадцать одну ступеньку, ведущую к автостоянке Би-би-си, менее чем за четыреста шагов, я попаду в аварию по дороге домой. Для меня это вполне логично, незнакомец.

Я намеревался показать Алану черновой вариант первых глав этой книги, чтобы дать ему возможность просмотреть их на предмет неточностей, но так и не удосужился . На каком-то этапе мне придется предоставить Фрэнсису такую же возможность, зная, что он просмотрит текст.

страницы под аккомпанемент неодобрительного фырканья и возгласов “Этого никогда не было’. Я также планировал спросить Алана, оказало ли на него какое-либо ощутимое благотворное влияние то, что я из сострадания отправил его в Тай Круз, чтобы быть рядом с ним, когда он учился в школе в Тре-Арддур-Бей,

но забыл сделать и это. Я не думаю, что это имело большое значение, поскольку все, что я когда-либо делал , - это время от времени откладывал деньги из двадцати пяти шиллингов, которые мне платили каждую неделю за защиту нашего островного государства от врагов, и приглашал его и его друга Энтони Холдена, ныне критика классической музыки из Observer, на чай в отель “Бэй”. Оба мальчика выросли довольно крупными парнями, но тогда они были очень худыми и на одном торжественном мероприятии дважды попробовали все, что предлагалось в чайном меню отеля “Бэй”. Потом мы карабкались по скалам, и я чувствовал себя взрослым и ответственным - совершенно необычные ощущения, - прежде чем отвезти их обратно в школу.

*

Я все еще ездил на “Импале”, когда начал встречаться с Нэнси. Нэнси Боулинг было шестнадцать — на семь лет моложе меня — и она училась в Брайановском университете. Средняя школа Адамса в Далласе. По современным стандартам наши отношения вполне можно было бы назвать “неподобающими”, поскольку они включали в себя много секса, в основном на свежем воздухе, но для мужчины-недоучки без особых денег единственным доступным источником знакомств были девочки-

старшеклассницы. Девушки из колледжа встречались только с парнями из колледжа, а в культуре, где брак в пятнадцать или шестнадцать лет был обычным делом, было мало незамужних женщин старше

лет двадцати, пожалуй, не больше, чем у стюардесс авиалиний.

Нэнси была миниатюрной и хорошенькой, с копной обесцвеченных светлых волос, похожих на сахарную вату, как было модно в старших классах того времени. Любой , кто был бы достаточно безрассуден, чтобы попытаться воплотить в жизнь романтическое клише о том, чтобы провести пальцами по волосам девушки, немедленно столкнулся бы с неприятностями, и , вероятно, его пришлось бы освобождать парамедикам. Когда я впервые встретил Нэнси, она встречалась с моим другом Джонни, но мы оба остались друзьями с Джонни, когда она переключила свое внимание на меня. Мы с Нэнси почти все вечера проводили за рулем, слушая Расса Найта, the Weird Beard, на канале KLIF или ходили в кино для взрослых. Что бы мы ни делали, мы занимались любовью, прежде чем я отвозил ее домой. В кинотеатрах для водителей это было достаточно просто. Все , что вам нужно было сделать, это прикрепить динамик к стеклу водителя, купить бургеры и др Пеппер, забирайся на заднее сиденье, частично раздевайся и садись в машину, уверенный в том , что почти в любом другом автомобиле, находящемся в кинотеатре под открытым небом, будет происходить нечто подобное. Мы никогда не пользовались презервативами и были бы удивлены, если бы кто-нибудь предложил нам это сделать. Ожидание месячных у Нэнси было скорее волнующим, чем тревожным, и я думаю , мы оба были бы счастливы пожениться, если бы она забеременела. Мы также ничего не знали о сексуальных техниках, но с удовольствием изобретали свои собственные, приспособленные, как оказалось, к заднему сиденью Импалы.

Если мы не ходили в автостоянку, то ходили в маленький кинотеатр рядом с Южной Методистской Университет, чтобы посмотреть последнюю черно-белую британскую комедию, обычно с Питером Селлерсом или Иэном в главных ролях

Кармайкл. “Растяжка в обе стороны” была нашей любимой, и мы, наверное, смотрели ее раз десять - это было, конечно, еще до появления видео. В благодарность за то, что я познакомил Нэнси с чудесами британского кинематографа, она познакомила меня с Бобом Диланом. Нэнси была первой поклонницей Дилана, которую я когда-либо встречал, и она смогла услышать в текстах песен Боба то, чего я никогда не слышал. Тем не менее, я не сдавался ради Нэнси и знаю, что, когда в 1965 году, после того как мы перестали встречаться, Дилан перешел на “электрик”, Нэнси была бы рада такому развитию событий.

После того, как мы посмотрели “Двухсторонний Стретч” или что-то в этом роде, мы отправились на берег Уайт—Лейка Рок-Лейк и на заднее сиденье машины. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь спали вместе в постели, Нэнси и я. У нас был роман в машине, в культуре, где все привыкли к автомобилям. Секс на озере Уайт-Рок был по-своему опасен и увлекателен. Там был парк Патруль, который курсировал по продуваемой ветром узкой дороге вокруг озера с единственной целью - убедиться, что никто не сможет заняться проникающим сексом на их участке. Правило гласило, что все было в порядке при условии, что две головы были видны над дверью , когда на них светили фонариком. Это делало оральный секс проблематичным, но не невозможным, учитывая внушительные внутренние размеры американских автомобилей 1960-х годов и определенную степень атлетизма. (Иллюстрации доступны только для настоящих студентов-искусствоведов). По выходным мы с Нэнси выезжали в города, которые, опять же, иногда представляли собой скопление полуразрушенных сараев с забавными названиями. “Bug Tassle” была моей любимой группой, и я несколько раз предлагал ее как подходящее название для группы, хотя, насколько я знаю, ни одна группа так не называлась “Bug Tassle” до сих пор не появилась. Записать их было

еще одно излюбленное место назначения.

Во многих отношениях Нэнси была девушкой моей мечты. она была яркой, веселой, либеральной — у многих техасцев ее возраста были серьезные проблемы с тем, что они называли — ниггеры - и она любила ту же музыку, что и я. Я никогда по-настоящему не понимал, почему мы отдалились друг от друга, но это происходило медленно и как-то безболезненно. Оглядываясь назад, я понимаю, что после Шейлы она была девушкой, которую я любил больше всего на свете. Я часто задаюсь вопросом, что стало с Нэнси и надеюсь, что у нее была — и продолжает быть — счастливая жизнь, которой она заслуживает.

Еще одним достоинством Нэнси Боулинг, если задуматься, было то, что она не была религиозной. Хотя с тех пор огромное количество американцев усвоили идею о том, что “Блаженны те , кто имеет, ибо им дано будет еще больше”, и в дополнение к этому придерживаются крайне агрессивной религиозности , когда я приехал в этот штат, в нем царил более щедрый, хотя и примитивный религиозный пыл, который был немного привлекательным. Впервые я осознал это, когда Во время какой-то дискуссии я сказал коллегам в офисе что-то вроде: “Да ладно вам. В следующий раз вы скажете мне, что верите в Адама и Еву!’ Устремленные на меня взгляды, полные недружелюбного непонимания , убедили меня в том, что в будущем мне следует добавить религию, а также политику и расовую принадлежность к списку тем , которые я считаю неподходящими даже для случайного обсуждения.

Тем временем в компании “К.Т. Мартин и Ко” происходили захватывающие события. Несмотря на небольшие размеры, компания была лидером в специализированной области страхования урожая от града. Это, как следует из названия , связано со страхованием урожая фермеров от повреждения градом. Град в данном контексте - это не “девчачий ” град, к которому мы привыкли в Европе, а “дерзкий”,

град-истребитель - это отдельные камни размером с бейсбольный мяч, которые, как часто описывают , могут уничтожать автомобили и скот, а также урожай. Частью моей работы было следить за тем, чтобы мы не допускали чрезмерного риска ни на

одной территории, особенно в тех штатах, которые считаются частью Аллеи торнадо.

Этот бизнес по страхованию урожая от града успешно и эффективно работал в течение нескольких лет, но у его руководителя, самого К. Т. Мартина, была мечта - иметь возможность предлагать фермерам страховку как от избытка, так и от недостатка осадков. В 1964 году, после многих лет исследований, К.Т. поверил, что ему удалось найти формулу. Идея заключалась в том, что в случае, если фермер посчитает, что у него — или у нее, я полагаю, — есть претензия, будут проведены измерения количества осадков на трех ближайших метеостанциях США , рассчитано среднее значение, и претензия будет обработана в соответствии с этим средним показателем. Мне показалось, что в этой системе есть какой-то двусторонний недостаток : либо посевы могли быть уничтожены дождем в то время, когда на трех соответствующих метеостанциях было зафиксировано очень мало осадков или их вообще не было, либо на метеостанциях могло выпасть большое количество осадков, но на других станциях их не было. застрахованный урожай. Это означало бы, что фермеры могли бы предъявить законные требования и должны были бы получить компенсацию, даже если их урожай не пострадал, или что они могли бы потерять свой урожай, и их требования были бы отклонены. Выигрыш - выигрыш или проигрыш - в любом случае проигрыш.

Тем не менее, несмотря на мои оговорки и вооружившись брошюрами, листовками с информацией и многим другим, я был отправлен в Западный Техас с нашим человеком в этом районе Гарри Фукуа, чтобы продать идею страхования от дождя страховым брокерам из маленького городка, чувствуя себя продавцом, которому поручено заинтересовать клиентов.

легковерный в вечном двигателе. _ Как с удовольствием напомнили мне жители Техаса, их штат в три раза больше Великобритании, и любому, кто ездит из города в город, приходится преодолевать много миль. Это сделали мы с Гарри. Я помню один отрывок, где-то вроде От Мидленда до Нуэво-Ларедо, где вы можете проехать более двухсот миль по прямой линии по

дороге, которая на всем своем протяжении почти не поднимается и не опускается . Там не растет ничего выше полыни, и нет ничего искусственного , кроме знаков с надписью: “НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ МАШИНЫ”. ТЕРРИТОРИЯ, КИШАЩАЯ ЗМЕЯМИ. Тем не менее, Мы с Гарри наслаждались временем, проведенным в “плаче в пустыне”, несмотря на то, что вряд ли кто-то купился на наш рассказ о змеином масле, хотя веселье, вызванное моим акцентом, часто приводило к тому, что агенты, с которыми мы разговаривали, вызывали своих приятелей и просили меня повторить все это еще раз. Но по вечерам мы ходили по барам, шашлычным и дорожкам для боулинга, которые, как мне казалось , все еще оставались Диким Западом, и мы с Гарри хорошо проводили там время. В одном из кегельбанов я случайно обнаружил способ выигрывать бесчисленные бесплатные игры на бейсбольном/пинбольном автомате , и, как в фильме, по мере того, как я выигрывал все больше и больше бесплатных игр, вокруг меня собиралась толпа возбужденных игроков. В конце концов, я ушел с более чем пятьюдесятью бесплатными играми на автомате, сказав молодым людям, что они могут бесплатно поиграть на мне остаток ночи. Мне нравится думать, что даже сейчас пожилые люди в сообществе все еще вспоминают эту ночь. Англичанин приехал в город и показал им, как надирать задницы на бейсбольном автомате, да, сэр.

Когда мы добрались до Нуэво-Ларедо, мы пересекли

граница с Мексикой, и Гарри повел меня по грязным улицам в свой любимый бордель.

Часть вторая

Вскоре после возвращения в Англию в 1967 году Джон начал

регулярную переписку с семнадцатилетним Томом Робинсоном, который написал ему, услышав его выступление на лондонском радио. показать Парфюмированный Сад. В 1968 году он отправил Тому следующее письмо:

Дорогой Том, голос из прошлого.

Было очень приятно тебя слышать — я часто задавался вопросом, как ты и где находишься. Мой адрес : ПАРК-СКВЕР, 2, в НЕРУС-АППЕР ХАРЛИ-СТРИТ, N1. Если ты когда-нибудь будешь в Лондоне, позвони. Добро пожаловать в 5847 и приходите навестить меня. Я очень Счастливый. Я встретил женщину по имени Свин, в которую Я очень сильно влюблен, и это приятно после 30 лет разлуки. Ты должен приехать и познакомиться с ней. Теперь мы гораздо спокойнее и более собранны. Моя звукозаписывающая компания выпускает отличные пластинки, которые мало кто покупает , но vegetation звучит так, как вы ее описываете. Звучит сказка о “Сумме Эго Ювениса” довольно занимательно — Ли, конечно, хотела бы это услышать. Теперь у меня пять хомячков (4 китайских, один из которых бродит по квартире, покинув клетку две недели назад), изумительный Бисквит и немного эксцентричная песчанка по кличке Роар, все они, а также я и Поросенок, передаем привет вам и тем , кого вы любите.,

Джон.

198

Называть обстоятельства, при которых я впервые встретил Джона, “благоприятными” или даже “слегка многообещающими” было бы, мягко говоря, неверно.

Это было в ноябре 1968 года, и я учился в колледже в В Южном Лондоне, учусь на преподавателя химии. Одна из моих подруг время от времени через своего преподавателя приобретала

билеты на записи телевизионных шоу. Я раньше ни на одном из них не была, но недавно рассталась с парнем и как-то в пятницу вечером оказалась в затруднительном положении, поэтому мы с ней отправились в студию Riverside Studios в Хаммерсмите , чтобы посмотреть запись шоу под названием “Как это”.

Одним из преимуществ посещения этих шоу было то, что вам платили. Ничего особенного — никаких гонораров за повторные выступления или чего—то в этом роде, - но скудная стипендия в десять шиллингов выдавалась после того, как вы подписывали контракт, в котором обещали не уходить до окончания программы, и на эти деньги можно было выпить несколько кружек пива после шоу. Конечно, недостатком было то, что приходилось оставаться на месте, каким бы душераздирающе утомительным ни становилось шоу. Среди гостей того вечера, куда я пришла, были, как ни странно, писательница-романтик Барбара Картленд и ливерпульская группа the Spinners, так что пребывание на своем месте, возможно, было самым тяжелым заработком в моей жизни - десять шиллингов.

В дополнение ко всеобщему веселью в программе был раздел, в котором Джон, Рональд Флетчер и Ричард Невилл из журнала OZ Magazine сидели на высоких стульях, обсуждая текущие события и публикуя то, что в пресс-релизах принято называть “сатирическим обзором’ прошедшей недели.

Я был знаком с радиошоу Джона Top Gear, которое обычно слушал по воскресеньям после обеда,

хотя я и не был таким заядлым хиппи , каким, очевидно, был он, мне просто нравилась кое-какая музыка. Не забывайте, что Джон был человеком, который был увековечен в разделе “Уголок псевдонимов” журнала Private Eye за то, что написал, что музыка Pink Floyd напоминает звуки умирающих галактик. (Он всегда говорил, что гордится этим, хотя был уверен, что позаимствовал это у кого-то другого.) Он не очень-то любил бархат, хотя у него был кафтан, купленный за бешеную цену в магазине на Карнаби-стрит. Его подозрение, что в прошлой жизни это было покрывало, стало одной из причин, по которой он никогда не мог носить его

с необходимой убежденностью. В результате это недолго продержалось в его репертуаре, за что Свингующий Лондон должен быть вечно благодарен.

Но где бы ни пахло благовониями или где бы ни собирались волосатые типы в просторных бархатных панталонах (и это были только девушки), вы всегда находили Джона. Например, он был там на 24-часовой выставке Technicolour Dream в лондонском B Alexandra Palace летом 1967 года, объясняя впечатлительным молодым женщинам, что он был выдающимся диджеем, который вел программу “Ароматный сад” на лондонском радио, и что, если они правильно разыграют свои карты, они смогут сопровождать его на следующий концерт Exploding Peppermint Slipper . Однако женщины, о которых шла речь , неизбежно оказывались менее внушаемыми, чем казалось на первый взгляд, и в очереди был впечатляющий процент отказов - 100%.

Тот факт, что Джон подготовился к этому, пройдя мимо очереди вместе с Ричардом на улице Невилл, осматривающий входящую аудиторию в поисках миловидных молодых женщин, которые, возможно, были бы более

более внушаемый, чем те скептики из Alexandra Palace, указывает на то, что за год, прошедший после “24-часовой цветной мечты”, изощренность его приемов подбора одежды заметно не возросла

.

У Джона был концерт сразу после “How It Is”, поэтому он сбежал еще до того, как запись была закончена, хотя я не могу сказать, что даже заметил это. Но когда мы с друзьями встали, чтобы уйти и забрать свои десять шиллингов, Рональд Флетчер очень по-джентльменски подошел ко мне и протянул записку. В нем говорилось: “Не могли бы вы позвонить по номеру 5847 в субботу утром, примерно в 11.30. Ниже было слово “Мир‘. Имени не было, поэтому сначала я подумал, что все это очень загадочно. Потом, когда деньги упали, я подумал: “Ну и что же мне теперь делать?”

Я вернулся в свою берлогу в Патни и обсудил это со своим соседом по квартире Терри, который посоветовал мне позвонить. В тот момент у меня не было намерения делать ничего подобного. Должно быть, я была немного взволнована, потому что в тот вечер я позвонила домой и поговорила со своими сестрами, чей мудрый и взвешенный совет был таким: “Сделай это! Сделай это!’ Отбросив здравый смысл и врожденную подозрительность к хиппи , я на следующее утро позвонил Джону. Он спросил меня, не хочу ли я пойти вечером в кино на фильм “2001: Космическая одиссея”, который только что вышел в прокат.

Но в этот момент привычное представление о свидании начало исчезать. Сначала он сказал, что заедет за мной в пять часов, как только узнает результаты матчей . Я не возражал против футбола, потому что я тоже был футбольным фанатом, но я подумал , что это странное время суток для похода на свидание. Кто уходит в пять часов?

Это было не то, что можно назвать рок-н-роллом, но с другой стороны

Джон был полон маленьких сюрпризов. Несмотря на то, что он был хиппи, от наркотиков у него воротило. В те дни, когда он жил в мире и любви, он время от времени покуривал их, о чем любил напоминать детям всякий раз, когда дома возникала тема наркотиков. Но к шестидесяти годам он стал более пристрастен к марихуане, чем в 1960-х, время от времени выкуривая по особым случаям, например, на фестивалях, “монстер хай”.

В основном он курил траву, когда жил в Калифорния. Пара друзей регулярно переправляли наркотики в Мексику и хранили контрабанду в деревянном сарае, который он называл своим домом. Он попробовал именно этот препарат , хотя и сказал, что никогда не испытывал экстремальных эффектов, предсказанных как сторонниками препарата — “Ты увидишь Бога”, так и его противниками — “Ты вообразишь, что можешь летать, и будешь спрыгнуть с высотного здания в центре города и, без сомнения, умереть. Отказаться от наркотиков его заставило то, что , вернувшись в Британию, он обнаружил , что самокрутка, как

правило, делается из табака. Джону не нравился вкус, и, хотя, должно быть , потребовалось немало мужества, чтобы сказать “нет” в квартире, полной хиппи, восхищающихся Солнечным Суперменом, он был готов рискнуть их неодобрением, если это означало, что его не стошнит от своего дорогого нового кафтана.

Джон дважды употреблял кислоту, но никогда не употреблял наркотики в больших количествах после того, как 1960-е годы ушли в прошлое, если не считать наркотиком растительную корму, которую он всегда употреблял. Его первый опыт употребления кислоты был достаточно приятным, но тогда он был добровольным, и в этом вся разница. Он описал это как посещение Стратфорд-на-Эйвоне: сделав это однажды, он не испытывал острой необходимости делать это снова.

Во второй раз Джон выступал в

в “Раундхаусе” на севере Лондона в 1969 году, и кто-то угостил его мороженым, в которое была добавлена кислота. К тому времени мы уже жили вместе , и я остался дома заниматься. Когда он вернулся в тот вечер, он ужасно шумел, хлопал дверьми. Он поднялся по лестнице и продолжал говорить мне, что разбил фургон. Я выбежал на улицу, чтобы проверить повреждения, но на нем не было ни царапины. Когда я вернулась в дом, он все еще был там, но выглядел очень отстраненным. И когда он, наконец, понял , что произошло, он боролся с этим, а все говорят, что это худшее, что можно сделать. Тот, кто подсыпал ему наркотик, должно быть, использовал что-то серьезное, потому что в течение трех или четырех дней он был не в состоянии даже написать свое имя.

Именно этот инцидент он обсуждал с каждым из детей, когда пришло время для серьезного разговора. Наркотики. Они всегда знали, когда вот-вот услышат выступление Джона, потому что за ними приезжали две машины , чтобы забрать их из школьного автобуса. Александра и Томас помнят, что в тот раз я отвез Флосси домой на одной машине, а Джон отвез их на стоянку на другой. Там им рассказали легенду о мороженом с шипучкой и предупредили, что, хотя они могут решиться на эксперимент, им

следует помнить, что процедуры контроля качества, как правило, не касаются наркотиков. На этикетке с буквой “Е” не ставится знак “кайт”, если только у вас нет на редкость добросовестного продавца.

Так как Джон держал свое тело как храм, пиво в наш первый совместный вечер было исключено из меню. Джей, как и обещал, появился в пять часов в своем потрепанном “Бедфорд Дормобил”, и мы поехали. Как только мы отъехали, он сказал, что хочет кое-что рассказать

я. “Я уже несколько дней неважно себя чувствую, - пробормотал он, - и я надеюсь, ты не возражаешь, но у меня назначена встреча с врачом, прежде чем мы пойдем куда-нибудь”. - Это , безусловно, было чертовски приятное свидание. Встреча в пять часов. Никакого алкоголя. Обходной путь к врачу. До сих пор все было бы в порядке вещей, если бы у Джона обнаружили проказу.

Мы поехали в операционную в Фулхэме, и я сидел в приемной. В конце концов Джон вышел и сказал довольно уныло: “Я должен немедленно лечь в постель. У меня желтуха”. Сейчас смешно думать , что я этого не заметила, но он действительно выглядел — ну, другого слова не подберешь — желтым.

Я сказала: “Тогда тебе лучше отвезти меня домой”. Но он умолял меня вернуться с ним к нему домой. ‘Не уходи, - сказал он, - мне действительно жаль себя, пожалуйста, пойдем со мной”. И я пошел. Он жил на Парк-сквер-Мьюз, недалеко от Риджентс-парка, и на его дом было приятно посмотреть. Это было очень круто, и я говорю это как человек, который ненавидит это слово “классно’; адекватной альтернативы просто нет. В каждом углу горели палочки для благовоний. В довершение картины, соседом Джона по квартире был фотограф-андрогин по имени Красавчик Питер, чья великолепная подружка-блондинка постоянно расхаживала по дому.

Это была культура, сильно отличающаяся от той, к которой я привык. Мои друзья Джерри и Терри были похожи на меня — один из Галифакса, другой из Барнсли, а я был из Шипли, что недалеко от Брэдфорда. Не то чтобы Джон считал, что хиппи

лучше, чем кто-либо другой; он всегда утверждал, что уход из жизни - это, по сути, дело среднего класса, роскошь , недоступная людям из рабочего класса или кому-либо еще.

у которых было мало денег. Исходя из моего опыта общения с хиппи, с которыми мы общались в 1960-х, я согласен; они, безусловно, казались мне своего рода элитой , и я всегда подозревал, что не дотягиваю до их уровня. Я был заинтригован ими, но никогда не чувствовал себя с ними комфортно.

В тот вечер я вышел из своей берлоги , предвкушая, что меня будут если не покорять, то хотя бы обхаживать, и не прошло и часа, как я оказался в благоухающем убежище, где беседовал с диджеем в желтом желтуха. Это было не самое обычное начало романа, но это был приятный вечер: мы много разговаривали и слушали пластинки. Он был невероятно нежным и добрым, что мне понравилось, и очень красивым; он понравился мне с самого начала. Возможно, мы сблизились быстрее, чем могли бы, потому что просто в том, что я играла роль няни Джона, было столько нежности. Не то чтобы желтуха охладила его пыл. Какими бы ни были симптомы, снижение либидо, по-видимому, не входило в их число.

Невероятно, но на следующее утро Джон выбрался из постели , излучая сияющий желтый ореол — скорее из—за желтухи, чем из-за какой-то врожденной божественности, струящейся из его пор, - и отправился на Radio 1, чтобы вести воскресную дневную программу Top Gear. Я была шокирована тем, что он собирался это сделать, несмотря на то, что ему было велено оставаться в постели, но за те тридцать шесть лет, что мы были вместе, я привыкла к такому отношению. Джон был из тех, кто не сдается , даже несмотря на советы врачей, здравый смысл, землетрясения. Его было не остановить.

Это никогда не менялось. Когда у него появились камни в почках и он испытывал такую сильную боль, что не мог водить машину, я отвез его в Лондон из Саффолка, чтобы сделать

его шоу, а потом снова отвез его обратно. Би-би-си вполне могла бы найти кого-нибудь на замену, но Джон этого не хотел: он должен был вести шоу. Точно так же в течение многих лет, когда он вещал из своей домашней студии, бывали вечера , когда я видел, что все, что ему нужно , - это немного поспать. Я кормил его, вытирал с него пыль, а он шел и выполнял программу — и неизменно делал это лучше, чем когда-либо, потому что старался гораздо усерднее. Бывали случаи , когда даже ему приходилось признавать, что шоу не должно продолжаться, и что работа была ему не по силам, например, когда в 2001 году он попал в больницу после того, как у него обнаружили диабет. Но даже тогда было необходимо держать его под вооруженной охраной в больничной палате, а окна контролировались снайперами с крыши, на случай, если он попытается добраться до Лондона на молочном поезде, чтобы выступить в своем шоу (хотя снайперов попросили по возможности целиться ниже колена)..

В тот воскресный ноябрьский день 1968 года я пошел с Джоном на Би -би-си и посмотрел, как он ведет шоу, которое тогда продолжалось два часа с трех часов дня. К тому моменту я не знал его и двадцати четырех часов, но когда я сидел там, наблюдая за инженерами за стеклом и , слушая, как Джимми Сэвилл передает передачу, я замирал от сочувствия к Джону — не потому, что в Джимми Сэвилле было что-то особенно пугающее (не более того, что сразу бросится в глаза любому, кто с ним встретится), а потому, что передо мной был человек, к которому я начинал испытывать симпатию, и он был готов вещать для всей страны. Я был на взводе. Джон, с другой стороны, был воплощением безмятежности, несмотря на слабое здоровье и тревожные

оттенок.

Просматривая сейчас его дневник, я вижу, что он был ошеломлен в течение нескольких часов, предшествовавших его первому появлению на Radio 1, которое произошло на второй день

вещания станции. На тот момент Radio 1 работало не на полную ставку, а делило свое эфирное время с Radio 2. Джона выбрал продюсер Берни Эндрюс, которому понравился его стиль подачи и выбор музыки на шоу Radio London “Благоухающий сад” — стать одним из многих соведущих, которые присоединятся к Питу Драммонду у руля Top Gear. Также в расписании был Майк Ахерн, Томми Вэнс и Рик Дэйн, но это было Джон, которого Берни с самого начала был полон решимости назначить постоянным ведущим, несмотря на опасения своих боссов на Radio 1.

Робин Скотт, тогдашний руководитель Radio 1, сказал , что “в компании было ощущение, что Джон был слишком самостоятельным человеком, чтобы давать волю чувствам’. Но утром в воскресенье, 1 октября 1967 года, Джон был кем угодно, но только не психом. “Я был немного напуган, когда проснулся этим утром”, - говорит он, прежде чем отметить, что Берни был ‘в хорошем настроении’. Он продолжает:

Репетиция прошла забавно, хотя мы с Питером оба пытались скрыть свою нервозность. В 13:15 мы пошли пообедать. Я пил только кофе и был в крайне нервном состоянии. В эфире в 2:00 после выступления Эда Стюарта, который звучал очень пронзительно и был охвачен паникой. Первые полчаса мы с Питером вели себя немного скованно , хотя и компетентно. После краткого изложения новостей мы немного успокоились.

из рутины. Это ни в коем случае не было приготовлено на скорую руку Я надеюсь, люди поймут, что это должно произойти позже. Думаю, там было несколько хороших строк. Без серьезных ошибок. Хотя, конечно, это было напряженное время для нервов… Мы устали после 4.30 и к 5.00 уже были на грани срыва. Скотт был там… Я вдруг почувствовал себя невероятно параноидальным и просто собрал свои вещи и ушел. Шел по Риджент-стрит, и водитель автобуса крикнул: “Очень хорошее шоу, очень хорошее”, - и это было приятно.

Когда в тот вечер Джон вернулся домой , Ширли, его первая жена, утешала его, а Берни позвонил и сообщил, что реакция была благоприятной. Но тон дневника является эмоционально неустойчивой, мягко говоря, и заканчивается на печальный намек на возникающие разногласия в Евангелии от Иоанна и Ширли брак. 'Ширли очень несчастна — бедное крошечное создание", - замечает он, прежде чем добавить: " Скоро она поймет. На следующее утро Джону сказали, что "Томми Вэнс считал шоу скучным, но утешение можно было найти и в другом: в "хорошей заметке в Daily Mail" и "общем одобрении критиков фильмом "Пил"". Особенность этого шоу в том, что оно было очень интересным. Джон говорит о себе в третьем лице , что объясняется его следующим предложением, в котором он отвечает на положительные отзывы, признаваясь: "На самом деле я не чувствовал, что это был я".

Берни очень верил в Джона, и, хотя между его первым и вторым выступлениями в качестве со-презентатора Top Gear прошел почти месяц , с 29 октября он регулярно появлялся на шоу. От 12 ноября он выступил совместно с Томми и в конце концов стал единственным ведущим на

4 февраля 1968 года.

Я часто видел Джона встревоженным или неуверенным , но он всегда демонстрировал неподдельную непринужденность у микрофона, даже в тот воскресный день, чуть больше года спустя после его дебюта в Top Gear, когда я до боли в зубах обгрызал ногти, наблюдая, как он усердно ведет двухчасовую передачу. Когда все закончилось, он отвез меня домой, а затем, насколько я знаю, вернулся в постель и погрузился в мечтательный сон обо мне наяву. Или, возможно, просто включил "Пайпер у врат рассвета" и закурил еще одну "джосс стик".

x

Прошло много времени, прежде чем мне пришло в голову, что Мы с Джоном будем вместе. Сначала наши отношения были случайными. Я знала, что он встречается с другими людьми, и подумала: “Хорошо, я тоже буду встречаться”. Вот почему я с удивлением читаю письмо , которое он написал Тому Робинсону в 1968 году, в котором он говорит, что влюбился в меня. Нам было весело, и мне нравилось находиться рядом с ним, но он , конечно, не производил впечатления влюбленного.

Однако в январе 1969 года я познакомил его со своими родителями , что было довольно большим шагом вперед. У Джона был концерт в Брэдфорде с группой под названием A For Andromeda, которая выступала в Большом зале университета — том самом Большом зале, где Джон получил почетную докторскую степень тридцать три года спустя. Мы приехали туда с группой; погода была отвратительная, и фургон с трудом пробирался по густому снегу. Мы с Джоном остановились у моих родителей в Шипли. Это было настоящее культурное столкновение. Джон воплотил в себе все, чего они не ожидали. Они никогда не встречали никого подобного

его — или любого, кто связан с прессой, если уж на то пошло. Полагаю, можно сказать, что тогда он был знаменит . О его визите в Брэдфорд написали в местной газете, но, возможно, это была просто медленная неделя с новостями — никаких кошек, лазающих по деревьям, или снижения цен в кооперативе.

Мои родители, казалось, были немного встревожены, но Джон был невероятно мил. Кроме того, он был чрезвычайно застенчив и оставался таким на протяжении всей своей жизни. Полагаю, с моей стороны было довольно жестоко дразнить его, когда он спросил моих родителей, можно ли ему принять ванну. Я попросила маму поставить жестяную ванну перед камином, пока я схожу за горячей водой, и Джона, похоже, внезапно охватила паника. Он уже воспользовался туалетом, но ванна была в отдельной комнате внизу, так что он никак не мог понять, что я шучу. Если бы мама не велела мне перестать быть таким ужасным, я не могу с уверенностью сказать , что не довел бы эту шутку до унизительного завершения.

Большую часть вечера Джон просидел, скрестив ноги, в углу гостиной моих родителей. Ему никогда не нравились стулья: я думаю, это было в стиле хиппи. Он повсюду носил с собой портативный проигрыватель, крошечный номерок, на котором он слушал синглы, и просто сидел, играя на нем и читая газету. Он не был грубым; его застенчивость была просто ошеломляющей, и она никогда по-настоящему не уменьшалась.

Позже, когда мы приходили на вечеринки, Джон сразу же начинал искать какую-нибудь работу, которая освободила бы его от неловких формальностей общения. Ему просто нужна была работа, и как только он ее находил, он старался уделять ей как можно больше времени. Для Джона не было ничего необычного в том, что он тратил три часа на мытье посуды или приготовление кофе, в то время как в соседней комнате бушевала вечеринка.

Люди обычно подходили к нему, чтобы поболтать, а затем расходились. Или же он оставался незамеченным в течение всего вечера. Он был не так уж плох на вечеринках у нас дома; я думаю, что в целом он был счастливее, играя дома, чем на выезде.

Однако, как только он попал в благоприятную обстановку, он по-настоящему расцвел. Например, он часто сетовал на то, что Radio 1 в 1990-х и последующих годах стало таким разрозненным местом для работы; в отличие от 1970-х, ди-джеи имели очень мало общего друг с другом, и это произойдет только в конце 1990-х годов. Рождественская вечеринка, на которой вы даже познакомились с некоторыми из своих коллег. Джон часто жаловался на Крис Мойлз, когда услышал его по радио. Возможно, этот глагол не совсем передает его первоначальные опасения. На самом деле он сказал следующее: “Когда Крис Когда Мойлз пришел на Radio 1, я подумал о том, чтобы привязать к себе взрывчатку и вытащить нас обоих. Я уже пожилой человек, и это мало что изменит. Но когда они встретились на одном из все более редких общественных мероприятий Radio 1, он понял, что он ему нравится.

Джону нравилось бывать в офисе, потому что это была его территория: там ему было самое место. У него был свой уголок, и

он сидел там, чувствуя себя хозяином положения, и по-настоящему наслаждался жизнью, особенно когда к нему подходили продюсеры с других шоу и просили назвать какой-нибудь загадочный ремикс или сэмпл. Все это было с открытой планировкой, как в гигантском телефонном центре обработки вызовов, за исключением того , что рядом с каждым креслом стояла стереосистема. Все, кто работал в сфере, которую эвфемистически называли “Специализированным программированием”, — такие, как Зейн Лоу, Энни Найтингейл, Стив Ламак — все были там вместе, и Джону нравилась атмосфера. Когда он уставал, он обычно ложился под свой стол и засыпал. Музыка

и болтовня продолжалась на той же громкости, но даже это не могло пробудить его от сладкого сна.

То же самое произошло на Radio 4, где Джон работал над “Правдами и неправдами”. Старший продюсер шоу Крис Берту был явно встревожен = в первый раз, когда он увидел Джона лежащим в крошечном офисе, он подумал, что произошел несчастный случай. В первые дни Джон сворачивался калачиком на полу; иногда он дремал под столом в студии, если между записями были большие перерывы . Позже он перешел к тому, чтобы спать в креслах. Вскоре Крис привык водить людей по офису и говорить: “Вот это - прописные истины, а этот спящий человек - Джон Пил”. Джон утверждал, что его способность дремать где угодно была результатом того, что во время службы в армии ему приходилось спать в кузовах армейских грузовиков.

На “Радио 1” или “Радио 4” он был в своей стихии. Но если поместить Джона в другое место, можно было наблюдать , как он замыкается в себе, хотя он не всегда мог распознать эту застенчивость в других людях. Его беспокоило, что он не смог добиться от Нила Янга никакой реакции, когда Майк Уиллис из звукозаписывающей компании привел Нила в дом Джона на окраине Риджентс-парка. Несколькими годами ранее, Джон выступал с концертом в Orange Hall в Сан-Бернардино, где “Баффало Спрингфилд” оказались в самом конце списка, возглавляемого “Бердс” (которых Джон считал настолько невыносимо неприятными, потому что они отказались разговаривать с ним, когда он представился перед шоу, что с тех пор ему было трудно получать удовольствие от их работы). В тот раз Нил был довольно словоохотлив и сказал Джону за кулисами, что это был первый настоящий концерт группы.

концерт, так что его неловкое молчание позже было весьма тревожным. Однако это не помешало Джону оценить музыку; в 1976 году мы посетили великолепное выступление Нила и Crazy

Horse в Hammersmith Odeon, и некоторое время не могли никуда ехать без сопровождения нашей потрепанной восьмидорожечной музыки. Everybody Knows This Is Nowhere, который Джон считал одним из десяти величайших альбомов всех времен (хотя в эту десятку вошло до двухсот альбомов).

Я всегда утверждал, что Джон неправильно понял Нила в тот вечер у него дома и что он страдал от такой же сильной застенчивости, как и Джон. Но я готов согласиться с тем, что Джон оценил Нико, которого он описал в своем дневнике 1971 года как “потрясающе грубого”, возможно, был ближе к истине. “Энди Уорхол - это супер-крутое крысиное дерьмо”, - разозлился он, когда она ушла от него в середине разговора 4 февраля.

В тот первый вечер в доме моих родителей мама кормила Джона как сумасшедшая, пытаясь заставить его съесть еще кусочек торта или выпить еще чашку чая. Они думали, что он немного странный, но он им нравился. Вернее, так оно и было до тех пор, пока неделю спустя. Мы с Джоном вернулись в Лондон и зажили обычной жизнью — Джон выступал с концертами, я вернулся в колледж и ходил с ним на концерты всякий раз, когда у меня был перерыв в учебе. Тем временем мои родители за чайным столом открыли последний выпуск своей местной газеты “Телеграф энд Аргус” только для того, чтобы прочитать заметку о Джоне и узнать о нем гораздо больше, чем кто-либо из нас хотел бы им рассказать.

Письмо от моего отца пришло в виде полного

для меня это был шок. А я-то думал, что встреча прошла как по маслу. Следует признать, что они, возможно, не испытали безудержного ликования, впервые увидев Джона. Его образ не мог не совпадать с идеализированным образом каждого родителя о потенциальном партнере своего отпрыска. Учитывая все обстоятельства, они, вероятно, не ожидали, что я обрету длительное счастье с мужчиной в шубе из искусственного меха, бейсбольных ботинках и вельветовых брюках. Из петли для ремня на этих брюках свисала крошечная пластиковая мышка - расстегни молнию на этой мышке , и оттуда вывалилась бы пара

миниатюрных темно—бордовых пижам от Сэнди Денни из Фэйрпорта Соглашение. Они лежат передо мной на кухонном столе. Они прекрасно сшиты и , несомненно, сделают из них щеголеватого мышонка , похожего на Ноэля Кауарда из мира грызунов. Но , несмотря на всю эксцентричность Джона, к концу вечера между ним и моими родителями определенно что-то произошло, и я помню , какое удовлетворение я испытал на следующее утро, когда Мы с Джоном отправились на прогулку в парк. Снег был плотно утрамбован у нас под ногами и заглушал все звуки, так что мы, казалось, были отрезаны от остального мира.

Но вот пришло письмо от моего отца, в котором он требовал , чтобы я разорвала отношения и больше не имела ничего общего с Джоном. По какой-то непостижимой причине Джон проговорился в том газетном интервью, что у него есть жена, с которой он живет отдельно. Для The Telegraph и Argus это , вероятно, стало сенсацией года, но Джон всегда очень открыто обсуждал свой первый брак — и все остальное, если уж на то пошло. Когда он писал свои колонки, он даже ссылался на свою

неудачный супружеский опыт, чтобы попытаться направить впечатлительных молодых читателей в сторону здравого смысла. “Мы с женой были очень молоды, когда поженились, - написал он однажды, - и я думаю, что сделали это по совершенно неправильным причинам. Это была не спонтанная свадьба или что-то в этом роде, не поймите меня неправильно, просто у нас были разные идеалы, которые , возможно, были неправильными. Брак - это очень серьезное событие. Вы должны следить за тем, чтобы не начать воспринимать друг друга как должное — это одна из самых больших опасностей”.

Все, что я могу сказать, это то, что в нашем браке он остался верен своему слову. Всякий раз, когда он уезжал, ему хотелось вернуться домой, к детям и ко мне. Иногда мне было трудно вырваться из его объятий ; он был очень недоволен, когда я начала посещать уроки испанского в виллидж, потому что хотел, чтобы я была дома, с ним. Я пригласил его с собой, но знал, что он не придет, потому что испытывал странное отвращение к тому,

чтобы его чему-то учили. Он ценил знания и копил информацию так же рьяно, как и сувениры на память (где-то в доме есть коробка с моими списками покупок, составленными более чем за тридцать лет). Но он очень не любил , когда его чему-либо обучали.

Какой бы замечательной ни была целеустремленность Джона, иногда у нее была и обратная сторона. Однажды мы две недели не могли смотреть телевизор, потому что он захотел самостоятельно расшифровать инструкции к пульту дистанционного управления. Кроме того, у него был портативный компьютер, который был куплен семьей и друзьями для написания этой книги, но который бездействовал в его комнате больше года. Томас предложил показать ему, как им пользоваться, но

Джон всегда отказывался; он хотел учиться сам, в своем собственном темпе, чтобы это было его достижением. Вот почему он так долго писал половину этой книги. Вот как мы оказались в затруднительном положении.

В юности Джона никто, кроме Р.Х.Дж. Брук, не заставлял его чувствовать себя особенно важным или стоящим, и его упрямство можно истолковать как попытку доказать, что он, в конце концов, не так уж плох. Когда позже в жизни он преодолевал какие -то технологические препятствия, это был его способ сказать: я могу это сделать, я могу стоять на своих собственных ногах. Это может быть что-то простое, например, отправка текстового сообщения, чему Джон учился целый вечер , чтобы иметь возможность переписываться с Флосси , пока она была в университете. Или же это может быть его умение разблокировать ручей возле нашего дома. Всякий раз, когда дорогу затапливало, он выходил в своих резиновых сапогах, с мотыгой, граблями или чем-то еще, что попадалось под руку, и принимался за работу. Затем он тащился обратно по подъездной дорожке, явно гордый собой и готовый к тому, что его похлопают по спине. Он всегда чувствовал себя неполноценным в практических вещах, потому что не умел вести домашнее хозяйство — это я красил и украшал дом, наводил порядок в доме и саду, чистил батареи отопления.

В глубине души, я думаю, он понимал, что его работа сама по себе имеет ценность. В одной из своих колонок в журналах Disc и Music Echo в 1972 году он кратко излагает суть своих радиопередач в ответ на письмо читателя, который поблагодарил его. ‘ Честно говоря, это мотив, стоящий за всем, что я делаю”, - признается Джон. “Программы, в которых я участвую , направлены на то, чтобы привлечь вас к музыке, которая

в противном случае вы могли бы и не проводить расследование.’ Это так просто, но в этом суть того, что сделал Джон.

Отношения, которые у него были со слушателями, начиная с “Благоухающий сад” и “Домашние истины” были основаны на открытости. Для Джона не было ничего, что выходило бы за рамки дозволенного, и его нежелание смущаться раздражало некоторых людей. Меня часто спрашивали, не возражаю ли я, если Джон так много расскажет о нашей семье в программе “Домашние истины”. Я всегда отвечал, что для меня это не имеет значения; что такого шокирующего в том факте, что в нашей жизни происходят хаотичные, странные или смущающие вещи ? Разве не у всех так? По общему признанию, дети чувствовали себя немного неуютно из-за этого, особенно когда родители их друзей говорили: “О, я все слышал о твоих результатах экзаменов *мрачном самоанализе* неловком высказывании “Прописных истин ” на выходных. Но как только дети объяснили Джону свои чувства, он согласился быть более сдержанным при обсуждении их в прямом эфире.

Откровенность Джона могла вызывать тревогу. В 1969 году в Би-би-си заказала программу об эпидемии венерических заболеваний, которая, по-видимому , охватила всю страну, и предложила продюсеру-ведущему Тони ван дер Бергу включить свою работу в одно из шоу Джона на Radio 1 “Ночная поездка”. Невысказанный подтекст заключался в том, что руководство считало, что слушатели Джона чаще других страдают венерическими заболеваниями. В ходе их беседы в прямом эфире Тони сказал, что одна из проблем, с которой столкнулись представители здравоохранения , пытаясь снизить уровень невежества в отношении венерических заболеваний, заключается

в нежелании тех, кто страдает от заболеваний, передающихся половым путем, публично признавать это. - Думаю, я смогу вам в этом помочь, - прощебетал Джон. (Я

сейчас страдаю от одного из них. И он был таким: симптомы описаны во всей их ужасающей красе в его дневнике, с упоминаниями о “настоящем хлопке” и “неприятных ощущениях в пенисе, покрытом кожурой’.

После признания Джона в передаче “Ночная поездка” на телеэкране Би-би-си, как обычно, загорелся коммутатор. Участники кампании пытались добиться, чтобы Джона сняли с эфира, по-видимому, полагая, что неспецифический уретрит может передаваться по радиоволнам. Судья на процессе по делу о непристойном поведении в стране О3 в 1971 году, на котором Джон был свидетелем защиты, приказал судебному чиновнику выбросить стакан, из которого Джон отпил воды, очевидно, полагая, что венерические заболевания могут передаваться при совместном использовании посуды.

В течение многих лет после этого Джон подозревал, что его имя было занесено в поисковые системы под заголовком “VD DJ’. Не проходило и недели, чтобы ему не позвонил кто-нибудь, кто хотел бы обсудить с ним этот хлопок, но он ожесточал свое сердце и обходил его, так сказать, с другой стороны.

К счастью, этого еще не случилось, когда Джон познакомился с моими родителями. И, кроме того, это была бы мелочь по сравнению с их основным возражением против наших отношений. Как убежденным католикам, им было трудно смириться с тем, что я встречаюсь с женатым мужчиной, пусть даже с тем, кто общался со своей женой только тогда, когда она звонила ему и просила денег.

Но моих родителей не интересовало, какие контакты были у Джона с женой. Они просто хотели , чтобы между нами все было кончено. Написание этого письма с просьбой порвать с Джоном, должно быть, было одним из самых тяжелых поступков моего отца в жизни. Он был таким нежным человеком, и письмо, несмотря на всю его серьезность,

оно было пропитано любовью; я помню, что оно начиналось словами “Хорошо, моя дорогая”, а заканчивалось искренним “Фу”. У меня больше нет этого письма . Я не мог заставить себя сохранить его.

Читать это было особенно трудно, потому что, вопреки надеждам моих родителей, отношения между мной и Джоном становились все серьезнее. Не то чтобы в его глазах не было других претендентов. Но позже он сказал, что свел все к двум кандидатурам и что я оказался первым. Время от времени Джон сталкивался с этой другой женщиной и всегда отмечал, что она, казалось , чудесным образом оправилась от того, что, должно быть , было для нее страшным разочарованием.

Весной 1969 года я переехал к нему в Парк Квадратные конюшни. Красавчик Питер, казалось, не возражал против того, что Джон называл их общий дом “Пил Эйкерс”, так же как я не возражала против того, что Джон с самого начала наших отношений окрестил меня “Свиньей” из -за моего фыркающего смеха. С первых дней нашей совместной жизни Джон называл меня Свиньей, и его читатели и слушатели тоже узнали меня под этим именем. Его знакомый, который учился на курсах ювелирного дела, изготовил для меня серебряное кольцо в форме животного, с которым у меня оказалось общее имя. Когда мы с Джоном поженились в 1974 году, Джон заказал себе точно такое же кольцо. Странно думать сейчас, что вокруг очень мало людей — возможно, вообще никого, - которые назвали бы меня Свиньей.

Я думаю, что идея Peel Acres была скорее выражением причудливости Вудхауза, чем свидетельством эгоизма в стиле Неверленда. Конечно, мы никогда не рассматривали возможность заселения сада чем -то экзотическим, например страусами или шимпанзе, и

хотя я должен признаться, что приютил оленя, это нежное создание, названное Роуз после того, как оно впервые попробовало на вкус лепестки роз, было спасено нами, а не куплено, чтобы повысить рейтинг эксцентричности Джона.

Корки соток был просто беззаботная название Джон дал, чтобы везде, где ему довелось жить. Дети иногда выражали дискомфорт из-за общего предположения, которое Джон старательно лелеял на протяжении половины своей жизни, что мы действительно живем в довольно пышно звучащем “Пил Эйкрз”, тогда как на самом деле у нашего коттеджа есть собственное название, совершенно не связанное с Джоном.

Эта сентиментальная привязанность к идее дома , вероятно, выросла из-за беспокойства, которое Джон испытывал из-за семейных неурядиц в юности. Однажды он написал:

Когда мои родители развелись, мне было около 16 лет, и я думаю, что сожалел о потере нашего дома в Чешир сожалел о разводе больше, чем я. Люди приходили и уходили, как это обычно бывает в нашем детстве, но дом был неизменным, и ты учился играть на нем, как на струнном инструменте. Мы ценили не только открытость и прохладу, но и темные углы, плинтусы, ощущение сырости, бесконечную необычность кухонного гарнитура.

Когда я впервые жила с Джоном и Прекрасным Питером в этом особом воплощении Peel Acres на Парк -сквер-Мьюз, мы все казались невероятно занятыми, но в то же время очень счастливыми. Дом был полон людей. Так было всегда, с тех самых пор, как я впервые встретил Джона. Пока он все еще страдал

от желтухи, был день, когда певица Мелани появилась на пороге, желая спеть Джону несколько своих песен. Джон забыл о назначенной встрече и попросил Бриджит Сент-Джон, которая в тот день была с нами дома, послушать песни и поговорить с

Мелани от его имени. Мелани вошла в комнату, размахивая гитарой , и села на край кровати Джона — я говорю “кровати”, но на самом деле это был просто матрас посреди пола. Она бренчала и пела от всего сердца, пристально глядя на нас, пока никто из нас не понял, куда смотреть.

Если музыканты не заходили, они оставались ночевать у нас. Вы всегда были уверены, что та или иная группа останется в доме. Если вы посреди ночи шли в ванную и споткнулись о какой-то неизвестный предмет в центре комнаты, то это наверняка был басист или ритм-гитарист, которые заснули там, где им случилось упасть.

Я не знаю, отказывал ли Джон когда-нибудь каким-либо группам, но я был бы удивлен. Я, конечно, не припоминаю, чтобы он когда —нибудь отказывался давать взаймы деньги — хотя я использую здесь слово “давать взаймы” в архаичном смысле “давать без надежды когда-либо получить обратно” - кому-либо из множества измученных душ с протянутыми руками , которые появлялись в “Пил Эйкрз” и говорили Джону, что они готовы помочь. написали Леннону, прося пятьдесят тысяч фунтов, а Доновану - остров у берегов Шотландии, но не мог бы он пока одолжить им двадцать пять фунтов, чтобы они могли провести с ними ночь? Он неизменно отдавал им все, что у него было.

Ситуация стала настолько критической, что агент Джона по бронированию билетов, Шерли Селвуд, и я были вынуждены

чтобы перекрыть себе доступ к собственному банковскому счету, из страха остаться без гроша в кармане. Не то чтобы ему требовалось много денег для той жизни, которую он выбрал. Арендная плата в “Парк-сквер-Мьюз” была ничтожно мала, даже когда домовладелец не забывал заехать за ней, что случалось не очень часто. Джону также не требовалось много денег на светскую жизнь, которая в основном проходила на концертах, где он выступал, или в списке приглашенных, или на пластинки, которые ему все равно присылали в большом количестве. Или за его рацион, который не выходил далеко за рамки коричневого риса и тахини.

Одна из групп, которая проводила много времени в Домом Джона был Лес — или, как Джон пишет в своем дневнике, “невезучий лес, чей второй альбом прекрасен и почти наверняка вообще не будет продаваться’. Это была очаровательная компания парней, которых вы с радостью могли бы привести домой и познакомить со своей матерью, если бы она совсем потеряла обоняние. Было бы великодушнее всего сказать, что их музыкальное мастерство намного превосходило их представления о личной гигиене; временами ситуация становилась настолько серьезной, что Джон фактически заставлял их принимать ванну.

Форест был с нами в тот день, когда в дом ворвалась полиция. Двумя годами ранее, в 1967 году, Джон видел, как у некоторых его друзей были неприятности из-за наркотиков. Джефф рассказал мне, что его, а также Пола, Шерил, Зельму и Пита арестовали по обвинению в употреблении марихуаны.; 19 сентября того же года он записал в своем дневнике. Какая обуза. Чем я могу им помочь. Настроение плохое. Марк [Болан] пытался подбодрить меня… Но до 1969 года сам Джон никогда не подвергался нападениям. Однако в течение нескольких недель отдел по борьбе с наркотиками был начеку

, обнаруживая в домах подозрительные целлофановые пакеты

принадлежащие членам известных групп. Многие люди утверждали, что полиция приезжала с собственным запасом контрабандных товаров, которые они затем тайно прятали в укромных уголках. Однако Джон уже некоторое время ожидал налета и был тщательно организован, когда раздался стук в дверь — или, скорее, когда стука не последовало, поскольку они просто вломились в дверь.

Удивительно, насколько спокойным и подготовленным он был, особенно учитывая, что полиция хитро спланировала облаву всего за час или два до того, как он должен был выйти в эфир. Джон назначил кого -то сопровождать каждого офицера, чтобы исключить возможность того, что что-то могло быть подброшено: за каждым сотрудником отдела по борьбе с наркотиками следил один из нас. Мы с самого начала знали, что они ничего не найдут,

потому что никто из нас наркотиками не увлекался, но они работали с поразительной тщательностью. Они разобрали клетки для хомяков. Они вскрыли яблочный пирог, который я только что закончила выпекать и который остывал на кухне. Они отвели Джона в “Дормобиль”, чтобы разобраться с ним. И на всякий случай, если кто-нибудь мог бы обвинить их в том, что они не предусмотрели все нюансы, они привезли с собой прессу; в тот вечер в “Ивнинг” была опубликована фотография Джона Standard, на которой он был похож на раздраженного гнома.

Я думаю, полиция была удивлена тем, насколько опрятным было это место, а также тем, что на длинном деревянном кухонном столе громоздились горы учебников по химии, которые я готовил к экзаменам. Они не ожидали такой оперативности от Джона; чувствовалось, что они разочарованы тем, что не застали его за нюханием толченых галлюциногенов с внутренней стороны бедра топ-модели международного класса. Когда в доме

когда их растолкали, полицейские вышли один за другим, пожимая Джону руку и говоря: “Большое вам спасибо, сэр”.

Но на этом все не закончилось. В течение некоторого времени после этого каждый поход по магазинам был сопряжен с тревогой. Мы неторопливо возвращались домой с пакетами продуктов только для того, чтобы к обочине с визгом подъехала полицейская машина и выпустила пару офицеров, которые затем обыскивали нас и просматривали наши покупки, прежде чем снова уехать. Это случалось так часто, но никогда не переставало быть унизительным.

Примерно в это время я готовился к экзаменам по химии , и мое академическое расписание не всегда совпадало с социальным и профессиональным расписанием Джона. Я помню, как однажды ночью я не мог уснуть , потому что Джон был внизу с Марком Боланом и они играли предварительную версию “Томми” группы The Who снова и снова включали музыку на полную громкость; в тот раз я был тем самым занудой, которому приходилось постоянно просить их убавить звук.

Традиционно их ночные выступления были посвящены общей

страсти к Scalectrix. Джон и Марк установил широкую дорожку Scalectrix, которая начала заселять дом, комнату за комнатой, пока почти каждый дюйм ковра, каждая поверхность не оказались скрыты. В доме постоянно звучала музыка, но теперь к ней добавился новый звук, слышимый в перерывах между песнями: жестяное потрескивание игрушечных машинок, преодолевающих сложные слаломы. Каждый из нас— У Джона, Марка, его подруги Джун и у меня была своя машина. Тем временем трасса продолжала расширяться, и чем больше она становилась, тем больше требовалось мощности, пока, в конце концов, Джон и Марк не отправились в срочном порядке за покупкой новой

бустеры. Должно быть, это было то еще зрелище: двое хиппи бросились в ближайший магазин игрушек за очередной порцией “Скалектрикса”.

Мы с Джоном старались как можно больше видеть друг друга , не прижимаясь друг к другу спинами. Летом 1969 года мы с братом Джона, Аланом, отправились в путешествие по Европе, где играли на превосходной восьмидорожечной кассетной системе Dormobile в исполнении The Who, Леонарда Коэна и Captain Beefheart . Этот праздник включен наша первая поездка в Венецию. В Dormobile, катастрофически недостаточна, сделал немного горы Альп, а у нас—и это были грязные и исчерпаны, когда мы приехали в жемчужину Адриатическое. Пока мы переходили от одного восхитительно разрушающегося ренессансного дворца к другому и шныряли, как крысы, под шедеврами мимо Тинторетто и Тициан, мысли всех нас троих были заняты только одним — сидячим туалетом. В конце концов, мы нашли один из них, спрятанный за обшитой панелями стеной в Палаццо ди Монтеверди делла Санта-Фиона, как Джон настоял назвать его, и, хотя он предназначался только для персонала, мы по очереди наслаждались его превосходным, хотя и незаконным расположением. Ах, милая Венеция: в ней много красот и тайн, а ее туалеты - это действительно нечто особенное. |

x * xX

При любой возможности я ходил с Джоном на концерты и сессии звукозаписи. Просмотр его дневников вызывает приятные воспоминания о подобных вещах мы бы ходили туда вместе. 1 апреля 1971 года мы были в кинотеатре “Париж” на Лоуэр-Риджент-стрит, чтобы посмотреть

225

Лед Зеппелин. Как обычно, там был инженер Крис “Вайпер” Лайсетт ; он стал хорошим другом семьи и всегда невероятно поддерживал Джона, который написал о том вечере:

Беседую с участниками Led Zeppelin. Они разозлились на Уайпера Лайсетта, что, на самом деле, совершенно несправедливо, поскольку оборудование Би-би-си, очевидно, колоссальное. шутка… Публика равнодушна и не реагирует. Группа хорошая. Свин был единственным, кто подпрыгивал на месте во всей аудитории. Zeppelin играли в течение 100 минут — и хорошие люди тоже. После того, как Роберт Плант и Джимми Пейдж, как обычно, пообещали позвонить, мы поехали домой и выпили хорошего горячего шоколада. Прямо в постель.

Рок’н’ролл с горячим шоколадом - лучше и не придумаешь.

Джон почти каждую неделю выступал с концертами по всей стране. Ему также приходилось находить время, чтобы помогать руководить лейблом Dandelion, который он основал вместе с Клайвом Селвудом из Elektra. Он написал в рекламе:

Глупая, идеалистическая идея, стоящая за Dandelion и другим нашим жестоким капиталистическим предприятием, Biscuit Music, заключается в том, что любая прибыль, если таковая будет,

должна идти артистам, а не Клайву и не мне. Мы хотим записать людей , чьи песни и стихи нам нравятся и которые нравятся нам как люди. На данный момент это Бриджит Сент-Джон, Бо, директор театра Эдварда Мэджика и ансамбль “Случайное слово”. Если людям понравятся их записи, а я, честно говоря, не могу придумать ни одной причины, почему они не должны этого делать, тогда мы сможем

запишу альбом с множеством других людей, о которых вы, вероятно , тоже никогда не слышали.

Я старался выкроить время, чтобы пойти на ночные записи Dandelion, которые проходили с огромным удовольствием. В некоторых случаях моем присутствии одни хотели заработать на мне кредит,—вот почему некоторые из записей медведь легенда‘, полученный от свиньи. В первые релизы были Бриджит сингл “Б без Заминка и ее альбом Не задавайте мне вопросов, которые Джон производства. Во время одной грандиозной ночной сессии, на которой я присутствовал, ему пришла в голову идея наложить на заглавную композицию пение птиц и церковные колокола, сплетя воедино звуки из библиотеки Би-би-си до тех пор, пока она не показалась мне подходящей. После выхода альбома в августе 1969 года к Джону часто обращались с расспросами о птицах: люди хотели знать, где он их записал, поскольку было известно, что некоторые виды поют вместе и никогда не собирались в одном месте обитания.

К сожалению, Джон так и не собрал средств, необходимых для финансирования “101 Шарон”, своего любимого проекта “Одуванчик “, для которого он планировал собрать 101 женщины по имени Шарон заперли их в студии и отказывались выпускать, пока они не запишут альбом.

Но качество артистов, которые записывались для Dandelion, сильно различалось. Одним из любимых исполнителей Джона был певец и автор песен Кевин Койн. Затем был “Волшебный театр директора Эдварда”, который мы с продюсером Джона Джоном Уолтерсом оба терпеть не могли. Однако моя неприязнь

к ним была не только музыкальной — хотя их тви-композиции могли бы послужить достаточным поводом для неприязни к ним, даже если бы у них не вошло в привычку

когда они жили с нами, то брали напрокат автомобиль Джона, а потом отказались подвезти меня, когда я с трудом добиралась до прачечной самообслуживания, чтобы постирать их постельное белье. Они были утонченными рок-звездами. Они были выше таких мелочей, как стирка.

Еще одна группа “Одуванчик”, Stackwaddy, группа из Манкунианцы, которых Джон называл “панками до того, как был изобретен панк”, ни у кого и в мыслях не имели уменьшать размеры фиалок. К счастью, Джон никогда не был объектом их довольно бурного веселья, поскольку он был их благодетелем и единственным человеком, готовым уделить им время и деньги, необходимые для поддержания их в том состоянии опьянения, к которому они привыкли. Но есть много людей, которые, если бы услышали имя Стаквади сегодня,

дрожащей рукой потянулись бы за лекарством. Например, плаггер, о котором они говорили, мог бы поехать с ними в фургоне обратно в Манчестер из Лондон, прежде чем пинком распахнуть двери на полпути к шоссе M6 и вытолкать его на автостраду. Или Джек Хольцманн, президент американской компании Dandelion, спонсирующей Elektra, который был в Лондоне на показательном концерте, на котором Джон и Клайв планировали произвести на него впечатление, и который стал свидетелем того, как вокалист Stackwaddy мочился на толпу во время вступительного номера группы. Возможно, это была его идея - дать зрителям немного больше.

Полагаю, веселье поутихло, когда они начали появляться на пороге нашего дома в Лондоне ранним утром, интересуясь, какие подарки они могут мне купить и хочу ли я швейную машинку. Я не хочу показаться неблагодарным, но их щедрость была перевешена тем фактом, что было три часа ночи.

в конце концов, дух Stackwaddy лучше всего передан в названии их альбома: Bugger Off. Да, только их матери могли бы их полюбить. То есть их матери и Джон.

За исключением тех дней, когда ему приходилось бывать в Лондоне для участия в своем шоу на Radio 1, которое менялось с годами , большую часть вечеров Джон проводил, играя в настольный теннис в политехнических институтах и университетах страны, сначала под своим собственным именем, а затем, с середины 1970-х, под псевдонимом the marginally. еще более высокопарно звучащее роуд-шоу Джона Пила'. Как в одном предложении выразить суть этого фантасмагорического развлечения? "Это Джон" Пил и две коробки пластинок", - так выразился Джон.

До тех пор, пока я не выиграю в лотерею, "Роуд-шоу Джона Пила " будет по-прежнему состоять из меня и этих двух коробок, одна из которых со сломанной ручкой. Я часто жалею, что это не так. я никогда раньше не был на роуд-шоу. Раньше мы, ди-джеи, просто выступали под своими именами, ни больше, ни меньше. Потом какой -то умный Алек придумал назвать свое оборудование, и Дорин и Морин, девчонки-гоу-гоу, с которыми он познакомился возле Broadcasting House, устроили роуд-шоу. Сейчас мы все выступаем на гастролях, нравится нам это или нет. Естественно, я бы хотел привезти с собой цирк без каких-либо дополнительных затрат. Я не знаю ни одного цирка. Если бы я мог привезти с собой каких-нибудь крутых артистов. Роско или Джонни "Уокер может собрать сплоченные ряды танцоров гоу-гоу одним движением пальца или хлопком пробки от "Бэбичема". Я не знаю, как они это делают. Они также

у нас есть тонны оборудования мощностью 1200 Ватт', — сказал Джонни У., когда я его спросил. В тот момент , когда они должны выйти на сцену, звезды предстают во всей своей красе. Итальянские спортивные автомобили. Скромно улыбаясь, они пробегают мимо охотников за автографами и устремляются к сцене, а ночной воздух наполняется глухим стуком падающей в

обморок женщины.

В прошлые выходные я выступал в больнице Мидлсекса , и мне пришлось нанять восемь или десять потенциальных медиков, чтобы они отогнали мою машину, которая сломалась возле больницы, задним ходом по пандусу, чтобы я мог выгрузить свое оборудование для роуд-шоу. На них, похоже, это не произвело впечатления. Час спустя, когда все уже были на сцене, я был покрыт тонкой пленкой пота, смешанного с пылью, которая самым интересным образом затвердевала. Я сел на сцену, чтобы поразмыслить о неуловимости жизни, и ко мне подошел юноша. - Э-э-э, - многообещающе начал он. - Когда здесь появится Джон Пил? Проблема в том, что я не произвожу впечатления. Я стараюсь сдерживать свой желудок, но иногда от волнения забываю об этом.

Эти концерты быстро стали неотъемлемой частью жизни колледжей и университетов по всей Британии, а также предоставили возможность нетерпеливым музыкантам убедиться, что их демо—записи дойдут до единственного человека в музыкальной индустрии, на которого можно было вполне положиться, что он не выбросит их в мусорное ведро - или, по крайней мере, не выбросит, предварительно не прослушав. Багажник машины Джона был до краев набит кассетами, которые ему подарили мечтательные юноши и девушки на мрачных парковках высших учебных заведений по всей стране. Если бы я согласился с ним, я бы

всегда обязательно берите с собой сумку-переноску; к концу вечера все без исключения будут туго набиты лентами . Однажды вечером машина Джона была взломана, и к травме добавилось странное оскорбление , когда полиция взяла на себя труд вернуть демо-кассеты, которые воры ошибочно приняли за своего рода награду.

Одним из регулярных выступлений Джона было выступление в The Nag’s Head в Волластоне, Нортгемптоншир, где он впервые появился весной 1970 года; обычно он выступал с концертом,

коротал ночь в пабе, а затем отправлялся в Лондон на Top Gear, который на тот момент выходил в субботу послеобеденное время. Местный диджей, “Большой Боб” Найт, управлял клубом Motown в помещении паба на верхнем этаже, прежде чем в 1968 году стал арендодателем и превратил это место в рай для длинноволосых любителей прог-рока, привлекая таких музыкантов, как Wishbone Ash, Uriah Heep и Dandelion, с которыми Джон подписывал контракты, Medicine Head, а также еще более экстремальные, хард-рокерские номера, такие как Elkie Брукс. Джон стал диджеем паба по пятницам , время от времени хлопая в ладоши у дверей , и убедил знакомые группы, такие как the Faces, включить the Nag’s Head в свои гастрольные маршруты.

Вскоре он уже выступал на другой площадке Big Bob’s , в расположенном неподалеку отеле Blisworth. Именно там на концерт приехали воздушные силы Джинджера Бейкера, у которого не хватало одного хай-хэта до полного комплекта и который был несколько потрепан. Джон и Боб буквально вынесли его на сцену, усадили за ударную установку, а после выступления снова унесли. Похожий инцидент произошел на концерте The Who в Бирмингеме, когда Кит Мун упал прямо на свою ударную установку. Джон помог его вытащить

за сценой, где его разбудили , плеснув в лицо ведро холодной воды, после чего пронесли мимо меня и снова бросили за его чемоданчик.

Дневники Джона конца 1960-х и начала 1970-е годы рассказывают печальную историю о том, как они мотались взад и вперед по стране в поисках наличных денег; на некоторых страницах суммы, предлагаемые за концерты, зачеркнуты и заменены постоянно уменьшающимися цифрами, что наводит на мысль о том, что Ценность Джона как ди-джея на самом деле падала с каждой неделей. Там был rider, который звучит довольно великолепно, хотя ничего подобного не было на обложках Hammer of the Gods. Посетитель John’s rider что-то говорил о том, что ему предложат несколько сортов пива и вегетарианские блюда. Их подавали редко, но чувствовалось, что условности соблюдались.

Какими бы ни были другие вечера, они, как правило, были яркими. Джон описывает один концерт в Восточном Лондоне, во время которого техник группы Spontaneous Combustion предупредил, что певец выбросит пластинки Джона со сцены, если они все еще будут там, когда группа выступит, как нечто похожее на замедленный повтор фильма Феллини. Другие вечера больше напоминали Классную доску Джунгли. В октябре 1970 года Клайв Селвуд, муж Шерли, агент Джона по бронированию билетов, а также его партнер по Dandelion, написал следующее письмо коллеге, который нанял Джона для выступления:

Спасибо вам за ваш чек на оплату услуг Джона Пил выступал перед вами несколько месяцев назад. Мне жаль, что вы считаете, что Джон не заработал свой гонорар. Я должен был подумать, что ваши “охранники” силой сбросили его со сцены, как сообщалось

289»

в “Дейли мейл”, и когда ему не позволили вернуться на сцену те же охранники, которые угрожали изуродовать его лицо и лицо его спутницы, он зарабатывал гонорар очень тяжелым способом…

Однако концерты были ценны тем, что приносили Джон познакомился со многими музыкантами , которыми восхищался и которые участвовали в его концертах. Он дал несколько концертов с Джими Хендриксом Опыт, например, и часто утверждал, что Хендрикс никогда не был превзойден как живой исполнитель. Если бы вам действительно повезло, Джон мог бы также рассказать вам, что у него были недозволенные половые сношения с одной из девятнадцати обнаженных женщин на обложке альбома Хендрикса Electric Ladyland, хотя он так и не смог решить, стоит ли раскрывать , с какой именно. Хотя он и рассудил, что было бы несправедливо говорить, кому посчастливилось пережить опыт Джона Пила, с другой стороны, остальные восемнадцать человек, несомненно , хотели бы, чтобы он дал им понять, что это были не они, нет , сэр, даже на спор. Это была глубокая и резонансная борьба, которую ему так и не удалось до конца разрешить.

Джон также любил говорить, что его поставили выше группы, и он, в некотором роде , учился в Саутгемптонском университете, где афиша гласила: “Роуд—шоу Джона Пила - с участием Опыт Джими Хендрикса.’ На странице, датированной 6 октября в дневнике Джона за 1967 год есть автографы участников группы; Хендрикс написал:, “Джону и Ширли - счастья на веки вечные”. 8 октября Джон дал концерт с участием Они очевидны (‘очень бедны”), Стадо (“очень

обычный’), Безумный мир Артура Брауна (‘Его выступление было самым тревожным — пылающий шлем, пробивающийся сквозь пол, необычная одежда множества цветов и эффектов пламени“) и Хендрикса, о котором он написал: “Вся вторая половина была насыщенной, вихревой, злой… Он был великолепен , хотя, казалось, ему было немного не по себе. Довольно сдержанный юмор.

Если Хендриксу было не по себе, то Джону было еще хуже. Перед концертом к нему подошли охотники за автографами, которые, как он слышал, шептались: “А вот и Джон Пил”. ‘Забавно думать о том, что меня попросили расписаться в Лондоне”, - написал он, слегка встревоженный. “Это казалось естественным в Америке, но совершенно чуждым в Лондоне”.

x

За последние несколько лет, проведенных Джоном в США, он стал кем-то вроде пятого битла. Нет, это был Пит Бест. Возможно, тогда Джон был шестым. Или его дублером. Конечно, женщины, которые толпились вокруг, чтобы прикоснуться к подолу одежды Джона, или, если это не удавалось, к подолу любого, кто прикасался к подолу его одежды. Одетые в одежду Джона, они были убеждены, что имели дело с настоящим ливерпульским величием и что Джон делился расческой с “Битлз”. Я уверен, что в какой-то момент он подумал о том, чтобы лишить этих обожающих подростков их иллюзий, но, возможно, он не хотел

рисковать и разбивать их мечты вдребезги. Либо так, либо он привык к автоматическому почтению и разнообразию сексуальных услуг, ставших возможными благодаря экономному подходу к истине.

234

Джон Пил начала 1960—х - или Джон Рейвенскрофт, каким он был тогда, очень похож на человека, которого я встретил в 1968 году, плюс—минус одежда хиппи и эти длинные распущенные локоны. На самом деле, волосы Джона начали редеть, когда он был четырнадцатилетним мальчишкой, и в то время он был доволен. Он чувствовал, что это делает его старше и поможет его мальчишеским амбициям походить на восточного жителя. Европейский диссидент, чьи амбиции были сорваны, возможно , навсегда, когда он начал набирать вес. Позднее Джон заметил, что его единственным утешением в этом вопросе было то, что бывшие восточноевропейские диссиденты, ныне живущие на западной диете, становились все больше похожи на него.

Вероятно, он все больше смирился с тем, что набирает вес, хотя в его дневнике за 1971 год с мельчайшими подробностями отмечены его незначительные успехи и потери. “Как бы я ни старался дисциплинировать себя, - написал он 4 мая, - объем талии у меня неумолимо увеличивается. Сегодня утром я весил одиннадцать килограммов — чем это закончится? “Невероятный Растущий мужчина”.“Позже лишний вес стал особой проблемой между Джоном и его другом и продюсером Radio 1 Джоном Уолтерсом. В одной из колонок Джона в музыкальной газете Sounds в 1973 году он раскрыл подробности своего продолжающегося соперничества с Уолтерсом:

Я не замедлил заметить, что неуклюжий Уолтерс, ранее отличавшийся немалым телосложением, незаметно теряет в весе и начинает походить на одного из тех воинов, которых можно увидеть скачущими в заброшенном лесу из классической мифологии. Буквально на прошлой неделе я наблюдал, как он ворковал над своим отражением.

бассейн у подножия башни почтового отделения. Что, Я подозреваю, что этот миловидный маленький негодяй задумал продолжать избавляться от излишеств (как скромно пишут в женских журналах) до тех пор, пока не настанет время, когда он сможет с наигранной небрежностью спросить меня, сколько я вешу. Когда я отвечу “десять стоунов восемь” (на самом деле это больше похоже на “двенадцать стоунов “, но для моего имиджа было бы нехорошо, если бы вы узнали об этом — не лучше, чем если бы вы случайно обнаружили, что на самом деле мне нет восемнадцати), он объявит голосом из полированной меди: что он весит меньше, чем я, и я потеряю единственное преимущество, которое у меня есть перед ним, если не считать того факта, что он поддерживает меня. “Кристал Пэлас”, и даже в этом случае поддержка “Пэлас ” имеет определенную культовую ценность — все равно что притворяться, что ты считаешь какую-то перуанскую рок-группу лучшей в мире. Как всегда быстро замечает Уолтерс, он выше меня ростом, у него несколько более высокий уровень, чем у меня, он рассказывает истории лучше, чем я, и считает, что его глупый кот лучше, чем три наших величественных животных.

В 1960-х годах, когда университетский стиль был в моде, Джон начал сожалеть о своем раннем увлечении начинающимся облысением; каждое утро ему приходилось составлять Сделайте прическу в стиле Кеннеди из оставшихся волосков и большого количества мыла. По его словам, раньше он беспокоился, что похож на мусорное ведро с педалями и что какой-нибудь чванливый хулиган может наступить ему на ногу, чтобы посмотреть, не поднимутся ли у него волосы дыбом. Когда Джону и его брату Алану впервые стало угрожать серьезное облысение, они обратились к мистеру Люку, который работал в салоне красоты в Найтсбридже. Они потратили много денег на то, чтобы привести в порядок свои волосяные фолликулы

стимулируется электрическим устройством, которое выплюнул голубой искры, больно, и, очевидно, не имело никакого эффекта ни на резкий спад в росте Грива Джона. Он всегда говорил, что хотел бы иметь больше волос, и время от времени испытывал острую обиду на тех людей, которые были щедро наделены этими волосами и настаивали на том, чтобы тратить их на бессмысленные стрижки, — например, на Майкла Портильо.

*

В начале 1960—х Джон жил на Потомак—авеню в Далласе и был единственным обитателем деревянного сарая, который раньше служил помещением для прислуги - возможно , даже для рабов - в глубине чьего -то сада. По вечерам, вдохновленный философией Playboy, гласившей, что женщинам нужен утонченный парень, который пьет бурбон и водит машину. Мазерати и слушал джаз, он сидел на своей кровати и ужасно старался понравиться пластинкам Дэйва Брубека и Шелли Манн и его людей, купленным в Columbia Record Club. Его тяжелое экономическое положение означало, что “бурбонам” и “Мазерати ” придется подождать, пока он не бросит карьеру офисного курьера — он был им в течение трех лет , и его работодатели заверили его, что у него есть все шансы остаться таковым — и не займется медициной или архитектурой. До тех пор это была хозяйка “Твинки” запивали колой “Роял Краун”.

К этому моменту было бы совершенно естественно задаться вопросом, какие декадентские переживания ожидали Джона во время его визита в мексиканский бордель со своим другом Гарри в 1962 году — в конце концов, именно на этом рассказ Джона о своей собственной истории завершился, как настоящий кульминационный момент. Но у меня есть

из достоверных источников — фактически, из уст Джона — известно, что он участвовал в этом визите и других подобных ему только в качестве компаньона Гарри и будет ждать его снаружи

до тех пор, пока рассматриваемая деловая сделка не будет завершена к удовлетворению всех сторон.

В следующем году Джон уволился с работы в K. T. Martin и был принят на работу в Republic National Страхование жизни, Северная Центральная скоростная автомагистраль, 3988, Даллас. Его работа там, составление картотечных программ для IBM 1410, была настолько скучной, что он проводил по два часа в день за чтением в туалете. Однако его дни, должно быть, скрасили выступления, которые он начал делать на радио WRR, где он представил второй час R'n'B программы "Караван Кэт". Джон получил эту работу, за которую ему заплатили славой, а не наличными, после того, как появился в WRR, хвастаясь своей необычайно эклектичной коллекцией пластинок. 'Я начал работать там, потому что у меня были записи, которых не было у них, в основном пластинки блюза и R'n'B, которые были доступны только в Англии или Нидерландах", - сказал он. WRR хотел порыться в своей коллекции; Джон оговорил, что если они хотят заполучить записи, то должны забрать и его.

Ему нравилось думать, что они держали его из-за его незаурядные знания музыки, а также его высококачественные тарелки, но это был его гласных звуков, а не его винила, что действительно поразило Техасцы. Каждый понедельник вечером, с одиннадцати до полуночи, Джон играл Джимми Рида, Лайтнинга Хопкинса и брата Дэйва Гарднера, пока у него не хватило смелости попросить, чтобы ему заплатили, после чего его бесцеремонно уволили.

Даллас также был местом проведения одной из его выставок.

с законом, что, хотя и случалось нечасто, придавало ему сходство с преступником. В 1963 году он провел несколько часов в вытрезвителе окружной тюрьмы Далласа за нарушение правил дорожного движения, совершенное во время захватывающей поездки по Далласу, вызванной звонком его тогдашней девушке, который внезапно оборвался, когда она воскликнула: "Боже мой, в доме кто-то есть! Эти преступления включали превышение скорости, проезд на красный свет и что-то вроде отказа

остановиться по требованию должным образом уполномоченного должностного лица муниципальной власти. К тому времени, когда он добрался до дома своей подруги — кстати, именно мусорщики встревожили ее, — у него на хвосте уже сидели три полицейские машины.

Он даже не пил, но по обычаю нескольких нарушителей правил дорожного движения отправляли в вытрезвитель на какое-то время, чтобы отучить их от дурных привычек. Это было невеселое место, поскольку большинство из двадцати или около того его обитателей были все еще пьяны, или безумны, или и то и другое вместе, и больше, чем ему хотелось бы, интересовались элегантно одетым англичанином , который появился среди них. В остальном его неохотных сокамерников, казалось, объединяло только отсутствие энтузиазма по отношению к белым людям, и, поскольку он был единственным представителем этого жанра в камере, он остро осознавал это.

За исключением таких причудливых моментов высокой драматичности, жизнь Джона в Далласе, похоже , была наполнена завидным досугом, он слушал музыку и катался на своей машине, в общем, занимался американским граффити . Однако в этой рутине были некоторые серьезные нарушения. 22 ноября 1963 года, Джон был занят своими обычными неотложными делами в “Рипаблик Нэшнл”, заканчивает чтение в мужском туалете. Внезапно музыку прервал чей-то голос

объявить, что из центра города пришло известие о том, что в президента стреляли. Джон выбежал к ” Шевроле Импала”, который он едва мог себе позволить , и настроился на радиостанцию “КЛИ”. Через пять минут он уже ехал по скоростному шоссе, направляясь в центр города.

Свернув направо на Элм-стрит, Джон припарковался и направился к участку возле вокзала, где , как сообщалось, произошла стрельба. На бегу он внезапно осознал, что понятия не имеет, что будет делать, когда доберется туда. Но те пятнадцать или около того секунд, в течение которых он разговаривал с Кеннеди в 1961 году, произвели на него такое впечатление, что

это было похоже не просто на расстрел президента ; на бегу Джон хотел знать, почему кто-то застрелил его приятеля Джека.

В трех или четырех кварталах от подземного перехода он наткнулся на полицейский заслон и, к своему изумлению, на рыдающего полицейского. Когда Джон попытался преградить ему путь, тот представился репортером английской газеты Liverpool Echo. Видимо, акцент убедил полицейского , и он пропустил его вперед. В течение сорока пяти минут Джон бродил по району, где был сбит Кеннеди, ему не разрешалось приближаться к проезжей части, но он мог стоять и наблюдать, как агенты прочесывают поросший травой холм и железнодорожные сортировочные станции за ним. В конце концов ему стало скучно, и он вернулся к работе. Никто даже не заметил, что он ушел.

Из офиса он позвонил в “Эхо” и рассказал им свою историю. Они напечатали заметку под заголовком “ЧЕЛОВЕК из ХЭСУОЛЛА В ДАЛЛАСЕ” и отнеслись без энтузиазма, когда он предложил продолжить расследование и позвонить еще раз.

В тот вечер Джон отправился кататься по Далласу

со своей девушкой Нэнси и другом Бобом Куком он заехал в закусочную Charco’s за бургером, а затем отправился в Dairy Queen в Меските, чтобы перекусить. “Доктор Пеппер” со льдом. Нэнси должна была вернуться домой пораньше, уезжая Джону и Бобу нужно было как-то убить время. Они отправились в центр города. Выйдя из тюрьмы, Джон совершил свой Репортаж “Ливерпульского эха”, где Боб был предполагаемым фотографом, и спросил полицейского, что происходит. У них есть какой-то парень”, - сказали ему. - Вообще -то, там намечается что-то вроде пресс-конференции. Изобразив на лице выражение “все видел, все сделал”, Джон сказал: “Думаю, тогда мне лучше отправиться туда”.

Две минуты спустя они с Бобом были в подвале тюрьмы, в комнате, обычно предназначенной для опознания, несмотря на то, что у них не было ни блокнота , ни фотоаппарата. В комнате было не особенно многолюдно, даже когда участковый Адвокат Генри Уэйд сообщил всем, что предполагаемый убийца должен

был предстать перед ними, и группа помощников шерифа в ковбойских шляпах прибыла в сопровождении Ли Харви Освальда. Джон сказал, что Освальд выглядел настолько убедительно сбитым с толку, что можно было предположить, что он либо чертовски хороший актер, либо невиновен. Мальчик, казалось, понятия не имел, что происходит.

Джон часто говорил, рассказывая о своих семи годах в США и, в частности, о той ночи в Далласе, что ему казалось, будто он лжет — что на самом деле его там вообще не было. Однажды вечером в доме Энди Кершоу было и уютно, и жутковато, когда Энди позвал его к телевизору, чтобы посмотреть архивные кадры с той пресс-конференции. Конечно же, там были Джон и Боб, стоящие примерно в пяти футах от Освальда — и от некоего Джека Руби, в те времена, когда он был просто еще одним лицом в

толпа, не заслуживающая ни особого внимания, ни места в истории.

Находясь за океаном от музыкальной сцены, ориентированной на Мерси, Джон так и не смог увидеть ни одну из мерсибит-групп в действии. Однако следует отметить, что Пещера играла важную роль в его различных методах соблазнения в те любопытные времена. Он ясно давал понять любому, кто соглашался слушать, что так часто бывал в “Пещере”, что его можно было бы считать частью кирпичной кладки — и разве руководство не подумывало о том, чтобы установить мемориальную доску, указывающую клиентам именно на то священное место, где Джона можно было регулярно застать потягивающим что-нибудь безалкогольное и задумчиво кивающим? На впечатлительных молодых техасцев эта беседа произвела впечатление.

Правда, конечно, была несколько иной. Джон был в Пещере всего дважды, когда прилетал домой на Рождество. В первый раз он увидел группу “Спенсер Дэвис” во главе со Стиви Уинвудом, чьи автографы, наряду с автографами других участников его более поздней группы, были у него на руках Дорожное движение”, украшает страницу дневника Джона за 1967 год, и во второй раз Ричмондская группа, прокатившаяся Что-то вроде группы Stones, о которой писали в посте-Концертный альбом Merseybeat под названием Where It All Began. Ближе всего к подлинной связи Джона со сценой на родине, пока он жил в Далласе, был один из основателей округа Даллас Крикетный клуб, брат которого, Пит Кларк, был барабанщиком группы The Escorts. Джон считал, что их версия “Головокружительной мисс Лиззи” затмевает ту, что была у

Сами “Битлз” и считали их песню “The One To Cry” практически незаменимой.

Крикетный клуб округа Даллас, кстати, сам по себе был незначительным явлением. Джон был одним из основателей клуба в 1962 году, и он просуществовал достаточно долго, чтобы привлечь внимание поклонников Beatles, увлеченных всем

английским. Когда клуб играл матч в Члены университетской футбольной команды Техасского университета в Остине почувствовали достаточную угрозу со стороны этой инопланетной активности, чтобы прийти и прервать игру.

Джон быстро доказал, что умеет искажать правду в свою пользу, о чем свидетельствовала эффективность его программы “Я никогда не выхожу из пещеры “. Именно благодаря искажению правды он попал на радио, которое превратило его из “английского авантюриста, умеющего оказаться в нужном месте в нужное время” в “английского авантюриста , умеющего оказаться в нужном месте в нужное время”, с тысячами визжащих девушек, предлагающих ему свои услуги. отдавайтесь всем его прихотям и желаниям”.

После того, как Джон позвонил в KLIF, чтобы поправить Расса Рыцарь, более известный как Странный Берд, по поводу какого-то факта о Ливерпуле, Найт — или, может быть, мистер Бирд? — нанял его в качестве официального корреспондента шоу “Битлз”. В конце концов, Джон был родом откуда-то из-под Ливерпуля, так что вполне логично, что он был первым человеком , которому Джон, Пол, Джордж или Ринго позвонили бы, если бы им понадобился доверенный человек. Джон отметил, что примерно в то время, когда Битломания начинала охватывать США, невозможно было включить радио, чтобы не услышать , как кто— то называет себя двоюродным братом Ринго, поэтому его собственные , безошибочно английские интонации, которые, по его словам, были

встреча с КЛИФОМ, волшебным образом дополненная Ливерпульскими интонациями, была настолько близка к подлинности, о какой только можно мечтать.

В качестве голоса Клифа в The Beatles, Джону предстояло ответить на любые вопросы о Великолепной четверке, которые юная далласская публика сочтет нужным задать ему, хотя, как правило, в промежутках между выступлениями звучала пластинка. вопросы и ответы, чтобы дать Джону время узнать , как зовут любимую мартышку Пола или сколько сахара тетя

Ринго Берил кладет в свой кофе. Вершина карьеры Джона в качестве помощника Судя по всему, выступление “Битлз” состоялось в универмаге Далласа, где Странная Борода проводил распродажу пластинок, на которой было объявлено, что “Наш человек из Ливерпуля” лично выступит.

Джон явился вовремя, но только для того, чтобы увидеть, как несколько тысяч истеричных девочек-подростков разрывают это место на части, кричат, падают в обморок и умоляют его возложить свои божественные руки на их недостойную плоть. Когда некоторое спокойствие было восстановлено, The Weird Beard взял интервью у Джона и спросил его, как долго он живет в Далласе. Джон ответил, что да.пробыл там три с половиной года. Но как только он произнес “half” со своим английским акцентом, а не “hay-aff”, как это принято у техасцев, снова вспыхнул бунт , и Джон и Странная Борода были вынуждены ретироваться через заднюю дверь в полном составе Дневная и ночная мода.

После этого в жизни Джона в центре Далласа на него постоянно нападали толпы девочек-подростков, которые предлагали ему себя, ошибочно полагая, что это каким-то образом сблизит их

к “Битлз”. Этот сарай в глубине сада на Потомак-авеню превратился в маленький улей плотской активности. Джон написал:

Прошло совсем немного времени, прежде чем девушки, мечтающие о суррогатной матери из “Битлз”, начали приходить к моему скромному дому. Будучи вполне порядочным человеком, я бы пригласил их войти, и, что ж, если бы им не терпелось пожертвовать своей девственностью мужчине из Ливерпуля , с моей стороны было бы грубо и даже непатриотично отказываться сотрудничать. Примерно за четыре месяца я составил внушительный каталог случаев дефлорации. Я редко знал их названия — да и не интересовался ими — и , полагаю, в некотором смысле то, чем я занимался, было формой проституции. Имейте в виду, я никогда не брал плату за свои услуги. Эти четыре месяца были одними из самых утомительных,

но и приятных в моей жизни, и только после того, как разгневанный отец допрашивал меня под дулом пистолета около часа, я решил , что пришло время мне уйти в отставку.

Одной из девушек, регулярно навещавших его на Потомак-авеню, была Ширли Энн Милберн, которой тогда было пятнадцать, хотя их дружба, по крайней мере на том этапе, была скорее платонической. После столкновения с прикладом дробовика Джон покинул свой сарай и переехал к Ширли и ее родителям. Из того, что Джон рассказал о Ширли, ясно, что она была такой же неуверенной в себе, как и любая пятнадцатилетняя девочка, и, похоже , между ней и ее родителями существовал своего рода заговор молчания , чтобы заставить Джона жениться на ней, не раскрывая ему , что ей было всего пятнадцать. Он сказал мне, что его ввела в заблуждение вся ее семья, которая сговорилась с ней ввести его в заблуждение относительно ее возраста.

Однако вскоре после того, как Джон переехал к ним, оба родителя Ширли погибли — сначала в автокатастрофе погиб ее отец, а затем мать, перенесшая серию сердечных приступов. Джон женился Ширли, но позже назвала это решение частью “пакта о взаимной защите”, поскольку после смерти ее родителей Ширли вот-вот должна была уехать жить к дяде, которого она едва знала. “ Сама церемония бракосочетания была довольно удручающей, - сказал он. *Нам пришлось забрать с улицы пару детей , чтобы они были свидетелями”. Всякий раз, когда Джон упоминал о своем первом браке, это обычно звучало с сожалением. ‘Это было несправедливо по отношению к ней, - сказал он, - и несправедливо по отношению ко мне. Ей предстояло многое изменить. Она вышла за меня замуж, потому что хотела более интересной жизни, но это было обречено с самого начала”.

В конце концов Джон и Ширли уехали из Далласа в Оклахома-Сити, где Джону предложили новую работу . Они направились на север на “Шевроле-409” 63-го года выпуска преобразуемый. По его словам, машина была выкрашена в красный цвет с металлическими отблесками, которые казались почти черными, и

обита черной обивкой

.

После того, как он купил машину, друзья предупредили его, что она выглядит вполне подходящей для угона. “Носи оружие”, - сказали они. Так он и сделал. Джон так и не смог вспомнить, что это был за пистолет, но он был совершенно уверен, что он был большим и грозно выглядевшим, и что, размахивая им перед носом любого потенциального вора, можно было обеспечить бесперебойную езду на автомобиле. За те три или четыре месяца, что он “собирал удочки”, как иногда можно было услышать от него об этом коротком периоде вооружения, он стал чувствовать себя за рулем очень неуютно— ожидая, что каждый поход в “Дейри Куин” завершится в стиле “Коррал”, что удовольствие от управления “409-м” может улетучиться. Поэтому он бросил

вооружился и снова научился жить.

Оказавшись в Оклахоме, Джон объединился с другим диджеем, Полом Миллером, в группе Paul and John Шоу, во время которого дуэт, лишенный какого-либо контроля над плейлистом, высмеивал различные рекламные ролики, а Джон, по сути, играл честного человека по отношению к Полу. Шоу стало настолько популярным, что всякий раз, когда Джон и Пол ходили на футбольные матчи старших классов , шоу в перерыве посвящалось им, и они выходили на железную арену, чтобы поприветствовать аплодисментами. Веселые деньки, веселые деньки.

Примерно в это же время Джон также стал менеджером, взяв под свое крыло две группы— Dann Yankee and the Carpetbaggers и Jay Walker and the Pedestrians, которых он возил на концерты в индейских резервациях и обратно. Именно в этот период Джон, как человек, наслаждающийся Статус постоянного жителя в США, мог бы быть призван в армию и отправлен воевать в Вьетнам. К счастью, поскольку он служил в армии союзников, было сочтено, что он внес свой вклад в то, чтобы обезопасить мир от безудержного потребительского движения, и его объявили

непригодным к службе. Но многие из его американских друзей и знакомых были призваны в армию и отправлены в джунгли Юго-Восточной Азии. Когда они вернулись — если они вообще вернулись, — стало ясно, что у них остались глубокие шрамы.

Например, однажды в 1966 году в обеденный перерыв Джон сидел в баре в Сан-Бернардино и слушал , как призывник с немалым удовольствием и довольно подробно описывает смерть первого убитого им вьетнамца. = Джона этот рассказ шокировал не меньше, чем перемена , произошедшая с рассказчиком. Из дружелюбного, либерального, непринужденного человека он превратился в

из приятеля в кровожадного убийцу. Многие, если не большинство, из тех, кто выпивал в баре , конечно, поаплодировали бы такому превращению, но Джон был в ужасе и часто задавался вопросом, что стало с тем другом его друга. Высказывать несогласие Джону тогда казалось не более разумным, чем много лет назад в Техасе, когда он увидел в Гринвилле плакаты, предупреждающие чернокожих не оставаться в городе после захода солнца; в царящей атмосфере нетерпимости он держал свое мнение при себе. Это было напряженное время для жизни в США; во время Кубинский ракетный кризис, в штате Одинокой звезды преобладало мнение, что американцам наконец-то представится шанс победить Коммунистические задницы русских на всем пути к Кремль. Джон утверждал, что американцы пугали его по меньшей мере так же сильно , как и русские.

Несмотря на то, что Джон неохотно оставил позади вызванное гормонами безумие в центре Далласа, на него все еще оказывалось давление, чтобы он сохранил свой имидж настоящего лучшего друга The Beatles, особенно потому, что ди-джей на конкурирующей радиостанции в Оклахоме не только имел длинные волосы, но и однажды выступал с The Yardbirds. Джон, конечно, не мог сравниться с ним, хотя был достаточно близок к этому в костюме без воротника, который кое-где сидел в обтяжку и блестел, как слизняк , когда на него падал свет. Образ Дэвида Маккаллума тоже помог, хотя для создания иллюзии

требовались промышленные большое количество лака для волос и может быть внезапно разрушено мимолетным порывом ветра. Находясь в Однако в Оклахоме Джон был вынужден публично признать , что на самом деле никогда не встречался с the Beatles, после чего его акции резко упали.

Телеканал устранил этот недостаток, отправив его в Миннеаполис для интервью с Фаб

Четыре. К сожалению, пятьдесят других друзей этого “Битлз” были посланы с той же целью, и то, что Джону удалось записать на пленку , звучало настолько нелепо и искаженно, что он выбросил ее и сказал телеканалу, что интервью было украдено ревнивым соперником. Как будто этого было недостаточно , дружелюбный полицейский сбросил Джона с лестницы на концерте “Битлз”.

Ему так и не довелось встретиться с группой, которая сыграла важную роль в создании его собственной впечатляющей репутации в США — по крайней мере, как целостной организации, и не тогда, когда он все еще был в Америка. Однако он все же встретился с the Supremes, которые присоединились к постоянно растущему списку групп, отказывавшихся с ним разговаривать. И наоборот, The Lovin’ Spoonful сразу же возглавили на тот момент скудный список групп, которые не только согласились пообщаться с Джоном, но даже пригласили его с собой в кино (кстати, они ходили смотреть “Величайшую историю, когда-либо рассказанную”

).

= только вернувшись в Англию, Джон , наконец, познакомился с одним из музыкантов, без которого его сексуальные приключения в В Далласе, возможно, было бы не так много людей. Джон Леннон и Йоко Оно появились на шоу Джона “Ночная поездка” в декабре 1968 года, чтобы обсудить свой альбом “Two Virgins”, который вышел на той неделе. В ходе шоу Йоко прочитала трогательное стихотворение о своем недавнем выкидыше.

Это было месяцем ранее, когда Джон впервые встретился с

Леннон и Йоко. Леннон позвонил ему по телефону и спросил, не согласится ли он сдать немного крови Йоко после выкидыша. Леннон отошел от ее постели только для того, чтобы позвонить трем людям, которым он

понравился настолько, что я попросил о таком одолжении. Чувствуя себя польщенным, Джон послушно отправился в больницу, где после нескольких предварительных анализов ему сообщили, что он все-таки не является подходящим материалом для донорства крови, поскольку его недавняя история болезни была омрачена желтой желтухой и хлопком.

Но Джон несколько часов болтался по больнице , разговаривая с Ленноном, и они по-настоящему поладили, время от времени встречаясь, чтобы пропустить по стаканчику, в течение следующих нескольких лет. Джон однажды подслушал, как Леннон просил ассистента принести газеты, чтобы он мог ознакомиться с рецензиями на последний сингл “Битлз”. “Зачем вам это понадобилось?’ - спросил Джон. ‘Мне нравится узнавать, о чем наши песни”, - объяснил Леннон.

Однажды днем, когда я гулял с Джоном, мы зашли в магазин Apple Records на Сэвил Скандалил, потому что он сказал, что хочет кое-что перенять у Леннона. Мы уже некоторое время сидели в приемной , когда Леннон просунул голову в дверь и пригласил нас выпить чаю с ним и Йоко. Все это было спланировано с самого начала, но Джон не осмеливался мне ничего сказать , потому что знал, что я буду сильно нервничать — я была одной из тех девушек, которых вы видите на кадрах кинохроники из На концертах “Битлз”, истошно вопя при каждом взмахе челки Леннона, при каждом покачивании бедер Пола Маккартни. Со временем моя истерика скорее подавлялась, чем угасала, и Джон это хорошо знал, поэтому ему так нравилось, когда Пол подошел поговорить со мной после концерта в 1972 году, и когда я с шумом ворвался на чаепитие-сюрприз в Apple. В обоих случаях я чуть не потерял сознание от шока.

Это был чудесный день. В то время Йоко получала много негативных отзывов в прессе, но она была восхитительна, разливала чай и играла роль матери. Я никогда раньше не встречался ни с кем из них, хотя однажды мы участвовали в акции “Подарок Йоко на день рождения”, когда Леннон организовал для множества своих знакомых индивидуальное фотографирование в футболках Йоко. Однажды днем появился фотограф и сфотографировал нас с Джоном в наших футболках, а затем эти снимки были помещены рядом с бесчисленным множеством других в альбом, который Леннон подарил Йоко.

Мы адаптировали эту идею к шестидесятилетию Джона , когда изготовили футболки с текстом одной из его любимых песен “Рой”. Бьюкенена ‘Одинокий беглец’, “Я хотел бы остепениться, но мне не позволят”, а затем сфотографировал друзей и семью в таких костюмах. Би-би-си действительно пришла в восторг от этой идеи, и Тогдашний продюсер Джона Анита Камат собрала различные группы, чтобы они внесли свой вклад в празднование дня рождения Джона.

Леннон поддерживал с нами связь еще некоторое время, даже после того, как переехал в Штаты; иногда мы получали открытки от него и Йоко, откуда бы они ни путешествовали.

Каким бы неоспоримо впечатляющим ни был успех Джона в “Битлз”, КОМА решил, что, несмотря на рейтинги, которые неуклонно падали, им можно пренебречь. Или, может быть, просто его талант сиял так ярко, что затмевал других сотрудников радиостанции. Но когда руководство начало проводить оптимизацию, Джона уволили.

Это был третий случай за последние четыре года, когда Джон был уволен с работы на радиостанции, и далеко не последний. Джон отправился в путь с Ширли и направился в Сан-Бернардино, штат Калифорния,

где ему удалось попасть на утреннее шоу в KMEN. За полтора года, с осени 1965 по весну 1967 года, он коренным образом

изменился. Можно даже сказать, что он потерял неотъемлемую часть самого себя, а именно свою букву “c’. Это была та самая буква, которая сидела совершенно спокойно и занималась своими делами в середине фамилии Джона, но против которой возражали его работодатели в KMEN , и поэтому ее выщипали пинцетом. KMEH , казалось, верил, что эта, казалось бы, безобидная согласная вызовет какой-то сбой в мозгах слушателей Джона, которые никогда не смогут запомнить такое громоздкое название.

Так что Рейвенкрофту, лишенному “c”, была отведена роль представительного мистера Жаворонка на канале, который провожает детей в школу, а мужа - на работу с улыбкой на устах и песней в сердце. Чтобы работать на полную катушку и быть готовым начать зажигать в шесть, ему пришлось на цыпочках выйти из бревенчатой хижины в половине пятого утра, прихватив себе немного фасоли со сковородки, которая горела на костре прошлой ночью. (Он заверил меня, что так все привыкли говорить, и у меня нет доказательств обратного.)

Сам KMEH располагался посреди поля , заполненного скотом. Конкурирующая эстрадная станция— Офисы и студии K-something else располагались в уголке местной гостиницы Holiday Inn, поэтому целевая

аудитория KMEN, состоящая из старшеклассников, серфингистов, любителей хот—родинга, производителей цитрусовых и блондинок с медовой кожей, сразу же оценила KMEN по достоинству

. вместил в себя Консервированное тепло, Любовь и Двери. Поскольку это была всего лишь небольшая станция, Джону разрешалось играть все, что ему нравилось, и со временем

он убедил своих боссов позволить ему создать британский хит-парад. Они решили, что это отличная идея, хотя , конечно, этот так называемый хит-парад на самом деле ничем подобным не был: Джон просто выбирал те записи, которые ему нравились на той неделе, и размещал их случайным образом в своем обзоре. “The “Nazz Are Blue” группы the Yardbirds задержалась в его

памяти. Альбом входил в британскую пятерку лидеров в течение невероятно долгого времени, несмотря на то, что нигде на земле он так и не был выпущен в качестве сингла

.

Во время своего пребывания в KMEN Джон использовал свое шоу для того, чтобы познакомить слушателей с многочисленными группами, которые, по его мнению , расцвели бы, если бы их музыку услышало как можно больше людей . Плейлисты на радио тогда были такими же консервативными, как и сегодня, но Джон считал своим гражданским долгом знакомить слушателей с разнообразной музыкой, преуменьшая при этом свою роль в любом последующем успехе, которым могли бы насладиться музыканты. !

Но одна группа, которая могла бы засвидетельствовать ту роль, которую Джон сыграл в их карьере, - это The Misunderstood, психоделическая пятерка из района Риверсайд в центре города. Впервые он увидел группу , когда они незапланированно выступили между the Mystics и the North Side Moss на концерте, посвященном открытию нового торгового центра в Риверсайде. Джон начал бродить по торговому центру, как ему показалось, в антракте, когда услышал, что группа настраивается. Позже он написал:

Это было похоже на один из твоих походов в Сент-Пол по дороге в-Переживания в Дамаске. Когда они заиграли, я не мог поверить в то, что слышал. Торговый центр был наполнен грохотом их музыки и соло-гитарой Гленна Росса

Кэмпбелл расчертил небо на полосы, чтобы мы могли по ним ходить . Они - пророки нового порядка, предвестники яркого, мягкого и живого рассвета человечества.

Ну, это было в 1960-е годы.

После того, как они вышли со сцены, Джон пошел за кофе с ними и сообщил им, что Лондон может оказаться более восприимчивым к их музыке, чем Лос - Анджелеса. В течение следующих нескольких месяцев он сблизился с участниками группы, которые стали считать его своим шестым участником. Предположительно, это означало, что Джон больше не мог считать себя шестым участником The Beatles. В конце концов, должен же быть предел количеству групп, в которых человек может быть назначен шестым участником в любой момент времени, прежде чем ситуация начнет выходить из-под контроля. Это те принципы, на которых должна основываться любая здравомыслящая цивилизация.

Джон регулярно приводил The Misunderstood в квартиру, которую он делил с Ширли, и приглашал их попробовать его коллекцию пластинок - участников группы, у которых даже не было ни одной пластинки-музыканты, находившиеся между ними, были вдохновлены и находились под влиянием того, что на них играл Джон, - от последних английских песен до новых групп Западного побережья, таких как Mothers of Invention и Love. Он отдал Приказ Неправильно поняли обычные плагины на KMEN, к большому неудовольствию других групп. Он бы сказал, Вот одна из песен, которую “The Misunderstood” сыграют сегодня вечером в таком-то клубе, перед тем как поставить что-нибудь в исполнении другой группы. Когда все было закончено , он сказал: “И помните — вы можете послушать ” “The Misunderstood” сыграют ту же песню в десять раз лучше сегодня вечером в…”

Однажды Джон стал солистом группы.

хранитель в более буквальном смысле этого слова. Они тусовались у него дома, когда пара участников группы перешли улицу за пивом. Кассир приставал к ним и называл их “феями” из-за их развевающихся локонов. Когда группа вернулась и рассказала об этом Джону, он был в ярости. “Вы не должны мириться с этим”, - сказал он. ‘Это возмутительно! Мы должны спуститься и поговорить с этими людьми. Все они вернулись в

магазин , Джон был вооружен старой доброй британской праведностью, в то время как группа предпочитала более приземленное оружие, такое как выкидные ножи и разводные ключи. Владельцы магазина, однако, оказались подготовлены еще лучше, поприветствовав Джона и группу топориками и металлическими трубами. Когда они снова оказались в безопасности, Джон , казалось, был искренне потрясен скоростью, с которой обострилась ситуация. Он ожидал вежливого выговора и не предполагал, что дело может дойти до рукоприкладства.

Джон продолжал помогать Непонятым всем, чем мог. Весной 1966 года он договорился с ними о записи в студии Gold Star studios в Голливуде, чтобы спродюсировать что-то, что он мог бы сыграть на KMEN. Он договорился со своим братом Аланом о проведении разведывательной пиар-работы в Англии, чтобы найти потенциальных менеджеров. Он присоединился к группе, попавшей в засаду на холмах в Лос-Анджелесе. Отель “Анджелес”, где молодые выскочки передавали свои записи в руки более авторитетной группы, за презрительными выражениями лиц которой скрывалось огромное восхищение. Или, возможно, не знал.

Пожалуй, самым великодушным было то, что Джон позволил вокалисту группы Рику Брауну и его девушке Танни

пользовалась его спальней, когда его не было дома. Позже Рик напишет песню ‘I Can Take You To The Sun’ для Однако Танни, как довольно печально говорится в тексте, оказалось, что она не хотела уходить. Рик, с другой стороны, действительно хотел поехать. После распада группы в 1967 году он сбежал от призыва, чтобы стать индуистским монахом в Индии. Джон даже отвез его в аэропорт.

В далеком 1966 году “Неправильно понятых” наконец -то уговорили попытать счастья в Англии, когда Джон пообещал, что они смогут воспользоваться ноттингом его матери. Дом на холме в качестве временной базы. Этот план сработал бы блестяще, если бы Джон не забыл посоветоваться об этом со своей матерью. Впервые она узнала об этом, когда, вернувшись домой после

долгого отсутствия, обнаружила на пороге своего дома группу тощих, длинноволосых, промокших под дождем калифорнийцев , которые прибыли тремя днями ранее, ожидая теплого приема, горячего чая и горячих пышек с маслом. Они умоляли ее позвонить Джону в Сан-Франциско. Бернардино, и после долгих извинений он убедил ее позволить группе остаться. Это звучит как основа для потрясающего ситкома семидесятых, который , естественно, назывался бы как-нибудь вроде “Упс”, Миссис Рейвенскрофт! — и мы можем только догадываться о том, о чем они все заговорили, когда чай и пышки наконец были поданы.

Брат Джона, Алан, жил с их матерью в Ноттинг-Хилле, когда появились “Непонятые”, и вспоминает об этом с содроганием. ‘Поскольку дом был рассчитан максимум на четырех человек, а нас и так было четверо, это стало проблемой”, - говорит он. — Но наша мать не только питала богемные наклонности, но и была очень покладистой - по сути, она держала дом открытым, что заставило Джона и Фрэнсиса задуматься.

как-то раз, когда мы сами не могли подойти к еде, за дверью появилось объявление: “Для обозов приготовлено угощение”. Непонятые были новичками в Лондоне, и, честно говоря, город не был готов к их приему. Они использовали весь прекрасный фиолетовый цвет.- использовали бокалы для вина Habitat для приготовления кофе и уничтожали их. Они были большими калифорнийцами и “тусовались”, когда это занятие было еще в зачаточном состоянии. И они практиковались. Видит бог, им это было нужно, но ни нам, ни соседям это было не нужно”.

Через три месяца Алан свел группу с Найджелом Томасом, своим старым школьным приятелем, который стал менеджером и был впечатлен Джон получил восторженное рекомендательное письмо, и Найджел перевез мальчиков из “Чез Рейвенскрофт”.

Если в учебниках истории есть какие-либо упоминания о Неправильно понятый, он редко представляет собой нечто большее, чем сноску к сноске. Но взаимное уважение и поддержка, которые существовали между ними и Джоном, характерны для атмосферы, которую Джон культивировал. Мир

не всегда соответствовал его вкусам. Когда у The Misunderstood в конце концов вышел сингл ‘Children Of The Sun’, выпущенный The Лейблом Fontana в начале 1969 года он был рассмотрен в Создатель мелодий Роя Вуда из The Move и более поздних версий Волшебник. - Ужасно, - заявил он. - Я не знаю, зачем они беспокоились. Я не думаю, что даже Джон Пил стал бы играть в это. О да, мне нравится его шоу. Оно довольно интересное, но временами он играет какие-то странные вещи

.

Воспоминания Джона о его жизни в KMEN были , мягко говоря, разрозненными. Он вспомнил, что на станцию регулярно приезжали те из Джен и Дина, кто не попал в аварию, и

29.7

что его лучшим другом был коллега-диджей Джонни Дарин. Джонни Дарина на самом деле звали не Джонни Дарин. На самом деле Джон так и не узнал, как его звали на самом деле, поскольку у ди—джеев, как правило, были имена, которые ждали их , когда они прибывали на станцию, имена, от которых они отказывались, когда уходили дальше - отсюда трудности, с которыми Джон сталкивался в своих многочисленных попытках связаться со своими старыми американскими приятелями-диджеями, трудности , которые он испытывал. самая сложная из них - это ваша жизнь, которую исследователи сочли столь же непреодолимой.

Он действительно раскопал несколько старых копий новостной брошюры КМЕНА “Хранитель КМЕНА”. Вот фотография Джона Рейвенкрофта с актрисой/певицей Донной Лорен рассказала, как управлять панелью управления KMEN. И вот он снова здесь с Бадди Будником, Чаком Кристенсеном, Марком Денисом и остальной командой, одетыми в привлекательные облегающие костюмы и готовыми к захватывающему баскетбольному поединку. То KMENtertainer сообщает, что они соревновались с разными женскими командами в уморительных трюках с обручем. Это несколько озадачило Джона, который был готов поклясться , что никогда в жизни не играл в баскетбол. Есть даже фотография,

на которой он сидит на полу и разговаривает по четырем телефонам одновременно. Джон Рейвенкрофт отвечает на несколько из множества запросов , поступающих каждое утро, и подписывает их приятной слащавой надписью.

Коллега по Radio 1 вернулся из Сан-Франциско. Бернардино несколько лет назад принес карты этого района, призванные разжечь в Джоне ностальгию. Дрожащим пальцем Джон нашел улицу, на которой жил. Он вспомнил, что это был деревянный дом на углу, но действительно ли улица называлась Уотерман-авеню? И был тем самым Пустыня Мохаве действительно так близко? А Иисус Навин

Национальный парк Три? Если так, то почему он никогда не удосуживался посетить его?

После часа, проведенного за изучением карт, воспоминания по-прежнему решительно отказывались возвращаться . Призванный подражать человеку с безупречной памятью, Джон сделал все, что в его силах, — он совершенно не узнал одного из гостей , который подошел к нему, чтобы прослезиться. Твоей жизни, но все равно хорошо проявил свою жизнерадостную привязанность. Правда заключалась в том, что копание в прошлом могло дезориентировать Джона , когда его воспоминания не совпадали с документальными доказательствами, которые были под рукой, или вообще не материализовывались. Его память была избирательной. Он мог перечислить все воплощения Грехопадения по требованию, но не всегда мог вспомнить, где были его трусы.

Это было в те восемнадцать месяцев, когда Джон жил в Сан-Франциско. Однако то, что Бернардино посетил концерт, который, не будет преувеличением сказать, изменил его жизнь. Следует признать, что было немало таких концертов, о которых Джон говорил бы приглушенным и благоговейным тоном, и если бы он собственноручно дописал эту книгу, он, несомненно , предложил бы для ознакомления десять лучших концертов список, который он так заманчиво обещал включить. Я не могу с уверенностью сказать, кто был бы в нем наряду с Эдди Кокраном

и Джином Винсентом, но среди номинантов были бы следующие:

Дик Дейл в Ислингтоне

Четверо братьев на праздновании пятидесятилетия Джона в нашем саду

Пи Джей Харви в Кардиффе

“Непонятые” в Голливуде

Ван Моррисон в Финсбери-парке

Рой Орбисон в Ипсвиче

“Пинк Флойд” в Гайд-парке

“Оттенки” в Хаддерсфилде

Падение в— ну, Падение практически везде.

Потом были лица в Сандерленде, где они играли в тот вечер, Сандерленд право быть в финале Кубка Англии. Это был первый раз, когда Джон встретился с ними, и он всегда говорил, что они были идеальной группой для выступления в тот вечер: они вышли и начали забрасывать публику футбольными мячами. Зоркие наблюдатели даже утверждали , что Джона можно было увидеть танцующим рядом с Сцена в Сандерленде. Как Джон уже писал на этих страницах, он никогда не был самым прилежным танцором в мире. Однако, что, кажется , ускользнуло из его памяти, так это то, что он изобрел свой собственный танец — своего рода энергичную, пружинистую, шаркающую походку на месте. Мы назвали его Прогулка по Уэстборн-Гроув, потому что впервые он увидел ее однажды, когда возвращался из Уэстборн-Гроув и начал исполнять ее , рассказывая мне, чем он занимался, пока его не было дома.

Эти приемы всегда всплывали на поверхность в особых случаях. В своей дневниковой записи от 24 июля 1976 года Джон пишет о выступлении на большом концерте под открытым небом в Кардиффе Хедлайнером которого был Status Quo: *Вышел на сцену и представил Quo. Когда стемнело, я встала за сценой и совершила свою прогулку по Вестборн-Гроув. Мода приходит и уходит, правительства падают, войны продолжаются, а прогулка продолжается. Кто -нибудь из сотрудников “Ткани” не увлекся собственным танцем, когда

Джон, который был там диджеем в 2002 году, мог бы своими глазами увидеть прогулку по Уэстборн-Гроув, когда он сделал несколько энергичных па в кабинке диджея, его маленькие ножки ходили взад-вперед. Раньше он довольно усердно танцевал в этой кабинке.

Также одним из первых в постоянно расширяющемся списке концертов Джона , изменивших его жизнь, были концерты Rolling Stones в Сан-Бернардино. К тому времени он уже был кем-то вроде местной знаменитости, и ему была доверена благородная задача слоняться по сцене, пока играли “Стоунз”, оттесняя многочисленных нетерпеливых молодых женщин, которые пробирались из-за кулис и готовились наброситься на Мика Джаггер. Во время шоу какой-то парень пробрался на платформу, выхватил пистолет полицейского из кобуры его владельца/ оператора и произвел несколько выстрелов в деревянную конструкцию всего в ярде или двух от проворно скачущего Джаггера. Общий шум был настолько велик , что группа продолжала играть, не подозревая о том, что целые поколения невинных древоточцев умирали особенно неприятной смертью, резвясь и топая ногами всю ночь напролет.

Но шоу, которое по-настоящему изменило представление Джона о том, чего может достичь музыка, состоялось в Whiskey A Go-Go в Голливуде, где Ван Моррисона поддержал капитан Бифхарт и его Волшебная группа. Восхищение Джона шедевром Beefheart, альбомом 1969 года Trout Mask Replica, не ослабевало на протяжении более чем тридцати лет, поэтому легко представить, насколько ошеломленным он, должно быть, был в тот вечер. Он

сравнил это с тем, как если бы впервые услышал Элвиса. Когда он оказался в ночном Голливуде, ему показалось, что уже никогда ничего не будет как прежде.

Между ними возникла необычная, но прочная дружба

между Джоном и Бифхартом, которые начались с того, что Джон поддерживал его музыку в 1960-х годах. Когда Бифхарт приехал в Лондон в 1967 году, незадолго до того, как он записал сессию для Top Gear, Джон возил его по стране; он был довольно энергичным шофером, и позже оказал такую же любезность великому гитаристу Джону Фейхи. С Бифхартом на заднем сиденье Джон направился в школу танцев Фрэнка Фримена в Киддерминстер, где Бифхарт давал концерт. Капитан был в восторге от этого шоу, и один из членов его группы заметил, какое оригинальное и заводное название у клуба, пока Джон не заметил , что на самом деле это школа танцев, которой руководит некто по имени Фрэнк Фримен.

На обратном пути с того концерта Бифхарт попросил Джона притормозить, чтобы он мог выйти и послушать шум деревьев. Джон написал позже:

Я всегда думал, что это действительно странный поступок , но, конечно, это мог быть его способ сказать, что он хочет пописать — вероятно , так оно и было. Он мог сказать “послушай дерево”, потому что это рифмовалось с “хочу пописать”. Его мыслительный процесс был непохож на ход мыслей других людей — можно было подумать, что он хочет послушать дерево. Если бы это сказал кто-нибудь другой, я бы пробормотал себе под нос “тупой ублюдок”. Но в случае с Бифхартом вы подумали: что ж, он знает больше, чем я, и если он хочет слушать дерево, а я в состоянии дать ему такую возможность, то я собираюсь дать ему шанс сделать это, потому что было бы совершенно неправильно не сделать этого. Поэтому он вышел из машины и исчез. Это была одна из тех вещей, на которые следовало бы повесить мемориальную доску. Я бы хотел

допустим, я вижу его силуэт на фоне полной луны, когда он прижимается ухом к прекрасному старому вязу, но я просто не знаю.

Когда я жил в Лондоне с Джоном, телефонные звонки от Бифхарта были обычным делом. Но он терпеть не мог, когда звонил, а Джона не было дома. Он считал, что люди должны каким-то образом знать , когда он собирается позвонить, и быть уверенными, что они готовы ответить на звонок. В противном случае он начинал раздражаться. Звонки продолжались на протяжении всей оставшейся жизни Джона; обычно они приходили в августе, за несколько недель до дня рождения Джона, хотя я думаю , что это было полное совпадение по времени. И даже несмотря на то, что они могли не разговаривать целый год, Бифхарт всегда поддерживал беседу так, как будто она была прервана всего лишь накануне, и они просто болтали о том , чем занимались.

В дневниковой записи Джона от 1 декабря 1975 года, чуть более чем за месяц до рождения Уильяма, он пишет о двадцатиминутном звонке от Beefheart: “Он говорил гадости о бывшей группе Magic, довольно агрессивно отзывался о своей жене, был дружелюбным, но лживым. В заключение он выразил надежду, что у Свина *будет хорошая свинья”. Совсем недавно Бифхарт позвонил, чтобы обсудить вопросы животноводства, поскольку и он, и Джон держали кур. Или он давал Джону лакомые советы, которые тот передавал детям: “Джон, — говорил он, - обязательно скажи им, чтобы они никогда не купались в воде, в которую не мочились”.

xX

До того, как Джон и Ширли уехали из Оклахомы в

Калифорнии, их брак уже начал давать сбои . В их отношениях не было ничего конфронтационного. Характер Джона, но Ширли становилась все более жестокой по отношению к нему и привыкла ждать, пока он заснет, прежде чем начать свои нападки. Однажды он попал в больницу в В Оклахома-Сити после того, как она запустила ему в голову каменной лягушкой . Он часто описывал, как неловко было находиться там со всеми этими другими мужчинами, которые обменивались историями о том, почему они оказались в больнице, только для того, чтобы он выпалил: “Моя жена запустила в меня лягушкой”.

Насилие, похоже, усилилось, и в какой-то момент властям пришлось вмешаться, но решимость Джона спасти брак и помочь Ширли временно взяла верх. Когда в марте 1967 года он уехал из Сан-Бернардино в Лондон, где надеялся продолжить работу диджеем, он взял с собой Ширли. Он всегда надеялся, что сможет сделать для нее больше, но его дневниковые записи , сделанные по возвращении в Лондон, повествуют о растущем напряжении и несчастье. - Так беспокоюсь о Ширли’, - пишет он 19 сентября 1967 года. ‘Она становится все более загадочной. Я действительно не понимаю, как я могу вернуть ее в лоно общества. Она не понимает, чего я хочу от жизни. Ну да ладно’.

К 24 октября ситуация ухудшилась: Ширли очень, очень подавлена. Она набрала вес , плакала и чувствовала себя очень беспомощной и никому не нужной. “Даже когда мы с Джоном жили вместе, она все равно часто звонила мне, чтобы сказать что -то вроде: “Я видела тебя в Альберт-холле с Джон, я наблюдал за вами обоими”. Тогда я не испытывал к ней жалости, я чувствовал угрозу. Но по мере того, как мои отношения с Джоном становились все более надежными, я

поняла, насколько печальной была ее ситуация.

Когда Джон и Ширли приехали в Лондон, они переехали в квартиру в Фулхэме, и Джон начал искать работу. Одна из

соседок его матери, которая раньше размещала рекламу на пиратской радиостанции Radio London, предложила Джону поговорить с Аланом Кином на радиостанции. После первой беседы Кин сразу же пустил Джона в эфир без прослушивания — казалось, что опыт Джона в качестве диджея в Америке был впечатляющим, не говоря уже об экзотичности, и этого было достаточно, чтобы позволить ему обойти любые подобные формальности.

Но до того, как он начал работать на Radio London, у него было достаточно опыта., Джону пришлось пожертвовать немалой частью себя. Он уже привык к тому, что в его произношении вмешивались в его согласные во время учебы в КМЕНЕ, когда из "Рейвенскрофта" была вычеркнута нежелательная буква "с". Но теперь вся фамилия была для "отбивной". Было предложено сократить три слога до одного, что поставило крест на надеждах Джона переименовать себя в Хелен Ллевеллин Продукт 19. Джон всегда рассказывал историю о том, как секретарша из лондонского офиса Radio подняла глаза от своей наждачной бумаги и произнесла слова, которые должны были изменить человека, его имя и образ жизни:

"Почему бы вам не называть его "Джон Пил"?

И вот, тучи разошлись, и на землю хлынули солнечные лучи, и было решено, что, да, Джон В Пиле было что-то особенное. Многие люди были бы благодарны за это решение, и не в последнюю очередь молодежь , которая в конце шестидесятых искала друзей по переписке. "В тот необыкновенный период, когда было модно быть самим собой, - писал Джон, - люди искали общения с помощью небольших рекламных объявлений в "Интернэшнл таймс".

я бы назвал их "пилитами". Я не думаю, что хочу, чтобы моя религия была настолько персонифицирована.

Когда Джон стал Пилом, он никогда не думал о возвращении в Рейвенскрофт в своей профессиональной жизни. Недостатком этого для меня было то, что меня всегда представляли как Шейлу Пил. Кем бы ни была эта Шейла Пил — а у меня всегда были

сильные подозрения, что она была стриптизершей, — она определенно не была мной.

В то время “Пил” было фирменным наименованием Джона, но оно приносило с собой и другие непредвиденные удобства. Это имя могло стать неожиданным утешением или убежищем в трудные времена. Это была своего рода маскировка, которая постоянно была в распоряжении Джона. Если знаменитость - это, как Джон Апдайк утверждает, что маска съедает лицо того, кто ее носит, тогда Джону повезло избежать этой участи и вместо этого найти баланс между славой и анонимностью. На самом деле, заявление Апдайка было слегка искажено, когда Джон Выступал диджеем в Chibuku в Ливерпуле в 2004 году, когда многие клабберы пришли в масках Джона Пила. Это было бы забавно, если бы эффект от большого количества Джонов, отрывающихся с юношеской самозабвенностью, не был таким жутким.

Вы могли бы сказать, что мы помогали ему твердо стоять на ногах, но на самом деле он прекрасно справлялся с этим сам. Трудно казаться загадочным или отчужденным , когда вы признались в прямом эфире, что у вас гонорея, или провели публичную инвентаризацию мусора в спальнях ваших детей, или забрались в детскую коляску на национальном телевидении.

Поскольку он неохотно поддавался большинству атрибутов знаменитости, его всегда шокировало , когда кто-то нервничал при встрече с ним. Это случалось нечасто, в основном из-за того, что его собственные знакомые-

его манеры обычно отражались на его фанатах. На радио он просто был самим собой, поэтому, когда люди подходили к нему на улице, чтобы пожать руку или поговорить о каком-нибудь малоизвестном треке Scrotum Grinder, они чувствовали себя так же непринужденно. Но иногда кого-нибудь, обычно подростка или нервную молодую пару, заметно трясло , когда они подходили поговорить с Джоном. Он спрашивал:, “Почему они такие? Я не понимаю”, - удачно забыв, что, когда он впервые столкнулся лицом к лицу с Кенни Далглишем, он едва смог выдавить из себя что-то большее, чем благоговейный стон.

Однако он не мог понять, что кто-то может относиться к нему так, как он относился к Далглиш; он и представить себе не мог, что может стать чьим-то героем.

Он вечно удивлялся тому, что никто из слушателей, которых он приглашал к себе домой, так и не появился. Он писал в 1978 году:

Понимаете ли вы, что на протяжении всего десятилетия, пока я вещал на британском радио, я давал свой номер телефона и адрес любому корреспонденту, живущему достаточно близко к Пил-Эйкрсу , который казался дружелюбным, и предлагал им связаться со мной? И что за все это время только один человек — студент из Кембриджа — действительно позвонил? Мы договорились с ним встретиться, но он так и не появился.

Но со времен его работы на Radio London стало ясно, что люди прислушиваются не только к музыке. Сейчас забавно слушать Надушенные Сад — послушать выступление Джона, такое же сухо-веселое и упрямо-непоколебимое, каким оно было тридцать лет спустя, в те дни, когда оно еще сохраняло свежесть

принадлежащий к высшему классу. В том, как он говорил, чувствовались следы его образования, и в том, как тщательно он следил за языком. Я думаю, это одна из причин, почему он был так возмущен нападками Людовика Кеннеди в 1973 год - о неспособности диджеев Radio 1 изъясняться на членораздельном английском языке. “Они не уважают английский язык, - сказал Кеннеди, - который они постоянно неправильно произносят, и у них нет словарного запаса, кроме ворчания, с помощью которого они могли бы рассказывать или описывать. Они, кажется, с полным презрением относятся ко всему, чего не понимают, а это для большинства из них очень много”.

На самом деле все было гораздо сложнее, классовое разделение провести не так-то просто. Например, Джон дорожил воспоминаниями о своей ранней встрече с кем-то из высших

эшелонов власти. Радио 1, которое смотрело на это с некоторым неудовольствием Кафтан Джона и волосы до плеч. Джон, должно быть, упомянул государственную школу во время встречи , потому что парень с удивлением спросил, есть ли Джон познакомился с девушкой, которая училась в государственной школе. - Вообще-то, я сам ходил на один из них, - парировал Джон. ‘ В Шрусбери. Риггс-холл.’ Боль исчезла с лица мужчины. - Как поживает старина Бруки? - воскликнул он, и Джон понял, что его контракт с Radio 1 будет продлен еще на три месяца.

Лайнер Radio London “Гэлакси” стоял на якоре недалеко от побережья в Феликсстоу, недалеко от того места, где мы с Джоном будем жить четыре года спустя, и Джон часто говорил о том, каким идиллическим казалось ему то лето на корабле; это было что-то вроде рабочего отпуска. Одним из преимуществ было то, что это давало ему возможность отвлечься от домашней жизни, где его брак с Ширли, которая все еще находилась в

жестокий, находился на завершающей стадии. Джон был на “Гэлакси” - две недели из каждых трех. Сначала он работал в дневную смену, затем вызвался работать в полуночную, которую быстро сделал своей , когда понял, что на станции никто его не слушает - все остальные играли в карты, смотрели непристойные фильмы или спали.

Впервые это стало очевидным для него, когда никто не жаловался на различные промахи, которые он допускал. Позже в своей карьере Джон приобрел дурную славу из-за этих спонтанных ошибок; был даже печально известный случай в 1973 году, когда он сыграл треки из альбома Роберта Фриппа и Брайана Ино “No Pussyfooting backwards”, хотя только Ино позвонил, чтобы указать на эту ошибку. Джон воспринял все это как должное, и в наши дни в Интернете можно найти тускло освещенные уголки , посвященные различным его промахам. Именно из-за неортодоксальной природы музыки, которую предпочитал Джон , песни начинались тихо или заканчивались затяжными репликами. Некто по имени Стирмонстер, чье имя, рискну предположить, не указано в его библиотечной карточке, пишет: ““Плавно затухает” стало крылатой фразой для меня и моих

приятелей, когда мы были подростками. Мы даже собирались основать группу с таким названием. Почти на каждом концерте что-нибудь звучало “fade in gently”.

Хотя после того, как он присоединился, группа просуществовала всего несколько месяцев, прежде чем ее закрыли из-за 14 августа 1967 года в соответствии с Законом о преступлениях на море, “Благоухающий сад” был похож на маленький священный уголок хиппи, волшебным образом не запятнанный коммерческими силами. Открытие, что начальство не слушает, дало Джону право создать собственную программу. Он перестал показывать рекламу и прогноз погоды, а вместо этого заполнил эфир новостями о

записи, которые приводили его в восторг. Он играл дебютные альбомы Джими Хендрикса и Pink Floyd, когда никто другой этого не делал; он находил место для “Благодарные мертвецы”, “Кантри Джо и рыба”. И впервые его работодатели узнали о том, что их радиостанция выходит на новый уровень и демонстрирует артистов, которых в других местах игнорировали, когда им позвонил менеджер The Beatles Брайан Эпштейн, который был в восторге от того, какой замечательной программой руководит Джон.

Именно во время руководства “Благоухающим садом ” Джон впервые получил письмо от Марка Болана. К тому времени, когда мы с Джоном впервые познакомились , он был близким другом Марка, который к тому времени сформировал свою последнюю группу Tyrannosaurus Rex. Джон появился на их дебютном альбоме My People Были Светловолосыми, И у них было Небо в волосах, Но Теперь Они Довольствуются Тем, Что Носят Звезды на своих бровях читая одну из сказок Марка, он повторил этот жест, сидя, скрестив ноги, на сцене Королевского Альберт—холла. Во времена существования его предыдущей группы, John’s Children, Марк писал Джону в “Гэлакси”. Сначала их связывала музыка, но потом все пошло гораздо глубже, и к тому времени, когда я начал бывать в квартире Джона, Марк стал там постоянным гостем.

Я был, мягко говоря, не в своей тарелке, поэтому старался не говорить много. Я просто восхищался этой непринужденной,

хипповой атмосферой, в которой Джон, Марк, Джун и все их друзья болтали о музыке, любви и мире. Никто никогда не выходил из себя. К выпивке относились неодобрительно, и никто не повышал голоса.

С другой стороны, было много бардака. Вы не смогли бы размахивать дохлой курицей

не задев кого-то, покрытого этой дрянью. Не то чтобы у вас под рукой была дохлая курица, если бы вам захотелось ее съесть, — все были вегетарианцами, кроме меня. И хотя я любил Музыка Марка, которую я так много слушал на Когда я слушал радиопрограммы Джона, было довольно пугающе оказаться в центре атмосферы шестидесятых или оказаться втянутым в макробиотические рестораны.

Возможно, Джон не знал всей правды о моей диете, по крайней мере, поначалу. Его брат Алан вспоминает, как встретил меня перед концертом Джона в Королевском Альберт-холле. “К радости Джона, - вспоминает Алан, - он нашел девушку, которая не ела мяса, не пила алкоголь и не курила. К моей радости — столько добродетели вредно для здоровья, — не успел Джон перейти к следующему действию , как Шейла спросила меня: “Как ты думаешь, мы можем спуститься в бар и съесть сосисок, сидра и покурить , прежде чем он вернется?”’

Постепенно группа друзей стала более сплоченной, пока вместе не остались только Марк, Джун, Джон и я . Они были нашими лучшими друзьями, и это были очень расслабленные, беззаботные времена, которые мы проводили вместе. Джон обычно брал с собой на концерты Tyrannosaurus Rex и записывал их на один счет. Это действительно было так непринужденно: “О, я знаю эту группу, ничего, если они сыграют?’ Мы вчетвером вышли бы на концерты, или на однодневные экскурсии. Мы многое сделали обычных хиппи вещи в выходные, передавая в Стоунхендже или в Гластонбери. А когда Джона не было дома, как это часто бывало на работе, Марк и Джун заезжали ко мне домой, зная, что я один, и уводили меня вечером на концерт какой-нибудь группы или на дневной фестиваль.

А потом, после одного телефонного звонка, все было кончено: мы почувствовали, что Марк просто вычеркнул нас из своей жизни. Джон был вне себя от радости за Марка , когда тот, наконец, добился успеха, которого, как он знал , заслуживал, после долгих лет скитаний по разным дверям и безуспешных попыток добиться успеха; вряд ли было много людей, которые были бы счастливы от этого. Есть прекрасный дневниковая запись от 2 января 1971 года, в котором Джон диски в мороз и значительный холод до Портобелло-Роуд … Купил пару прекрасных старых детских книжек для Марка и Джун, а также набор лебедей для них, чтобы отметить успех проекта “Прокатись на Белый лебедь”, который вернулся на 4-е место в чартах.’ Позже тем же вечером Джон пишет: “Марк и Джун привезли для меня машинку WhizzWheels и ужасающий набор для создания “морских обезьянок” из кристаллов, что звучит жутковато”. Когда T.Rex впервые заняли первое место с песней “Hot Love”, Джон слушал радио в машине; он так расчувствовался , что ему пришлось припарковать машину и вытереть глаза.

Однако 30 апреля Джон слышит тревожные истории о том, что Тираннозавр Рекс возвращается из Штатов. Марк не разрешает фотографировать барабанщика и басиста. Он ведет себя как В. Муди и довольно сильно разыгрывает из себя поп-звезду. Выходит один в начале каждого сета и играет долгую и Я должен представить себе громкую и скучную версию “Элементарного ребенка” до появления Микки Финна. Та сторона характера Марка, которая, очевидно, была у него и раньше, но которую он обычно умел подавлять… Возможно, он чувствует, что ему это больше не нужно”.

Ближе к концу 1971 года наши отношения с Марком и Джун окончательно развалились. Джон признался в эфире, что он был

не в восторге от последнего сингла T.Rex— “Ну, он назывался

“Get It On”, - сказал он, - но мне не терпелось его выпустить. Я думаю, он полагал, что его дружба с Марком основана на чем-то более существенном, чем лесть, и что она переживет неприязнь Джона к записям, которые Марк время от времени записывал. Что-либо меньшее было бы подхалимажем. Но Марк, очевидно, смотрел на вещи иначе, и для него Джон нарушил какой -то неписаный кодекс.

В своей дневниковой записи за воскресенье, 19 сентября, Джон за завтраком слушает новый альбом T.Rex “Electric Warrior” и отмечает: “Он прекрасно записан , но худшие стороны личности Марка, похоже, проявились — мы ничего не слышали о них с тех пор, как “Hot Love” вышел на “Нет”.1. Очень печально”. Оглядываясь назад, можно сказать, что внезапный успех Марка стал началом конца для него и Джона. Было ясно, что Марк становится не просто знаменитым, а знаменитым по-дурацки: кричащие девушки, хлопающие фотовспышки - все то, что сейчас стало клише. Он расстался с Джун, когда Джон, наконец, решил позвонить ему, чтобы узнать, чем он занимается, в один из выходных. Кто-то снял трубку, и когда Джон сказал, кто звонит, на заднем плане послышался едва слышный голос: “Меня нет дома’. Джону сказали, что Марк перезвонит ему. Но , конечно, он этого так и не сделал. Позже Джон говорил , что почувствовал себя слегка оскорбленным, но я знаю, что в то время мы оба были в шоке.

И Джон был чрезвычайно уязвлен. Он прожил на свете достаточно долго, чтобы быть наслышанным о подобном поведении, и не потерял из-за этого сна. Но и никогда не забывал об этом. “Я любил старого Марка”, - пишет он в своем дневнике 9 января 1972 года,

- хотя мне не очень нравится нынешний Марк , который действительно устраивает беспорядки, куда бы он ни пошел. То Sun опубликовала статьи, в которых его описывают как нового Битлз. Таков, к сожалению, Шоубизнес.’

Джон знал, что то же самое может легко произойти, если он

подружится с другими музыкантами — один всплеск успеха, и его снова бросят. Некоторые люди были удивлены, что он не всегда встречался с группами, которые записывали сессии для его концертов. Я думаю, что в конечном счете музыка была единственным, что имело для него значение.

Однако было трудно понять, как реагировать, когда Марк прервал нас. В то время в музыкальном плане происходило достаточно событий, от которых Джон пришел в восторг, а Марк тем временем перешел к вещам, которые были не совсем по вкусу Джону. Но сейчас грустно просматривать некоторые письма Марка к Джону и видеть, насколько близкими они были когда-то. Марк посылал Джону стихи и рисунки, а также небольшие напоминания о своих чувствах к нему. Одно письмо от 1969 года читает:

Джон, наш друг , мы бы прогулялись с тобой по холмам Славы, как бы тебя ни звали , деревья высокие, а малыш маленький,

если ночи холодные, тебе стоит только позвать.

Другой заканчивается подписью: “Король Артур любил бы тебя так же, как я”.

Но из письма, написанного в мае 1969 года, ясно , что уже тогда Марк понимал, что склонен к рассеянности:

Джон, Я надеюсь, у тебя все в порядке, в последнее время меня здесь не было.,

не грусти. У меня были странные схватки с тюремщиками моей судьбы, из-за которых я сильно расстроился в своей обычной, милой и спокойной жизни, я часто думал о тебе, приятно было узнать, одинок ли ты до того, как я увидел твой телефон, а если

нет, то когда я увижу тебя, ты уже не будешь одинок. Озеры любви в качестве друга — Марк.

Марк и Джон снова встретились 2 июля 1976 года, чуть более чем за год до смерти Марка, после записи программы “Радио 1” “Круглый стол Роско”. ‘Он обнял меня, - пишет Джон в своем дневнике, - но он был мне совсем незнаком. Он был как-то крупнее и до странности походил на Гэри Глиттера. Я был очень рад, когда он вышел в туалет и я смог сбежать”.

Естественно, мы оба были опечалены гибелью Марка в автомобильной катастрофе в сентябре 1977 года, но Джон чувствовал, что уже однажды потерял его. Размышляя о своей временной и крайне неприятной роли в СМИ в качестве бывшего друга Марка Болана в течение нескольких недель после аварии, Джон использовал свою колонку “Звуки”, чтобы поразмыслить об этом потерянном друге и этой утраченной дружбе:

В конце 1960-х Марк и Джун Чайлд были такими же хорошими друзьями, как мы со Свиньей. Мы поднялись Гластонбери и Тор вместе выдвинули откровенно нелепые теории о происхождении Стоунхендж, когда мы бродили по этому знаменитому месту и делали почти все то, что дети цветов делали вместе. Когда я выступал на концертах, со мной ездил лираннозавр Рекс, и все их снаряжение умещалось в багажнике взятого напрокат мини. Мы поехали в Ньюкасл, чтобы разделить пятнадцать фунтов на троих.

Марк и Стив записали несколько сессий Zop Gear, и мы с Марком потратили слишком много времени и денег на поиски старых рок-н-ролльных синглов в лавках старьевщика на юге Лондона.

Однажды, когда мы выходили из магазина где-то в Тутинге, он с законной гордостью рассказал мне, как в начале шестидесятых он пронес гитару Эдди Кокрана несколько футов . Конечно , есть ирония в том, что Марк должен был умереть почти так же, как Эдди Си, но, как человек, слишком хорошо знающий о той

значительной роли , которую легенда сыграла в истории рок-н-ролла, Марк бы, Я думаю, он одобрил бы способ своей собственной кончины.

Когда он превратился из прыгающего эльфа и героя цветочного народа в полноценного кумира подростков и главную роль в 7O7P - переход, который был под силу ему одному , — он тоже исчез из моей жизни . Тогда мне было грустно, как и сейчас, видеть, как он уходит.

За время своего недолгого пребывания на Лондонском радио Джон приобрел других друзей, а также странного врага. На Лондонском радио также работали Кенни Эверетт, которого Джон всегда хвалил, и Тони Блэкберн, которым он не был. Джон и Кенни привыкли считать Тони антихристом и делали все, что могли, чтобы помешать его программам. Но со временем Джон смягчился в этом отношении и стал менее сурово относиться к Тони, подслушав его разговор с Дэвидом “Дидди”. Проанализируйте сравнительные достоинства различных марок лака для волос. Их отношения, безусловно, были непростыми на протяжении многих лет, и их взаимная неприязнь, вероятно , пошла на пользу каждому из них по-разному. Мы определяем себя как по тому, против чего мы выступаем, так и по тому, что

мы поддерживаем, и , осуждая манеру изложения и музыкальные вкусы Тони, Джон определял свой собственный стиль; осмелюсь сказать, Тони поступал так же.

Должно быть, именно поэтому Тони в 1970-х годах прервал открытие бутика в Веллингборо , чтобы рассказать The Wellingborough News, что Top Gear “испортил ему прослушивание в выходные’. ‘Я действительно думаю, что это следует снять с эфира”, - пожаловался он, прежде чем осудить группы, которым отдавал предпочтение Джон, как “волосатых, неряшливых личностей, необщительных по отношению ко всем’. Мне всегда казалось странным, что такой непринужденный ведущий, как Джон, оказался таким зажигательным. В начале семидесятых Джон даже получил письмо от викария, в котором тот писал, что

его следует кастрировать и выслать из страны, что казалось немного нехристианским, по сути, в духе Иакова. Чрезмерность. Кастрировать и выслать? Разве это не могло быть одно из двух?

В шутках между Джоном и Тони всегда было что-то абсурдное. Не то чтобы оба мужчины не были искренни в своей неприязни друг к другу. Вы можете почувствовать, как в них зарождается раздражение. Запись в дневнике Джона от 20 сентября 1967 года, чуть менее чем за две недели до запуска Radio 1:

Ознакомьтесь с новым изданием Melody Maker, в котором содержались Результаты опроса. Я занял 7-е место в опросе ди - джеев, чему был рад, так как сыграл всего 2*/2 месяцев вещания на момент голосования. Джимми Сэвилл был первым, затем Саймон Ди, Джонни Уокер (Кэролайн), Алан Фриман, Кенни Эверетт, Тони Блэкберн, я, Дэвид Джейкобс и Пит Мюррей. Я действительно хотел бы победить Тони Блэкберна, который в конце месяца возглавит Radio 1.

20v

Разочарование Джона улеглось, когда в следующем году он победил в опросе Melody Maker, а затем и в большинстве других музыкальных изданий, но напряженность в отношениях между ним и Тони редко ослабевала. 3 апреля 1971 года Джон поддразнил Тони во время передачи Top Gear новому шоу Тони, Live at Five, о чем он рассказывал позже:

Тони Блэкберн уже оправился от передозировки. Во время передачи я прослушал 45 секунд его ужасного сингла на RCA “Это ты, это я?” и сказал: “*… Тони Би с кучей бывших и нынешних хитов, забери это у меня”, Тони! Он был в восторге!

Настоящая радость от шоу Джона “The Perfumed Garden” была вызвана тем уровнем фанатизма, который оно вызывало у слушателей. Эта аудитория не получала музыку, которую любила,

ни из каких других источников на радио, поэтому вполне понятно, что она стала защищать Джона. Вот некто по имени Монни, пишущий в журнале Gandalfs Garden о шоу через год после его выхода в эфир.:

Джон Пил обращался к своим слушателям с добротой и любовью. Он призвал их общаться, вносить свой вклад в программу, писать ему письма, излагать свои мысли и чувства, надежды и страхи, присылать стихи, фотографии - все, что пришло им в голову . Как можно больше из того, что он получал , он зачитывал, упоминал или описывал в прямом эфире. И для всех нас это было чувство сопричастности, чувство сопричастности к Парфюмерной продукции. Сад был чем-то очень реальным и очень личным и привнес новое измерение в нашу жизнь.

Когда стало очевидно, что бюрократия вынудит Radio London прекратить вещание, что ворота нашего волшебного мистического сада закроются, а мягкий ободряющий голос Peelian останется безмолвным, мы, слушатели, решили продолжать “Благоухающий сад”, насколько это в наших силах, по-своему, и общаться с людьми. друг с другом. Мы не были готовы расстаться с только что обретенной дружбой, даже если бы нам пришлось расстаться с Пилом, по крайней мере, на какое-то время. Итак, один из нас начал собирать имена и адреса, и так родился знаменитый список парфюмированных садов. Единственное , к чему мы не относимся, так это к фан-клубу Джона Пила. Джон - наш добрый философ, наш любимый основатель, наш хороший друг. Но мы все заботимся друг о друге не меньше, чем о Джоне. И в этом, пожалуй, вся суть Парфюма Сад и все, что с ним связано, — мы люди , которым не все равно.

Джон, со своей стороны, оценил шоу так же высоко, как и его слушатели. Вот выдержка из того же журнала, которую он написал, и которая идеально передает настроение The Perfumed Garden для тех, кто никогда ее не слышал.:

Это было больше года назад. Свет в студии исходил только от кассетных аппаратов и из студии звукозаписи, расположенной через две жалюзи по коридору. В спичечном коробке, поставленном дыбом, горели благовония, и вскоре маленькая комната наполнилась запахом более сладким, чем смесь пива и сигарет, витавшая в воздухе совсем недавно. На выцветшем голубом ковре иногда сидел безумный инженер Расс Толлерфилд, склонив голову, или Гермиона

280

Хокинс, крупнейший в Австралии: эти под угрозой воды. Наверху другим, более известный сейчас и дальше, играли в карты, смотрели последней агонии является вечерам телевизор или пил Голландское пиво. Команда рано легла спать на нижней палубе, и гортанные разговоры стихли. “Кто-то прислал мне ацетат Марка Болана, у него очень странный голос, и я не знаю, что приготовить”of.it, послушайте.’ “Наконец-то у меня есть запись… Пластинка Beefheart называется Safe As Milk, и я собираюсь сыграть “Sure ‘Nuff” и “Yes I Do”. “Сегодня я получил приятное письмо…”

Огни Фринтона за окном напоминали о другом мире, даже, казалось, о другой планете. В быстром течении к лунным лучам примешивался след из обломков. Над головой тревожно затрещал передатчик. Кенни сидел на продуваемых ветром досках и слушал, не доносится ли из Нью -Йорка. “Это какая-то станция в Югославии”. Под колесами серебристые волны пробегали по неровной зеленой краске.

Дни сменялись внезапной тишиной. Около полудня подошел тендер и принес с собой мир. На почтовых штемпелях было написано “Холлоуэй”, “Ливерпуль”, “Осло”, “Брентвуд”, “Брюссель”, “Утрехт”, “Челси”, “Ньюкасл” — и это было правдой. На конвертах были сердечки и головы, а на других конвертах с надписью “Любовь”. Не было никакой грусти, потому что для нее не было места на борту. “Ливерпуль - два, Челси - ноль”. “Где Эд?” “Клайв прислал мне новый сингл Doors…”

Этим вечером, когда солнце скрылось за зыбкой дымкой, и краски заскользили по спокойному морю, одинокая чайка спикировала и закружилась между завесами света. Никто не скучает по этому событию больше, чем я. Я ушел

что-то осталось позади.

После того, как пиратские радиостанции были закрыты, на станции Liverpool Street царило ликование : многие ди-джеи вернулись, чтобы с триумфом встретить своих поклонников. Это было масштабное мероприятие для ПРЕССЫ, на нем было полно фанатов, знаменитостей и журналистов, и Джон был там в своем кафтане, с колокольчиками и бусами. Все ди-джеи сошли с поезда и прошли мимо тысяч людей, ни один из которых даже не взглянул на Джона дважды. Просто чтобы убедиться , что не произошло какой-то оплошности, он обошел станцию и снова прошел сквозь толпу, но снова не смог привлечь ничьего внимания.

Джон знал это с того момента, как пришел на радио Лондон, что его дни сочтены, и принял меры предосторожности, написав 27 июля 1967 года письмо в редакцию “Радио 1”, о котором он благополучно забыл, когда позже рассказывал людям, что радиостанция обратилась к нему.

Когда мы познакомились, он был ведущим Top Gear на Radio 1 чуть больше года и сразу же завоевал популярность у аудитории. Группы уже стекались сюда, чтобы записать записи, которые быстро становились неотъемлемой частью шоу, и поучаствовать в концертных программах, которые иногда устраивал Джон, в которых участвовали такие артисты, как Элтон Джон, Флитвуд Мак и Мотт Хупл. Именно во время одной из концертных программ Джон непреднамеренно помог Pink Floyd придумать название для одной из их песен. Они написали новую композицию для выступления на шоу и бились над названием, когда увидели заголовок в газете Джона: “Atom Heart”.

Мама'. l l В письме к Джону, написанном в 1969 году, Дэвид Боуи просил именно такой билет на концерт:

Я думаю, мне стоит остаться здесь [в Бромли] на большую часть лета и приезжать в город только на концерты и к одному или нескольким друзьям, которых я знаю. Как ты думаешь, мы могли бы в ближайшее время посетить твой ресторан на Стрэнде? Было бы здорово работать так близко от Чаринг-Кросс , поскольку мой последний поезд отправляется в 12:15.

Интересно, что то, что начиналось как средство наполнения "мертвого эфира" — в первые дни существования Radio 1 было ограничено количеством часов, которые оно могло уделять прослушиванию предварительно записанной музыки (известной как "needletime"), - вскоре превратилось в неотъемлемый элемент формата Джона. Ему нравились непосредственность и энергия выступлений, точно так же, как он ценил те же качества в прямом эфире, и именно поэтому он отказывался от предварительной записи своих шоу на Radio 1, даже несмотря на то, что его график становился все более напряженным. Джон делал беспрецедентные вещи на высшем уровне Снаряжение — беспрецедентное, то есть со времен Благоухающий сад. Он отводил много эфирного времени для трансляции целых альбомов: он играл на всех Песни из двойного альбома Стиви Уандера В Тональности Life и Tubular Bells Майка Олдфилда и нарушили неписаное правило, согласно которому записям продолжительностью более четырех минут не предоставлялось эфирное время, что было особенно хорошей новостью для таких групп, как Led Zeppelin и Soft Machine, для которых краткость была чуждой концепцией.

Top Gear стал местом проведения нескольких вдохновляющих разовых мероприятий, которые так полюбились слушателям, таких как рождественский Рождественский концерт 1970 года, на котором все обычные

подозреваемые —the Faces, Марк Болан, Айвор Катлер, Соня Кристина, Джон Уолтерс, Роберт Уайатт и я втиснулись в студию, чтобы записать наши собственные уникальные версии “Тихой ночи”, “В яслях” и “Доброго короля Вацлава’. В последнее время концерт рождественских гимнов возродился и стал центром некоторых шумных сборищ, сначала в Мейда-Вейл, а затем и у нас дома. Однажды, когда Джон вел трансляцию из дома, у нас был концерт в валлийской тематике, на котором такие музыканты, как Мелис и Zygotic Mynci из Gorky, присоединились ко мне и детям за пианино в гостиной, в то время как Джон пел , бешено носясь взад-вперед между пианино и своей студией в другом конце зала. в конце дома.

Через три года после того первого рождественского концерта Джон убедил Элтона Джона отметить Рождество, выступив на шумном концерте “pub singer’. Он написал:

Он с энтузиазмом отнесся к идее сыграть любимые рождественские песни и распевать их в пабе , и он сыграл их именно так, как это и должно быть сделано. Трио наиболее чувственных песен Дилана было с радостью уничтожено, а затем он возглавил компанию рэперов и n’er do wells, которые отвратительно пьяно орали “Your Song”.

Top Gear пользовался популярностью у зрителей, в меньшей степени у представителей Radio 1. Как и большинство руководителей радиостанции, до прихода Мэтью Баннистер в 1993 году возникло ощущение, что Джон обслуживал нежелательные элементы в обществе и что ему не следует потакать больше , чем это было необходимо. На одной из встреч бывший контролер Дерек Чиннери даже упомянул

Слушателями Джона были “безработные придурки”. Top Gear не выходила в эфир до тех пор, пока не исчезла в 1975 году, но Джон

продолжал вести, по сути, ту же программу , но со своим собственным именем в названии. Он также представил “Звуки семидесятых”, которые назывались “авантюрные современные звуки”, проходили с 1971 по конец 1974 года, а с 1968 по 1969 год они были организаторами “Ночной поездки”, а также выступали с концертами.

Эти изменения, по большому счету, были лишь незначительными изменениями в его распорядке дня по сравнению со сменой персонала на Top Gear в апреле 1969 года, когда Берни Эндрюса на посту продюсера заменил Джон Уолтерс, бывший трубач The Alan. Прайс Сет, который сделал себе имя на радио, работая с Джимми Сэвиллом над “Путешествиями Сэвилла”.

Джону совсем не понравился Уолтерс, когда они впервые встретились. Он привык к манере работы Берни. Берни всегда очень серьезно, даже благоговейно относился к музыке, и их подход к созданию Top Gear был довольно строгим. Джон часто бывал в доме Берни в Блэкхите, где у Берни была потрясающая коллекция пластинок, и они готовили программу: они вместе просматривали пластинки до поздней ночи, а потом Джон ложился спать. Я тоже иногда оставался ночевать, но Берни не слишком интересовался моим присутствием, и мы втроем никогда не общались так, как мы с Джоном в конце концов общались с Уолтерсом и его женой Хелен. Но это было в стиле Берни, и Джона это вполне устраивало , потому что у них был очень упорядоченный, педантичный подход к подготовке шоу.

Когда Берни перевели из Top Gear для работы над другими программами, Уолтерс занял его место в качестве

продюсер Джон был недоволен. С момента их первой совместной работы, 27 апреля 1969 года, он обнаружил Уолтерса считают тупым и раздражительным. Он вспомнил:

Я приветствовал его назначение с таким же энтузиазмом , с каким воспринял бы известие о том, что царь Ирод был избран заведовать яслями. В самом начале наших рабочих отношений я

высказал предположение — в прямом эфире, — что облака - это, если хотите, стихи на небе, и он встретил это проявление красоты с недоверием. Я чувствовал, что это был на редкость грубый человек.

Би-би-си, конечно, не смогла бы найти более резкой замены Берни, но, оглядываясь назад, можно сказать, что это было именно то, в чем нуждался Джон. Его отношения с Берни и вся атмосфера вокруг Top Gear, стал довольно напряженным: это была прекрасная программа, но было не так много смеха, когда Джон и Берни собрались вместе. Я думаю, что Джону и Top Gear действительно нужен был резкий переворот , который обеспечил Уолтерс. Он не терпел никакой чепухи, говорил все, что у него было на уме, и откровенно пренебрежительно отзывался о большей части музыки , которую любил Джон. Он особенно осуждал все, что хотя бы отдаленно напоминало хиппи ; он насмехался над Марком Боланом за то, что тот пел как Ларри-Ягненок. Берни, с другой стороны, был очарован энтузиазмом Джона по отношению к Марку, и его уговорили позволить Tyrannosaurus Rex записать сессию — первой неподписанной группе , удостоившейся такой чести. Хуже всего, по мнению Джона, было то, что Уолтерсу нравилось ходить в паб.

Я привязался к Уолтерсу раньше, чем Джон, но со временем Джон оттаял и тоже стал ему очень близок.

Через некоторое время они оба поняли, что у них больше общего, чем казалось на первый взгляд. Главным образом, у них было одинаковое чувство юмора: они оба боготворили WC Fields, и между ними установилось потрясающее взаимопонимание. Было радостно видеть их вместе, слушать, как они возбуждают друг друга. И точно так же, как Джон всегда говорил, что ценит меня за то, что я рассказывал ему, какой он придурок, в окружении всех этих чокнутых девчонок с цветами в волосах, которые ловили каждое его слово, я думаю, он ценил Уолтерса за то, что он привнес такую же соленую дозу реальности.

Их отношения стали более гармоничными по мере того, как они

научились приспосабливаться друг к другу. Джону никогда не нравилась суета или шум в студии , когда он работал над своим шоу, и поначалу Уолтерс постоянно находился там, беспокоя или раздражая его. Мы оба согласились, что шоу обычно шло лучше , когда там не было “Лепестков”, как называли Уолтерса . И когда они сблизились, программа , как правило, шла сама по себе. К началу восьмидесятых, когда Джон вел свое шоу четыре вечера в неделю, Уолтерс иногда даже не приходил на работу; он просто оставался дома и звонил Джону во время шоу, чтобы проверить, все ли идет гладко.

Это было именно то, чего хотел Джон — продюсера , который помогал бы организовать шоу, заказывал группы для сессий и сокращал список записей Джона, чтобы обеспечить оперативный заказ, но который знал , как быть безучастным, когда это требовалось. Они все еще иногда ссорились — в своей дневниковой записи от 14 января 1971 года Джон сообщает, что “Лепестки … начали пространно описывать мой характер , очень грубо и резковато. Сказал, что мое падение будет быстрым. Сильно ушибленный, он отправился спать в

путаница… Между ними всегда существовал элемент антагонизма, даже в самых близких отношениях, но такие разногласия никогда не длились долго.

Некоторые группы, которые Джон хотел видеть на шоу и в конечном итоге получил, пришлись Уолтерсу не по вкусу , как и T.Rex. Он терпимо относился к группам, которые ему не нравились, потому что уважал мнение Джона и знал , что это пойдет на пользу программе. И Уолтерс внес свой ценный вклад , когда дело дошло до подбора групп для сессий — именно он примчался на работу 7 мая 1983 года, чтобы сказать Джону, что им нужно пригласить the Smiths, которых Уолтерс видел предыдущим вечером на концерте в Лондон. Джон никогда не видел его таким взволнованным.

Уолтерс, как и Тедди Уоррик до него — помощник руководителя Radio 1, которого Джон назвал ” героической личностью, которой я многим обязан”, — и Мэтью Баннистер, сменивший его на этом

посту, оказался ценным союзником всякий раз, когда общее мнение на Би -би-си подсказывало, что дни Джона там, возможно , сочтены. Джон часто беспокоился о том, запомнят его или нет, но Уолтерс утверждал , что Джон - это единственное, что в конечном счете сохранится в Radio 1.

Общение с Уолтерсом и Хелен всегда было чем-то особенным, у нас был ритуал, который мы соблюдали почти все выходные, начиная с тех пор, как жили на Парк-сквер Мьюз, вплоть до нашей свадьбы. В те дни телевизионное расписание не было насыщено фильмами, так что полуночный просмотр в субботу вечером стал бы настоящим событием. Почти каждую субботу мы по очереди готовили ужин друг для друга, и правило заключалось в том, что еда должна была быть каким-то образом связана с фильмом, который в тот вечер показывали по телевизору.

Когда снимался фильм “Асфальтовые джунгли”, меню состояло из каменных пирожных, ягод и какого —то “сока джунглей” - довольно убойного напитка, если я не ошибаюсь. Для “Трех мушкетеров ” на фехтовальную рапиру были нанизаны разнообразные овощи и печеный картофель . “Куда боятся ступать ангелы ” сопровождался, среди прочего, ангельскими пирожными и светлым пивом “Харп”, а для фильма о наркотиках, название которого ускользает от меня, Уолтерс и Хелен приготовили тушеное мясо в горшочках, а затем вкатили его — на огромной скорости.

Уолтерс и Хелен устроили самый оригинальный ужин в честь фильма “Ледяной холод в Алексе “. В тот вечер в их квартире в Кройдоне было необычайно жарко, так как Уолтерс включил отопление, чтобы воссоздать обстановку пустыни, в которой происходил фильм. Вскоре после этого нас угостили невероятно острым овощным карри, от которого нам захотелось чего-нибудь выпить. Очевидно, о пиве не могло быть и речи, по крайней мере, до того знаменитого момента в фильме, когда Джон Миллс получает в награду свою собственную пинту освежающего напитка, поэтому Джон спросил, можно ли нам выпить по стакану воды. - Конечно, - вмешался Уолтерс, - угощайтесь. Джон бросился к раковине, открыл кран, выжидательно протянул

стакан и стал ждать. И дождался. Уолтерс и Хелен начали посмеиваться про себя, и тогда мы поняли, что хозяева этого вечера превратились в наших мучителей: они отключили подачу воды.

По мере того как наша семья росла, мы все меньше общались с Уолтерс и Хелен, хотя Джон, конечно , оставался близок с Уолтерсом и работал с ним в девяностые годы. Хотя в последние несколько лет перед смертью Уолтерса они виделись реже, Джон по-прежнему очень любил его. У них были близкие отношения.

близость, которую было очень трогательно наблюдать. Джон часто описывал их отношения как отношения человека и его собаки, но при этом каждый из них явно считал, что собакой является другой. Уолтерс придумал свою собственную аналогию, сравнив Джона с Иа-Иа из рассказов А.А. Майн о Винни-Пухе. “Все едят мед, в то время как он сидит в каком -нибудь сыром уголке поля, одинокий и никем не замеченный, где нет ничего, кроме чертополоха”, - отметил Уолтерс. “Если я позвоню, чтобы напомнить ему, что у него программа на Банковой Праздник, это когда говорят: “Праздник есть у всех, кроме меня”. Если Я говорю, что у него выходной, чтобы освободить место для какого - то специального выпуска на Radio 1, который называется “Они пытаются избавиться от меня”. В любом случае, это “чертополох”, и я подозреваю, что он находит их довольно обнадеживающими.’

Джону нравилось, что Уолтерс чувствовал себя обязанным позвонить ему, как только видел по телевизору что-то, что, по его мнению , могло его развеселить. Телефон звонил, как правило, на Воскресным утром, и если кто-то из детей или я отвечал на звонок, Уолтерс, растягивая слова, спрашивал: “А человек, которого они в шутку называют ”папа”, здесь?” Или же он притворялся раздраженным и заявлял: “Нет, нет, я не хочу с ним разговаривать, просто скажи ему: переключи на BBC2”. Вы можете почти представить это как разделенный экран в кино, где Уолтерс и Джон, как Рок Хадсон и Дорис Дэй в “Разговоре в постели”: Уолтерс по одну сторону кадра, набирает номер, а Джон, лежа в постели по другую сторону, отвечает.

- Алло?

‘ Пил? Верно. BBC1. Сейчас.’

Одержимость известной детской фобией WC Fields в какой-то мере объяснил, почему После рождения Уильяма ноги Уолтерса в нашем доме не было — по крайней мере, так думал Джон. Но дети

у меня остались приятные воспоминания о том, как я навещал Уолтерса и Хелен в их доме. В детстве Уильям был помешан на слонах , и Уолтерс обычно приветствовал его, с энтузиазмом изображая это любимое животное, к большому удовольствию Уильяма. А когда Томас учился играть на трубе, Уолтерс возился с различными предметами домашнего обихода, используя каждый из них по очереди в качестве сурдопереводчика, чтобы обнаружить различные звуки, которые они издавали.

Как и в любой дружбе, у Уолтерса и Джона были свои взлеты и падения. Я знаю, что Джон был расстроен публичной враждебностью своего друга по отношению к Хоуму. Правда, Уолтерс редко упускал возможность унизить его. Но когда Уолтерс умер во сне в 2001 году, Джон был в отчаянии. “Сегодня я чувствую себя так, как , должно быть, чувствовали пехотинцы в окопах, когда в человека рядом с ними попала пуля”, - написал он в своем радиообращении Колонка “Таймс”.

Они оба всегда предполагали, что Джон уйдет первым. Действительно, это был бегущий они шутили между собой, что Уолтерс решил пережить Джона, чтобы произнести надгробную речь на похоронах Джона, подробно описав его недостатки , прежде чем отправить его восвояси с песней Роя Харпера “Когда старый игрок в крикет уходит”. The Crease. В итоге именно Джон исполнил эту песню в программе, посвященной Уолтерсу: он запланировал ее как последний трек на шоу , потому что знал, что к тому моменту уже не сможет говорить. Чуть более трех лет спустя Энди Кершоу, в свою очередь, включил песню на Radio 3 в конце программы, посвященной памяти Джона, которую он записал вскоре после его смерти.

Джон написал в 2001 году:

Я обязан Уолтерсу больше, чем кому-либо другому в своей жизни. Он научил меня, что нет ничего постыдного в том, чтобы время от времени делать что-то не так, при условии, что ты остаешься верен каким —то нечетким, но искренним принципам, и , если позволяет время, заскакиваешь за угол выпить пива . Всякий раз, когда я получал почетную степень или что-то подобное, я знал, что не более трети этого на самом деле принадлежит мне, причем треть достается Уолтерсу, а треть - Шейле.

Всего за полчаса до смерти Джон думал об Уолтерсе. Мы выпивали в баре в Перу, когда Джон внезапно разразился целой речью о своем старом друге. “Знаешь, я скучаю по нему”, - сказал он. ‘Я скучаю по нему, который звонит, когда что -то показывают по телевизору. У меня нет другого друга , который бы так поступал. Жаль, что я не провел с ним больше времени до его смерти”. Я нахожу это почти невыносимо ироничным. Это было совершенно неожиданно.

Если бы Джон был более агрессивен в области саморекламы , не говоря уже о более ловком стиле изложения, его карьера на телевидении могла бы начаться раньше, чем это произошло. По правде говоря, у него не было ни малейшего желания появляться на телевидении, по крайней мере, в шестидесятые годы, и возникает соблазн задаться вопросом, не испортил ли он свое первое выступление на Top of the Pops в начале 1968 года намеренно, скорее в стиле человека, который готовит ужин так, чтобы никто не заметил. никогда больше меня не попросят готовить.

После того, как представился как “тот, кто приходит

по радио 1 поздно вечером и проигрывает пластинки, сделанные угрюмыми бельгийскими студентами-искусствоведами в подвалах, умирающими от ТБ”, он должен был сказать: “А вот и последнее блюдо “хеппенинг” из уголка Аминь” — или что-то в этом роде. Но на ум ничего не приходило, и меньше всего название группы; он был пуст. Когда Джон на цыпочках направился к выходу после окончания шоу , продюсер заметил его, подошел вплотную и прошипел: “Пожалуйста, сделай так, чтобы ты больше никогда не работал на телевидении. Это были одни из самых удивительных и волнующих слов, которые Джон когда-либо слышал, поскольку у него не было желания воспламенять мир телевидения своим талантом.

Буквально несколько человек по всей стране оплакивали тот факт, что Джон Пил Телевидение Словосочетание “Суперзвезда” вряд ли когда-либо вошло в популярный лексикон, по крайней мере, в конце 1960-х Джон был занят в двух радиопрограммах. Так же как Топ Гир, он начал представлять ночной поездки в Март 1968 года. Это было шоу, в большей степени основанное на разговорах , что вызвало немало споров. У шоу было несколько заметных стычек с правительством и средствами массовой информации. 6 ноября 1968 года, Джон взял интервью у сатирика

Джона Уэллса, автора Дневник миссис Уилсон в “Частном детективе”, которая сделала несколько резко критических замечаний о тогдашнем премьер-министре Министр Гарольд Вильсон заявил, что Вильсон не был заинтересован в войне в Нигерии, потому что это стоило бы ему голосов избирателей, и что он солгал о непригодности аэродрома в Биафре, чтобы избежать поставок помощи в эту страну. Столкнувшись с жалобами правительства, Би-би-си была вынуждена принести извинения.

Организация “Ночной поездки” помогла Джону утвердиться в качестве фигуры сатирической контркультуры

воплощенный такими людьми, как OZ и Частный детектив. Он был одним из нескольких свидетелей защиты, вызванных редакторами журнала “OZ” — Джимом Андерсоном, Феликсом Деннисом и Ричардом Невиллом — в ходе их скандального двадцатишестидневного судебного процесса по делу о непристойном поведении в 1971 году. Судебный процесс был посвящен журналу “OZ 28”, который назывался “Выпуск для школьников” и в котором были представлены непристойные и шокирующие работы двадцати авторов в возрасте до восемнадцати лет.

Обвинение с самого начала подстроило судебный процесс, поскольку именно истеблишменту был брошен вызов OZ и истеблишмент должны были одержать победу. Джон выражал серьезную обеспокоенность по поводу исхода за несколько дней до того, как должен был начаться судебный процесс. Он пишет в пятницу, 18 июня:

Судебный процесс по делу о непристойном поведении в стране OZ начинается в понедельник. У них нет контроля качества, и сегодня они обратились с просьбой о недельной отсрочке, чтобы провести инструктаж. Им было отказано, их тщательно обыскали, и у Джима Андерсона конфисковали его глазные капли. Если вообще кто-то был осужден до их начала… я действительно верю , что этот судебный процесс - начало периода серьезных

репрессий и жестокости. Их легко могут посадить в тюрьму, а затем депортировать. Возмутительный. Здесь начинается негативная реакция правых.

В следующий вторник Джон принял участие в шествии по Лондону, от Линкольнс-Инн-Филдс до мясного рынка Смитфилд, в поддержку страны OZ. “Вы возглавляли шествие?” - позже спросили его представители обвинения. ‘Нет, я сидел в самом конце, - с улыбкой ответил Джон, - и толкал велосипед”.

Судебный процесс превратился в шутку. Подсудимые подверглись преследованиям — их длинные волосы были насильственно обрезаны

в какой—то момент тюремные охранники остановили его в ожидании приговора - и сразу стало ясно, что это показательный процесс. Джона вызвали вместе с другими свидетелями защиты, включая Марти Фельдмана и Джорджа Мелли, чтобы доказать, что в “Стране OZ 28” есть литературные или художественные достоинства; в частности , его попросили защитить строчку “Я бы с удовольствием встретил цыпочку, которая умела бы трахаться, как Led Zeppelin One, но она вымотала бы меня за неделю”. Но, как и всех , кто выступал на судебный процесс, предпринятый в попытке остановить этот саботаж свободы слова, был обречен еще до того, как Джон начал его. Суд увидел его длинные волосы и футболку и услышал о попытках обвинения дискредитировать его, потому что он рассказал по радио о своем собственном опыте борьбы с венерическими заболеваниями, и это было именно так.

28 июля, когда Андерсон, Деннис и Невилл ожидали вынесения приговора, Джон записал в своем дневнике:

Человек из Daily Mirror брал у меня интервью 11/2 часов — полагаю, он пытался быть справедливым — по поводу процесса над Озом и моих показаний… он думал, что они получат 3 года. Судья действительно настроен очень враждебно. Полное

столкновение культур. Он также думал, что Ричарда депортируют. Что за страна. Правительство, созданное придурками для придурков. Очень расстроен этим.

В конце концов, Невилл получил пятнадцать месяцев, и судья рекомендовал его депортировать.

Опасения Джона за страну оправдались, и его идеализм несколько поутих. В суде он произнес вдумчивую речь о переменах, которые он увидел после возвращения из Америки. ‘В 1967 году, - сказал он, - был период, когда мы были

я настроен оптимистично; я действительно думал, что в обществе произойдут значительные перемены. Люди начали больше думать друг о друге, а не просто о приобретении собственности. К сожалению, это, очевидно , оказалось не так, за исключением музыкальной сферы. Здесь группы вырвались из-под контроля людей из шоу-бизнеса, которые манипулируют всем. Например, сейчас у меня очень неудачная собственная звукозаписывающая компания; мы выпустили двенадцать или пятнадцать пластинок и потеряли порядка восемнадцати тысяч фунтов стерлингов. Тем не менее, мы нашли людей, которые, на мой взгляд, заслуживали внимания публики и которым было что предложить. Хотя это оказалось экономически невыгодным, мы записали несколько хороших пластинок. Но их никто не купил.’

В следующем году Джон сообщает, что Невилл отправился в Нью-Йорк, чтобы продать права на мюзикл “The trial” некоторым бродвейским продюсерам. “Я надеюсь, что у меня получится несколько хороших песен, когда дело дойдет до сцены”, - размышляет Джон. Возможно, этой праздной мечте не суждено было осуществиться, хотя много лет спустя мы посмотрели телевизионную инсценировку судебного процесса, и Уильям был впечатлен, увидев, что роль Джона исполнил Найджел Планер, сыгравший супер-хиппи Нила в фильме “Молодые”.

Ночная поездка была столь же недолгой, сколь и зажигательной, но Джон все еще был на взводе. Top Gear, где он и Уолтерс, к

своей радости, обнаружили, что быть провокационным на удивление легко: все, что вам нужно было сделать, это сыграть песни, которые ваши слушатели никогда раньше не слышали. Несмотря на Благодаря репутации Джона как популяризатора новой музыки, те зрители, которые прижимали его к своей груди в конце шестидесятых и начале семидесятых, часто

реагировали с удручающей враждебностью и снобизмом всякий раз, когда он играл что-то отличное от рока. Когда Джон впервые включил свой радиоприемник 1 покажите ямайскую пластинку Энди Кэппа “Pop A Top’ и африканскую песню Сифо Бхенгу “Tickey Dopies”, он не был готов к такой негативной реакции. По словам его основной аудитории, все билеты на него были распроданы. Но кому именно? Невозмутимые таким ответом, Джон и Уолтерс запрограммировали еще больше регги и продолжили записывать сеансы Би-би-си с Боб Марли и The Wailers в семидесятых.

Одним из любимых выступлений Джона была регги-группа Culture, фронтменом которого был Джозеф Хилл, человек, которого Джон считал обладателем одного из величайших голосов в популярной музыке и потрясающей прозорливости. Culture записали две сессии для шоу Джона на Radio 1 , и, если бы они захотели, они могли бы сделать еще сотни записей. Когда Джон был куратором фестиваля Meltdown на Южном берегу в 1998 году, он особенно гордился участием группы Culture, которая по его приглашению дала потрясающий концерт в Royal Festival Hall. На самом деле, регги , пожалуй, был единственным элементом, который оставался неизменным в выступлениях Джона на протяжении десятилетий. И это несмотря на то, что названия часто были написаны на местном диалекте и Попытки Джона прочитать их были довольно забавными.

Он включил ямайскую музыку, а также записи таких гигантов блюза, как Son House и Артур Крудап, фанк-группа Cymande и короли регги Misty In Roots (которых он выбрал в качестве одного из своих Диски с необитаемого острова), настолько проявлял расистские элементы , что время от времени получал угрозы убийством. Одно письмо он даже сохранил, отправив его в

Уолсолл. Корреспондент, очевидно, был новичком в рассылке писем с угрозами,

письмо начиналось словами “Дорогой Джон”, а затем переходило к серьезным угрозам. Джон был весьма тронут этим, но, тем не менее, последовал совету полиции, поскольку отправитель предусмотрительно указал, что ему известно, в какую школу ходят наши дети. Также был случай, когда Джону в “Морнинг пост” пришла коробка с дерьмом от другого слушателя, возмущенного тем, что его уши были запятнаны негритянской музыкой. Мы так и не удосужились выяснить, чье именно это было дерьмо

.

В последующие годы эти инциденты часто всплывали в памяти , когда какой-нибудь неосведомленный хак, пытаясь вызвать хоть какую-то полемику, обвинял Джона в том, что он играет музыку только для белых, временно забыв о своей страсти к регги и хип-хопу. Возможно, у его критиков была избирательная или устаревшая память, и они вспоминали эпоху панка, когда музыку писали преимущественно белые парни и девушки. Джон возразил:

Честно говоря, я слушаю музыку, не обращая внимания на расу, цвет кожи, религию, предпочтения в еде на завтрак, рост, размер обуви или что-то еще, что вам нравится от создателей музыки. Единственное предубеждение, которое я себе позволяю, заключается в следующем: музыканты, которых я подозреваю в том, что они болеют за “Эвертон” или “Арсенал “, тратят уйму времени на то, чтобы включить в программу свою громоздкую требуху

.

Ко времени испытаний в стране ОЗ мы с Джоном сбежали Лондон. Мы жили на Парк-сквер-Мьюз до лета 1970 года, когда решили начать откладывать деньги на собственное жилье. Этот план включал в себя переезд в мою студенческую квартиру на Сент-Стивенс-Гарденс в Уэстборн-Гроув с Терри и Джерри, где мы

жил на деньги, которые зарабатывал преподаванием в общеобразовательной школе в Тафнелл-парке, и откладывал зарплату Джона на покупку дома. Квартира в Уэстборне Оглядываясь назад, Гроув выглядел довольно мрачно, хотя в то время так не казалось. Но все же мы почувствовали себя слегка оскорбленными, когда годы спустя это здание показали по телевидению как прекрасный пример некачественного жилого фонда, по сравнению с которым самые мрачные трущобы кажутся заманчивыми необычный.

Годом ранее Джон получил письмо от своего отца. Джон не проводил с ним много времени с тех пор, как вернулся из Штатов, хотя с неподдельной нежностью рассказывал о том времени, когда отец навещал его там и они катались по Нью-Йорку. Англия вместе.

Когда я впервые встретил Джона, он тоже почти не общался со своей матерью. У них были довольно напряженные отношения. Джон всегда очень настороженно относился к своей матери, и я видел, что она тоже нервничала из -за него. Она никогда не знала, как к нему относиться. Я думаю, это было правдой с самого детства; он был ее первым ребенком, и она была довольно наивной молодой матерью. Позже они стали лучше ладить, хотя бы потому, что я старалась организовывать дни рождения и Рождество, в то время как Джон никогда раньше не беспокоился. Но между ними по-прежнему оставалось напряжение. Всякий раз, когда она приезжала к нам погостить, она всегда готовилась к отъезду домой за несколько часов до того, как Джон был готов к отъезду. Она вставала рано, делала прическу и макияж, в ужасе от того, что Джон вдруг объявит, что хочет идти, а на ней не будет лица

.

Как и предполагал Джон, она была довольно грозной женщиной, но в то же время очень веселой—

очень яркий и театральный. Когда Джон работал, мы с моим другом Джерри иногда заходили навестить его мать. Она могла составить отличную компанию. Мы проводили день за выпивкой, сплетничали, рассматривали старые фотографии, пили, смеялись. Я упоминал о выпивке? В конце концов Я возвращался домой даже позже Джона.

“Ты в таком состоянии”, - говорил он. “Где ты был?”

- С твоей матерью, - отвечаю я. Это все объясняло.

Когда я была беременна Уильямом, она отвела меня в сторонку и сказала: “Дорогая, ты должна убедиться — и это ужасно важно, это действительно единственное, что я хотела бы подчеркнуть, — ты должна убедиться, что твои ногти на ногах накрашены до того, как ляжешь в больницу. Нет ничего хуже, дорогая, чем рожать, а потом смотреть вниз и видеть ужасные ненакрашенные ногти на ногах.’ С тех пор я взяла за правило передавать этот совет всем, кого я знаю, кто беременен.

Хотя мать Джона умела быть веселой, в ней была и жестокая сторона, которую я заметил однажды вечером, когда мы устраивали званый ужин. Возможно, она была довольно холодна по отношению к Джону на протяжении всего его детства, но фаворитизм никогда по—настоящему не проявлялся - отец Джона был в Африке, а она пряталась за чтением в том месте, которое Джон называл “комнатой отдыха’. Но за ужином она довольно бесцеремонно высказала свои предпочтения . Подкрепившись изысканно подобранным шардоне, она воспользовалась паузой в разговоре.

‘Алан всегда был моим любимым сыном. Затем Фрэнсис , а затем…’ Она смерила Джона взглядом василиска. ‘ Ты.

- Ну и ну, мам, спасибо, - сказал Джон с веселым смешком. Но это было больно.

Джону действительно удалось сблизиться со своей матерью за годы до ее смерти; он часто бывал у нее , когда работал в Лондоне, и к моменту ее смерти в июле 1992 года трещины в их отношениях уменьшились, если не были полностью устранены.

Джону также удалось помириться со своим отцом. Когда я впервые встретил Джона, его отец недавно вышел на пенсию и переехал в красивый дом в Северной Уэльс. К сожалению, он пробыл там не более нескольких месяцев, прежде чем обнаружил, что умирает. После Джон получил письмо, в котором его отец сообщал, что у него рак, и мы начали регулярно навещать его. Из того, что Джон рассказал мне, я ожидала увидеть кого-то устрашающего, но он оказался совсем не таким. Возможно, он сильно смягчился, но парень, с которым я познакомилась , был ужасно милым. Он сказал Джону, что, когда мы поженимся — до чего, к сожалению, он не дожил, — нам следует взять мою фамилию, Гилхули, а не Рейвенскрофт, поскольку он настаивал , что Гилхули - более подходящее имя. Именно так он называл меня: Маленький Гилхули.

Но было странно видеть его и Джона вместе. В их отношениях была какая-то скованность и официальность , которые, очевидно, формировались у них годами и от которых они были не в силах отказаться, несмотря на то, что отцу Джона оставалось жить недолго. Между отцом и сыном не было ни поцелуев, ни объятий , вообще почти не было контактов . Было видно, что Джон все еще боялся своего отца и отчаянно пытался произвести на него впечатление рассказами о том, что он делал.

Мы часто гостили у отца Джона и

мачеха. Когда мы с Джоном ночевали в доме моих родителей , мы не спали вместе из уважения к их ценностям. Но мачеха Джона пошла еще дальше. Хотя Джону в то время было тридцать, она запретила ему спать в доме, когда там была я. Я занимала

спальню. У Джона был дом на колесах в саду.

Когда отцу Джона стало хуже, он остался со сводной сестрой Джона, Кэрол. Я думаю, именно тогда Джона по-настоящему охватило чувство вины и сожаления. Долгое время после смерти отца в 1970 году он говорил , что хотел бы проводить с ним больше времени; он жаждал этой недостижимой близости. И эти чувства глубоко повлияли на его отношение к собственным детям. Он никогда не хотел , чтобы они чувствовали, что проводят с ним недостаточно времени. Хотя такого понятия, как "достаточно времени", просто не может быть.

Что мне больше всего запомнилось на похоронах, так это смех. Я ехал туда с Джоном и Аланом, и мы так много смеялись в машине. Возможно, это были просто нервы, или из-за близости смеха и слез. Но мы шутили всю дорогу, и Джон даже хихикал во время службы.

В 1972 году Джон вернулся в Ливерпуль на футбольный матч, но это место сильно отличалось от Ливерпуля его детства, и это помогло укрепить тот факт, что его отец, как и его прошлое, действительно ушли в прошлое. Он написал 5 февраля:

Я решил проехаться по Эвертону и попытаться найти какие-нибудь места, которые были мне знакомы, когда я ходил в клуб "Шрусбери Бойз". Вся стоянка была снесена… весь центр города был совершенно другим - с односторонним движением, массовыми эстакадами и прочим

устройства. Наконец-то я нашел дорогу к старому хлопку Биржа и вся ее передняя часть исчезли. Находясь там и думая о своем отце, я очень грустил…

После этого осознания в нем неожиданно проснулось что-то вроде ретроспективной теплоты по отношению к отцу. Джон откопал и перечитал многие книги своего отца. письма и начинал видеть их

— и своего отца — в новом свете. Первоначально он воспринял их как довольно отстраненные по тону, но теперь понял, что в них чувствовалось едва уловимое отчаяние . Во многих письмах отец выражал желание видеться с ним почаще, чего Джон не заметил при первом чтении в конце шестидесятых. В дневнике Джона за 1975 год есть запись, написанная через пять лет после смерти его отца, в которой раскрываются его медленно зарождающиеся чувства. На 25 марта мы с Джоном пошли с друзьями на ужин:

Как обычно, все заказы ложились на меня, и я был либо остроумным и обходительным, либо умником , в зависимости от того, как на это посмотреть. - Прямо как твой отец, - сказал Свин, и, хотя раньше я был бы смертельно оскорблен таким замечанием, сейчас я был скорее польщен. Я бы очень хотел, чтобы папа остался с нами здесь, внизу. Всегда испытываю злость и разочарование , когда думаю о его смерти, а не грусть — злость из-за того, что я так и не узнал, пока не стало слишком поздно, каким хорошим человеком он был. Хотя я с трудом верю в загробную жизнь, лучшим аспектом такой жизни было бы воссоединение с отцом…

Идея сбежать из Лондона изначально пришла к нам от Джона, который вырос в сельской местности и мечтал вернуться туда. И было ощущение , что городская жизнь становится слишком насыщенной для нас обоих. Однажды ночью мы обнаружили на балконе мужчину. Он был обнажен и держал в руках топор. Это как раз то , что вам нужно, чтобы принять решение; назвать это “соломинкой, которая переломила хребет верблюду” - значит не передать в полной мере тот ужас, который мы испытали.

На самом деле, это была последняя из богатой и разнообразной коллекции соломинок. Радость от того, что каждый вечер в дверях появляется новый молодой человек с демо-кассетой в руках, тоже начала надоедать примерно в это время. Для Джона это произошло, когда целая группа — фактически, America, которая в январе 1972 года заняла третье место в чартах с песней “Horse With No Name” - появилась на нашем полуразрушенном пороге в два часа ночи, чтобы спеть для нас подборку песен об их песнях. Джон был необычайно прямолинеен, выразив свою решимость вернуться в постель так, чтобы их блеяние не было слышно. Вот и все. До свидания, Лондон.

Однако все сложилось не совсем так, как мы планировали. Мы присматривались к домам в графствах неподалеку от Лондона еще до того, как Джон переехал ко мне в Сент-Стивенс-Гарденс, но у нас было не так много денег, и мы поняли, что можем позволить себе жилье только на некотором расстоянии. Я был обеспокоен этим, потому что не хотел быть изолированным от всех своих друзей. И в Лондоне я все еще мог принимать активное участие во всем , что делал Джон, — ходить с ним на концерты или на его программы.

В течение примерно полутора лет мы

посмотрел на сотни домов, раскинувшихся по всей стране все большими кругами, в доме Джона. Спящий автомобиль. Я бы преподавал всю неделю, потом мы бы оформили все документы у агентов по недвижимости и все выходные разъезжали по округе, осматривая эти жалкие дома. Мы ночевали в дормобиле, а затем воскресным вечером возвращались в Лондон, чувствуя себя разбитыми.

В выходные, когда мы нашли дом , который хотели, в нашем списке было всего три объекта недвижимости, и тот, который мы в итоге выбрали, был последним. Мы были очень близки к тому, чтобы вернуться домой, даже не увидев его, так как нас немного смущал тот факт, что он принадлежал майору и его жене. Потом мы решили, что глупо было ехать так далеко, не заглянув хотя бы одним глазком. Дом состоял из двух коттеджей для рабочих, объединенных в один, и, хотя это стоило больше денег, чем мы рассчитывали, мы решили, что нам это нравится настолько , что мы можем перестараться.

Все складывалось как нельзя лучше. Джон даже сделал мне предложение, хотя с точки зрения романтики это событие, вероятно, стоит чуть ниже нашего вечера, посвященного желтухе. Однажды вечером в 1971 году он поздно вернулся со своего шоу, забрался ко мне в постель и сказал, что разговаривал со своим братом Фрэнсисом за ланчем.

“О, да?” - Ответил я.

“Да”, - сказал он. ‘И он считает, что нам с тобой следует пожениться”.

“Ты что?”

“Он сказал мне, что, по его мнению, нам следует пожениться. По финансовым соображениям’.

Я была ошеломлена. Я потребовала, чтобы Джон сделал мне предложение, опустившись на одно колено, обычным способом.

романтическая манера поведения. Но он так и не сделал этого, и теперь я удивляюсь, как я позволила ему это сделать.

Каким-то образом его деловое предложение было принято , и мы назначили дату нашей свадьбы— 1 апреля 1972 года. В своем дневнике Джон пишет о том, как сообщил эту новость моим родителям, которые на том этапе были еще не в восторге от того, что мы будем вместе:

Свин и вся остальная компания отправились на мессу, и Я встал, немного почитал газеты и задумался, как бы мне поднять тему брака. Вымыл посуду и еще немного посидел. Когда все вернулись, я сел там в надежде, что уведу всех, кроме Свиней Мама и папа вышли из комнаты… Наконец я сказал: “Думаю, мне лучше сказать вам, что мы с Шейлой собираемся пожениться’. Сначала никто из них никак не отреагировал, поэтому я повторил, и мать Поросят просто спросила: “А ты?’ В конце концов , мы перешли к обсуждению, и они отнеслись к этому очень дружелюбно — как я и предполагал, — причем мистер Джи оказался немного более гибким, чем миссис… Они были действительно очень любезны — они признались, что ожидали всего этого в течение некоторого времени, но вряд ли можно было ожидать, что это будет так. переполненный ликованием и огромным энтузиазмом.

После того, как мы преодолели это препятствие, нас ждало еще большее. Ширли написала Джону, что решила отозвать свою подпись на документах о разводе. Джон и не подозревал, что это произойдет. Он был совершенно убит горем, и ему потребовалось ужасно много времени, чтобы прийти в себя. Но, в конце концов, это сработало

вышло лучше, что мы поженились два года спустя, на 31 августа 1974 года (на следующий день после дня рождения Джона, что сводит к минимуму вероятность того, что он забудет о нашей годовщине). К тому времени размолвка между Джоном и моими

родителями была полностью устранена благодаря их систематическому и продолжительному воздействию целебных свойств кожуры. Поэтому мой отец был рад выдать меня замуж; возможно, он думал об этом не столько как о потере дочери, сколько как о приобретении хиппи с пластмассовой мышкой , болтающейся у него на брюках.

Между ними завязалась довольно трогательная дружба. Джону и моему отцу, что казалось еще более замечательным и ценным, учитывая, что начало у них было самое неудачное из возможных. Джон писал в 1999 году:

Мне удивительно повезло с родственниками мужа и жены. Отец Шейлы, Денис - единственный человек, которого я встречала, который искренне думал о других людях прежде , чем о себе. С того момента, как я впервые увидела их вместе, как семью, я знала, что его смерть станет самым мрачным событием в нашей жизни. Шейлу трудно назвать мрачной, но после смерти ее отца она стала гораздо более серьезным человеком.

Я просто благодарна, что мой отец пошел со мной к алтарю: в те годы , когда отношения между Джоном и моими родителями были холодными, я и мечтать не могла, что это произойдет. Так что в каком-то смысле, Ширли оказала нам услугу. Не то чтобы в то время это было так. Что еще хуже, когда Ширли в конце концов согласилась на развод, она забрала у Джона все до последнего пенни. В то время она находилась в тюрьме Холлоуэй , и ее отпустили на целый день, чтобы она пришла на слушание. Мы с Джоном были наивны. Мы бы

жила на мои деньги и экономила на его, тогда как нам следовало поступить наоборот. Мне стало плохо , когда деньги Джона были переданы ей. Но Джон этого не сделал. Он просто почувствовал облегчение от того, что все закончилось. Он сказал: “Она может получить все. Мне все равно.

В своем завещании отец Джона оставил каждому из своих сыновей около пяти тысяч фунтов стерлингов, и после Победа Ширли в суде над Джоном обеспечила нам дом за городом, который в противном случае мы бы не смогли купить. Мы отнеслись к этому как к риску, полагая, что в конце концов нам, вероятно, придется отложить выплату по ипотеке, и жили здесь по выходным, сохраняя квартиру в чистоте. Лондон. Долгое время здесь не было мебели, повсюду стояли чайники, в спальне не было ничего, кроме матраса. Только на Рождество 1971 года мы оба признались друг другу, что ненавидим возвращаться в Лондон по воскресеньям вечером. Как раз перед тем, как отправиться в обратный путь, мы оба немного надулись, осознав, что хотим жить в деревне. Мы пустили свои корни.

Джон сказал, что тогда он понял, что хочет остаться здесь на всю оставшуюся жизнь. “Вы должны переезжать каждые четыре-пять лет, чтобы получить максимальную экономическую выгоду, - говорили нам люди. И затем, когда начали появляться дети: ” У них расширяется опыт жизни в разных частях страны”. “Это интересно”, - отвечали мы, совершенно не интересуясь.

Мы решили, что мне следует прекратить преподавать, поскольку Джон к тому времени зарабатывал достаточно, чтобы мы не нуждались в моем доходе. Мы не были богаты, но у нас не было детей, и наши накладные расходы были невелики. Это было не так поначалу это был настоящий рай — во всяком случае, не для меня. На самом деле,

Я возненавидел это место. Я не умел водить машину, всю середину недели был предоставлен самому себе, я никогда раньше не жил за городом и никого не знал. В деревне жили в основном люди, родившиеся и выросшие в Саффолке. Они не привыкли к незнакомцам, не говоря уже о незнакомцах с длинными волосами и внебрачным сексом — или, возможно , они не одобряли длинные внебрачные волосы, — и нам пришлось привыкнуть к их странному поведению так же, как им - к нашему.

Бывало, я сидел по вечерам перед телевизором в одиночестве и думал: что же я наделал? Я упускал все самое интересное в

Лондоне и думал… Я совершил ужасную ошибку. Но к следующему лету мы познакомились с людьми и внезапно начали хорошо проводить время, ходить в паб, наслаждаясь нашей новой гармоничной жизнью. В январе 1973 года Джон написал замечательную статью, в которой прекрасно передал атмосферу нашего второго Рождества в деревне, но нашего первого Рождества в составе общины:

У нас с Могучей свиньей был один из наших лучших Всегда на Рождество. Кажется, мы каким-то чудесным образом приземлились в одной из самых красивых деревень на Британских островах. В пятницу, 23-го, мы отправились в паб в начале улицы, чтобы отпраздновать то, что наш приятель Джон объявил началом Рождества. В канун Рождества паб закрывался в десять тридцать. Теперь загородный паб, подобный этому, не является одним из тех мрачных мест, где угрюмые мужчины сидят в лужах с водянистым пивом и напиваются до бесчувствия. Это скорее общественный центр, куда вы приходите повидаться со старыми друзьями и завести новых . По выходным, потому что нет

знание или понимание такой ерунды, как разрыв между поколениями, здесь мы со Свиньей играем в Snip Snap Похрапывай с кем-нибудь из замечательных старичков , которые посещают паб. Иногда другой старик играет на губной гармошке, и все поют старые песни, которые он играет. Это настоящая радость - сбежать от лондонских ужасов в такое место, как это, и мы считаем, что нам очень повезло.

Как я уже говорил, в канун Рождества паб закрывался в десять тридцать, и более тридцати посетителей пришли к нам в коттедж, чтобы встретить Рождество. Мы разговаривали, пили и танцевали до четырех часов, и за это время никто не повысил голоса, никто не напился до неприличия, ни один стакан не был разбит , ни одна сигарета не была раздавлена на полу. Мелочи, да… но именно такие мелочи делают это место прекрасным для проживания.

Мы также стали близкими друзьями с художницей Лори Селф, которая была самой необычной жительницей деревни и какое-то время вызывала страх. Лори превратил свой дом в нечто вроде коммуны хиппи и тусовки художников, и по этой причине некоторые жители деревни относились к нему с опаской . Но мы с Джоном считали, что он и его жена Эш были отличной компанией, и Джон действительно равнялся на него. Лори был крупным, сообразительным парнем с рокочущим голосом; он также был вдохновенным художником, хотя и с некоторой неохотой продавал свои работы. Когда бы он ни продавал, это было по цене, которую Джон обычно не мог себе позволить. Но сейчас у нас есть кое-что из Картины Лори висят в доме. Джон даже организовал выставку работ Лори в фойе Королевского фестивального зала в течение двух своих лет.-

неделя фестиваля “Meltdown”.

Они вдвоем часто отправлялись на велосипедные прогулки, во время которых Эш, дети и я ехали впереди и ждали их в пабе. После таких впечатляющих физических нагрузок Джон и Лори обычно валились дома на диван , и все мы обнаруживали их, свернувшимися калачиком , как дремлющие медведи.

Для Джона стало настоящим ударом, когда в конце 2001 года умерла Лори. В лучшие времена это было бы достаточно неприятно, но он все еще скорбел из-за смерти Уолтерса, произошедшей шестью месяцами ранее. После смерти двух его самых любимых друзей Джон все больше впадал в паранойю из-за того, что у него не было друзей. Сейчас мне грустно оттого, что, готовясь к написанию этой книги, Джон потерпел неудачу в своих попытках разыскать кого-нибудь из своих старых друзей из США. Провалился , пожалуй, слишком резкое слово — один из его бывших коллег все-таки ответил, хотя, к сожалению , письмо дошло до дома только через несколько месяцев после смерти Джона. Джон умер. Как человек, для которого пребывание в этой стране было мечтой, я уверен, что Джону было бы приятно узнать, что он оставил какой -то след в США и оставил какой-то след в

памяти людей, которых он там встретил.

x * x

Как только мы более-менее освоились в деревне, дела пошли лучше. неизмеримо улучшилось. Я все еще собирался Ездила в Лондон с Джоном так часто, как только могла. С тех пор как наша дружба с Марком закончилась печально, мы оба с опаской относились к общению с музыкантами, но было трудно устоять перед the Faces, с которыми мы всегда гарантированно отлично проводили время. Они были

их можно охарактеризовать только как по-настоящему веселых парней. Они также могут разделить нашу общую заслугу, наряду с Джоном Уолтерсом и мной, за то, что вернули Джона к выпивке. На тот момент он не притрагивался к выпивке

, поскольку, когда был в Америке, каждый вечер напивался бурбона и решил привести себя в порядок.

Но после нескольких лет воздержания он снова был готов наслаждаться алкоголем. Он видел лица людей и понимал, что они пьют и веселятся, и ему тоже хотелось принять в этом участие. Они никогда никуда не ходили без нескольких ящиков “Блю Нун”. Это одно из моих воспоминаний о том времени, когда мы с Джоном летели с ними в Роттердам на концерт — там были только мы, группа и Blue Nun.

The Faces активно культивировали эту атмосферу дружелюбия; это было то, чем они были как музыканты и как люди. Мы с ними очень подружились. Джон ходил ужинать к Роду Стюарту , и однажды они посетили матч в Миллуолл вместе. Чтобы избежать охотников за автографами, Лицо Рода было обмотано шарфом , из-под которого торчал нос, как у “Конкорда”. Он вышел из машины, и первый парень, который проходил мимо, окликнул его: “Привет, Род’.

Группа выступала с различными программами для Джона. Было записано концертное шоу “Thursday night In Concert ” в

парижском театре Лоуэр-Риджент Улица. После саундчека мы все вместе с группой отправились в паб за углом, “У капитана” В кающе, пока зрители стояли в очереди. Выпив немного, Род настоял на том, чтобы встать и запеть во весь голос, но получил резкую отповедь от хозяина.

“Тебе придется заткнуться или уйти, парень

Э. Д.Л.

предупредил его.

“Ты что, не знаешь, кто это?” - крикнул кто -то. “Это Род Стюарт!”

“Мне все равно, кто это”, - ответил на удивление невозмутимый хозяин. - У меня нет лицензии на развлекательную деятельность.

Позже Род потащил Джона с собой в Top of the Pops на знаменитое выступление ‘Мэгги”. Май’, для которого Джон должен был изобразить игру на мандолине. Профсоюз музыкантов был взбешен этим: Джон должен был гарантировать, что группа не предлагала ему никакой оплаты, а операторам было приказано не снимать Джона. Когда Род Стюарт услышал об этом, он позаботился о том, чтобы тот всегда следовал за ним по пятам, чтобы , если он появится на экране, Джон тоже был там.

В конце дневника Джона за 1971 год он пишет о том, как он был в доме моих родителей на Рождество и включил телевизор, чтобы посмотреть повтор своего звездного часа. “Обернулся и увидел, как я играю на мандолине с The Faces on Top of the Pops. Очень забавно сидеть и смотреть это снова. Да благословит их Бог за то, что они подарили нам столько радости в 1971 году.

В марте 1973 года группа пригласила нас на прослушивание своего альбома Ooh La La. Джон написал в своем блоге Disc и Music Echo:

В дверях появляется Рон Лэйн, целует Свинью и с громкими криками бросается нам на шею … Разные люди бегают туда-сюда, обсуждая порядок треков для пластинки… Появляется еще

больше бутылок вина , мы со Свиньей обсуждаем с Роном “Манчестер Юнайтед” и наблюдаем, как Кенни обучает своего крошечного малыша азам игры на барабанах… Я занят поиском приглашения на предстоящий “Faces”.

a2

выступаю в Голландии и пропускаю большую часть музыки. “Ты можешь прийти, если пообещаешь не знакомить нас”, - говорит Мак… В этой суматохе мы с The Pig, помнится, услышали две отличные песни Лейна и несколько удивительных моментов из других песен, которые мы так и не смогли определить. В любом случае, никто не был до конца уверен в названиях… Но, насколько мы помним, “Ooh La La” - пластинка не хуже, чем “Ливерпуль”. Ливерпуль — это футбольная команда, и, как вы знаете, больше ничего сказать нельзя.

Дружба Джона с группой была важна для него, возможно, потому, что они позволяли ему чувствовать себя своим человеком, частью их банды. Чего он больше всего боялся, так это того, что его считали очередной пиявкой музыкального бизнеса. Это могло бы объяснить, почему он так близко к сердцу воспринял то, что The Byrds обошли его стороной, или то, что Матери изобретений не смогли посвятить его в свои песни о мире. (‘Они все курили и не предложили Янгу Пилю ничего”, - пишет он 21 сентября 1967 года. “В ярости. Только что вошел, и один из них спросил: “Что он здесь делает?”.)

20 октября 1967 года он посетил художественную лабораторию в Друри-Лейн и записал в своем дневнике:

Там было много творческих людей, так что я почувствовал, как ко мне подступают обычные угрызения совести. В присутствии стольких талантливых, креативных и конструктивных людей на андеграундной сцене я чувствую, что на меня смотрят как на зануду. Я надеюсь, что это не так, потому что я хочу, чтобы люди поняли, что я делаю все, что в моих силах, по-своему глупо, чтобы продвигать их несколько курсов.

Те же опасения ощутимы в статье, которая

9808

В декабре Джон написал статью для Disc и Music Echo 1972 года, подробно описывая свои приключения во время турне с Лица. Статья начинается в довольно резкой манере, но вскоре у Джона начинают проявляться опасения по поводу того, как другие относятся к нему:

За все те годы, что я был связан с гламурным миром рокабуги, я ужасно боялся, что обо мне подумают как о прихлебателе. По этой причине я стараюсь держаться подальше от своих героев, съеживаюсь при встрече с ними, и даже если у меня есть номера их домашних телефонов, мне и в голову не придет позвонить им. Однако, в Лица у всех разные, и впервые я подумал Я старался присоединиться к туру, чтобы иметь возможность (1) провести с ними время и (2) насладиться их великолепной музыкой… Все они заверили меня, что я не был такой уж занозой в заднице, как мне казалось, приглашая себя с ними. За прошедшие годы мы потеряли многих друзей в головокружительном водовороте шоу-бизнеса , и было очень приятно и в некотором смысле трогательно видеть, что the Faces сумели остаться щедрыми и приземленными.

К тому времени, когда концерт группы в Блэкпуле достиг своей кульминации, Джон был совершенно ошеломлен этим событием и, я думаю, восторженным отношением к нему группы.

За кулисами внезапно материализовалась толпа лучших артистов Блэкпула, но даже присутствие представителей закона не смогло притупить возникшую энергию… Было настоящим удовольствием снова ощутить то чувство, которое возникает только тогда, когда группа действительно делает все правильно, когда кажется, что кто-то

невидимая рука проникает прямо в тебя и вытаскивает оттуда все комплексы и запреты , отбрасывая их прочь… Будучи сверхэмоциональным занудой и сам будучи темным клубком запретов, я танцевал тихо сижу в уголке за кулисами , по моим щекам текут слезы, а на лице идиотская улыбка

.

Это кажется таким разительным контрастом с тем, как вел себя Марк В конце концов, Болан заставил Джона почувствовать себя человеком, которого, одним словом, можно было заменить. После смерти Марка он очень осторожно относился к дружбе с музыкантами. Beefheart работал на расстоянии и поэтому не требовал больших вложений. Джон также дружил с Вив Стэнсхолл, которая часто проводила для него сессии, сначала в составе группы Bonzo Dog Doo-Dah, а затем под видом сэра Генри. Я думаю , что в Бифхарте и Вив было что-то дикое, общительное, чего Джон очень хотел бы обладать. Джон действительно хотел бы обладать этим качеством.

Вив совершала возмутительные поступки, например, появлялась в лондонском клубе Talk of the Town в воротничке , галстуке и с обнаженной грудью, педантично придерживаясь дресс-кода, который требовал только галстука. По современным меркам, это может показаться не слишком диковинным , но было что-то такое в невозмутимом апломбе, с которым Вив выполнял эти трюки, что делало их очень эффектными. Джон хотел бы быть похожим на него. Он тяготел к таким людям, как Вив, Джон Уолтерс, “Бифхарт”. Он ненавидел тот факт, что у него не было уверенности в себе. Как пара, мы оба были довольно жалкими — мы всегда прятались в углу. Джон иногда даже не мог справиться с первым посещением ресторана; он

втолкни меня внутрь, а сам иди за мной.

Единственное исключение было, когда он заходил в музыкальные магазины — он мог зайти в любой из них, в любой точке мира, и сразу почувствовать себя как дома. В таких случаях я был тем, кого приходилось втягивать в это дело, и кому не терпелось поскорее уйти.

Интервьюеры часто спрашивали его о списке друзей-знаменитостей, которые, по-видимому, пребывали в заблуждении, что он вечно играет в боулинг с Джорджем Майклом или помогает Кортни Лав в принятии сложных дизайнерских решений по интерьеру. Ничего подобного. Джон был совершенно неординарен в выборе друзей, но это не значит, что его время от времени не ослепляли лучи прожекторов знаменитостей - можно было услышать, как он ворчит по поводу собственной глупости, что не попросил автограф у Мохаммеда Али , когда оказался рядом с ним в студии Thames Television (хотя Деймон Албарн в конце концов подарил Джону фотографию Али с автографом). А еще был случай, когда мы пошли ужинать с Ником Мейсоном из Pink Floyd, хотя, честно говоря, вечер показал нас не с лучшей стороны. Мы с Джоном ужасно нервничали, мы не могли понять, о чем говорят наши коллеги-гости , и не были уверены, как правильно есть превосходное фондю и артишоки, которые нам подали.

Джон, вероятно, собрал бы в своей картотеке больше телефонных номеров знаменитостей, если бы только научился правильно кланяться и расшаркиваться. Но его отношение к знаменитостям варьировалось от насмешливого до пренебрежительного. Все могло бы быть совсем по-другому. Джон, возможно, наслаждался бы летом, поедая виноград без кожуры на яхтах, стоящих на якоре у отдаленных берегов Карибские острова, или зимой потягивать коктейли на

на склонах Санкт-Морица, если бы только он потрудился прервать свой телефонный разговор со мной в тот день, когда Мик Джаггер просунул голову в дверь “Радио 1”. Мик, по-видимому , был взбешен, обнаружив, что Джон не вызывает

благоговейного преклонения . На самом деле, он был настолько взбешен, что в бешенстве покинул Би-би-си. Канал довольно большой, так что от него требуется немало усилий. Он, должно быть , бушевал добрых пять минут или около того, чтобы выбраться из здания.

Возможно, это и к лучшему, что Джон не общался со слишком многими типами высокого полета, поскольку, когда он все-таки заводил с ними разговор, на него обычно можно было положиться. Сью Лоули, которая в 1989 году брала у Джона интервью для “Дисков необитаемого острова “, однажды взяла его под свое крыло, когда он был в шоке от посещения интенсивного шоу Би-би-си обед. Она позволила ему следовать за ней по пятам, пока он не обрел достаточную уверенность, чтобы действовать самостоятельно, и познакомила его с некоторыми из окружавших ее вельмож. Позже, когда они сели перекусить, Джон почувствовал себя достаточно дерзким, чтобы обратиться к парню аскетичного вида, стоявшему рядом с ним.

- Привет, - весело сказал он. ‘ Это Джон Пил’

- Я знаю, - ответил парень. “Сью Лоули представила нас пять минут назад. Я по-прежнему Джон Бирт”.

Не все были так хладнокровны перед лицом теплоты Джона. Он был очень увлечен Кортни Лав и полностью одобрял попытки Александры в подростковом возрасте стать настоящей певицей The Hole, хотя и выражал легкое беспокойство по поводу ее привычки демонстрировать отсутствие одежды в стиле Кортни, когда она искала развлечений в Стоумаркете. Кэт познакомила Джона с Кортни на фестивале Рединга

Бьелланд, певица из группы “The wonderful Babes”, по которой мы так соскучились в “Стране игрушек”. Джон, - сказала Кэт, - это моя лучшая подруга Кортни, - после чего у Джона осталось мимолетное впечатление от множества помад, хихиканья и обнаженной плоти.

На следующий год он кокетливо стоял в VIP-зоне в Рединге с Александрой и Флосси, надеясь застать Кортни до того, как Холе выйдет на сцену. Когда она появилась в поле зрения , было видно, что она находится в состоянии сильного алкогольного опьянения. Она вертелась, вертелась и спотыкалась, пока не заметила их троих. ‘ Здравствуйте, мистер Пил, - почтительно воскликнула она. - Привет, Кортни, - сказал он Джон, как всегда, мастер быстрого ответа. “Это мои дочери, и они бы очень хотели с вами познакомиться”. После этих слов Кортни внезапно успокоилась, присела с ними на корточки на траве и написала каждой из них маленькие записки, скорее письма, чем автографы, в которых пожелала им всего наилучшего и посоветовала пропустить выступление ее группы и вместо этого отправиться в увидеть Pavement, которые играли на другой сцене и которых она считала гораздо более совершенными. Затем она улыбнулась, встала и продолжила кружиться, спотыкаясь, по пути опрокинув стоявший рядом мусорный бак. Не будет преувеличением сказать, что после этого Джон почувствовал странное желание защитить ее.

Предположение о том, что у Джона был “Друг из “Звезды”, напечатанные в графе “Род занятий” в его паспорте, были предоставлены нашим страховым брокером. Джон был взбешен этим, особенно когда это помешало ему застраховать свой четвертый автомобиль 1963 года выпуска “Шевроле Импала”, который спал в сарае. Общее мнение, по—видимому, сводилось к тому, что он повсюду разъезжал на машине, битком набитой звездами первой величины: “Привет, Мадонна.

Хотите покрутиться? Вы знаете Metallica? Подвиньтесь , ребята, и

впустите ее", — и что если он хотя бы из-за мокрицы даст задний ход, все подадут на всех в суд. Часто по ночам он задавался вопросом, как футболисты, обезумевшие от денег, кокаина и тестостерона, могут застраховаться на "Феррари", в то время как он был вынужден не делать ничего более безрассудного со своей "Шевроле Импала", чем ласкать ее манящие очертания.

И как, если уж на то пошло, его бывший коллега по Radio 1 Дэйв Ли Трэвис получил страховку на свой мускулистый Dodge Hemi Charger с DLT1

на дверцах со вкусом нанесены номерные знаки и фотографии самого Волосатого Кукурузника? Когда Джон спросил его об этом, и Дэйв признался, что дом часто подвергался вандализму. - Я бы сам разрушил его, если бы подумал Мне бы это сошло с рук, - сказал Джон. Дэйв подумал , что он шутит.

Джон попытался объяснить брокеру, что самая долгая поездка, которую он планировал , - это примерно пятьдесят миль до шлюза Денвера в Норфолке, и он делал это только для того, чтобы, если кто-нибудь спросит, он мог сказать , не опасаясь возражений, что ехал на своей машине. "Шевроле" на дамбу, но для тех, кто не застрахован, это не имело никакого значения. Он даже упомянул , что самым известным человеком, который когда-либо ездил в одной из наших машин, был Лаудон Уэйнрайт III, которого Джон проехал небольшое расстояние до станции Стоумаркет. "Лаудон Уэйнрайт ТРЕТИЙ?" - спросили его. 'Кто они?' Извини, Лаудон.

Наша семья поддерживает связь с Лаудоном с 1970-х годов, и мы остаемся большими поклонниками его музыки, не в последнюю очередь его альбома "7", на обложке которого есть великолепное двустишие из "At Both Ends": "Кому нужна любовь, кому нужна романтика/ Я хочу съесть твой

м9

трусы. При их первой встрече Джон вел себя в присутствии Лаудона как неуклюжий болван. В 1976 году он написал:

Я уже несколько раз встречался с Лоудом — как мы, близко его знающие , называем его — и всегда был слегка потрясен собственной неспособностью вести с ним хоть отдаленно похожий на нормальный разговор. Как это бывает с людьми , чьими работами я восхищаюсь, я ловлю себя на том, что говорю ему совершенно невероятные глупости, удивляясь при этом, почему я стою , развернув ноги внутрь, и почему я трижды пытался прислониться к стене, которой явно там нет. После этого я остолбенело смотрю на того гонщика, которого сбил за день, и пытаюсь понять, зачем я все это делаю. Возможно , вы слышали, к каким часто комичным последствиям приводят эти довольно своеобразные weedines, когда я был вынужден обсуждать их новые альбомы с the great на Radio 1.

Тот вечер закончился тем, что Джон попытался поделиться с Лаудоном своей мудростью: “Я сказал ему, что самым разумным было бы сменить имя на Cat Sick и заняться панком, но Я думаю, он вполне может проигнорировать этот отеческий совет’.

кто-то, кто был постоянный друг Роберт Уайатт, бывший мягкая машина. Нравится Уолтерс, и какое-то время Род и Марк, Роберт были одними из тех жизнерадостных людей, рядом с которыми Джон и Я чувствовали себя самыми счастливыми и расслабленными. Даже ужасное падение в 1973 году, из-за которого он был прикован к инвалидному креслу, не сильно омрачило его настроение, о чем свидетельствуют воспоминания Джона о том, как он навещал его в Сток-Сити

Больница Мандевилля, всего через несколько недель после несчастного случая:

Когда я впервые отправился на север, чтобы взглянуть на Роберта, лежащего на больничной койке, обстоятельства несчастного случая лишили меня дара речи. Как можно вести непринужденный разговор с человеком , получившим такую серьезную травму? Тот факт, что Роберт был моим другом на

протяжении нескольких лет , казалось, еще больше усложнял ситуацию. Любопытно, что он , казалось, был меньше затронут всем этим делом, чем я

.

В Роберте есть что—то такое - что-то ищущее, невинно-заграничное, с широко раскрытыми глазами, — что всегда заставляло Свинью и меня чувствовать себя очень защищенными по отношению к нему. На самом деле это в высшей степени глупо, поскольку он неизменно демонстрировал способность справляться с травматическими изменениями обстоятельств и приспосабливаться к ним гораздо лучше, чем я мог бы. В результате ко вчерашнему дню я решил, что его приспособление к тому факту, что он больше не может ходить или играть на барабане , проистекало из какой-то мистической внутренней способности рационализировать ситуацию до такой степени, что его неспособность стала просто интересной.

Когда я довольно снисходительно выложил ему всю эту чепуху, он быстро вывел меня из заблуждения, заметив, что в его жизни случались вещи и похуже, и его единственной философией в отношении несчастного случая было “хм, чертовски типично? Это человек, к которому мы с The Pig испытываем большое уважение и привязанность. Поэтому приятно осознавать, что его маленькая чешуйчатая головка буквально кипит музыкальными идеями и замыслами, и что велика вероятность того, что некоторые из них будут переведены на винил.

ап

И так оно и было, с впечатляющими результатами. В В сентябре 1974 года, менее чем через десять месяцев после того, как Джон навестил его в больнице, Роберт начал свою сольную карьеру, записав сессионную запись из четырех песен для программы, в которую вошла его ставшая легендарной урезанная версия песни The Monkees ’Tm A Believer’. Однако, возможно, именно песня, которую он написал о нашем доме, всегда будет значить для меня больше всего.

Роберт и его жена Альфи остаются одними из наших самых дорогих и любящих друзей, и Джон очень уважал Роберта. Когда он приехал на вечеринку по случаю моего пятидесятилетия, поле было таким грязным , что его инвалидная коляска не могла проехать по нему, поэтому Томас и его приятель Ник несли его на руках, не имея ни малейшего представления о том, что за груз они везут, пока Джон не подкрался к ним сзади и не сказал: “Вы понимаете ты везешь с собой одного из величайших людей на свете? Джон еще раз продемонстрировал свое восхищение Робертом, сделав его одним из двух человек, чья фотография занимает почетное место на стене кухни. У нас есть большая фотография Роберта в рамке. Там висит Билл Шенкли, в уголке которого Джон вставил снимок Роберта, мудро смотрящего на него из-под своей пышной бороды.

x

К 1972 году мы с Джоном настолько ощутили себя частью деревенской жизни, что основали молодежный клуб для различных дегенератов, бездельников и карманников, которые слонялись вокруг, мечтая однажды найти краску, чтобы им можно было понаблюдать за высыханием. На самом деле, мы предоставили им именно такую возможность, когда попросили покрасить задние комнаты деревенской ратуши,

там, где нам разрешили провести молодежный клуб. Не то чтобы мы называли это место как-то банально, как молодежный клуб. О амбициозности и величии нашего предприятия говорило название, которое мы дали это был международный аэропорт Грейт-Финборо.

Ребята решили покрасить его в черный цвет. Цветовая гамма стала немного ярче , когда в задних комнатах появились бильярдный стол, старый музыкальный автомат, настольный футбол и доска для игры в дартс. Мы вступил в Ассоциацию молодежных клубов Саффолка и оформил все официально, после

чего у нас была программа мероприятий и пикников, подобной которой, бьюсь об заклад, не было нигде в стране. Кто еще, к примеру, может сказать, что их молодежный клуб дал им возможность накраситься блестками для тела и надеть высокие каблуки на концерт Sparks? В последние годы Джон демонстрировал упорное нежелание использовать свой статус знаменитости для получения халявы, но в те времена, когда он организовывал вечеринки для молодежного клуба, он звонил в звукозаписывающую компанию и спрашивал , может ли он пригласить кого -нибудь с собой на шоу. Оценка “Плюс 1” - обычное требование в музыкальной индустрии. Однако в пресс-службы лондонских звукозаписывающих компаний поступило не так уж много звонков с просьбой дать оценку “плюс 25”.

Поначалу родители сомневались , стоит ли знакомить своих детей с нашей идеей развлечений, но когда мы начали работать, никто не высказывал несогласия. У нас была собственная футбольная команда — я приходил к ней первым делом, когда Воскресным утром мы размечали поле, а потом играли выездные матчи по всему округу. В ” Виллидж холле” проходили концерты — как-то раз там играли “Би-Боп Делюкс”, и я стоял у дверей в качестве вышибалы.

Учитывая все обстоятельства, молодежный клуб был замечательным маленьким предприятием. Мы брали детей в несколько увлекательных туристических походов, возможно , самый амбициозный из которых был в 1975 году, когда мы отправились с ними в бывшую Югославию, когда я была на пятом месяце беременности Уильямом. Мы купили собственный микроавтобус для молодежного клуба, но не думали, что он продержится до конца каникул, поэтому взяли напрокат другой, за рулем которого сидел Фил, мой друг по преподавательской деятельности, а мы с Джоном взяли наш Range Rover.

Мы направились вниз через Альпы, причем большинство детей ехали в микроавтобусе, а оверспилл следовал за нами на Range Rover с Джон и я. Там было много крутых поворотов, и когда мы остановились на стоянке, Фил сказал, что не уверен в управлении автобусом - похоже , он ехал неправильно. Мы все выразили

обеспокоенность по этому поводу, но, похоже, никто не был уверен, что делать. В конце концов, нам пришлось поторопиться, поэтому мы снова забрались в машины, хотя и с большей неохотой, чем раньше.

Мы с Джоном все еще ехали позади, когда увидели , что дети на заднем сиденье автобуса машут нам. Это казалось странным, пока мы не заметили, что они выглядят испуганными: они отчаянно пытались привлечь наше внимание. Расстояние между автобусом и нашим Range Rover неуклонно увеличивалось, прежде чем мы поняли, что что-то не так. Вот тогда-то мы и столкнулись с проблемой. У микроавтобуса отказали тормоза.

Автобус быстро набирал скорость, и Джон предпринял несколько смелых попыток обогнать его. Я не думаю, что он был уверен в том, что именно собирается делать, но он знал, что ему нужно опередить его. Он был на удивление спокоен, когда захлопнул свою

он нажал на акселератор и умудрился направить “Рейндж ровер” рядом с автобусом, прежде чем вырулил на дорогу Фила как раз в тот момент, когда показался еще один опасный поворот. Джон слегка притормозил, позволив автобусу прижаться к нашему бамперу. Первые несколько раз, когда он соприкасался с дорогой, удар был настолько сильным, что Джон чуть не потерял контроль над рулем; я почувствовал, как задние колеса закачались и меня занесло, и впился ногтями в сиденье.

Но Джон взял себя в руки, осторожно нажал на тормоз и начал плавно передвигать микроавтобус . В конце концов Джон вывел автобус на стоянку, и внезапно мы снова остановились, как мне показалось, спустя несколько часов. Нам потребовалось некоторое время , чтобы перевести дух, и до меня дошло, каким храбрым был Джон. Я выбрался из машины как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фил с посеревшим лицом выпрыгнул из микроавтобуса, и его вырвало.

Еще одна поездка молодежного клуба в Уэльс прошлым летом состоялась всего за три недели до нашей свадьбы. К тому времени я должен был внести последние штрихи в оформление карточек.

Вместо этого я стоял посреди поля и слушал по жестяному радиоприемнику новости о том, что Никсон подал в отставку, а затем шоу Джона, ради которого он приехал на ночь в Лондон. Тем временем мои бывшие соседи по квартире Терри и Джерри остались дома, присматривали за нашей овчаркой Воггл и развешивали все сделанные мной приглашения на свадьбу. Это была большая свадьба, но, честно говоря, я не могу сказать, что она должна была быть такой масштабной.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что это произошло без малейшего намека на планирование с нашей стороны. Я знаю, что заказала торт — красно— белый, конечно, с парой поросят на верхушке - всего за несколько

за неделю до свадьбы. Наши друзья Тедди и Пегги Уоррик организовали место проведения и кейтеринг. На самом деле, свадьбы не было бы — по крайней мере, такой тщательно организованной, какой она была, — без Тедди и Пегги. А также был одним из самых верных защитников и союзников Джона в Радио 1, Тедди тоже был нашим очень близким другом. Он и Пегги провела много времени в нашем доме, за лет, и дети всегда думал о них а дополнительная пара бабушек и дедушек.

Мы поженились в церкви Святого Павла в Площадь Lorrimore, возле овал. Это может показаться странным выбором места проведения, учитывая, что Овальный зал не занимал видного места ни в одной из наших жизней, но в конечном итоге все сводилось не столько к тому, где мы хотели бы пожениться, сколько к тому, где нам разрешат это сделать. У Джона были довольно жаркие богословские споры с епископом Ипсвичским и Сент-Эдмундсбери о том, будет ли ему разрешено жениться снова, если он был женат на Ширли . Возможно, епископ достиг критической точки, когда, наконец, выпалил, что да, Джон может жениться, но не в своей епархии. “А, - ответил Джон, - значит, это вопрос географии, а не теологии?’

Венчаться в нашем захолустье становилось слишком хлопотно, поэтому мы обратились к Генри Моргану, помощнику викария в Овальном соборе, с которым Джон дружил с тех пор, как приехал

в Кембридж , чтобы выступить с лекцией, когда Генри еще учился. Единственным условием в этом соглашении было то, что я должен был притвориться, что я жил в доме его священника в течение определенного количества месяцев до свадьбы. Выбор места для приема также был связан с просьбами об одолжении и использованием определенных условий.

поскольку все было отложено до одиннадцатого часа, Тедди спросил свою сестру, которая работала в Бедфордскому колледжу, чтобы организовать для нас там прием; подобные мероприятия разрешались только родственникам сотрудников, так что Сестра Тедди притворилась, что я являюсь ее подопечной , и дело было сделано. Это было великолепное здание с прилегающей территорией, спускающейся к реке; более замечательного места и представить было нельзя.

Джон, Тедди и Джон Уолтерс вместе разобрались с вином и организацией питания. Джон также организовал прием пятидесяти человек из деревни, включая членов международной организации Great Finborough International В аэропорту, чтобы отправиться на свадьбу на автобусе, который он щедро снабдил ящиком шампанского, чтобы к прибытию в Лондон у них было отличное настроение . По дороге в наш Собор Святого Павла, они остановились у собора Святого Павла, который, насколько я знаю, был примером импровизированной экскурсии, а не путаницы.

Накануне вечером мы провели ночь у Уолтерса и Хелен в их доме в Суррее, а утром в день свадьбы мы с Хелен поехали к Пегги. Я приехал в церковь на “фольксвагене” Хелен “Жуке” — конечно, с опозданием. Там было полно народу. Помимо семьи, там было несколько избранных коллег с Radio 1, таких как Джонни Уокер, Алан Фримен и Терри Уоган. Роберт Уайатт и Айвор Там были Катлер и Роджер Чэпмен из Семья. Там был наш хороший друг Фахтна О’Кейли, очень доброго и забавного парня, с которым мы познакомились в Дублине в 1970 году, когда он работал в ирландской прессе , который оставался постоянным гостем в нашем доме. Фахтна продолжал руководить “Бумтаунскими крысами ” и Шинейд О’Коннор, хотя эти впечатляющие

достижения, возможно, были сведены на нет ростом стерлинга когда мы только переехали, он прорубался через подлесок в нашем саду. l

Все эти лица пришли на свадьбу со своими семьями. В кинофильме показано, как Род Стюарт все время разговаривает с тетей Джона Алисой. Мы так и не узнали, о чем, ради всего святого, они там болтали. На матери Джона было платье, похожее на шезлонг; он не преминул сказать ей и об этом. И о нашей собаке Уоггл была подружкой невесты. Накануне вечером она гостила у моих друзей Фила и Джейни, и они привели ее в порядок и повязали на нее красные ленточки.

Джон был одет в красный ливерпульский костюм, а я - в белое платье с красной отделкой, и в руках у меня был букет из белых лилий и красных роз. Уолтерс был шафером и в противовес ливерпульской тематике оделся в черно-белое в честь Ньюкасла. Сейчас, когда я перебираю потрепанный чемодан с сувенирами со свадьбы, это кажется невероятным, но мы попали на первые полосы нескольких газет. Не только “Звуки”, о которых мы на той неделе писали на обложках, но и “Санди Экспресс” и “Ист Энглиан” “Дейли Таймс”. В репортаже, который сопровождал снимки в некоторых газетах, были заметны следы редакторской работы Джона:

Мистер Пил является секретарем и добросовестным работником “Грейт Финборо и Дистрикта” Молодежного клуба, а мисс Гилхули - казначеем. На приеме, организованном в отеле “Холм” для 150 гостей, Риджентс Парк, Лондон, присутствовали 50 гостей из Грейт Финборо, которая приехала в то утро на автобусе. Дорожная одежда невесты состояла из пары синих джинсов и непристойностей в стиле Страны ОЗ

Пробная футболка. Их медовый месяц прошел в доме шафера в Уоллингтоне, графство Суррей, за просмотром матча дня по телевизору. Мистер Пил, который называет себя “Самым лучшим в мире “Скучный человек” уже семь лет считается лучшим британским диджеем по результатам опроса, проводимого журналом, в то время как Мисс Гилхули, бывшую учительницу из Лондона, называют увлеченной альпинисткой.

Сама служба была на редкость слезливой . Было достаточно эмоционально, что мой отец был там и выдал меня замуж, чего я так сильно хотела. Он был очень мудрым и рассудительным человеком, но Я видела, что он был совершенно ошеломлен масштабом мероприятия. Он просто посмотрел на меня, прежде чем мы направились к алтарю, и сказал: “Ты прекрасно выглядишь, девочка.’

Во время службы Джон поднялся на кафедру и прочитал один из своих любимых отрывков из послания Святого Павла Письмо к коринфянам — и плакал, когда делал это. Потом мы ушли под звуки песни “Ты никогда не уйдешь”. Один”, гремящий на органе. Это было невероятно трогательно, и я все это время так нервничала, что совершенно не подумала о том, что может нас ждать, когда мы будем спускаться по ступеням церкви. Там было полно фотографов, и слышно было только щелканье их камер. Я была ошеломлена. Я не знала, что с этим делать, поэтому просто улыбнулась и прижалась к Джону. Свадьба , которая начиналась так скромно, внезапно превратилась в нечто совершенно иное.

Мы заранее решили, что не хотим , чтобы прием был перегружен множеством речей, поэтому Уолтерс был единственным, кто произнес одну из них, а затем все просто веселились до конца вечера.

Большинство гостей были изрядно потрепаны; некоторые из них неслись по лужайке и прыгали в Темзу. Был прекрасный день и золотистый вечер; солнце освещало фасад колледжа и согревало берег реки. Я была так счастлива.

Финалом стал вечер с Уолтерсом и Хелен, которая разработала амбициозный театральный проект. ‘хеппенинг’, которым можно развлечь нас в нашу первую брачную ночь. У нас уже был официальный медовый месяц с ними, четырьмя месяцами ранее, в апреле В 1974 году, когда мы вчетвером провели две недели в Египет. Это был чудесный отпуск, хотя моменты, которые остаются в памяти, примечательны в основном своей необычностью. За неимением вегетарианской альтернативы мы с Джоном довольствовались бесконечными блюдами из тостов, яиц и сыра, приготовленных в различных вариантах, в то время как Уолтерс и Хелен , похоже, наслаждались более изысканными блюдами не больше , чем мы, поскольку большую часть времени они проводили в раздумьях, стоит ли им есть жареного верблюда. Мы с Джоном всегда были бесполезны в отпуске — по крайней мере, в тех поездках, которые не были организованы Би—би-си с маршрутами и должным образом информированными гидами, - что может объяснить, почему поездка в Каир, чтобы окунуться в настоящую ночную жизнь Египта, закончилась тем, что мы все выпили Нескафе в псевдофранцузском ресторане. Конечно, одним из самых ярких моментов для Джона было посещение местных музыкальных магазинов, что он и сделал в наше первое утро там. Несколько синглов, которые он подобрал у местных музыкантов, даже попали на концерт, который мы играли дома.

Это был их первый медовый месяц. Второй медовый месяц Уолтерс и Хелен провели в компании в их особняке в георгианском стиле в Легкий двухместный экипаж. За несколько недель до нашей свадьбы,

Уолтерс вытаскивал Хелен из постели каждое утро в семь часов, настаивая на том, чтобы они отрепетировали то, что стало известно во всем мире как “Свадьба Ночная пантомима” до того, как они оба отправились на работу в Лондон. Все, что я могу сказать сейчас, это то, что это стоило затраченных усилий.

Нас с Джоном угостили вином и закусками и усадили в дальнем конце гостиной, в то время как другой конец был освещен каким-то плохо приспособленным прожектором. Одетые в самые яркие цвета, Уолтерс и Хелен, пошатываясь, исполнили свой большой

песенно-танцевальный номер под названием “Another”. Открытие, Еще одно шоу”. Смена костюма— Хелен в бигуди и пинни, Уолтерс в мешковатых брюках с высокой талией, жилете, ремне и подтяжках - объявили о начале “скетча Джорди”, для которого они вытащили стол, покрытый красной клетчатой скатертью, чайник и пару треснутых кружек, и , ворча, пробирались через длинный зал. Пит - и-Обычный обмен мнениями. Если бы в тот вечер мимо их гостиной случайно проходил бродвейский продюсер , Уолтерс и Хелен, несомненно, были бы приглашены на премьеры, с букетами и шампанским, потому что удовольствия не заставили себя долго ждать: веселое соло Уолтерса на трубе, различные комедийные сценки и кульминационное исполнение песни. “Мы Еще встретимся’. Даже антракт был настоящим представлением: Хелен подала шоколадное мороженое на подносе из нержавеющей стали , прикрепив к волосам бумажную салфетку.

Остаток этого замечательного вечера мы провели в разговорах и смехе, а вино и шампанское лились рекой. Наконец мы отправились спать. Через две минуты раздался настойчивый стук в дверь. Это был Уолтерс, он кричал,

ФС

‘Ты уже сделал это?”

Жизнь, возможно, и не изменилась в одночасье, когда мы поженились, но наши обстоятельства изменились, когда мы задумались о создании семьи. До тех пор нашим единственным ребенком был Воггл, которому мы дарили несказанную любовь. Она была, мягко говоря, избалованным ребенком. Когда Джон прочитал, что Дэвид Боуи основал фан—клубы для своей жены и сына, он ненадолго задумался о том, чтобы основать один из них для Woggle - “Фанклуб Woggle (собаки)”, который давал бы право членам клуба на лист бумаги, на котором Woggle (Собака) недавно наступила на нее, нерегулярный бюллетень о ее диетических привычках и больничные отчеты о местных детях, которых она покусала или сбила с ног.

Затем были члены Великой Международный аэропорт Финборо, который был нашей большой семьей. Молодежный клуб

просуществовал под нашим руководством до 1978 года, но к тому времени в нашей жизни было слишком много событий, чтобы уделять ему необходимое время. Наша собственная семья, которая начала свою Неуклонный прогресс не давал мне покоя. Наша первая дочь, Александра Мэри Энфилд, более известная как Данда, родилась в декабре В 1977 году, за несколько месяцев до того, как мы покинули молодежный клуб; нашему сыну Уильяму Роберту Энфилду к тому времени исполнилось почти два года , и в январе 1976 года он с трудом вступил в этот мир.

Он стал Уильямом задолго до своего рождения, в основном из-за нашей привязанности к рассказам “Просто Уильям”, которые были запрещены в школе Джона, но которые я читала ему, когда мы лежали , свернувшись калачиком, в постели по ночам. Оглядываясь на рассказы Джона Из дневника 1975 года ясно, что никто из нас всерьез не рассматривал возможность того, что у нас может родиться дочь. 11 мая, когда мы еще не были уверены

что я даже беременна, - пишет он.:

Я совершенно уверен, что у этой Свиньи внутри есть Уильям Билдинг, и так было уже некоторое время. Что мы будем делать, если у нее родится девочка, я не знаю. Вряд ли можно называть девушку Уильям Энфилд и надеяться, что она

сохраню ее вечную любовь и преданность.

У меня были тяжелые роды с Уильямом, и во время схваток меня пришлось срочно отвезти в операционную. По дороге к нам у Джона пошла носом кровь, и когда он пришел в себя, я даже не успела узнать, девочка у нас родилась или мальчик — или, если уж на то пошло, живой он или мертвый, — я спросила Джона: ’С тобой все в порядке, дорогой?’ Это была первая мысль, которая пришла мне в голову.

Когда я впервые увидела Уильяма, он был в инкубаторе, и меня привезли в реанимацию в инвалидном кресле, чтобы я могла его увидеть. Джон написал в своем Звуковая колонка, посвященная Уильяму:

То так, то эдак, его вытащили плоскогубцами, пока его мать была без сознания, и сразу же отправили в инкубатор, избавив от окровавленной работы врачей-скамейка. Однако обе стороны, похоже, довольно хорошо оправились от этого испытания, хотя Свинья ходит осторожно, а Уильям по-прежнему больше похож на Эдварда Г. Робинсона , чем на меня или на нее. Я поговорил наедине с некоторыми из наших наиболее наблюдательных соседей, и все они заверили меня, что вообще не видели Эдварда Дж. слоняющимся по окрестностям, по крайней мере, в течение последних двенадцати месяцев.

До сих пор Уильям воздерживался от общения со мной лично, хотя и ответил на мой

деликатно заданный вопрос, чтобы узнать его мнение о моей радиопередаче, опорожнив его кишечник мне на предплечье… Результат серьезного обсуждения между отцом и сыном на сегодняшний день был неудовлетворительным. Я убедился, что он антифашист, что он не будет вмешиваться в вопрос о том, играет ли Эрик Клэптон на гитаре, и не скажет, является ли, по его мнению, Нил Янг гитаристом. Зума лучше или хуже, чем желание Дилана. За выходные я поставил ему несколько пластинок , начиная от “reconstituted” Quicksilver Messenger Service и заканчивая “Natty Cultural” “Dread” группы Big Youth. Его реакцией на каждое из них было продолжение сосания с преданностью и пылом, которые — и я буду с вами необычайно откровенен — указывают мне на то, что семена фанатизма уже были посеяны в его маленькой заостренной головке.

Сегодня утром я не буду больше распространяться о Уильям Роберт Энфилд, его жизнь и времена, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы он не появлялся в этих колонках слишком часто. Есть, как говорят мои друзья, особенно краснолицые и

задиристые Продюсер Radio 1 Джон Уолтерс, ежечасно повторяющий , что нет ничего хуже мужчины, который без умолку говорит о своем ребенке. С другой стороны, я рад, что этот маленький негодяй здесь…

Несмотря на фактор Эдварда Г. Робинсона, Джон

был бесконечно сентиментален по отношению к Уильяму, до такой степени, что

временно не мог говорить

из-за его рыданий, когда он объявил о своем рождении

по радио. Но я не был в курсе, даже когда я

был выписан. Когда Уильяму было десять дней, у меня началось кровотечение, и я упала в обморок.

мне потом сказали, что у меня резко упало давление . К тому времени я пробыл дома всего три дня. Джон вернулся в Лондон со своим шоу, а мой друг остался со мной дома, когда меня пришлось срочно отвезти обратно в больницу. Когда Джон наконец добрался до больницы , чтобы побыть со мной, врачи сказали ему, что если бы полиция приехала на полчаса позже, я бы умерла.

Мне потребовалось много времени, чтобы оправиться от этого. Мои родители приехали погостить к нам на некоторое время, так

как я была невероятно слаба и уязвима. Вскоре после того, как меня выписали из больницы, мне позвонила моя подруга Сью, которая жила дальше по дороге. Она сказала, что Джон позвонил ей и спросил, не сможет ли она забрать его со станции Бери-Сент-Эдмундс: очевидно, он возвращался из Лондоне, и у него были проблемы с ассортиментом Пират. Он попросил Сью взять с собой и меня, потому что, по его мнению, мне было бы полезно выбраться отсюда. Я очень сопротивлялась этому, потому что чувствовала себя такой хрупкой. Зима была очень суровой, повсюду валил снег, похожий на картофельное пюре. В конце концов она убедила меня, что свежий воздух пойдет мне на пользу, и я пошел с ней.

Когда мы подъезжали к Бери-Сент-Эдмундс, я увидел “Ред Морган”, мчавшийся в противоположном направлении, и чуть не упал в обморок. ‘О, я всегда хотел себе такой”, - сказал я. Через несколько минут он обогнал нас и помчался дальше, очевидно, развернувшись. Я подумал, что это немного странно, но только когда мы выехали на длинную стоянку, я понял , что что-то происходит. На стоянке было полно знакомых мне людей. Там были друзья из деревни, члены международной организации “Грейт Финборо Интернэшнл” Аэропорт, даже Терри и Джерри были там с самого начала.

Лондон. Мы вышли, и я увидела, что Джон направляется к нам. - Что’ черт возьми, происходит? - пролепетал я.

Потом я заметил , что на снегу, поблескивая на солнце, выстроились в ряд бутылки с шампанским и бокалы . Джон взял меня за руку и повел в начало длинной вереницы машин, где меня ждал “Морган”. Я потерял дар речи. Учитывая мое состояние в тот момент, удивительно, что я не рухнул на капот. Мы выпили шампанского, затем сели в “Морган” и помчались домой. Это было ужасно романтично.

После Уильяма у нас родилось еще трое детей, хотя, к сожалению, после каждого из них меня не ждала новая машина . К счастью , роды двух средних детей прошли гладко, несмотря на стремительный бросок в больницу, во время которого Джон

выехал на тротуар, к большому ужасу прохожих в центре города. Ипсвич, чтобы избежать пробок в час пик, из-за которых Данда в противном случае родился бы в машине.

Он отметил это событие в своей колонке “Звуки”, в которой предложил более спокойную интерпретацию событий того утра:

В восемь пятьдесят пять утра он подъезжает к Хиту Придорожную больницу и помогает Свинье, испытывающей сильную боль, войти в здание. Он почти не замечает восхищенных взглядов медсестер-стажерок и мужественно вызывает лифт. Сорок минут спустя он стоит в родильном зале, прижимая к груди свою новорожденную дочь, девочку, которая однажды станет предметом гордости всей Англии.

Данда, возможно, и родилась в спешке, но имя ей дали не спеша. Как первая самка

Рейвенскрофт на протяжении более чем шестидесяти лет приходилось выбирать подходящее имя, так что для некоторых несколько недель мы называли ее просто “Дитя Б”.

Джон также по-своему драматизировал ту февральскую ночь 1980 года, когда родился наш второй сын, Томас Джеймс Далглиш. Джон был в В Лондон на свое шоу, когда ему позвонили из больницы и сказали, что я поступила. Он бросился к моей кровати, но затем извинился и ушел, как раз когда схватки усилились, чтобы позвонить в студию и пообещать сообщить им до конца вечера, родится ли у меня мальчик или девочка. Я услышала, как Майк Рид, дублер Джона на ночь, выдал в эфир этот небольшой тизер, и подумала: “Подождите минутку, я думаю, что, возможно , я замужем за человеком, у которого немного смещены приоритеты”. И это оказало на меня дополнительное давление, заставив покончить с Томасом до наступления полуночи, просто чтобы слушатели Radio 1 могли спокойно спать в своих постелях. Но я это сделал. Томас родился

в одиннадцать пятнадцать вечера, и Джон был в восторге — не только от того, что у него родился еще один сын, но и от того, что он сделал это в рамках своего радиопередачи.

Вероятно, в доме было бы гораздо больше младших Рейвенскрофтов, если бы я так сильно не страдала на заключительном этапе беременности нашим последним ребенком, Флоренс Викторией Шенкли. До того, как она родилась в апреле 1982 года, я заболел коклюшем, а также сильно похудел — вес падал с меня, когда я должен был набирать. В течение нескольких недель, предшествовавших ее рождению, я был ужасно болен , настолько сильно, что меня должны были отправить в больницу на искусственное вскармливание. Я кашлял так громко и регулярно, что Джону пришлось лечь в постель в другом месте дома, просто чтобы

что он сможет выспаться ночью. Когда схватки наконец начались, я была рада, что их не пришлось вызывать, но все равно была напугана. Мы с Джоном были убеждены, что с ребенком что-то не так; беременность протекала так тяжело, что казалась неизбежной.

Ранним утром я разбудила Джона и забралась рядом с ним на карниз над его комнатой, где он спал. Он поставил второй концерт для фортепиано с оркестром Рахманинова, пока ходил за напитками, а когда вернулся с чашками чая, мы лежали рядом и разговаривали, пока не убедились, что схватки настоящие. В комнату начал проникать предрассветный свет. Некоторое время спустя мы услышали, как мои родители, которые жили у нас, собирают Уильяма и Данду в школу; Томас, которому было всего два года, возился на кухне. Дом постепенно наполнялся шумом и суетой. Мы с Джоном собрались и отправились в больницу.

Позже мы признались друг другу, что во время поездки нас одолевали одни и те же ужасные страхи. Никто из нас ничего не говорил, но мы оба думали, что все действительно закончится очень плохо — что ни мне, ни ребенку не удастся выйти из этого испытания невредимыми. К счастью, у нас с Флосси все было хорошо, но беременность оказалась достаточно травмирующей,

чтобы окончательно расстроить наши планы по дальнейшему расширению семьи. Джон всегда хотел иметь шестерых детей. С некоторой неохотой, смешанной с облегчением от того, что наши дети были здоровы и в безопасности, мы остановились на нашем.

Рождение наших детей неизбежно изменило нашу жизнь, но Джон казался особенно неподготовленным. Я

он был лучше подготовлен к шуму и хаосу переполненного дома; появление одного ребенка за другим стало для Джона более драматичным потрясением.

Запись в дневнике от 13 января 1975 года, всего за год и один день до рождения Уильяма, свидетельствует о том, что в наших отношениях впервые проявилось беспокойство . Джон выразил искреннее желание иметь детей. Я был младше его на девять с половиной лет , и в свои тридцать шесть он чувствовал необходимость более остро, чем я. Но намеки на двойственность проявились при встрече с Майлом, щенком , который в то время жил у нас:

Майл рассыпал сахар по полу, я разозлился и завопил, а Свин вдруг притих и впал в меланхолию. Около часа дня я лег спать , а Свин все еще был очень грустным. Мне совсем не хотелось спать, и Я потратил некоторое время, пытаясь понять, почему. В конце концов она объяснила, что мой крик на Майл за то, что она опрокинула сахар, показал, что я не готов к тому, чтобы моя жизнь была нарушена, и, следовательно , я никогда не захочу иметь детей. Мы обсуждали это около часа. Я пытался убедить ее, что на самом деле я не против того , чтобы у меня были дети, просто беспокоюсь об этом.

Джону потребовалось много времени, чтобы смириться с тем, что в доме есть дети. Одним из самых больших потрясений для него после рождения Уильяма стало осознание того, что после того, как мы более семи лет полностью завладели моим вниманием,

ему придется делить меня с кем-то другим. Мы везде ходили вместе и были практически неразлучны. Теперь все должно было измениться, и он находил это невероятно трудным.

Мы оба на равных участвовали в воспитании детей, хотя иногда нанимали людей для помощи. Однажды Джон разместил объявление в Та дама, когда мы кого-то искали. В том же номере “Стирлинг Мосс” также рекламировала аналогичную вакансию. В его объявлении было написано что-то вроде: ” Хочу провести три-четыре месяца на Французской Ривьере. Предоставляется собственная машина’. Джон, с другой стороны, написал: “Требуется помощь с детьми в загородном доме в трех милях от ближайшей дискотеки. Вид на засохшее дерево из окна второго этажа”.

Он продолжал давать концерты, участвовать в радиопрограммах и фестивалях и проводил большую часть времени в своей длинной комнате рядом с кухней, слушая записи для шоу, но также находил время, чтобы побыть с детьми. Он проводил с ними бесчисленное количество часов, играя в футбол в саду, и отправлялся с Уильямом поздно вечером или рано утром на поиски зерноуборочных комбайнов, которые одно время были навязчивой идеей нашего сына, когда привлекательность слонов начала ослабевать (зерноуборочные комбайны были более востребованы). более характерная черта ландшафта Саффолка, чем слоны, что было дополнительным плюсом).

У меня была возможность вернуться к преподавательской деятельности, когда все наши дети пойдут в школу, но я отказалась от нее. Внутренний голос сказал мне: “У нас здесь все так хорошо , с Джоном и детьми — зачем тебе ставить это под угрозу?” В конце концов, это было мое собственное решение , хотя Джон признался мне, что рад моему выбору, который я сделала, чтобы мы могли проводить больше времени вместе.

Семейная жизнь приносила мне большое удовлетворение. Но я видела , как тяжело было Джону, когда все это не соответствовало его ожиданиям. Я присматривала за своей сестрой

Габриэль, которая на десять лет моложе меня, довольно часто появлялась у меня в детстве, так что я знала, чего ожидать. Но Джон не был подготовлен к тому , что влечет за собой воспитание детей. Он не рассчитывал на бессонные ночи, хаос, истерики, повторения и те редкие дни, которые были просто ужасными от начала до конца. Иногда ему нравился шум и неистовство, и вокруг было много чего интересного. Дом никогда не пустовал; помимо наших собственных детей, у нас была Габриэль, а позже и ее сын, Маленький Джон прожил с нами одиннадцать лет, и к нам постоянно заглядывали друзья. Но Джону нравился хаос на его собственных условиях — когда он был к этому готов.

Я часто говорил ему, что жизнь не похожа на рекламу Kellogg's. Реклама кукурузных хлопьев или диснеевский фильм

,

где за столом для завтрака всегда улыбающиеся лица. Возможно, ему было нелегко это оценить.

Особенно тяжелыми для Джона были случаи, когда потребности Джона не совпадали с потребностями детей . Однажды днем он взял Уильяма и Данду с собой в машину, чтобы встретиться с кем-то, у кого он хотел забрать демо-кассету. Они не успели дойти до конца дорожки, как Уильям сказал: "Я не хочу идти с тобой, и Данда тоже". Джон спросил Данду, не хочет ли она пойти с ним , и она покачала головой. Поэтому Джон отвез их обоих домой, а сам, обливаясь слезами, отправился восвояси.

Даже когда у него родился внук Арчи, он все еще питал те же нереалистичные ожидания и с тем же обиженным видом отступал, когда они неизменно не оправдывались. Джон обнимал Арчи, а Арчи вытягивал шею , оглядываясь в поисках Данды. Этого было достаточно, чтобы вызвать

Разочарование Джона. "Он ненавидит меня", - ворчал он. Мне

пришлось попросить его дать Арчи время, и , конечно же, когда Джон отступил и перестал демонстрировать свою привязанность, Арчи подошел к нему. Всякий раз, когда он заползал в комнату Джона, чтобы повидаться с ним, Джон был выдуман. Это было все, чего он хотел. И в конце концов они стали очень близки. Когда Джон и Я был в Перу, Джон все время повторял, как сильно он хотел бы вернуться домой и обнять Арчи снова в его объятиях.

x

Когда родился Уильям, Джон делал часовое шоу в одиннадцать часов каждую ночь из С понедельника по пятницу. За несколько недель до появления Уильяма Джон развлекался в программе, подстроив конфликт с конкурентом радиостанции, Capital Radio. 6 января 1976 года он записал в своем дневнике:

Лепестки услышали, как Ники Б. Хорн из Capital сказал, что у них есть эксклюзивный британский материал о новом Дилан ЛП, “Желание”, и он позвонил на Си-би-ЭС, чтобы проверить это . Мы с трудом могли поверить в свою удачу, когда Льюис из CBS сказал нам, что у него на столе лежит “уайт лейбл”, и он его разошлет. Когда его привезли, я помчался за ним, пока они не решили, что нам его не стоит брать, и даже не осмелился запросить информацию о записи, чтобы они не обнаружили, что допустили ошибку. Рассчитал время, и это было чудесно — к тому же длится 55 минут.

Начал сегодняшнюю программу с того, что сказал, как я был сыт по горло, услышав, что завтра вечером на другом канале будет эксклюзивный выпуск о Дилане. - Сейчас

342

Джон и дети с родителями Шейлы, Денисом и Эйлин , на паровой железной дороге в Хауорте, Йоркшир

Вверху: отдыхающий в дормобиле Слева: с двухдневным Уильямом

Внизу слева: спящий с Александрой, Уильямом и Томас

Нижняя окантовка: с Флоренцией

Eso. Что в Северной Каролине; в Саффолке, 1972 Ниже: Молодежный клуб а на каникулах i в

Корнуолл, 1976 год.

Справа: Джон и Томас, прежде чем Игра в Ипсвиче Ливерпуль Ниже: Играем в футбол с Кувыркающийся, 1972

Вверху: Джон забивает гол в “Уэмбли” в составе футбольной команды “Радио 1”, 1978 год Справа: Играем в футбол на фестивале в Фениксе,

1996

Секретарь

ЖК РТ nr. Рядом с парком Футвития, Бирмингем. член парламента. БРОСЬТЕ ВЫЗОВ самому себе. КР, Среда, апрель, 1974 Полуфинал октября 1978 (переигровка) zist | = “ЛЕСТЕР Эрри”, “ЛИВЕРПУЛЬ” Ки : паддо цена £ I веке н. э. Это ВН и П. — 2 1. РУ НТ Ба О

Я бы посоветовал вам, да. Лучше, чем Мири, определиться с вашей позицией

терраса ПОЛОЖЕНИЕ f

для удара ногой - сохранено

Эту порцию довести до 5

Слева: Джон Уолтерс в комнате 318, Egtoi Дом—Радио 1 Предыстория: Джон | купание в фонтане в Ле Гавр, 1979, после фильма “О Леманах | круглосуточно

^

целую вечность назад,

Вверху: “Ритм” “Друзья” с Элвисом Костелло, 1983 Внизу: с Фрэнсисом Росси, 1979

Дома в Саффолке. Слева направо: Александра, Флоренс, Уильям, Джон, Шейла с племянником Маленьким Джоном и Томас на велосипеде

По часовой стрелке сверху слева: Джон с Александрой на

велогонке Лондон - Брайтон в конце 1981 года с Флоренс в Рединге 1996; с Томасом в Рединг, 1992; с Уильям в Гластонбери, 1993; с Томасом, Уильямом и Зарой в Гластонбери, 2000

Джон Пи]

“Да, Эрему”

Вверху: Трансляция программы в Германии Справа: водопад Виктория,

1988

Е Слева: Ленинград, СЛУЖБА

1998

Справа: Болгария,

страница 292

Вверху: Пи Джей Харви ведет прямую трансляцию из дома Внизу: Билли Брэгг на марше шахтеров, 1992 год.

Т а 13 . По часовой стрелке слева вверху: С Робертом Уайаттом; с Полом Гамбаччини; с Энди Кершоу при Остров Мэн ТТ расы; белые полосы воспроизведения видео на дом; с Бигги Тембо в Зимбабве; получать премии Сони ФОТ потомство программы в 1996 году от Feargal Шарки

ля

ДЖОН: ПИЛ Джи (PEEL Gy) ПРЕДСТАВЛЯЕТ: Джил (gil) $ TOPGEAR f

REC 52S STEREO ЦЕНА 28/9

цена в е BE C Mala ia Vale Студия, у которой на торте: gn

> альбом Деснеттина для меня! о чем? Реклама Top Gear

ДЖОН ПИЛ представляет

Уносить ноги

уф

спасибо тебе за это

“Ты зря уезжаешь из Эса” ВИРРАЛ Джи си скоро вернется. ДА ЗДРАВСТВУЕТ король Джон! Разорвать Джона Лена

Семья собралась вместе на вечеринке по случаю шестьдесят пятого дня рождения Джона дома, в Суффолке. Слева направо: Том, Флоренс, Данда, Шейла, Джон, Уильям.

“это, - заключил я, - действительно раздражает”, - и прокрутил всю пластинку целиком. Поставил пластинку в стиле регги “Dreadlocks Came To Dinner”, а потом перевернул ее, и это была единственная другая пластинка в программе.

На следующий день Джон был явно доволен собой. “Сегодня утром Capital все еще заявляли , что Ники Б. Хорн будет играть исключительно Дилана, поэтому я отдал альбом Джонни Уокеру , чтобы еще больше их раззадорить.’

1976 год стал невероятно захватывающим по причинам, которые не имели ничего общего с тем, что Джон устраивал скандалы с

Capital. Punk впервые появились на шоу Джона весной 1976 года, когда в него ударила молния, которая стала причиной Первый альбом Ramones. Он сравнил этот опыт с тем, когда впервые услышал Литтл Ричарда, и начал щедро разбрасывать треки Ramones по всему своему выступлению, сыграв “Judy Is A Punk” в конце своей программы 19 мая 1976 года. И снова это вызвало громкие нарекания со стороны его основной аудитории — или, скорее, той ее части, которую регги не отпугнул, — хотя группа , несомненно, была бы разочарована, узнав , что деревенский почтальон не принес нам какашек в честь их уникального рэкета.

Большинство возражений, которые получал Джон, независимо от года или эпохи, были вызваны в основном тем фактом, что он отказывался играть группы, которые слушатели уже знали и которые им нравились. Его шоу были наполнены духом поиска и авантюризма, и чаще всего его интуиция оказывалась верной, хотя на это могло уйти некоторое время: например, Pulp пользовались массовым успехом только спустя двенадцать лет после их дебютного альбома session for John.

Что касается панка, то аудитория немного сдвинулась с места. Первоначальная реакция на плейлист Джона, наполненный панком , подтвердила это. Несмотря на фурор, вызванный программой от 10 декабря, когда Джон посвятил все шоу песням the Stooges, Ричард Хелл -, теле-и секс-пистолеты, слушатели не были готовы отрезать волосы и сжечь их старые альбомы еще нет. В первом Праздничный пятьдесят опроса этого года, Лэд Зеппелин ‘Stairway To Heaven” занял первое место вместе с такими группами, как Derek & the Domino, Pink Floyd, Bob Дилан и “Битлз” доминируют в остальной части чарта. Два года спустя панк победил в опросе.

Еще в августе 1975 года Джон записал в своем дневнике о все более напряженном процессе выбора пластинок для своего шоу:

Куча пластинок, которые я просмотрел на этой неделе, действительно скучные. Ужасный материал для формульного диско… третьесортная чушь… Составляя свой список сегодня, я

все думал: “Но это никуда не годится.’

Поскольку его собственное шоу предназначалось для артистов, от которых он был в восторге, Джон выразил недовольство состоянием музыки в мейнстриме в своих обзорах синглов для Sounds. В 1974 году он написал в резкой рецензии на “Jambalaya”:

Многие, многие, многие, многие люди думают, что Карпентеры настолько аккуратны, насколько это вообще возможно. Я думаю , что они отвратительны, и они поют этот праведный старый кантри-рейвер со всей живостью и страстью трупа на продвинутой стадии разложения. Благодаря им саундтрек к фильму “Оклахома ” звучит по-настоящему порочно. Такие потрясающие

полезность - это не тот товар, который можно переварить. Принесите мне мой комод из сверкающего золота.

Даже музыка, которой восхищались респектабельные журналы , не всегда нравилась Джону. На 18 ноября 1975 года, ровно за шесть месяцев до того, как он влюбился в Ramones, он посетил концерт многообещающего Брюса Спрингстина,

, которого провозглашают спасителем рок -музыки. Его первые несколько номеров были немного театральными, как отрывки из “Вестсайдской истории”… Не думаю, что он, как утверждают в Rolling Stone, будущее рок-н-ролла, а скорее краткое изложение его прошлого. Нам с Ван Моррисонишем показалось, что в вокальном плане он несколько переборщил с уличным панком.

Общее неодобрение Джона и его нежелание исполнять пластинки

Спрингстина на своем шоу, очевидно , дорого обошлось певцу в продажах пластинок, как и другим артистам, которых Джон отвергал — скажем, U2 или Dire Straits, которые могли бы выступать на стадионах, получать награды и продавать миллионы альбомов, если бы только они снискали расположение Джона.

Возможно, раскрытие этого факта нанесет ущерб его репутации, но Джон питал слабость к песне Dire Straits “Sultans Of Swing”, и мы оба пели ее во все горло, когда ехали на Ниагару Падения. За время нашего брака Джон преподнес мне много сюрпризов. Было время, когда он присылал мне букеты цветов каждый день в течение недели, предшествовавшей моему дню рождения; каждое утро приходил флорист и говорил, слегка извиняясь: “Сегодня я попытался немного разнообразить их’. Но одним из его самых впечатляющих угощений было то, когда он

в 1978 году он взял меня с собой на тот неожиданный уик-энд на Ниагарский водопад . Он умудрялся все время скрывать, что планировал это; я не догадывался, пока не узнал в аэропорту, что мы летим рейсом Air Canada.

Всю дорогу из аэропорта Торонто по радио не передавали ничего, кроме чепухи, так что мы оба были искренне благодарны, когда появился Dire Straits После осмотра водопада мы зашли в кафе неподалеку, где Джон слегка встревожился, обнаружив , что на нас пялится группа мужчин. Мы пытались продолжать пить кофе и делали вид, что не замечаем их, но было трудно отделаться от подозрения, что нас вот-вот ограбят, убьют и сбросят в Водопад, где никто никогда не найдет наши тела. Затем один из мужчин подошел к Джону. Джон Пил?” - спросил он. “Вы Джон Пил, не так ли?” Джону пришлось признать, что это так и есть. “Мы подумали, что это вы! Мы из Dire Straits’. И какими же славными ребятами они были. Мы выпили и поболтали с ними и пришли к выводу, что они совсем не из тех людей, которые ограбили бы и убили нас , прежде чем сбросить наши тела в Водопад.

В то время как британская музыка погрязла в прог-роке, панк - музыка дала Джону первое, что его по-настоящему взволновало, с

тех пор как Брайан Ферри прислал ему демо Roxy Music в начале семидесятых. К концу 1976 года его плейлист был пропитан панком. ‘Мы ведь не играем ничего из этого панк-хлама, не так ли?” - спросил Джона Уолтерса в телефонном разговоре 6 декабря 1976 года тогдашний руководитель Radio 1 Дерек Чиннери . Уолтерс ответил , что в последних нескольких программах Джона почти ничего другого не было, и что он собирался записать совершенно новую сессию The Damned. Письма с жалобами приходили быстро, но это были

его затмило приятное сообщение от матери одного из участников группы, которая поблагодарила Джона за то, что он “помогал Кристоферу в его карьере”— Кристофер, более известный как Крысиная чесотка. Письма от гордых родителей были редкостью, хотя Джону всегда было приятно получать письма от мамы Пи Джея Харви, которая выражала ему благодарность за то, что он так много времени уделял юной Полли Джин.

26 октября Джон сыграл в фильме “Проклятые”. ‘Новая роза’ на его шоу, пришедшая прямо в студию с концерта, где он их представил. Он пишет в своем дневнике:

Сначала я думал, что буду выступать в New Vic, но когда я приехал туда, то обнаружил, что там выступают Showaddywaddy, и мне пришлось купить билет, чтобы посмотреть, где я выступаю. Into pub и The Damned были на первом месте: самый приятный, бескомпромиссный, откровенный панк-рок. Публика, похоже, была не в восторге от них, за исключением небольшой группы преданных поклонников, которые освистали меня, когда я представил группу. В начале финального номера Рэт Скабис чем-то был недоволен , опрокинул свою ударную установку и ушел со сцены один. Несмотря на крики оставшихся участников, он так и не вернулся. Проклятый… Я вернулся на метро в Би-Эйч (телерадиовещательный центр), чтобы сделать программу, и она была довольно честной. Я думаю, что должен что-то сделать, чтобы сделать программы 1977 года более интересными.

Песня Sex Pistols “Anarchy In The UK” дебютировала на шоу Джона вскоре после этого, на

19 ноября. Би-би-си отказывалась включить его в свое дневное расписание, ситуация повторилась в мае следующего года, когда Джон сыграл в песне “Боже, храни королеву”, которую Би-би-си раскритиковала за “вопиющую безвкусицу”. 1 декабря 1976 года The Pistols выступили по телевидению, спровоцированные Билл Гранди наговорил много ужасных слов, и три дня спустя Джон поехал в Дерби, чтобы посмотреть, как они играют на билле, который также включал The Clash и The Проклятый. Он ходил к ним на концерт до этого, 11 мая, в клуб “100”, но ушел на середине вступительного номера, потому что они настояли на том, что будут ужасно непослушными мальчиками и начнут допоздна, а к тому времени ему уже пришлось спешно ехать в Broadcasting House на свое шоу. В тот вечер в Derby ему также не повезло, потому что концерт отменили; он подумал, что это было великолепно и гораздо больше соответствовало духу панка, чем если бы оно состоялось раньше.

Тем более Джон был потрясен, когда в конце девяностых группа объявила о том, что собирается в турне по возвращению, хотя, по правде говоря, его отношения с группой испортились еще до того, как они распались. Он был очень принципиален, когда дело доходило до выбора пластинок для своего шоу, и не собирался исполнять нестандартную песню только потому, что она была написана группой, которая ему обычно нравилась. Поэтому, когда его мнение о Pistols начало падать, он неизбежно перестал включать их новый материал в свой плейлист, к большому огорчению Стива Джонса, который пристал к Джону и назвал его “мудаком’. Джон был шокирован таким проявлением агрессии, но не оскорблением. В конце концов, разве он сам не ходил на фестивали в футболке с надписью

легенда Джон Пил-стерва’?

Происхождение этого могут быть датированы черный В субботу в августе, в 1976 значение Фестиваль. Джон, как compére фестиваля, сделал все возможное, чтобы консоль толпы, который только что пережил ливень, который вызвал звук вырезать во Набор Манфреда Манна. Он предложил всем сосредоточить свое внимание на нем и избавиться от враждебности, выкрикнув: “Джон Пил - сука!” “Это они сделали, - отмечает Джон в своем дневнике, - с большим воодушевлением сразу и еще несколько раз в течение вечера. Очевидно, жалобы поступали с расстояния более четырех миль. Это меня очень рассмешило.

Два года спустя это было уже не так смешно. ‘В этом году припевы “John Peel is a cunt” казались удручающе искренними”, - писал он в 1978 году, отметив, что кто-то даже бросил в него камнем на сцене. - Я подумал о Свинье, Уильяме и Александре , которые остались дома, и решил, что не стоит убивать их, чтобы продемонстрировать, какой я замечательный парень, и решил выполнять свои сценические обязанности как можно незаметнее. Тем не менее, футболка была с принтом, и Джон носил ее с гордостью, граничащей с сентиментальностью. Я никогда не возражал против того, чтобы у него был этот лозунг на груди. Но я не позволил ему этого сделать покинуть дом, спустя годы, в Колыбели Грязи Футболка с надписью: “Мертвые девушки не говорят “Нет”.

Существует множество различных историй о том, почему секс Pistols так и не записали ни одной сессии для этой программы. Уолтерс винил себя; он чувствовал себя виноватым в том, что навязал ничего не подозревающим инженерам Би-би-си такую шумную группу. Джон подумал, что Pistols отклонили предложение. Какой бы ни была причина, они сбежали, как и The Clash, хотя в тот момент Джон был рад их отпустить.

На самом деле они заходили так далеко, как запись бэк треки, но тогда они были так из их голов они не могли закончить, и решила Би-би-си оборудования было не достаточно. Это был один из тех моментов, когда задумываешься: как можно спорить с глупостью

на таком уровне? Не очень -то панковское отношение, как мне показалось.

Тем не менее, было много того, что он одобрял. Мы оба получили удовольствие от нашего первого панк-концерта в The Roxy в январе 1977 года, где мы увидели выступление Generation X , несмотря на ливень флегмы. Джон также очень восхищался непоколебимой энергией и духом самоделкинства этого Slits, вокалисту Ари Апу было всего четырнадцать, когда группа записала для него свою первую сессию, и барабанщик Palmolive поприветствовал Джона в Вортекс-клаб, ударившись головой о голову человека, с которым до этого момента он вел вежливую беседу. Джон позже сообщил:

Будучи благовоспитанным джентльменом, я просто улыбнулся и продолжил беседу. Если подумать, мы скоро запишем эти отрывки для Radio 1. Думаю, я возьму с собой нескольких своих друзей и буду поджидать наглое создание за пределами студии.

1977 год был важен для Джона не только потому, что в нем произошел взрыв панка и родилась наша первая дочь . Это был также год смерти Элвиса. Джон всегда верил, что Элвис мог бы спастись от самого себя, просто выбрав отдых с нами дома в Саффолке (позже он утверждал, что то же самое средство излечило бы Курта от любой болезни

Кобейн). Несколько недель “Давай, Элвис, ты можешь помочь с покупками”. Просто съезди в виллидж за собачьим кормом, там есть домашнее животное. Не забудь , что в половине восьмого у нас выступление с театральной постановкой. Да, и еще Элвис, собаку снова нужно помыть…”, - подумал Джон, и король снова стал бы на ноги.

В тот вечер, когда появились новости, Джон исполнял

культурологическую песню “Trod On”. На стене студии вспыхнул белый свет. Джон поднял телефонную трубку. - Привет, Джон, - сказал кто-то, - это отдел новостей. Из Америки поступили неподтвержденные сообщения о том, что Элвис Пресли мертв.’

И пока он записывал следующую пластинку, the Fabulous Сингл “Poodles”, Джон размышлял о том, что он собирается сказать. Он вспомнил, как впервые услышал Элвиса Пресли в начале 1956 года, когда “Heartbreak Hotel” крутили на Two-Way Family Favorites; на следующий день он вышел из Центрального железнодорожного вокзала Ливерпуля и перешел дорогу к Cranes, чтобы купить пластинку. За сорок восемь часов до этого он был там и покупал 78-ю пластинку Петулы Кларк. Он больше никогда не делал ничего подобного, по крайней мере, после ‘Отель разбитых сердец’. Это, наряду с ранними записями Фэтс Домино, Литтл Ричард и Билл Хейли изменили его жизнь и, к лучшему это или к худшему, сделали его тем, кем он был.

‘Мы пока еще неподтвержденным данным от США, что Элвис Пресли мертв, - сказал он слушателей. ‘Необходимо подчеркнуть, что эти сообщения не подтверждены, и как только у нас появятся какие-либо дополнительные подробности, они будут вам немедленно переданы

“.

Затем телефон зазвонил снова. На этот раз Тони Уилсон, Алан ‘Пушок’? Продюсер Фримена, был в

на другом конце провода. “Только что объявили , что Элвис мертв”, - сказал он. Затем, после паузы, “Они закончили выпуск новостей, опровергнув эту историю”

.

Казалось, не было особого смысла посылать гонцов в библиотеку

за записями Пресли, чтобы насытить эфир, хотя несколько слушателей позже позвонили дежурному офицеру и спросили, почему Джон этого не сделал. Одна или две другие радиостанции посвятили остаток вечера Элвису, но, честно говоря, у Элвиса и рока уже несколько лет было мало общего , и Джон утверждал , что подобная чрезмерная реакция всегда отдавала некрофилией:

Я предпочитаю вспоминать тех, кто умер, будь то родственники, друзья, рок-звезды или их сочетание, в надлежащем контексте, занимая какую-то большую или меньшую нишу в повседневной жизни, а не искажать свою память о них в сумбуре предсмертных чувств. Вот почему мы никогда не предпринимали ничего экстремального, когда умер Джим Моррисон или Пол Коссофф, даже когда Хендрикс умер. Мы (Джон Уолтерс и я, that 1s) до сих пор время от времени включаем их записи в эфир — и, надеюсь, всегда будем думать о них так же , как я иногда думаю о своем отце. А смерть для тех, кто продолжает жить, - это скорее завершение главы, чем конец книги, и хотя мертвые, возможно, больше не играют роли персонажей, их влияние может сохраняться на протяжении всей истории. Пресли", безусловно, будет, потому что он был первым человеком, которого мы встретили на странице 1, и хотя его записи позже стали неактуальны для всех , кроме несгибаемых поклонников Пресли и его личной жизни.

Он, кажется, погрузился в новые глубины кошмара, и ничто никогда не сможет отнять у него этого.

В то время как некоторые робкие души могли бы укрыться от панка в том году за сентиментальными излияниями Элвисомании, Джон верил, что культурный взрыв, который вызвали Pistols, подобно фейерверку, осветившему окружающие травы и леса, сделал их по меньшей мере такими же влиятельными, как и The Pistols. Элвис или the Beatles. Вы могли заметить их влияние даже на людей в нашем деревенском магазине в 1990-х, которые отрицали какую-либо связь с панком,

но чья одежда, стрижки и отношение к жизни говорили совсем о другом. У Джона никогда не было подходящей фигуры для панка, он выглядел бы нелепо в брюках для бондажа, да и в любом случае был уже слишком стар, но изобилие всего этого окружало его, как будто это никого не касалось. Особенно когда вторая волна панк-групп— Появились Buzzcocks, the Undertones, the Lurkers. Не имея никакого опыта в искусстве или моде, это были группы хулиганистой молодежи, которые пытались прорваться в дверь, распахнутую Pistols.

В то время как панк-революция 1976 и 1977 годов привела к в культурном отношении 1978 год, вероятно, еще больше изменил жизнь Джона, поскольку ознаменовал появление двух его любимых групп. Джон Уолтерс упал в Кройдоне Greyhound в мае 1978 года, когда группа выступала на разогреве у Siouxsie and the Banshees, по рекомендации Дэнни Бейкера. Уолтерс написал Марку Э. Смиту: “Вы меня не знаете, но я знаю вас”, и предложил группе провести сессию. Альбом был записан 30 мая 1978 года и транслировался несколько недель спустя.

С этого момента The Fall стали частью нашей жизни и жизни слушателей Джона. Джон сказал , что группа похожа на меня. Он не имел в виду, что я был грубым, экспериментатором, склонным к конфронтации и дракам на сцене. По крайней мере, он этого не сказал. Он думал, что мы похожи, потому что мы всегда были разными, но всегда одинаковыми. С 1979 года, когда “Rowche Rumble” оказался в нижней части списка Festive Fifty, у The Fall всегда была хотя бы одна песня в опросе Джона, проводимом в конце года, и, наконец, достиг Номер один в 1990 году с прекрасным “Биллом” - это Мертвый”. За год до этого Джон выбрал их песню “Eat Y’self Fitterer” в качестве одного из своих дисков на “Необитаемом острове” ; она звучала еще более потусторонне, чем обычно, поскольку ее представила Сью Лоули, а исполняли ее вместе с Генделем, Рахманиновым и Роем Орбисоном.

Самое странное, что за все эти годы Джон и Марк ни разу не обменялись больше чем парой слов. Их дружба ограничивалась невнятным приветствием и случайными хлопками по плечу или

пожатием руки. Это было все, что Джону было нужно от Марка; если он получал удар или рукопожатие , он был доволен. “О, это было мило с его стороны”, - говорил он. Марк тоже писал Джону, и Джон дорожил его письмами, особенно типичным прощанием: “Твой друг Марк”.

Как будто нужны были дополнительные доказательства того, с каким уважением Джон относился к The Fall, следует помнить , что он хранил все их записи отдельно от остальной своей коллекции. Десятки тысяч альбомов теснятся на полках Джона. Но только у Fall есть свои особые VIP-помещения, вдали от шума, как у религиозных артефактов, обладающих свойствами вуду. Там же есть фотография в рамке с Марк Э. Смит в нашем коридоре и еще одна фотография

о нем, пришпиленном к стене в комнате Джона, смотрящем на то место, где Джон обычно стоял и слушал пластинки. Как будто Марк присматривал за ним.

Я слышал, Марк был расстроен тем, что группу так и не пригласили к нам домой, когда Джон начал транслировать сессии отсюда. По правде говоря, я думаю, что Джон был бы на седьмом небе от счастья, если бы они приехали сюда. Вот это была бы сессия! Но продюсеры в значительной степени наложили на это вето; они знали , что не смогли бы взять на себя ответственность за то, что произошло, если бы Марк был здесь, учитывая, что некоторые из его выступлений были довольно непредсказуемыми. Однако, когда Джон умер, Марк был очень добр и внимателен ко мне и предложил сделать все, что в его силах, чтобы помочь. Я подумала, что это был прекрасный жест.

За два месяца до нашего отъезда в Перу Джон транслировал последнюю сессию The Fall — двадцать четвертую за двадцать шесть лет. Просто не было другой группы, которая бы так его взволновала. Он как-то сказал, в документальный фильм, снятый на Би-би-си отмечать свое шестидесятилетие, что он не хочет но умирать, потому что там будет еще падать альбом в ближайшее время, мы даже выбрали тот комментарий, чтобы играть на Похороны Джона. С чем я сейчас никак не могу смириться , так

это с тем, что осенью выйдут пластинки, которые Джон никогда не услышит.

x

1978 год был также, по крайней мере для Джона, годом Полутона. ‘Teenage Kicks’, его любимая пластинка, была чистым, неразбавленным развлечением. 12 сентября того же года он сыграл все четыре трека с мини-альбома the Undertones “True Confessions”, прежде чем

лл

заметив: “Разве это не самая замечательная пластинка , которую вы когда-либо слышали?” - В течение следующих двух недель Джон четыре раза исполнял “Teenage Kicks” в прямом эфире; до конца своей жизни он был уверен, что эта песня придаст ему сил после целого дня скучных новых записей.

Вскоре после первых показов “Подросткового Кайф’, Джон собрал деньги на Затем он записал сессию в студии в Белфасте, которую затем транслировал в эфире 16 октября. Когда в январе следующего года группа приехала в Лондон поддержать the Rezillos, они записали для Джона еще четыре песни, на этот раз в Maida Vale. “Люди иногда спрашивают меня, для чего я устраиваю это шоу”, - сказал Джон. ‘Я делаю это не ради авторитета или крутости. Я делаю это не для крупных звукозаписывающих компаний. Я делаю это не для музыкальной индустрии… Я делаю это для таких людей, как the Undertones. Он часто повторял, что здесь нет ничего, к чему можно было бы добавить или от чего можно было бы отнять “Подростковые забавы’, чтобы сделать это еще лучше, чем уже было. Когда позже он услышал, как Питер Пауэлл исполняет ее по дневному радио, он был так взволнован, что расплакался.

Я до сих пор помню, как Джон впервые сыграл эту песню дома. Именно так он проводил большую часть своего времени — запершись в своей длинной узкой комнате, расположенной

параллельно кухне, с открытой дверью, слушая пластинку за пластинкой в течение всего дня. На стенах развешаны семейные фотографии ; стопка старых журналов о частных детективах тянется до потолка и обратно на протяжении десятилетий; Аптечка первой помощи Би-би-си на полке; тренировочный ботинок , прикрепленный к потолку, со свисающими шнурками, с того самого дня, как Джон прибил его там, чтобы проиллюстрировать Уильяму концепцию сюрреализма.

Большую часть времени Джон проводил в этой комнате, записывая точное время звучания каждой песни, добавляя небольшие комментарии к ярлыку, прикрепленному к каждой из них, рисуя звездочки в соответствии с тем, насколько она ему понравилась, а затем печатая на машинке, составляя плейлисты для своих программ. Здесь десятки тысяч виниловых альбомов, двенадцатидюймовых синглов, семидюймовых синглов и Компакт-дисков, расставленных по всему дому и в нашем сарае, и Джон обработал каждый таким образом. Вы можете наугад взять один и узнать, что он об этом думает. Например, в альбоме Bhundu Boys может быть пятнадцать или шестнадцать звездочек. То На первом альбоме Libertines звездочкой отмечена песня “Time For Heroes”, которая, как одобрительно отмечает Джон, содержит текст, соответствующий его собственным убеждениям, — о том, как неприятно видеть английских мужчин в бейсболках. Он всегда утверждал, что упадок европейской культуры можно объяснить исключительно растущей популярностью бейсболок.

Одна звездочка означает “может играть”. Две - “должен играть’. Три - “должен играть’. Джон старался ограничиться тремя звездочками, но если бы он по-настоящему увлекся, то мог бы поставить четыре или даже больше. “Teenage Kicks” получил что-то вроде двадцати восьми звездочек, хотя было бы большой глупостью утверждать, что он не заслуживает каждой из них.

Когда Джон поставил “Teenage Kicks” дома, он спросил меня, что я об этом думаю; он знал, что ему это нравится, но , думаю, он хотел услышать другое мнение. И я рассказал ему об этом в восторге — я подумал, что это замечательно. Между моим восторгом по поводу подтекста и недавним выступлением “Pig’s

times, и Томас перебирает полные мешки джангла, драм-н-бейса и хэппи-хардкора с лейблов white и отбирает лучшие из них для Джона (представленные в программе как *Tom’s Подсказка”), теперь уже должно быть ясно, что Джон был не более чем с аккуратной бородкой и приятным голосом.

Когда Джон был дома, дом наполняла музыка. Примерно с восьми утра до поздней ночи в те дни, когда его не было на Би-би-си, он сидел в этой комнате и слушал музыку. Казалось, что он хотел быть здесь и в то же время не быть здесь. Он жаловался, если я готовила и в его комнату проникал дым. Но еще больше ему не нравилось, если кто -нибудь закрывал дверь. Он редко бывал счастливее, чем когда сидел в своей комнате и слушал музыку, но все равно мог видеть и слышать, как мы все собрались на кухне, разговаривали , смеялись и спорили, и он знал, что все идет как по маслу. Таким образом, у него была музыка и семья одновременно.

Ему нравилось приглашать людей на обед, и одним из его любимых занятий было сидеть во главе стола с бокалом красного вина в одной руке и рассказывать какой -нибудь запутанный анекдот глупыми голосами. Но примерно через час или около того дело доходило до того, что становилось заметно, как ему физически не терпится вернуться к работе. К нам могли приходить гости, но все равно наступал момент, когда он вставал, шаркал в направлении своей комнаты и говорил: “Надеюсь, ты не возражаешь, если я продолжу…’

Даже на Рождество ему не терпелось вернуться к своим записям. Около десяти утра, когда все открывали свои подарки, он снова появлялся там, и начиналась музыка. Потом мы не видели его, пока я не позвала его на ланч. Он проводил там так много времени, потому что это была работа,

и потому что ему это нравилось. И, несмотря на все часы , которые он проводил за прослушиванием музыки, у него так и не было возможности прослушать все, что ему присылали.

Отчасти проблема Джона заключалась в том, что прослушивание записей было делом, которое он не мог ни делегировать, ни ускорить. Запись занимает столько времени, сколько нужно, а в наши дни это занимает гораздо больше времени, чем раньше. В то время как, скажем, ‘Давай “Everybody” длится одну минуту и пятьдесят три секунды, сингл, выпущенный сегодня, может быть дополнен пятью ремиксами и длиться час. Оригинальный трек может длиться всего три минуты, но ремиксы, два от thin boys из Германии, два от voguish Жителей Нью-Йорка и одного человека из Японии или Беларуси, будет намного длиннее.

И не важно, что он слушал ремикс thin-boys-from-Germany на последнюю B сингле Schlampeitziger Джон все еще мог слышать, что происходит на кухне: вы разговаривали, и он внезапно появлялся в дверях, чтобы вмешаться или просто спросить: “Так, что происходит?”, а музыка все еще гремела на заднем плане. ‘Господи, у тебя же со слухом все в порядке , правда?” Спрашивал я его.

Мы все привыкли к постоянной музыке. Детям не казалось странным, что они просыпались под звуки музыки, которую Джон играл в то утро. Если им что-то нравилось, они заходили и спрашивали его, что это было. Были определенные группы, мнение о которых, казалось, объединяло всю семью. Например, мы часто ходили вместе на концерт The Wedding Present, и все сходили с ума по Sonic Youth и The Pixies. Это был один из постоянных боевых кличов Джона — все будет тихо, а потом ты

слышу, как он кричит из своей комнаты: “У кого мои альбомы Pixies?” l

Nirvana так же отличалась тем, что все мы ее обожали, и хотя Джон обычно избегал использовать свое положение поп-гитариста Диджею Radio 1, получившему особые привилегии, удалось

провести детей за кулисы, когда Nirvana были хэдлайнерами фестиваля Reading, так что они были так же близки к группе, как вы сейчас к этой книге. Когда Курт Кобейн покончил с собой, Джон встретил детей у выхода из школьного автобуса и сообщил им новость почти таким же тоном, как если бы умер близкий член семьи.

Если Джон оказывал группе свою добрую волю и предоставлял эфирное время, он никогда не думал о том, что это может стать следующим большим достижением. На самом деле, когда его вкусы и вкусы широкой публики и музыкальной индустрии совпали, он выразил удивление. Говорят , что у него в этой стране появились такие группы, как Nirvana и the White Stripes, но он утверждал, что лишь немного раньше раскрыл им свои возможности, чем они могли бы в противном случае.

Имея в своем распоряжении столько музыки, детям действительно не нужно было собирать собственные коллекции пластинок, предпочитая вместо этого рыться в комнате отца и собирать обрывки , прежде чем с жадностью вернуться к своим собственным стереосистемам. иногда Уильям открывал для себя новую группу и спешил рассказать о ней своему отцу, но только для того, чтобы узнать, что Джон отыграл их первый мини-альбом несколькими месяцами ранее.

Как только дети уходили из дома, Джон иногда отправлял пайки — посылки по уходу, если хотите — в их соответствующие университеты. Обычная посылка может содержать несколько компакт-дисков, на каждом из которых есть написанная от руки этикетка. Можно прочитать: “Вот тот, который я

думаю, вам понравится”. В качестве альтернативы можно было бы написать: “Вот песня, которая, по-моему, должна вам понравиться”. Обязательно была бы пометка: “Вот песня, которую вы должны притворяться, что вам нравится , чтобы раздражать людей”. (Обычно это был немецкий хип-хоп).

Теперь атмосфера в доме совсем другая. Когда дети натыкаются на что-то, что, по их мнению, понравилось бы Джону, они, скорее всего, испытывают чувство опустошенности. Недавно Томас

услышал несколько треков Ergo Phizmiz и был уверен, что Джону они бы понравились. Он был расстроен, что не мог послушать их своему отцу. :

В последнее время в доме явно стало меньше музыки . Когда Флосси спускается утром, она включает радио, чтобы заполнить тишину. Дети сказали мне, что они уже не так хорошо разбираются в новой музыке, как тогда, когда здесь был Джон. Когда Томас провел выходные в Лондоне, он хотел увидеть группу. Если раньше он позвонил бы Джону, который был бы в восторге от такой-то группы, выступающей в том или ином клубе, то на этот раз он просто уставился на список музыкантов. Ни одно из названий ничего ему не говорило. Интересно, сколько других молодых людей чувствуют то же самое?

x

Панк по своей природе был кратким и желчным, но на

его усеянном обломками пути не было недостатка в музыкальных инновациях. В британской музыке конца семидесятых доминировал ска, и он был представлен в программе Джона так же широко, как и панк до него, с Битом, безумием, Selecter и специальные предложения - все это записывается вручную Сессии в 1979 году. В это время Джон вещал с понедельника по четверг с десяти часов вечера.

до полуночи. В январе 1979 года его концерты были сокращены с пяти до четырех вечеров впервые с 1975 года. Хотя в 1980 году он был в некоторой степени удовлетворен введением дополнительного часа по воскресеньям (под названием “Рок-запросы Джона Пила”), он больше никогда не выходил в эфир пять вечеров в неделю.

Хронометраж его выступлений на протяжении 1980-х годов это означало, что он уезжал из дома в Лондон примерно в то время,

когда дети возвращались из школы, и возвращался задолго до того, как они ложились спать. Он старался вставать достаточно рано, чтобы проводить их в школу утром, но в это время дня он был не в лучшей рабочей форме, а общение между Джоном и детьми было довольно минимальным, и Джон сидел на кухне , обхватив голову руками, пытаясь вспомнить , какие из них были в школе. ребенком был который.

Что-то должно было измениться. К концу восьмидесятых Джон начал реже выступать, что начало сказываться на нем, а в девяностых и вовсе прекратилось. Однако он согласился больше работать с голосом за кадром , чем время от времени занимался с тех пор , как в 1970 году записал рекламный ролик “С высоты птичьего полета”. В 1980 году он недолго был голосом the Marmite Baby, прежде чем его сменил Вилли Раштон. С тех пор он взял на себя смелость извиняться за крепкий алкоголь, газированные напитки, шоколадные батончики, туалетную бумагу и консервированные фрукты, а также за средства для ухода за газонами, которые, как ему сообщил взвод враждебно настроенных корреспондентов, содержали ингредиент, запрещенный по условиям Женевской конвенции.

У него было одно особенно изнурительное Рождество , когда в каждой рекламной паузе показывалась одна из трех записанных им рекламных роликов, которые затем заменялись

перед передачей Гриффа Риса Джонса. “Разве это не было одним из тех, что ты делал, папа?” - спрашивали дети. С тех пор всякий раз, когда Грифф появлялся на экране, Джон рычал: “Вот человек, который отнимал у тебя пудинг от губ и вынимал игрушки из чулок”. Дети , вероятно, к тому времени уже смирились с этим, но Джон не мог остановиться. И не собирался останавливаться.

Для Джона опыт озвучивания был сопряжен со здоровым чувством вины, поскольку он знал, что это хорошо оплачиваемая работа по сравнению со спасательными работами в воздухе, на море или операцией на головном мозге. Это также могло быть источником реальной тревоги. Он написал об этом опыте:

Когда вы, взволнованный, приходите в студию, вас после небольшой задержки, рассчитанной на то, чтобы напомнить вам о вашем месте в системе вещей, препровождают к людям, ответственным за рекламный ролик. Вы на час становитесь их наемником, и они это знают. Их никогда не бывает меньше шести , часто их бывает больше. Они всегда красиво, хотя и небрежно, одеты, яркие, забавные, привлекательные и с тех пор не виделись. это был Гренобль? Я не являюсь ни тем, ни другим и никогда не был в Гренобле.

После ряда представлений, настолько пугающих , что вы не помните ни одного имени, хотя вам кажется, что одно из них могло бы называться “Пирс”, рекламные лодки мечты подталкивают вас к плохо освещенной будке, в которой вам предстоит работать. Когда дверь закрывается, вы слышите, как они смеются. После того, как вы попробуете прочитать дурацкие слова, которые они придумывали большую часть недели, вы можете увидеть, как они спорят через стекло, отделяющее вас от них. Они говорят,

‘Чья это была идея - нанять этого придурка?” - Сидя в одиночестве в кабинке и чуть не плача, вы понимаете, что даже не уверены, в какой стране находится Гренобль.

В конце концов специалист по рекламе, которому поручено выступить перед персоналом, нажмет кнопку обратной связи и скажет: “Это было потрясающе, Джон, но…” На языке рекламы “фантастика” - это действительно очень, очень плохо . Через час после этого у вас кружится голова от отвращения к себе, но вы знаете, что у маленького Уильяма , или Данды, или Томаса, или Флоренс скоро будут новые джинсы.

Он также начал понемногу погружаться в кишащие акулами воды телевидения, которого он в значительной степени избегал после так называемой катастрофы на Аминь-Корнер в 1968 году. Продюсеры , с которыми Джон в тот раз скрестил шпаги , предсказывали, что на телеэкранах страны не будет “Шелухи”, и он был прав, по крайней мере, до начала восьмидесятых, когда

Джон снова начал появляться на Top of the Pops по предложению продюсера Майкла Херлла, который справедливо полагал, что Джон мог бы привнести в этот формат некоторую непочтительность. Джон регулярно появлялся в шоу на протяжении восьмидесятых и , возможно, продолжал бы выступать и в девяностые, если бы не чувствовал себя так неуютно из-за внимания , которое он привлекал к себе на улице в первые дни после выхода в эфир.

Одно из его первых выступлений на Top of the Pops после того злополучного дебюта состоялось в феврале 1982 года. Он пишет в своем дневнике:

я нахожусь в Телецентре в крайне нервном состоянии. Меня отвели в гримерную и показали, как я

следовало бы составить краткую таблицу. Сделал это без особых проблем, пришлось только пересдать один из четырех разделов. Был успокоен, узнав, что Майк “Однажды читал” заняло 14 дублей в разделе “Чарты”. Перешел к гриму, и Брайан Ферри подошел и сел рядом со мной. У нас был типичный идиотский разговор. Он: “Привет, как дела?’ Мне: ‘О, продолжай бороться, ты же знаешь”. Удивительно глубокомысленно.

Я был поражен, когда увидел, сколько детей собралось в студии. Меня представили им и оставили говорить забавные вещи, на которые я был совершенно не способен. Это выбило меня из колеи. Я перепутал дубли 2 и 3, напрочь забыв о спонтанных шутках, над которыми работал месяцами, и начал неприятно потеть. Дубль 4 был довольно жестким, но в целом ничего, и мы продолжали, а я набирался уверенности. Многие девушки интересовались мной как средством, с помощью которого их можно было увидеть по телевизору, но они были дружелюбны, и одна из них подбодрила меня, сказав: “Ты не такая позерка , как все остальные.’

Вместе с Кидом Дженсеном Джон сформировал группу Rhythm Pals,

их отличительной чертой были экстравагантные костюмы и хитроумные шутки. Когда они ходили на примерку костюмов перед каждым выступлением Top of the Pops, было непросто понять, насколько абсурдными они могут быть. Они выступали в роли гладиаторов, центурионов, блюзменов Братья; как бы то ни было, им невероятно повезло, что они с честью завершили карьеру, начиная с детства

говорит, что у него часто болел живот-

к концу записи, потому что Джон

заставлял его так сильно смеяться.

Специальностью Джона было издевательство над дневным сиянием,

атмосфера веселых аплодисментов, которую поддерживали другие ведущие шоу. Было приятно наблюдать, как его чувство юмора просачивается в Top of the Pops. “Это была лучшая песня, которую я слышал с тех пор, как… оооо, время чаепития”, — сказал он после клипа Duran Duran, прежде чем добавить: “Имейте в виду , я пил чай поздно”. Арета Франклин, возможно , рыдала, уткнувшись в салфетку, после того, как После ее дуэта с Джорджем Майклом Джон заявил: “Знаете, Арета Франклин может заставить любую старую хрень звучать хорошо, и я думаю, у нее это получилось”. И когда Дженис Лонг представила Дэвида На слова Кэссиди: “О, раньше он висел на стене моей спальни”, Джон ответил: “Это было очень спортивно с твоей стороны,

Дженис”. Он представил Queen как “парней из Сан—Сити” — намекая на то, что они нарушили санкции, выступив перед состоятельной белой аудиторией в Южной Африке, - и сказал, что Big Country - это группа, которая вернула букву “т” в слово “кантри”. Иногда шутка исходила от Джона. только выражение лица. Когда он спросил зрителей: “Разве это не здорово, что у Билли Джоэла есть две пластинки в первой десятке?’ по выражению его лица было видно, что, по его мнению, такое положение дел было значительно менее привлекательным, чем удар в глаз раскаленной кочергой.

Учитывая ограниченный энтузиазм Джона по отношению к Ноэлю Эдмондс, для меня было неожиданностью обнаружить , что в начале восьмидесятых он вел отрывки из субботней программы Ноэля “Шоу за поздним завтраком “. Но это продолжалось недолго. Однажды вечером в 1983 году Джон демонстрировал трюк, в котором гонщик Ричард Смит пытался побить мировой рекорд по прыжкам с трамплина в прямом эфире, но только для того, чтобы перевернуть машину . По какой-то странной причине Джона , похоже, обвинили в этом инциденте, и впоследствии его исключили из шоу; возможно, он

считалось, что это проклятие.

Это был ужасный опыт для нас с детьми , когда мы все собрались дома у телевизора. Последнее, что мы услышали, был крик Джона: ‘О боже Боже! О Боже мой!’ Внезапно экран побелел , и камера переключилась на довольно встревоженного человека Ноэль в студии. Однако он быстро взял себя в руки: мысль о смерти коллеги не заставила его встать перед камерой. Я попыталась успокоить детей и уложить их спать, хотя внутри у меня все кипело. Я подоткнула им одеяла и пообещала, что их папа очень скоро вернется домой, на что Томас ответил: “Нет, он не вернется, он умер”.

Ноэль Эдмондс служил для Джона почти той же цели, что и Тони Блэкберн ранее. Джон часто находил коллег, против которых мог выступать, и в восьмидесятые годы на Radio 1 не было недостатка в кандидатах. С появлением современных специализированных

музыкальных шоу, которые представляют большинство жанров, какими бы далекими они ни казались от того, что считается мейнстримом, легко забыть , насколько жалкой была продукция Radio 1 в то время.

Те группы, которые были по-настоящему вдохновляющими и инновационными, могли положиться только на Джона, а позже Кид Дженсен, Энди Кершоу и Дженис Лонг, чтобы их услышали. В восьмидесятые годы для программы Джона было записано больше сессий, чем для всех шоу , транслировавшихся на Radio 1 с момента его основания. Это было такое благодатное время для музыки. Cocteau Twins, Cookie Crew, Echo и the Bunnymen, Half Man Половинка печенья, Цепочка с Иисусом и Марией, мужчины Они не могли быть повешены, Микроразрушение, Новый порядок, Поги, и у нас есть Пушистик, и мы

“Gonna Use It” - это некоторые из песен, которые регулярно появлялись в плейлисте Джона. l

Билли Брэгг также дебютировал в шоу 1n 1983. Он уже опубликовал свой сингл “Milkman”. Человеческой доброты”, адресованный Джону, когда однажды вечером, играя в футбол с приятелем, он услышал, как Джон сказал Детское шоу “Я бы убил кого-нибудь прямо сейчас в обмен на бириани с грибами’. Первой мыслью Билли было: “Да-а-а!” - И он купил бириани в ближайшей закусочной навынос и отправился в Broadcasting House.

Добравшись туда, Билли сказал сотрудникам стойки регистрации , что принес еду для Джона Пила. Джон еще не начал свою программу, поэтому он приехал , чтобы встретиться с Билли лично. Билеты были предоставлены при одном условии — Джон постарается включить сингл Билли в вечернее шоу. Джон согласился, и Билли получил уникальный опыт прослушивания своей собственной песни по национальному радио. На неправильной скорости.

Позже Джон сказал, что пластинка показалась ему замечательной, и он поставил бы ее, даже если бы на кону не стояло бириани с грибами . Фактически, это привело к тому, что Билли предложили его первую Сеанс пилинга. Сначала он не думал, что

сможет согласиться, так как не мог позволить себе такси до Мейда -Вейл. Затем ему объяснили, что Би-би-си заплатил бы за такси. Так Билли Брэгг приобщился к коррумпированному и незаконному рок-н-ролльному образу жизни, в котором бесплатный транспорт - лишь первая ступенька лестницы.

Инцидент с Бирьяни, как мы будем его называть, был типичным из тех трюков, на которые пускались артисты , чтобы привлечь внимание Джона. Накопившиеся демо -записи, которые ему пришлось просмотреть вместе с Боной

новые релизы fide, которые требовали его внимания, означали , что любая группа, у которой была какая-то маленькая деталь или трюк, какими бы причудливыми они ни были, чтобы отличиться, скорее всего, выделялась на фоне остальных. Для некоторых, таких как Кевин Шилдс из My Bloody Valentine или Дэвид Филдинг из “Хамелеонов” - это означало слоняться без дела возле дома радиовещания, чтобы сунуть свою кассету прямо в лапу Джону.

В случае с The Chameleons Джон подумал, что стал жертвой розыгрыша, прослушав их демо: запись была настолько качественной, что он заподозрил, что ему дали кассету с записью такой известной группы, как The Cure, в надежде, что он не узнает ее и будет выглядеть придурком. Несмотря на это, группа провела сессию, и их успех в создании Broadcasting House вдохновил Дэвид Гедж, выступавший тогда в своей предсвадебной группе the Lost Pandas, сделал то же самое. Джону так понравилась запись “The Lost Pandas”, что он удовлетворил необычную просьбу Дэвида и позволил ему принять участие в записи вечерней программы.

Друзья наших детей, которые играли в группах , просто заезжали домой с демо-записью для Джона и букет цветов для меня. Думаю, Джону пришлось нелегко в этой сделке. Как и дети, которым, когда их друзья спрашивали, что Джон думает о кассете, приходилось придумывать все более изобретательные и вежливые способы ответить: “Папа был невысокого мнения об этом и не будет давать вам интервью , пока собаки не начнут

ходить по этой земле на двух ногах”.

Другие претенденты просто опускали свои кассеты в почтовый ящик возле дома или передавали их кому-нибудь другому. Джона, когда они увидели его на улице. Это то, чего я никогда не мог понять. Где бы мы ни были — в метро, в пабе, на улице

по магазинам — кто-нибудь всегда давал Джону демо-версию. Но откуда они знали , что столкнутся с ним? Возможно, именно это отличало увлеченных музыкантов от дилетантов. Те , кто относился к этому серьезно, вероятно, всегда хранили кассету или компакт-диск с собой, примерно по тому же принципу, что и карточку донора органов— В случае моей смерти я согласен, чтобы это демо было передано Джону Пилу.

Невозможно было предугадать, что может привлечь внимание Джона к тому или иному демо. Он провел три сессии с Терри и Джерри, чью кассету я выудил из сотен других просто потому, что они были знакомы с моими бывшими соседями по квартире. Джон решил, что это совпадение было слишком невероятным, чтобы его игнорировать. Еще одна находчивая группа, Que Bono, нашла уникальный способ заставить свою демо-кассету соблазнительно сверкать в утренней почте: они отправили ее Кенни Далглишу и попросили его передать ее Джону.

Молодой музыкант Cowcube, известный своим близким как Пол Стимпсон, представил Уильяму свое собственное демо в пабе в Стоумаркете. Следующей остановкой кассеты стала полка William’s shelf, где она пролежала целый год, на удивление не вызвав никакого интереса музыкальной индустрии. Когда Джон, наконец, получил в свои руки кассету, он был поражен и заявил , что это лучшее, что он слышал в том году; действительно, “The Popping Song” Cowcube стала Это тридцатое место на праздничном мероприятии 2000 года.

Уникальность.

Всегда существовали факторы, которые автоматически снижали шансы группы быть услышанной Джоном. На этих страницах он уже определил те слова, которые не следует упоминать в

пресс-релиз, но были и другие вещи, которые могли бы вызвать такое же неприятие, как наличие саксофониста или упоминание о влиянии New York Dolls: басисты, склонные носить дурацкие головные уборы; участники группы, которые нетрадиционно произносили обычные имена (“Джон”, “Джим”).. Как показывает история Cowcube, доверить демозапись Уильяму может быть не менее рискованно для ваших потенциальных клиентов.

Cowcube были частью местной музыкальной сцены, которую Джон всегда поддерживал. В восьмидесятые годы он был страстным поклонником местной грайндкор-группы Extreme Noise Terror. В период с 1987 по 1990 год он провел по три сессии с ними и другими грайндкорщиками из Napalm Death, и они исполнили одни из самых коротких, но самых безумных песен, когда-либо звучавших на шоу. Napalm Первая сессия Death состояла из двенадцати номеров, но все же им удалось уложиться всего в пять минут сорок секунд. У публики на их выступлениях было отличное чувство юмора. Одна песня Napalm Death, которая Песня Джона “You Suffer” длилась всего 0,75 секунды, и если какой-либо из номеров, которые они исполняли вживую, приближался к минутной отметке, группу освистывали и обвиняли в превращении в хиппи.

Уильям и я регулярно ходили с Джоном на концерты, которые Extreme Noise Terror и Napalm Death давали вместе в Caribbean Centre в Ипсвиче. Это были грязные, хаотичные вечеринки, на которых присутствовали в основном крутые парни, одетые в несколько слоев рваной джинсовой ткани и с толстыми, как веревка, дредами. Мошпит был подобен ритуалу посвящения — если тебе удавалось выбраться оттуда целым и невредимым, ты знал, что сможешь пережить все, что преподнесет тебе жизнь. Люди

они выходили, пошатываясь, с кровотечением из носа, держась за

голову, жалуясь на двоение в глазах, обливаясь потом. И все же каким-то образом царила добродушная атмосфера. Уильям, которому в то время было около тринадцати, бросил один взгляд на этих грубиянов, которые в основном избегали мытья или душа, и решил, что это тот музыкальный поджанр , которому он хотел бы присягнуть на вечную верность. Его учитель каратэ посещал вечера регги наверху в Карибском центре и, бывало, спрашивал Уильяма , когда тот уходил: “Что это ты такое слушаешь ?”

В последние несколько лет Джон питал особую привязанность к музыкальной сцене Бери-Сент-Эдмундса. Так же как Cowcube, были такие группы, как Bearsuit, Miss Black America и The Dawn Parade. Последняя объединилась с the Exiles, чтобы записать специальную совместную сессию “Bury scene” для Джона в марте 2003 года. Джону так понравилась другая местная группа, The Vaults, что он сохранил футболку группы, чтобы надеть ее на концерт. Мачу-Пикчу, который мы планировали посетить в наш последний день в Перу. Мы делали собственные снимки , чтобы сопроводить статью о путешествиях, которую Джон писал для the Telegraph, и он хотел дать Обеспечивает некоторую полезную рекламу.

Какую бы музыку Джон ни включал в свои программы в восьмидесятые годы, она вряд ли попала бы в дневные плейлисты. Аргумент руководства состоял в том, что люди не хотели слушать музыку Джона, когда они были на работе, занимались домашними делами или забирали детей из школы. Но реакция Джона всегда была одинаковой. Люди не хотели этого, потому что не осознавали его существования; их стандарты систематически снижались из-за

чтобы все радиостанции, коммерческие или какие-либо другие, разносили по домам одни и те же глянцевые поп-пластинки . Именно из-за этой безвкусной диеты, писал он в The Listener, “парни и девушки хотят “фишфингерс”, Тони Блэкберна и телевизионные сериалы, если это возможно, о уборщицах, у жен которых чудовищная грудь”.

На самом деле, когда дневной публике подавали что-то

необычное, она не всегда тянулась к выключателю. Джон оказался на удивление популярен среди слушателей, когда однажды в 1993 году он заменил Джакки Брамблза в перерыве на обед, хотя один владелец фабрики позвонил и пожаловался , что все прекратили работу, чтобы послушать, пока Джон играл Дика Дейла. Джон играл Дика Дейла. Он начал свою работу с Осенняя версия песни “Why Are People Grudgeful?”, в ответ на название последнего сингла Криса Айзека — “Can’t Do A Thing To Stop Me” — объявила: “Да, я могу, приятель, я могу вынести твои ужасные Достаньте компакт-диск из магнитофона и выбросьте его как можно дальше от студии.

Консервативный характер Radio 1 в восьмидесятые годы означал, что слушатели выбирали диджеев, которые наилучшим образом отражали индивидуальность и идеологию радиостанции. Например, по утрам доминировал Саймон Бейтс, к которому Джон проникся симпатией, когда Саймон начинал как диктор новостей на Radio 1. На 8 февраля 1972 года Джон записал в своем дневнике, что Саймон был ‘приятным человеком… первый репортер, который не внушил мне страха Божьего”. Десять лет спустя, Джон сговорился с Кидом Дженсеном избить Саймона на автостоянке Би-би-си. Саймон так и не появился в тот раз, хотя, возможно, именно Джону и Киду посчастливилось спастись

.

Кид был одним из лучших друзей Джона на Radio 1. Однако их музыкальные вкусы не всегда совпадали Кид часто приглашал артистов в свою программу, с которой Джон был знаком впервые — Siouxsie and the Banshees, The Cure, Orange Сок. Но они были очень раскованны друг с другом и обладали потрясающим чувством юмора.

Вот уже более двадцати лет в комнате Джона хранится коробка с открытками Кида Дженсена. Каждый У диджея Radio 1 есть свои собственные открытки с автографами, которые он рассылает отчаянным поклонникам, которые затем, предположительно, осыпают их по вечерам нежными поцелуями. Джону не нравилось все, что отдавало поклонением знаменитостям , поэтому, если к

нему когда-нибудь поступала такая просьба, он подписывал одну из открыток Кида и отправлял ее по почте соответствующему корреспонденту. Я надеюсь, Кид не обидится, узнав, что в последнее время его открытки иногда заменялись открытками Криса Мойлз.

Джон рассматривал Кида как своего рода союзника. На протяжении всей его карьеры были продюсеры и Диджеев и, иногда, представителей менеджмента , с которыми у Джона были взаимовыгодные отношения. От Берни Эндрюса, Тедди Уоррика и Джона Уолтерса до Пола Гамбаччини, Кида Дженсен и Энди Кершоу, Джону посчастливилось познакомиться с людьми, которые были не только родственными душами, но и готовы были защищать его выбор и инстинкты.

Энди был особенным тонизирующим средством, когда присоединился к нам Радио 1 в июле 1985 года. Несколько месяцев спустя его поселили в комнате 318, тесном, неопрятном офисе Который Уолтерс и Джон делили вместе — так же, как и Пол Гамбаччини пятнадцать лет назад. (Это

звучит так, как будто Пол все еще был там, под грудой старых “Мелоди Мейкерс” или в ловушке за картотечным шкафом. Это было не так. Он выбрался.) Энди пришлось довольствоваться тем, что он сидел на перевернутом мусорном ведре. Он говорит , что поначалу испытывал некоторую настороженность со стороны Джона, который вполне мог задаться вопросом, не был ли Энди тем молодым парнем, которого Би-би-си готовились стать его возможной заменой. Но вскоре стало очевидно, что Джон и Энди проводили часы и дни, разговаривая, смеясь и ставя пластинки в этой комнате площадью девять квадратных футов, что они были союзниками, а не соперниками. Уолтерс был большим дядюшкой, который каким-то образом поддерживал все это., Комната 318 стала похожа на радиостанцию внутри радиостанции. Это была своеобразная маленькая крепость.

Энтузиазм Джона и Энди взаимно подпитывался. Они вместе ходили за пластинками африканской музыки в магазин Stern’s на Уитфилд Выйдя на улицу, они возвращаются в офис с охапками

дисков. Именно в этой комнате их челюсти ударялись об пол, когда они хлопали ушами по Бхунду Мальчики, или Четверо братьев, впервые увидели друг друга.

Какое-то время в девяностых программа Энди следовала за программой Джона, со все более сюрреалистичными передачами, которые высмеивали обычаи диджеев, пока фраза “дружеский стеб диджея” не стала использоваться вместо любого реального разговора. Ощущение того, что они находятся немного за пределами круга Radio 1 и насмехаются над истеблишментом, было важно для них обоих. Одним из их самых озорных приключений было специальное путешествие, которое мы все совершили, чтобы увидеть Саймона Бейтса в пантомиме в Хай-Уикомбе, где он выступал в “дополнении” вместе с каким -то второстепенным актером из “Билла”. Это потребовало определенных усилий — чтобы добраться до Хай-Уикома, нужно было преодолеть 250 миль в оба конца—

но оно того стоило только ради возможности освистать Саймон. Каково же было увидеть Аладдина , приставившего нож к горлу Саймона, и почувствовать , как все присутствующие в театре самым настоящим образом жаждут крови! Наконец Энди не выдержал напряжения . “О, ради бога, сделай это!” - крикнул он Аладдину из партера.

x

Наряду с музыкой, футбол оставался неизменной страстью Джона, но восьмидесятые годы были не самым счастливым временем для болельщика “Ливерпуля”. Да, наши триумфы включали в себя два еврокубка, четыре Среди прочих побед - кубки лиги и пять благотворительных призов. Но к концу десятилетия эти победы были омрачены трагедиями при Хейзеле и Хиллсборо. — .

Когда мы только переехали в Саффолк, Джон стал чаще бывать на

“Энфилде”, чем когда—либо прежде, отправляясь туда около восьми утра - обычно один, хотя иногда мы ходили в молодежный клуб. По прибытии в Ливерпуль он выполнял тот же ритуал, чтобы, по его мнению, обеспечить команде дальнейшую удачу. Он парковался в том же месте на той же улице и платил тем же мальчишкам, чтобы они присматривали за машиной. Он зашел в тот же магазин, где продавались чипсы, купил и съел пакетик чипсов, а затем купил две пинты горького в том же пабе, расположенном чуть дальше по дороге. По возможности, он пил их за тем же столиком, читая “Дейли Миррор”. Каждую субботу в одно и то же время он выходил из паба и переходил дорогу, чтобы зайти на площадку и постоять сначала в конце Кемлин-роуд. Позже он перешел на Коп. Он возвращался домой между

в одиннадцать и полночь, как правило, с рассказами об очередном триумфе.

Шли годы, рабочие обязательства часто мешали Джону приехать в Ливерпуль, хотя он предпринимал несколько нерешительных попыток приобрести сезонный абонемент, пока Уильям учился в университете. За это время Уильям из демонстративно равнодушного к футболу человека превратился почти в одержимого, и к тому времени его отношение к тому, что “Энфилд” стал его третьим именем , также изменилось.

Мы, как семья, преданы клубу, мой Несмотря на абонемент в Ипсвич. На самом деле, Подарком Джона мне на мой пятидесятилетний день рождения была настоящая футболка от Робби Фаулера, которую он носил и подписал сам нападающий, и которую он купил на аукционе Christie’s. Мы обсуждали, где в доме должен висеть этот обетный предмет. С годами исчезли красно-белые кухонные гарнитуры, а также красная машина, Ливерпульская прикроватная лампа и коврик. Я не знаю , что стало с наволочкой от Кенни Далглиша, но , похоже, она тоже исчезла. Джон отдал дешевый шарф, весь в дырочках от ночных костров, одному молодому человеку в Москве в момент безумия, вызванного перестройкой. И в итоге мы так и не договорились о подходящем месте для футболки Робби. Поэтому она до сих пор пылится, как и большинство фотографий, которые мы когда-либо

покупали или получали в подарок.

Мы с Джоном оба присутствовали на матче между “Ювентусом” и “Ливерпулем” на стадионе “Хейзел” в 29 мая 1985 года. Это было одно из самых страшных и тревожащих событий в нашей жизни. Кенни купил нам билеты, и мы остановились в Хейзеле на обратном пути из Германии, где Джон записывал программу. Мы были в нужном положении

прямо напротив того места, где собрались болельщики , раздался оглушительный рев, когда стена рухнула под их весом; в этот момент Джон схватил меня за руку и вывел со стадиона, предупредив , чтобы я спрятал свой ливерпульский шарф, и мы поспешили прочь. Когда мы вышли, по всему стадиону уже лежали тела болельщиков. Это было жуткое зрелище, которое я никогда не забуду.

Четыре года спустя Джона пригласили на матч в Хиллсборо. С тех пор он не посещал ни одной игры Хейзел, и решил не ехать. Но после трагедии, в результате которой погибли девяносто шесть болельщиков “Ливерпуля”, он совершил паломничество на “Энфилд” вместе с нашим другом Петром из Варшавы, который в то время гостил у нас. Это было совершенно спонтанно: Джон просто объявил рано утром, что ему нужно ехать на “Энфилд”. К семи утра Джон и Петр присоединились к очереди, которая растянулась вдоль площадки, вдоль одной стороны Кемлин-роуд и обратно по другой, а также вдоль параллельных Скеррис-роуд и Вильва-роуд. По его словам, там был шум и разговоры, но больше всего ощущалось благоговение.

Вы запомните фотографии, на которых запечатлены те, кто отдал дань уважения, баннеры и шарфы, свисавшие с перил и столбиков ворот, стихи, программки и сувениры, оставленные на ступенях стадиона. Петр погрузился в молчание. Джон был удивлен найти в сам видимо средневековой инстинкт, который нарисовал его в “Ливерпуль”.

В 1997 году, мы все отправились на “Энфилде” за Концерт Юстиции Хиллсборо. Нас было пятнадцать человек, включая тетушек и дядюшек, племянников и племянниц, а также наших

друзей Чарли и Элисон, поэтому, когда единственный официальный представитель того времени сказал нам, что мы

нам не разрешалось смотреть на игроков, мы немного побродили по залу и все равно увидели их. Джон как раз направлялся к сцене, когда команда покидала ее, и он очень надеялся, что кто-нибудь из них спросит: “Все в порядке, Джон?” , чтобы потом он мог позлорадствовать по поводу того, как он поболтал со Стивом, Джейсоном или Барнеси. Но он все больше смирился с тем фактом, что мир переполнен бородатыми коротышками . Единственным человеком, который заговорил, был бывший игрок Сэмми Ли. Сэмми сделал то же самое в Париж после матча с мадридским “Реалом”, и Джон никогда этого не забудет.

Сам день был замечательным. В обязанности Джона входило проигрывать пластинки в перерывах между концертами групп, и , насколько нам было известно, он стал первым, кто выступил со сцены на концерте, который, как оказалось, был единственным концертом в the ground. Для него этого было более чем достаточно. - Добрый день, - сказал он, вспомнив о хороших манерах. Затем, вспомнив о Билле Шенкли, - это “Энфилд”. Затем он сыграл Арету Запись евангелия Франклина “You’ll Never Walk”. Alone’, той самой величественно-протяжной пластинкой , которой он открывал свою первую программу после Хиллсборо.

%

В 1990 году Джон спросил Radio 1, можно ли перевести его на выходные, чтобы он мог больше времени проводить с детьми. Это означало, что он проводил в машине восемь часов в неделю, а не шестнадцать, и хотя влияние на детей было незначительным, Джон чувствовал себя лучше, хотя и считал, что заслуживает более пристального внимания

чем отдаленное ворчание, когда он остановился у подножия лестницы и крикнул: “Ну что ж, я ухожу на работу. Увидимся позже’.

Когда он услышал, что университетское исследование показало, что половина всех британских отцов проводят со своими детьми менее десяти минут в день, ему было трудно в это поверить — в конце концов, десять минут качественного времяпрепровождения казались ему недостижимой мечтой, хотя под предлогом “смягчающих обстоятельств” он сказал: упомянул бы, что он боялся Томаса, который в детстве, казалось , был предназначен для другой планеты, и что Флосси отказывалась иметь с ним дело, если только он не приглашал ее на концерт Кайли Миноуг.

Джону, возможно , было трудно мириться с семейной анархией, но он был убит горем, когда дети уехали учиться в университет и в доме остались только мы с ним . Он очень скучал по ним. По его собственному признанию, он был очень эмоциональным человеком, но я не думаю, что он когда-либо проливал столько слез , сколько когда дети уходили из дома. Когда Флосси поступила в университет, он был безутешен. ‘Я чувствовал себя так подавленно, как никогда в жизни, когда Флосс исчезла из виду”, - написал он через неделю после ее ухода.

Если в нашей семейной жизни и был какой-то недостаток, так это то, что мы никогда не проводили достаточно времени в отпуске. Раньше я видел, как мои друзья отправлялись в путешествие летом , и испытывал легкий укол зависти. Но Джон ненавидел летать. Ему посоветовали пройти курс, чтобы преодолеть свой страх, но он рассудил, что от этого будет мало толку — если самолет начнет пикировать, то то, что он прошел курс, вряд ли спасет его от катастрофы. Он боролся с этой фобией на протяжении всего нашего брака, зная, что он

это ограничивало наши возможности путешествовать. Когда мы были в Перу, он даже сказал, что хочет победить свой страх с

помощью гипнотерапии, как только мы вернемся в Англию.

И еще была работа Джона, которая должна была иметь приоритет. Лето было для него временем фестивалей и одним из самых напряженных периодов в его календаре. Вместо праздников у нас были фестивали. Я никогда не посещал Гластонбери, предпочитая вместо этого использовать его как предлог, чтобы спокойно провести выходные в одиночестве. Но Джон обожал это. Сначала он выступал с Марком Боланом в 1970 году, а затем в составе команды Radio 1. Ему нравилось водить детей за кулисы "Гластонбери ", чтобы они привыкли игнорировать известных поп —звезд - он считал, что неуважение к знаменитостям является неотъемлемой чертой любого здравомыслящего человека.

Дети не всегда проникались духом Гластонбери; некоторые из них, которые предпочли бы остаться неизвестными в этом контексте, остались в "караване" пить чай, вместо того чтобы пойти посмотреть, как Rancid Hell Spawn исполняют баллады на второй сцене. Уильям, надо отдать ему должное, однажды разбил лагерь у ограждения для прессы, но на него напал человек с большой свечой, который подумал, что он издевается, хотя на самом деле он просто спросил: "Вы не видели большую палатку, похожую на корнуоллский пирог?'

Помимо фестивалей, только поездки, связанные с Би-би-си, могли отвлечь Джона от его шоу. Одним из последних был наш обратный круиз из Нью-Йорка на QE2 в сопровождении других сотрудников Radio Times , членов редакционной команды и множества читателей. Неделей ранее мы с Джоном вылетели в Нью-Йорк, и Джону дали успокоительное, чтобы он мог летать

режим, необоснованно превышая дозировку, указанную на упаковке.

Это была моя первая поездка в США, а для Джона - первая с тех пор, как он уехал из Сан-Бернардино в 1967 году. Мы чудесно провели там время, делая обычные туристические остановки и катаясь на "Крайслере" Здание, которое Джон считал, возможно, самым красивым рукотворным объектом на земле. Мы стояли на многолюдном перекрестке в квартале от Ист-Ривер и смотрели

фейерверк в честь Четвертого июля, ели и пили в мексиканских и индийских ресторанах и ирландских барах, а также провели вечер в Birdland, отмечая важность этого места в истории музыки, прежде чем обнаружили, что на самом деле это был третий зал, который нам предстояло посетить. назывался “Бердленд”, и Чарли Паркер там вообще никогда не играл.

Чтобы компенсировать это, мы прошли пешком сорок пять кварталов до Гринвич-Виллидж, чтобы встретиться с певцом Лору Кантрелл, которую Джон в своей программе назвал лучшей артисткой, которую он слышал за последние десять лет, увидеть дом, где жил Чарли Паркер, и укрыться от жары в паре баров по соседству — один, по-видимому, был последним в городе, куда допускались женщины, а другой, по слухам, пользовался дурной репутацией бывший подпольный бар. На втором из них, с гордостью сообщил Джон, в мужском туалете было нарисовано граффити футбольного клуба “Ливерпуль”: “Скаузеры здесь, скаузеры там, скаузеры повсюду”. Ну, вы знаете, как это бывает.

На обратном пути домой директор круиза в присутствии пассажиров задал Джону несколько вопросов на сцене королевского зала. Режиссер уже спрашивал Джона, будет ли он еще сниматься в “Лучниках”, добавив, что ему следует не забыть начать просмотр еще раз. Делия Смит,

Алан Хансен и Барри Норман прошли через аналогичный процесс с минимальными ушибами, хотя по крайней мере один раз к Барри обращались как к человеку, который не пострадал. Норман, и ему приходилось терпеть, когда его называли Норманом Норман был рядом с нами в течение следующих двадцати четырех часов. Когда настала очередь Джона говорить, он сказал , что сожалеет о том, что с тех пор, как мы отправились в плавание, он ел как минимум три раза в день, и попытался убедить аудиторию, что, когда мы поднялись на борт, он был стройным на одиннадцать стоунов, а не тем толстым коротышкой , которого они сейчас видят перед собой. Некоторые из них, возможно, даже поверили ему. После этого мы пообщались с читателями и покинули корабль в Саутгемптоне , мечтая о том, чтобы кто—нибудь из них жил поблизости - пара, чья дочь вышла замуж, пока

они были на борту, или тот приятный мужчина с белой бородой из Йорка. Мужчина был из То есть Йорк, а не борода.

Нашими самыми запоминающимися и познавательными поездками были рекламные вылазки, организованные Би-би-си продвигает Всемирную службу. Это были замечательные времена, и часто они были очень поучительными, как, например, наш визит в Сьерра-Леоне, который Дэйв Тейт из Всемирной службы организовал совместно с Британским советом. Джон посетил университет и провел беседу со студентами, которые были очень обаятельными и застенчивыми. Британский совет провел замечательную работу в стране, и Джону нравилось общаться с местными жителями, несмотря на его собственную застенчивость. Но это была довольно неприятная поездка; мы стали свидетелями такого уровня бедности, что почувствовали себя физически потрясенными. Через некоторое время мы поняли, что не встретили ни одного пожилого человека во время наших путешествий. Именно тогда наш гид объяснил, что немногие люди

дожил до сорока лет.

Наша любимая поездка стала еще одним совместным мероприятием Британского совета и Всемирного Служба, на этот раз в Зимбабве в 1988 году. Роль Джона в этом случае заключалась в открытии выставки поп-музыки в Хараре, хотя он не преминул напомнить себе, что его пригласили только после того, как Дэйв Ли Трэвис отказался. ‘Я здесь только потому, что Дэйв Ли Трэвис не смог бы этого сделать” — вот что всегда удерживает человека от идей, превосходящих его уровень.

Дэйв не знал, чего он лишен. Поездка доставила нам огромное удовольствие с того момента , как мы приземлились в Зимбабве; к тому времени, как мы уехали, Джон всерьез задумался о переезде туда. Мы провели много времени, путешествуя по городкам, чтобы познакомиться с местной музыкальной сценой. Повсюду были танцы. В одном баре, который мы посетили недалеко от Хараре, к Джону подошел пожилой мужчина и спросил, почему он не танцует. Джон ответил: “Я не люблю

танцевать”, на что мужчина протянул ему бутылку пива, которую сжимал в руке. “Попробуйте это, и вам захочется танцевать”, - просиял он.

В другой раз вечером мы с Бигги Тембо отправились на концерт местной группы the Four Brothers, которая выступала в клубе “Саратога”. Джон впервые встретил Бигги, когда Энди Кершоу взял его с собой на концерт Группы Бигги, the Bhundu Boys, в Лондоне. В середине концерта Энди повернулся к Джону и понял, что у того по щекам текут крупные слезы, настолько он был воодушевлен музыкой. Почти то же самое можно сказать и о четырех Братьях. Мы с Джоном были в восторге от их песен; они могли поднять настроение в самые мрачные дни. Я танцевал с Бигги во время трех номеров, и когда мы вышли из

на танцполе раздались восторженные аплодисменты; Джон потом сказал, что был очень горд.

Когда четверо братьев закончили, Джон с тоской сказал, что хотел бы, чтобы они сыграли на его дне рождения. И они сыграли. Я организовал их выступление в нашем саду, и даже когда Джон входил в шатер на свой пятидесятилетний юбилей, он понятия не имел, какую группу он там найдет. Мне стоило немалых усилий сохранить это в тайне. За несколько дней до его дня рождения мы с Джоном были на фестивале в Рединге , где играли мальчики Бхунду и где Бигги присматривал за Томасом, который настаивал на том, чтобы произносить его имя как Биг Уши и друзья продолжали подходить ко мне и расспрашивать о вечеринке. Но когда Джон увидел этот Четверо Братьев, находившихся в шатре, застали его врасплох и лишили дара речи.

Поездка в Зимбабве была важна еще и потому, что мы посетили водопад Виктория, который Джон всегда хотел увидеть, с тех пор как в детстве увидел его фотографию. В этом списке желаний, который он составил в юности, было четыре места . Помимо водопада Виктория, он смог увидеть Тадж—Махал, а также посетил пирамиды, где его сфотографировали верхом на верблюде - позу, которую он хотел повторить с тех пор, как увидел фотографию своего отца, делающего то же самое. На

четвертом месте в списке Джона был Мачу-Пикчу.

Наша экскурсия к водопаду Виктория запомнилась не только великолепием его расположения. Оказавшись там, мы взяли напрокат велосипеды и проехали мимо Водопад; брызги на мгновение обдали наши лица прохладой и освежили их, но в невыносимой жаре они мгновенно высохли. Мы поехали на велосипеде к тому месту, где раньше проходила граница с Замбией, намереваясь пересечь

чтобы увидеть Водопад с другой стороны. Пограничники , казалось, не слишком стремились пропустить нас, пока Джон прокомментировал, что он надеялся перейти к Ливингстону, чтобы купить несколько пластинок. Один из охранников захотел узнать, какие записи и когда Джон упомянул несколько имен, и мне показалось, что он внезапно заинтересовался. “Вы знаете “Самору Мишель” в исполнении Шалавамбе?” - спросил он. “Конечно!” ’ ответил Джон. А после того, как он спел несколько куплетов песни в дуэте с пограничником, нам поставили штампы в паспортах, и мы весело помахали им, пропуская.

Обычно дети не сопровождали нас в этих поездках, хотя Уильям отправился с нами в одну из них Экспедиция Всемирного служения в Болгарию, где мы провели неделю или около того в двухэтажном автобусе, останавливаясь в разных местах, чтобы раздать ручки, листовки и пакеты для переноски. На рыночных площадях нас окружали толпы людей, отчаянно нуждавшихся в чем-нибудь , что мы были готовы им дать. В конце каждого дня мы убирали автобус, затем ночевали в гостинице , а на следующее утро отправлялись раздавать еще ручки, листовки и пакеты для переноски. Именно во время этой поездки Уильям драматически влюбился в трех разных девушек, две из которых ухаживали за ним на скамейке в парке после того, как он был тяжело болен. В последние годы он, кажется, оправился от этого бурного романа, а также порвал свою эмоциональную привязанность к болгарскому вину.

Но, кроме этого, никто из детей не ездил с нами в более дальние экспедиции. Или, как По словам Томаса, их никогда не

приглашали куда -нибудь интересное. Возможно, он забывает о семейной поездке в Финляндия в 1991 году. Мы пошли туда, потому что никогда раньше там не были, а также потому, что Джон выступал для Радио Мафия в Хельсинки. Мы добрались до Дании

через Германию, но обнаружил, что, в общем и целом,

страна была закрыта. Мы поехали в Леголенд. Закрыть. Мы

Отправляйтесь в сады Тиволи. Закрыть. Мы искали отель.

По дороге мы питались на заправках, у нас быстро закончились деньги, и в итоге мы остановились в единственном заведении в Копенгагене, где были свободные места, - месте для гей— свиданий, где в меня плюнули на лестнице. Возможно, это было не так. Диснейленд, но никто не мог сказать, что это не развивало характер.

Утром мы отправились на пароме в Швецию. Швеция оказалась еще более закрытой страной. Здесь не было ни кафе, ни магазинов, ни отелей. После двух дней практически безостановочной езды мы решили, что международный символ кафе - скрещенные нож и вилка - должен, по крайней мере в Швеции, означать, что если вы найдете открытый магазин, то сможете купить нож и вилку. В течение двух дней мы питались шоколадом. К этому времени мы все были настолько подавлены , что решили отказаться от попытки добраться до Финляндии и вместо этого решили сфотографироваться возле фабрики в Хускварне, где производился наш холодильник

.

Несмотря на размер семьи, нам с Джоном все равно удавалось уделять много времени самим себе. Одной из причин, по которой мы прожили так долго и так хорошо, было то, что мы проводили половину недели порознь, но никогда не переставали тосковать друг по другу. Самое худшее, что я могу сказать о нем, - это то,

что у него была ужасно раздражающая привычка сидеть в машине с включенным двигателем , когда он пытался убедить меня поторопиться . Полагаю, не очень-то жалуюсь.

И, насколько я знаю, Джона не слишком раздражало все, что я делал, за исключением, может быть, тех случаев, когда я выскакивал

ездил в садовый центр за растениями и возвращался с охапками листвы на несколько акров, набитыми в багажник машины. Или когда я куда-нибудь опаздывал. Да, если подумать, это его по-настоящему раздражало. Джон был сверхпунктуален: он приходил на свой поезд так рано, что успевал на тот, на который собирался опоздать. Или когда я часами висела на телефоне: это тоже действовало ему на нервы. Но это все равно очень хорошо для более чем тридцати пяти лет совместной жизни.

Всякий раз, когда Джона спрашивали, а его спрашивали часто, как нам удалось сохранить наш брак, он обычно приводил какую-нибудь цитату Уайлда, например: “Секрет долгого и счастливого брака в том, чтобы не слишком стараться сохранить его”. Он не любил вдаваться в подробности. никаких более подробных сведений. Он отклонил множество приглашений дать интервью о том, как прекрасен наш брак, потому что считал, что было бы слишком искушать судьбу, хвастаясь этим публично. Всякий раз, когда кто-то хвастается тем, на чем зиждутся их отношения, вы обычно можете рассчитывать на то, что один из них сбежит с кем-то вдвое моложе себя в течение нескольких дней.

Я всегда говорила людям, что между мной и Джоном было множество различий, но сейчас мне трудно представить, в чем они заключались.: возможно, с годами мы просто становились все более похожими . У детей свои представления о том, что отличало нас друг от друга. Обсудив это с ними, я, кажется, пришел к выводу, что я уравновешенный человек, в то время как Джон был миниатюрной горой Этна, которая в один момент могла извергнуться каскадами любви, а в следующий - осыпать расплавленной лавой всех бедняг, которым посчастливилось оказаться рядом.

слоняться без дела в радиусе десяти миль.

Данда говорит мне, что если бы она совершила какую—нибудь глупость — например, разбила семейную реликвию или вступила в сатанинскую секту, - то у нее было бы приблизительное представление о моей реакции, в то время как Джон мог бы сделать все, что угодно, от запрета ей когда-либо появляться в Саффолке до поздравлений с ее врожденным здравым смыслом. Вот почему она так боялась рассказать ему о своей беременности Арчи; она действительно понятия не имела, каким путем он пойдет.

Часто его больше всего выводили из себя вещи, которые другим казались незначительными. Брошенная кофейная кружка в гостиной может стать катализатором Армагеддона. С другой стороны, растущие долги, возникшие из-за гедонистического студенческого образа жизни, или полное разрушение семейного автомобиля могли вызвать у Джона проявление родительского тепла и привязанности, которые обычно ассоциируются с благополучным возвращением любимого человека с долгой войны. Просто не было понимания.

Дети научились разделять свои желания и потребности, чтобы максимизировать свои выгоды. Если бы эти потребности были материальными, они бы обратились к Джону. Если бы им нужно было минимизировать последствия того или иного проступка, им потребовалось бы шепнуть мне что-нибудь тихое на ухо . Должно быть, так происходит в каждой семье с двумя родителями: каждый родитель в какой-то момент выступает в роли посредника или дипломата. У Джона были и другие возможности для использования . Если домашнее задание детей основывалось на воображении или литературе, они обращались к Джону за советом или одобрением. Он указывал на то, как плохо написано их задание, на что они могли ответить только: “Я знаю, папа, мне восемь”. Он неизменно брал дело в свои руки, исправлял орфографию, перестраивал предложения, даже переписывал целые абзацы, если ему

был в особенно властном настроении.

Домашнее задание будет сдано, и ребенок будет должным образом вызван к учителю, который затем обвинит его или ее в вербовке Помощь Джона. Когда Джон услышит об этом, он придет в ярость. ‘Как они могут говорить, что вы этого не писали ?” - возмущался он. Очевидно, он не понимал абсурдности своего положения

.

Через некоторое время дети научились не обращаться к Джона за их многочисленные записки о болезни, поскольку он неизменно писал их на почтовых открытках или в чересчур фамильярном стиле, в котором он писал свои колонки для Sounds или Radio Times. ‘Мама, ’ говорили они так, чтобы Джон не мог их слышать, - я не могу передать эту записку. Это так…

И еще они научились проявлять разборчивость , когда просили Джона помочь с домашним заданием. Однажды Данда пришла к нему с просьбой помочь написать рассказ на тему саспенса. Все остальные ученики в ее классе рассказывали типовые страшные истории. Но Данда, следуя совету своего отца, написала рассказ об обычном будничном дне, который внезапно закончился, когда была достигнута заданная длина слова . “Вот это и есть саспенс, - рассуждал Джон, - потому что тебе остается только гадать, что же произошло дальше. Что произошло дальше, так это то, что Данда получил двойку.

Став старше, она все реже принимала во внимание его предложения. Однажды он прочитал одно из ее эссе и решил, что ей следует добавить в него несколько шуток. ‘Папа, - возразила она, - речь идет о калечащих операциях на женских половых органах. Здесь не слишком много места для юмора’.

В то время как реакция Джона на перспективу или , скорее, угрозу поступления в университет была одной из

жизнерадостное безразличие и последующие годы выступлений в высших учебных заведениях по всей стране показали ему, что студенческая жизнь приносит с собой преимущества, равные степеням и докторским степеням, если не намного превосходящие их. В какой-то момент до него дошло , что студенты, по большому счету, прекрасно проводят время.

Эта идея ему понравилась. Он сказал Данде , что одно из его самых счастливых воспоминаний относится к тому времени, когда ей было около пятнадцати, и он увидел, как она направляется к лугу в Стоумаркете, где подростки обычно бездельничали. Он наблюдал, как она шла туда с двадцатью или около того своими подругами, готовясь провести вечер за дешевым сидром и “Ламбруско”, и его внезапно охватили гордость и удовлетворение. Он понял, что она наслаждалась своей жизнью, и это доставляло ему безграничное удовольствие.

На его довольно непочтительное отношение к образованию детей явно повлияли жесткие рамки, в рамках которых его воспитывали в детстве. В школьные годы Джона, как правило, не одобряли за фантазию и изобретательность, и он не хотел, чтобы его собственные дети чувствовали себя стесненными или угнетенными учебой, как это делал он сам. Дети не помнят, чтобы их отец выражал недовольство, когда их оценки были неудовлетворительными. Джон не верил в систему образования , предпочитая, чтобы дети получали как можно больше внеклассной информации и опыта

.

Это может означать такую простую вещь, как разрешение им засиживаться с ним допоздна за просмотром телевизионной программы, которая, по его мнению, была бы более полезной для их развития, чем их школьные занятия, которые, по его мнению,

вот как некоторые из них смогли поглотить Близнецов Достиг вершин во всей их полноте задолго до того, как их умы были должным образом приспособлены для этого. Или это может означать , что вы забираете детей из школы и отправляетесь путешествовать; В середине восьмидесятых Уильям и Данда были отстранены от занятий, чтобы сопровождать Джона в студию Бременского радио в Германии, где он записал два регулярных шоу — the British Forces Служба вещания транслирует программы ” Миттагспауза” (полуденный перерыв) и “Ритц”. Это было сделано при неодобрительном отношении инженеров, которые ненавидели музыку, и Джона, а также тот факт, что он говорил по-английски. Это создавало очень враждебную обстановку, но Джон очень успокаивался, когда Уильям и Данда приходили вместе с ним.

Немецкие шоу продолжались еще несколько лет, но С Джоном обращались очень плохо, и в конце концов радиостанция прекратила его передачи без объяснения причин или уведомления — впервые он услышал об этом , когда слушатель написал, спрашивая, почему он больше не выходит в эфир. Он начал записывать программы дома и рассылать их, и радиостанция просто перестала их выпускать.

Я думаю, Джон чувствовал себя особенно огорченным, потому что у него всегда были теплые отношения с Германией; он даже ездил на немецкой машине с левосторонним приводом. Многие из наших друзей, которых мы приобрели за эти годы, были немцами. К нам всегда подъезжали толпы немцев в кожанках на маленьких машинах. Джон относился к ним очень по-отечески, что было довольно забавно в случае с нашим другом Туллом, который семи футов ростом и больше похож на возбудимого ребенка. Люди в Англии склонны говорить: “Вы высокий, не так ли?” - подразумевая, что они такие и есть.

беспокоился, что Туллус, возможно, не заметил, какой он высокий , и ему нужно сказать, прежде чем он навредит себе.

Через шесть месяцев после смерти Джона на подъездной дорожке действительно появились два брата-немца, одетые в кожу и

вывалившиеся из “Ниссан Микра”. Они приехали из Берлина, чтобы посмотреть студию, в которой Джон записал эти программы. ‘Твой отец - один из величайших людей в моей жизни”, - объяснил один из них Томасу, когда тот показывал им дом. ‘Есть ли хоть какой-то шанс, что вы сохраните эту комнату такой, какая она есть, как музей?” - спросил другой парень, когда они вошли в студию. Они были очень милы. Они сфотографировали немецкий словарь, который стоял рядом с настольными игральными столами Джона. Один из них был настолько ошеломлен, что начал шататься. “У меня немного кружится голова”, - объяснил он.

Программы на немецком языке были предметом гордости Джона и пользовались успехом у слушателей. Программа BFBS была предназначена для военных, но на самом деле ее аудитория состояла в основном из немецких подростков. Джону показалось забавным, что в результате этих шоу он был признан “Лучшим диджеем в Европа’, несмотря на то, что он не мог сказать по-немецки ничего, кроме нескольких разрозненных слов.

Его выступления были ценны для многих молодых людей Немцы начинали со своих собственных групп. То Берлинская группа То Rococo Rot была одной из тех, кто назвал Джона причиной, по которой они продолжали заниматься своей музыкой, несмотря на репрессивный режим в Германии. В то время это был Восточный Берлин. Группам приходилось официально обращаться к правительству за разрешением на проведение концертов. Если бы они были одобрены, им бы сказали, где и когда они могли бы выступать, как долго и даже какую одежду им следует носить. В таких условиях только музыка на шоу Джона могла

дал им представление о том, что происходило в музыкальном плане за стеной, и вдохновил их продолжать.

Когда Джон был куратором Meltdown в 1998 году , он пригласил другого берлинца, Xol Dog 400, выступить. Это был один из лучших и необузданных концертов за последние две недели, а возможно, и за весь год. Xol Dog 400 - безумец, специализирующийся на хардкор-техно. Как только он

микшировал пластинку, он бросался в толпу и начинал сходить с ума вместе с ней, танцуя в наушниках, прикладывая ухо к грохочущим динамикам, а затем возвращался на сцену как раз вовремя, чтобы смикшировать следующую пластинку. Он был настолько устрашающим во время концерта, что это стало еще более шокирующим, когда он появился на вечеринке после концерта, выглядя веселым и заурядным, пригласив Уильяма и Томаса погостить у него в Берлине, и в целом был более любезным любителем леденцов, чем бешеный немецкий техно-диджей.

x x *

Казалось, не имело значения, насколько велика была аудитория Джона или какое признание он получал за свои выступления — он никогда не был уверен в своей работе. Ему нравилось получать награды, и он чаще всего побеждал в опросах диджеев NME и Melody Maker, но если когда-нибудь случалось так, что он не оказывался на первом месте, он автоматически думал: о Боже, это конец. Он всегда ждал, когда появится какой-нибудь молодой человек и сделает себе имя, став диджеем, который заменит Джона Пила. По иронии судьбы, после смерти Джона на эту должность не пришел ни один человек, и Radio 1 заполнило этот пробел тремя разными ведущими. Интересно, что бы сказал об этом Джон.

410

Возможно, постоянная неуверенность Джона в себе давала ему творческое напряжение, необходимое для того, чтобы не впадать в самоуспокоенность. Если бы он когда-нибудь считал себя незаменимым, шоу могло бы пойти коту под хвост. Его беспокойство всегда присутствовало, что бы он ни делал, и поднималось на поверхность только тогда, когда подходило время для переговоров о годовом контракте. Когда эти переговоры заканчивались, он обычно испытывал огромное облегчение от того, что прошел еще один год без “Радио 1” нашло способ избавиться от него, чтобы он спокойно воспринял все новые ограничения, которые были наложены на его продолжительность. Остальные из нас, однако, были в ярости из-за того, что его шоу тайно урезали.

Джон избежал ухода с Radio 1 в 1993 году, когда Мэтью Баннистер сменил Джонни Бирлинга на посту диспетчера радиостанции. Мэтью уволил тех диджеев, которые, по его мнению, в прошлом были ведущими на радиостанции, но заявил, что у Джона всегда будет место на Radio 1. Они хорошо ладили, и Джон одобрил изменения, по крайней мере, на начальном этапе. В течение многих лет он вызывал насмешки, утверждая, что очень мало знает об этой радиостанции , потому что никогда ее не

слушал. Но под Мэтью, “Радио 1” впервые стало станцией, более созвучной некоторым философским взглядам Джона на вещание. К началу 1994 года он в достаточной степени одобрял стратегию Мэтью по омоложению, чтобы хвалить радиостанцию в печати:

Новый 1FM, построенный на фундаменте, заложенном Джонни Бирлингом, сумел звучать по-другому , но так, чтобы не казалось, что он звучит по-другому ради того, чтобы быть другим, если вы понимаете, что я имею в виду, и с уважением, даже привязанностью, к

слушатель. это лучшее, что Марк Рэдклифф, Марк Тондерай, Энди Кершоу, Клэр Стерджесс, Пит Тонг и другие привнесли в работу станции , создав атмосферу, которая вдохновила таких ветеранов, как Стив Райт и Ники Кэмпбелл решили переосмыслить себя.

Потребовалось некоторое время и несколько урезаний эфирного времени Джона, прежде чем он понял, что был преждевременен в своем энтузиазме. Мэтью заверил Джон понял, что это не был случай смерти от тысячи порезов, хотя Джону было ужасно трудно представить , что еще это могло быть. Когда в начале 1996 года было объявлено о новом драм-энд-бейс-шоу, которое должно было занять все эфирное время Джона, его осенило, что он оказался странным образом замешан в собственном сокращении штата. 25 января 1996 года он изложил свои чувства на бумаге в письме Контролеру:

Дорогой Мэтью

Я хотел сказать, как я разочарован тем, что потерял еще один час эфира из-за недавних изменений в расписании. Когда я услышал , что вы пытаетесь связаться со мной, я наивно полагал, что вы собираетесь сообщить мне, что вам, как вы и предполагали годом

ранее, удалось выкарабкаться на какое-то время.

Как вы, возможно, заметили, за последние несколько лет я с энтузиазмом поддерживал мыслями, словами и делами многочисленные изменения, которые вы и ваша команда внесли в Radio 1. Я сделал это не из соображений самосохранения, а потому, что считал, что перемены крайне необходимы. Я думаю, никто не сомневается, что

Радиостанция Radio 1 сейчас работает гораздо лучше, чем в последние дни существования Beerling. Прошлым летом наш сын Уильям мягко указал на то, что часть политики , которую я поддерживал, включала постепенное сокращение моего времени на радио. (Другой наш сын, Томас, был более откровенен, когда я рассказал ему, зачем ты звонил на днях. “Они издеваются”, Папа, - сказал он.)

Когда вы пришли на Radio 1, это было связано, среди прочего, с громким одобрением того типа программ , который практиковали Энди Кершоу и я. Энди был вне себя от радости. Я посоветовал соблюдать осторожность, зная, что такое отношение может измениться в одночасье, особенно когда к происходящим изменениям проявляют большую критическую враждебность — как это, конечно, и было. Есть кажется, новый православия в воздухе, один который поддерживает узконаправленные программы а не широкой основе, построенные на если-вы-не-как-это-записи-ждать-пока-ты-слышу-в-следующий-одному принципу.

На протяжении многих лет в моих программах часто звучала музыка, которая впоследствии находила более широкую аудиторию и, очень редко, занимала нишу на радио 1. Я знаю, что именно для этого я и работаю.

Например, я начал играть хип-хоп, когда в нашу страну прибыли первые пластинки, привезенные из Нью-Йорка . Я сделал это, несмотря на то, что, возможно, поразмыслив, отчасти из —за этого, продюсер и ведущий пришли ко мне независимо друг от друга и сказали, что я не должен играть то, что, по их мнению, является музыкой чернокожих преступников. Теперь, конечно, у нас есть Вествуд — и это совершенно справедливо, хотя я

я бы предположил, что он должен был выступать на Radio 1 семь или восемь лет назад. Я знаю, что в этом была вина предыдущего режима.

С тех пор я играл в “джангл” — по—моему, около трех-трех с половиной лет, - и мы, опять-таки совершенно справедливо, собираемся выпустить программу “джангл”. Я играю регги с 1968 года, и, за исключением двух, к сожалению, неправильно составленных программ , которые некоторое время шли урывками в семидесятых и восьмидесятых, больше никто этого не делал. Теперь должна появиться программа в стиле регги, и, опять же, все именно так, как и должно быть. Что меня огорчает, так это то, что с появлением этих программ я теряю эфирное время. Мне и так приходится оставлять невоспроизведенной музыку , которая, по моему мнению, заслуживает внимания, а с введением новых часов эта ситуация может только ухудшиться. Я уже рассылаю списки рекомендованных записей , которые у меня не было времени послушать, по общему признанию , небольшому числу постоянных слушателей.

Я знаю, что никто не имеет права на то, чтобы ему выделяли время на радио, и что при таком количестве новых программ, которые вы планируете, что-то должно получиться. Я ценю переход на воскресный вечер, понимая, что в пятницу вечером люди гуляют, смотрят детские комедии по телевизору и так далее. Я согласен с вами в том, что Воскресный вечер - лучшее время для моих/наших программ.

Надеюсь, вы это понимаете. Полагаю, во мне осталось что-то от старого хиппи и что-то от евангельского рвения в том , чем я занимаюсь. Я думаю — и надеюсь, что это не будет истолковано превратно, — что программы, над которыми я работал с целым рядом увлеченных людей , от Берни Эндрюса до Элисон Хоу, оказали

это внесло свой вклад в устойчивое развитие британской музыки и в ее способность переосмысливать саму себя. Сейчас происходит несколько событий , которые могут перерасти, а могут и не перерасти во что-то существенное. В случае, если что-то из этого действительно популярно, было бы обидно потерять еще один час, чтобы вы могли запланировать время для программ, посвященных 1т.

Относитесь к моим программам как к своему исследовательскому отделу. Шумный, вонючий, но время от времени разрабатывающий рецептуры, которые впоследствии можно продавать. Спасибо, что прочитали это. Джелн-Пель.

С 1992 года Джон посещал ежегодную конференцию TT Гонки на острове Мэн в компании Энди Кершоу. Энди был и остается настоящим фанатом велоспорта и убедил Джона поехать, только организовав весь транспорт и проживание. Во время того первого визита, Джон признался, что был поражен тем, что тысячи людей со всей Европы смогли собраться вместе в ограниченном пространстве и потреблять абсурдные продукты. выпивать в больших количествах крепкие напитки и не пинать друг друга по направляется внутрь. Он также счел это замечательным после цен, предсказуемости и шоу-бизнеса Grand Автогонки Prix, чтобы снова увидеть настоящие гонки с побелевшими костяшками пальцев.

Эти ежегодные перерывы могут быть полны сюрпризов. Например, для Джона было шоком обнаружить , что те мышцы, которые обычно выполняли функцию , не дающую ему пустить пыль в глаза на публике , теперь отвечали за то, чтобы держаться за то, кем он был.

с ужасом узнав, что это называлось “дружеской площадкой” Могучий “Харлей” Энди. Будучи деревенским парнем, Джон думал, что сочетание скачек, солнечного света в горах, веселых компаньонов, вкусной еды и бутылок пива и вина заставит его упасть в обморок от удовольствия. Но связанные с этим опасности отчетливо проявлялись всякий раз, когда он поднимал глаза и

видел, скажем, Стива Хэзлетта или Мартина Эйлза , кувыркающихся в воздухе и едва не подвергшихся нежелательной и скоростной операции на прямой кишке, любезно предоставленной рядом столбов ограждения.

Однажды июньским утром 1996 года, когда Джон был с Энди и его женой Джульеттой в гостях у ТТ, меня охватила мучительная головная боль. Я чистил посуду на кухне, когда мне внезапно пришлось все бросить и выйти подышать свежим воздухом. Томас и Флосси, сидевшие за кухонным столом, с растущим беспокойством наблюдали, как я начал бесцельно бродить по комнате, борясь с ужасной тошнотой и хватаясь за голову. Я был полностью дезориентирован. Мне удалось, пошатываясь, добраться до гостиной, где я рухнула на диван и начала то приходить в себя, то терять сознание. Данда спустилась из своей спальни и позвонила моей сестре Габриэль, которая примчалась из своего дома в деревне. Когда она приехала, я стонал от боли. Данда вспоминает, что я все время повторял, что хочу умереть, потому что боль была невыносимой.

Мой врач, который также был другом семьи, пришел ко мне домой, чтобы осмотреть меня. Я помню, это был его первый рабочий день после операции на сердце. “Что вы пытаетесь со мной сделать?” - спросил он. Была вызвана скорая помощь. Томас промчался по извилистой дороге на своем 50-кубовом мотоцикле и стал ждать в деревне, чтобы остановить машину скорой помощи,

который прибыл с большим количеством мигалок, чем на передвижной дискотеке. Позже водитель сказал , что он беспокоился не столько обо мне, сколько о Томасе, чей взгляд сквозь защитное стекло, когда он вел машину скорой помощи обратно к дому, был затуманен слезами.

Меня срочно доставили в больницу в Ипсвиче и вкатили в затемненную палату, где врач велел мне лежать как можно тише. “У вас кровоизлияние в мозг”, - объяснил он.

“Что это значит?” Я спросил.

“Это значит, что вам потребуется операция как можно скорее”.

“А что, если я этого не сделаю?”

“Ты умрешь”.

“А что, если я это сделаю?”

“Ты все равно можешь умереть”.

Габриэль восприняла эту новость почти так же прямолинейно. Ее отвели в отдельную палату от Данды, Томаса и Флосси, где врач сказал ей: “Я не хочу говорить об этом детям, но вы должны знать, что у нее может не получиться”. Затем Габриэль пришлось вернуться в палату, чтобы с храбрым видом предстать перед остальными. Одна из медсестер отдала Данде мои сандалии и сказала: “Ты можешь взять и эти”. Я с грустью представляю, как Данда безутешно сжимает мои сандалии, пытаясь дозвониться до Джона по больничному телефону-автомату. В конце концов, дети вернулись домой, где Данде удалось дозвониться до Джулиет на остров Мэн.

‘Папа с тобой?’ - спросила она.

“Конечно”, - ответила Джулиет.

“Ты можешь побыть с ним, пока я с ним поговорю?”

Когда Джон услышал о том, что произошло, его

оглядываясь назад, можно сказать, что немедленная реакция была не слишком утешительной. - Ты понимаешь, что если твоя мама уйдет, Я тоже пойду? - выпалил он. - Я не хочу больше жить без нее. Я не знаю точно, какая мысль пришла в голову Данде, когда она это услышала, но она , должно быть, была чем-то вроде: “Ну и дела, папа, спасибо за моральную поддержку”. Как только Джон успокоился, он узнал подробности от Данды, и Энди героически постарался вернуть его домой как можно скорее.

Ни Энди, ни Джон не были из тех людей , которые разыгрывают карту знаменитости ради личной выгоды. Но когда Энди

позвонил в паромную компанию и узнал, что все места на переправе полностью забронированы, он подумал, что, вероятно, сейчас самое подходящее время сделать исключение. Когда он объяснил обстоятельства представителю компании по телефону, ему сказали отвезти Джона на следующий паром: они найдут место для него и Энди. С тех пор Джон много раз говорил, что не мог бы пожелать кого-то лучшего в этой ситуации. Благодаря Энди, Джон был у моей постели ранним утром следующего дня.

К тому времени, когда Джон добрался до меня, меня уже перевезли в больницу Адденбрукс в Кембридже для проведения операции. Дети вспоминают, что их отец был странно спокоен, когда приехал туда. Чем ближе он подходил ко мне, тем спокойнее, казалось, становился. Это было похоже на его отношение к просмотру матчей “Ливерпуля”. Когда его не было на трибунах, он иногда чувствовал себя беспомощным и испуганным, едва мог смотреть телевизор. Но если бы он мог просто присутствовать на игре лично, подбадривая их, тогда у него возникло бы ощущение , что он каким-то образом может повлиять на события, изменить счет

в пользу “Ливерпуля”. Точно так же он с трудом выдерживал давление, когда застрял на острове Человек, воющий в ночное небо, боясь, что больше никогда меня не увидит. Как только он оказался в больнице, то каким-то образом снова взял себя в руки.

Перед операцией врач сказал Джону и Данда сказал, что вероятность того, что я переживу операцию, составляла всего 30-40 процентов. По-видимому, характер кровотечения, от которого я страдал, был обычным

атал.

Когда я пришел в себя, я помню, что Джон спал на стуле рядом с моей кроватью. На голове у меня была впечатляющая повязка, прочная, как тюрбан, со сливным отверстием сзади. Все дети были в моей комнате; Уильям приехал со своей партнершей Зарой на поезде из Ливерпуля, где он учился на первом курсе. Вскоре серьезность моего положения была развеяна смехом: в нашей семье очень хорошо умеют дурачиться в самые тяжелые

времена. я даже вспомнил совет матери Джона и получил Данда накрасил мне ногти на ногах, пока я томился на больничной койке. Видите ли, нет ничего хуже, чем прийти в себя после того, как я чуть не умер от кровоизлияния в мозг, и увидеть уродливый ряд ненакрашенных ногтей на ногах.

] был выписан через пару недель, и у меня не было недостатка в друзьях и родственниках, которые могли бы позаботиться обо мне. Джон также получал большую поддержку , пока я болел, особенно от своего брата Алана, который временно отложил свою личную жизнь, чтобы быть с Джоном.

О моей болезни писали в газетах, и меня завалили букетами и посланиями поддержки; когда я вышла из больницы, дети были в восторге.

я раздавал цветы по всему отделению, потому что их было слишком много, чтобы тащить их домой. Однако у такого интереса к моему состоянию была и обратная сторона. Когда я вернулся в палату, позвонил журналист одного из воскресных таблоидов. Джон потребовал интервью и фотографий и пригрозил разбить лагерь у дома и преследовать меня, если он не подчинится. Джон неохотно согласился поговорить, но на фотографиях поставил точку. Тем не менее, было приятно осознавать, что пресса с яростной этической энергией продвигает историю, которая так явно отвечает общественным интересам. —

Врачи предсказывали некоторое ухудшение моего зрения. Несмотря на это, я быстро поправился, хотя три года спустя у меня случился припадок из-за того, что рубцовая ткань сдавила нервы в моем мозгу. Я суетился, организуя вечеринку по случаю шестидесятилетия Джона , когда просто упал в обморок; естественно, все боялись, что это было очередное кровоизлияние. Хотя я был сильно не в себе — помню, в какой—то момент я попытался выпустить собак из своей больничной палаты, потому что был убежден, что нахожусь дома, - вскоре я вернулся домой и устроил вечеринку вопреки желанию врачей. На фотографиях, сделанных в тот день, я безмятежно улыбаюсь, но, по правде говоря, я ничего об этом не помню.

Я знаю, что моя болезнь серьезно повлияла на Джона. После того, как я вернулась из больницы, он постоянно проверял, как я себя чувствую. Он вставал посреди ночи, чтобы сходить в ванную, и склонялся надо мной, чтобы убедиться, что я все еще дышу. Если он не мог быть абсолютно уверен в темноте, он даже включал свет, рискуя разбудить меня, просто чтобы убедиться. Позже он написал:

420

В течение десяти дней я с чем-то похожим на благоговение наблюдал за теми, кто ухаживал за Шейлой на Палата А3. Их щедрость и нежность превосходили все, что я мог себе представить. К настоящему времени характер сестринского дела и ухода за больными может привести к тому, что они забудут о нас, обратившись к другим раненым и напуганным пациентам и их семьям, но мы никогда, никогда не забудем ни одного из них. В конце концов, они объединились, чтобы спасти

Жизнь Шейлы.

В девяностые годы музыкальная индустрия кардинально изменилась . То, что несколькими годами ранее называлось “инди-музыкой”, становилось все более популярным и все легче вписывалось в дневное расписание. В восьмидесятых годах New Order, Echo и the Bunnymen, Кузнецы, Пикси и Мадхони нашли свою единственную Британское радио выступало на шоу Джона, но их эквиваленты девяностых — Blur, Radiohead, Pulp, Песни Nirvana звучали по всему радиоэфиру.

Не было недостатка в музыке, которую Джон исполнял , но которую дневное радио по-прежнему не слушало. И все же он обнаружил, что ему нужно перестроить себя или скорректировать свои ожидания. Группы, которых он поддерживал, могли захотеть записать с ним еще несколько сессий, как только они добьются успеха. Но их менеджмент или звукозаписывающая компания часто предпочитали проводить другие концерты в начале дня, например, вечернюю сессию, на которой была более широкая

аудитория. Так что, несмотря на то, что Джон помог их карьере, он проиграл.

Он также не поверил, узнав, что Radio 1

Ди-джеи на завтраке продолжали традицию радиостанции советовать слушателям, что они могли бы посмотреть по телевизору вечером , вместо того чтобы слушать шоу Джона. Однако всякий раз, когда он упоминал об этом, это приводило лишь к тому, что он становился непопулярен среди коллег.

Было совершенно понятно, что Джон нервничал в такой обстановке — в конце концов, ему было около шестидесяти, и он жил в среде, которую обычно относят к молодежным. Он просто обязан был почувствовать себя параноиком. И все же он не хотел переезжать в Радио 2, как это делали многие его коллеги, потому что он чувствовал, что это привлечет другую аудиторию. Он ценил тот факт, что вещал для подростков, и хотел быть рядом с ними. Он видел свою роль в том, чтобы всегда предлагать что-то новое.

Хотя он никогда бы добровольно не ушел с радио Во-первых, Джон регулярно работал на Radio 4 с 1995 года, когда начал сниматься в сериале “Потомство”. Ему всегда нравилось работать на Radio 4: он считал их более традиционной частью BBC, и ему нравилось, что его ассоциируют с ними одновременно с работой на Radio 1. Крис Бертуд из Home Ирутс сказал мне, что Джон питал особую склонность к объединению этих двух сторон своей профессиональной жизни; очевидно, Джон был в восторге , когда его команды Radio 1 и Radio 4 могли объединиться за долгим обедом с выпивкой. В нем всегда было что-то от свахи.

Однако, если бы Джону пришлось выбирать между этими двумя станциями, он бы страстно вцепился в свою Программа “Радио 1”, даже если она была сокращена до одного часа. Раз в месяц. Каждый високосный год.

Но ему тоже нужно было включить в свой рацион “Радио-4”. Он был

он был в восторге от того, что его пригласили сняться в “Необитаемом острове” Диски, и особенно расстроился, что его родителей не было рядом, чтобы услышать это. И он едва мог в это поверить, когда его пригласили в “Лучников”. Он был поклонником этой программы еще до того, как на земле появились динозавры, как и Уолтерс, и оба они долгое время были членами “Эдди”. Фанклуб Гранди. Когда Джон встретил принцессу Маргарет на вечеринке по случаю годовщины выпуска дисков на Необитаемом острове, в их разговоре доминировало то совпадение, что они оба появились на Лучники сами по себе. Не так невероятно, как если бы они оба появились в “Лучниках” в роли друг друга, но, безусловно, этого было достаточно, чтобы сблизиться.

Первый выпуск журнала Offspring вышел в сентябре 1995 года. Radio Times объявила его “набегом на семью” и назвала Джона “опытным хроникером семейной жизни в своей колонке на Radio Times’. Раньше его никогда не называли “опытным хроникером”, и он считал, что это показатель того, в какие бурные времена мы живем, что его можно так охарактеризовать после менее чем двухлетнего ведения хроники.

Он уже писал здесь о своих двойственных чувствах по отношению к ярлыку “самоуничижительный “, но ему нравилось замечать другие способы, с помощью которых люди пытались выразить его в одном предложении. Ученик, у которого местная газета взяла интервью после того, как Джон посетил его школу, заметил, что Для своего возраста Джон был “вполне адекватен”. “Эксцентричный отшельник” - еще одно любимое выражение Джона. Он был вне себя от радости, что его считают эксцентричным, хотя и задавался вопросом, что именно он сделал такого, что действительно заслуживало этого определения, если не считать

время от времени он ходил в деревенскую лавку в домашних тапочках, а иногда отказывался надевать

дома в брюках. “У меня перегреваются ноги”, - протестовал он всякий раз, когда Данда жаловалась, что ее друзья были травмированы , случайно увидев его в трусах. Всякий раз, когда она приводила домой подругу, она ловила себя на том, что молча молится: “Пожалуйста, пусть он оденется”

.

Эксцентричность Джона, возможно, достигла своего апогея в его привычке собирать части своего тела в пластиковый контейнер с надписью “Папины соскобы”. Ногти на ногах, волдыри на коже, бородавки — если что-то отваливалось Джон, это было там. Всякий раз, когда он терял какую-то часть себя, он приносил ее, чтобы показать всем. Мы говорили, что это отвратительно, и он говорил: “О, вы все будете драться из-за этих ногтей на ногах, когда Я умру”.

Он хранил не только части своего тела. Он не мог заставить себя что-либо выбросить. Однажды ему удалось сжать в кулаке промышленного размера Рельефный красный нос, около двух метров в диаметре, в его машину; он увидел его на обочине телерадиовещательного центра, сблизился с ним и не мог вынести, когда от него безжалостно избавились. Упадок моего древнего “Рено-4” после того, как я использовал его для уборки навоза в саду, по сути, не был вызван “Разум Джона” - сигнал к тому, чтобы поскорее отправить его на свалку, а скорее возможность встроить его в стену дома и использовать как дверь. Однако я позаботился о том, чтобы этого так и не произошло.

О старине бироше он говорил особенно сентиментально. “Я думаю, что пен был добр ко мне в последние несколько недель”, - отмечал он. “Это сослужило мне хорошую службу. Как я могу отказаться от него?’ Мне приходилось отбирать у него вещи, чтобы выбросить их в мусорное ведро. Я неизменно находил их в его комнате и выбрасывал

снова вышел из игры. Он искренне сочувствовал этим неодушевленным предметам.

Такое поведение идеально вписалось бы в любой выпуск “Домашних истин” и помогло бы объяснить, почему он так естественно воспринял эту программу и сделал ее своей. “Оффспринг” добился успеха, имея дело с несколько более узким жанром, а “Домашние истины”, по сути , были детищем “Оффспринга”. Проблема заключалась в том, что даже его создатели не были до конца уверены, о чем будет фильм.

Джон встретился с исполнительным продюсером Питером Гриффитсу в феврале 1998 года и сказал: “Я прошу вас только об одном: не пытайтесь превратить меня в Ведущий “Радио-4”. Я тот, кто я есть, и не особенно хочу меняться сейчас”. Питер согласился и согласился с Джоном в том, что шоу должно быть зоной, свободной от знаменитостей. Они приступили к работе над пилотным выпуском, который включал интервью с рыболовом, чьим призовым уловом был легендарный карп. Рыболов рассказал, на что он и его соперники пошли в погоне за рыбой: полагая, что она достаточно умна, чтобы знать, когда они находятся в этом районе, они припарковали свои автомобили в полумиле от них, чтобы карп не был предупрежден об их приближении шумом моторов и воды. хлопающие двери. Затем они на четвереньках подползали к берегу озера. После этого материала Джон заинтересовался.

Программе по—прежнему не хватало четкого определения - “Повседневная жизнь, преображенная юмором” - так называлась фраза, которую использовали в эфире Radio 4. Контролер Джеймс Бойл — но создатели знали , что чувство юмора Джона сыграет ключевую роль в его индивидуальности.

Премьера “Домашних истин” состоялась 11 апреля 1998 года. Рождение ребенка редко бывало причиной меньшего

празднование. Звонки, письма и мейлы были, мягко говоря, обескураживающими: программу называли “несущественной”, “чепухой”, “инфантильной чепухой”, “ребяческой чепухой”, “абсолютной чепухой”, “бессмысленной”, “раздражающей”,

“монотонной чепухой” и “безвкусной, модной”., негативный мусор’. Я мог бы продолжать. Они, конечно, так и сделали. Один из заявителей увидел луч надежды: “Спасибо, что изменили свои утренние субботние программы, потому что теперь они такие скучные, что я выхожу на улицу и встречаюсь со своими друзьями”.

В тишине раздалось несколько восторженных голосов . ‘Вы победили’, - написал один человек. “Мистер Пил - один из самых спокойных и вдумчивых телеведущих в вашей организации”, - сказал другой. ‘Он создан для этого”. В течение следующих нескольких месяцев общее мнение начало постепенно меняться. Программа также начала находить баланс между абсурдностью и весомостью. Темы и сюжеты были разнообразными: статья , посвященная людям, испытывающим фобию по поводу пуговиц, предшествовала статье, в которой женщина в Северная Ирландия как ни в чем не бывало рассказывала о посещении могил своих родителей; тема пуль была очень популярна в какой-то момент, но был также выпуск, в котором Джон поговорил с парой, пережившей попытку заказного убийства.

Одним из препятствий для Джона было его нежелание проводить собеседования лично. Он находил , что задавать прямые личные вопросы очень неловко и навязчиво, и продюсерам постоянно приходилось подталкивать его к этим неловким расспросам: “Но что вы на самом деле чувствовали, когда узнали, что ваша лучшая подруга спит с вашим мужем/ вашу ламу похитили/ у вас начали расти волосы?” там?’

Эта проблема была поднята еще в 1995 году, до того, как было записано первое издание альбома Offspring . Джон рассказал об этом продюсеру, Фионе Купер: “Я не могу брать интервью у людей’. Фиона отреагировала на это заявление отказом поверить ему и сказала в манере школьной учительницы: “Конечно, ты можешь, не беспокойся об этом”. В одной из программ она сопровождала Джона, чтобы взять интервью у поэта Бенджамина Софания, которая трогательно написала о своем опыте бесплодия. Предполагалось, что именно это будет в центре внимания данного пункта повестки дня. Но когда они добрались до В доме

Бенджамина Джон был слишком застенчив, чтобы поднимать эту тему. Вместо этого они, казалось , часами говорили о боевых искусствах, и только когда они уходили, Джон спросил о бесплодии.

Джон сказал своим продюсерам, что он беспокоился о том, чтобы превратиться в Рики Лейка; я полагаю, он имел в виду, что его больше беспокоило то, что шоу станет сенсационным, а не то, что он думал, что может начать кричать незнакомцам: “Давай, подружка!’. Любимым способом защиты, когда его вынуждали задать любопытный вопрос , было сказать интервьюируемому: “Мой продюсер сказал мне, что я должен спросить вас об этом”. > То, что поначалу считалось слабостью — нежелание Джона докапываться до личных подробностей, — проявилось быть скрытой силой, поскольку опрошенные сразу поняли , что в Джоне нет ничего от циничного следователя. журналист знал о нем и поэтому чувствовал себя непринужденно в его присутствии.

Было выпущено несколько серий “Потомства”, и на каминной полке появилось множество наград. Через год после своего дебюта “Домашние истины” повторили эту тенденцию: Джон стал лучшим радиоведущим года

на церемонии вручения премии Гильдии радиовещательной прессы, в то время как шоу получило три награды Sony Awards. Некоторые из самых суровых критиков, однако, были настойчивы в своих насмешках и были близки к истине. Я не имею в виду детей — они никогда не вставали достаточно рано по субботам , чтобы послушать это, хотя Уильям сказал мне , что однажды прослушал половину программы. Джон вез его на станцию, и , когда начались “Домашние истины”, возник момент неловкости, и Джона осенило, что Уильям понятия не имеет, что это такое.

Труднее всего Джону было вынести насмешки , с которыми Энди встретил “Домашние истины” Кершоу и Джон Уолтерс. Они так громко заявляли о своей неприязни к программе, осуждая участие Джона в ней, что казалось, будто они обвиняют его в предательстве или компрометации своих принципов. Но “Домашняя правда” была не менее точным отражением Джона,

чем его шоу на “Радио 1 “. Джон очень тяжело воспринимал критику. Он вложил в программу столько сил , что нападки не могли не восприниматься как личные.

Обычно по субботам я приносила Джону завтрак в постель без четверти девять утра, а потом слушала передачу на кухне, пока он лежал в постели. Это был просто наш ритуал; я не уверена, как он развился. Затем он спускался вниз в десять , и мы проводили небольшой неформальный анализ el, обсуждая, что сработало, а что нет.

Я так не думал.

Ни один из нас не считал “Прописные истины ” идеальными. Он понимал, что материал иногда может быть приторным или болеутоляющим, и старался уберечь шоу от излишней причудливости.

Но многое из этого было остроумным и пронзительным. И я подумала, что это прекрасно, что Джон поддержал Брайана Галлахер, который первоначально появился в сериале “Дом Правды в качестве интервьюируемого, чтобы регулярно писать для программы. Он распознал в Брайане неподдельный ум и ловкость в обращении с языком и помог ему стать известным во многом так же, как ранее он помогал таким группам, как the Undertones.

Вскоре после того, как “Домашняя правда ” завоевала популярность у публики, Джон обнаружил, что его останавливают гораздо чаще. Мы могли быть в супермаркете, и люди подбегали бы к нему, чтобы рассказать свои забавные анекдоты в надежде, что он услышит что-нибудь, что порадует его воображение.

О том, насколько чутким и доступным он показался слушателям, стало известно всего через несколько месяцев после выхода “Домашних истин”, когда женщина по имени Дон Грегори написала Джону электронное письмо с просьбой заехать проведать ее сына Уилла, который учится в Ньюкасле. ‘Наш сын живет в доме с шестью друзьями, - писала она, - и очень хочет убедить нас, что на последнем курсе он пишет диссертацию. Мы

уверены , что пабы, клубы и бары студенческого союза должны быть привлекательными. Как насчет того, чтобы позвонить ему и проверить, как он там? Возможно, вас даже угостят чаем с тортом. Однажды Джон оказался в таком состоянии, что зашел к изумленному Уиллу и попросил показать его работу. Выяснилось, что он написал только первое предложение, хотя, с другой стороны, Джон сказал, что у него получился потрясающий чай.

Вновь обретенное внимание после выхода “Дома” Правда может сбивать с толку. Летом 2004 года мы были на концерте под открытым небом, когда мужчина, сидевший рядом со мной, наклонился ко мне и сказал: “Не хотите ли

хочешь печенье, Шейла? Я просто ошеломленно посмотрел на него . - Я не буду предлагать Джону, - продолжил он, - потому что знаю, что у него диабет, а на этих пирожных шоколад. Я чуть не упал со стула. Было странно, что люди так много знают о нас, не зная нас самих. Такова была натура Джона; он сам поощрял эту фамильярность.

Диабет Джона был диагностирован чуть менее чем за три года до этого — 11 сентября 2001 года, в день, когда Джон смог признать, что его проблемы были отодвинуты на второй план более серьезными заботами.

Он долгое время чувствовал себя вялым, и у него проявлялись многие симптомы диабета: усталость, перепады настроения, которые исчезали после еды, приступы головокружения, неутолимая жажда. Он бил меня просто как все серьезно стало, когда мы были на нашей путь домой после выходных в Бетс-и-Койд, где Джон снимали что-то для Валлийский Туризму. Когда с этим было покончено, мы пообщались с Melys, группой, которая много выступала в программе и с которой Джон подружился после того, как взял их с собой на фестиваль Gronigen в Швеции. Они прекрасная компания, и я думаю, что Джон был еще более доволен, чем они, когда их песня ‘Китайский шепот” стал вершиной праздничного Пятьдесят в 2001 году.

У нас были шумные выходные, когда мы выпивали с Мелис. Пол из группы работал шеф-поваром в отеле , где мы остановились,

так что по вечерам мы ходили выпивать с ним, его женой и остальными членами группы. Джон действительно получал удовольствие, но дорога домой была сущим адом. Его зрение стало затуманенным, и ему приходилось постоянно останавливаться, чтобы вздремнуть.

В том, что он задремал, не было ничего необычного. Имеющий

выступал по всей стране с конца шестидесятых, Джон разработал методы, позволяющие ему не засыпать по дороге домой. За рулем он держал одну руку поднятой вверх, чтобы, если задремлет, Когда он уходил, его рука падала и пугала его. Если бы он почувствовал запах дома, он бы продолжил путь. Но если бы он был слишком уставшим, он бы просто съехал на обочину. У детей сохранились воспоминания о том, как они возвращались с концертов с Джоном и им приходилось сидеть рядом с ним, пока он дремал.

По возвращении из Уэльса я приказал Джону пройти медицинское обследование. Когда пришли результаты, врач посоветовал ему немедленно отправиться в больницу . Он был в серьезной опасности.

Джона продержали там под капельницей неделю. Мы редко видели, чтобы он выглядел таким спокойным или испытывал такое облегчение. Очевидно, он уже давно знал, что с ним что -то не так, и был просто рад, что это можно вылечить. Поскольку здоровье начало его подводить, я уверен, что его постоянные опасения быть отвергнутым Radio 1 усилились. Что меня поражает, так это то, как он упорно продолжал работать, несмотря ни на что. Даже до того, как ему поставили диагноз, его выносливость была невероятной, особенно учитывая его возраст, количество часов, которые он работал, и расстояние, которое он преодолевал каждую неделю. Он мог превзойти любого; всякий раз, когда какая-нибудь группа приходила к нему домой на концерт, можно было быть уверенным, что после этого он не будет спать с ними всю ночь, выпивая один бокал красного вина за другим, оркеструя песни и вообще оказывая любезность. Когда Лора Кантрелл и ее группа проводили здесь сессию,

Джон не ложился спать примерно до четырех утра, ставя малоизвестные пластинки и предлагая музыкантам исполнить их собственные версии.

431

я

Я думаю, что инъекции jaswhn помогли ветчине стать мягче. На одном уровне. они доставляли ему огромное удовольствие. Невозможно переоценить, насколько сильно ему нравилось делать себе инъекции, протыкая иглой свой Футболка, надетая на плечи, теснила Руса , привлекая к нему пристальные взгляды и делая его центром внимания. Но они также влияют на настроение. Несмотря на то, что у него был такой график работы, который мог бы напугать даже трояна, в последние несколько лет своей жизни Йоха был таким счастливым , каким я его никогда не видел.

Бежит. я рад , что всего за несколько миллиметров со всех сторон было получено столько подтверждений и одобрительных отзывов, и за такой относительно короткий промежуток времени. В конце 1995. Джон был выбран для участия в этом проекте. твоя жизнь. Парень напал на него из засады, когда он: представлял Джорама Айка Попса. Проблема заключалась в том, что он был на вершине популярности около восьми лет и был слегка озадачен. если вы довольны. спустя столько времени вас об этом спросят. Технический директор плохой | Изменен в 1987 году. хотя. и у Джона были некоторые проблемы с адаптацией. “Не могли бы вы попытаться вспомнить утечку в камере?” - спрашивал усталый голос у послушников. были отправлены за Бойзоном или Бьорк Ром в их гримерные с радостной вестью, что им придется повторить свои номера еще раз, потому что Йоха снова ошибся.

Как будто этого было недостаточно. Джон был. написал откровенно враждебный отзыв о Грисе

э

“БОГИНЯ ПОП-МУЗЫКИ ИЗБИВАЕТ диджея-ВЕТЕРАНА: ПОЛИЦИЯ БЕЗДЕЙСТВУЕТ” ГОВОРИТ ПРЕСС-секретарь”, - такие заголовки всплыли у него в голове.

В конце концов Джон высказал свою последнюю мысль. Попрощавшись в окружении пятнадцатилетних подростков, он повернулся, чтобы сделать замечание кому-то, кто особенно агрессивно толкал его под правый локоть, и увидел Майкла Аспеля, стоявшего там с большой красной книгой в руке. Джон был достаточно сообразителен, чтобы не выразить радость и благодарность немедленно. Он представил, как Майкл говорит, - Нет, боюсь, это не для тебя, Джон. Бьорк, Это Твоя жизнь.’ Когда он понял, что Майкл пришел за ним, он сказал: “На самом деле я с нетерпением ждал возвращения домой”.

К удивлению всех, кто знал Джон, он не плакал. Ну, не так уж много. Но он наслаждался каждой минутой этого времени. Как позже заметил ему Дэнни Бейкер, как можно было не насладиться единственным моментом в своей жизни, когда твои друзья и семья обязаны аплодировать, когда ты входишь в зал?

Летом 1998 года Джону предложили стать кавалером Ордена Британской Империи. Я помню, как он на мгновение заколебался и обратился за советом к семье. Но Уильям указал ему , что если он откажется, то станет одним из тех людей, которые будут всем рассказывать, что он отказался от ВТО, так что ему следует просто смириться с этим. Джон согласился, что в этом есть смысл, и мы отправились в Букингемский дворец вместе с Аланом и Фрэнсисом. Дети, которым из-за большого количества гостей было запрещено присутствовать на церемонии, проводили нас до ворот дворца , а затем вернулись в наш отель.

Как только они оказались во дворце, учения были жесткими и точными. Те, кого направляли, были разделены

почти сразу же они расстались со своими гостями и вошли в гигантскую картинную галерею. После недолгого стояния вокруг, во время которого Джон искренне надеялся увидеть кого-нибудь, с кем можно было бы поговорить (от одиночества его спас общительный Терри Пратчетт), его привлекли к вниманию, чтобы он мог понаблюдать за демонстрацией процессов, через которые ему предстояло пройти. Как только эта великолепная демонстрация закончилась, были названы имена в группах по двенадцать человек. Затем их провели гуськом в огромный танцевальный зал, где они встали в очередь, чтобы получить медаль и несколько секунд царственной беседы. В последнем случае нужно было встать по стойке “смирно”, выполнить изящный поворот налево и смиренно склонить голову; угощение и напитки для бывшего военного, такого как Джон.

Принц Уэльский обратился к каждому из 150 получателей в течение примерно сорока пяти секунд. Было бы предательством доверия повторить то, что он сказал Джону, но он был на удивление прямолинеен в разговоре с Би-би-си. Княжеское рукопожатие, крепкое, но не давящее, стало сигналом того, что момент для Джона закончился. Он отступил, снова поклонился и был отпущен направо, вернувшись в бальный зал в задней части, чтобы сесть и развлечь себя, пытаясь найти друзей и семью на трибунах, которые окружали зал. Джон так и не заметил нас; я объяснил билетеру, что у меня плохое зрение и что я не смогу ничего разглядеть, если буду сидеть сзади, и меня тут же усадили сзади. Даже билетерам приходится развлекаться там, где они могут.

Затем была музыка — два с лишним часа исполнялась песня “Те, кого вы любили” в исполнении военного ансамбля.

Когда нас, наконец, снова выписали из больницы , мы пошли с детьми на праздничный ужин

во время которого мы все фотографировали друг друга, а другие

посетители смотрели на нас и бормотали: “Провинциалы’. Это был фантастический день, и Джон сожалел только о том, что никого из наших родителей не было в живых , чтобы засвидетельствовать это, хотя, к счастью, мой отец был с нами, когда Джон получил письмо прошлым летом.

Получение почетных степеней и докторских степеней доставляло Джону огромное удовольствие, хотя были и другие почести, к которым следовало относиться с осторожностью. В опросе читателей журнала Cosmopolitan за 1998 год он был признан сорок седьмым , что означает, что он красивее Вуди Харрельсона, но не так привлекателен, как Тони Блэр. Еще более странным было то, что в национальном опросе жителей Великобритании он занял сорок третье место . Мы были немало удивлены, когда услышали, что он вообще будет в списке. Как только мы поняли, что он попадет в топ -50, мы начали думать, что он может победить.

Но больше всего удовольствия мы получили от того, что узнали , кого он обошел, а не от того, на каком он месте. Джон был так доволен, что подумывал о том , как бы включить число сорок три в название этой книги. Однако он признал, что все это было немного глупо. В конце концов, он был поставлен выше короля Артура, Чосера и сэра Уолтер Рэли, но ниже Гая Фокса, Маргарет Тэтчер и, возможно, самый жестокий из всех, Дэвид Бекхэм. Один из участников Утреннего парада воспринял это гораздо хуже, чем Джон, пожаловавшись: ” Не могу поверить, что они устроили это величайшее британское дерьмо кому-то другому. Черчилль, когда среди нас есть человек, который все еще проигрывает пластинки “Наполовину человек, наполовину печенье” за счет налогоплательщиков.’

Госпитализация Джона с сахарным диабетом имела

это совпало с еще одним торжеством — вечеринкой в честь его сорокалетия на телевидении. Когда вечеринка наконец состоялась, на месяц позже запланированного, на ней были представлены небольшие, но прекрасно оформленные сеты Билли Брэгга, Ника Кейва и Pulp. Последние из них посвятили Джону

свою песню “Help The Aged” , за что он был им безоговорочно благодарен.

После того, как группы закончили, Джон в течение часа ставил пластинки, и мы все бродили по залу преданно на танцполе. Вернувшись в отель, я попытался уговорить Джона спать в гостиничной кровати, а не под ней. У него ничего не получилось, он был слишком увлечен пением, как Джонни Рэй сделал это почти пятьдесят лет назад: ‘Это была ночь. О-о-о, что это была за ночь. Такая ночь.’

x

За последние несколько лет Джон, казалось, обрел новую мотивацию и энергию. Он был в восторге от артистов, которые проводили для него сессии, сначала в Maida Vale, а с мая 1998 года в 60-футовые куклы, а затем и здесь, дома. Джону очень понравился ритуал в Мейда-Вейл. Вечер начинался с того, что он и съемочная группа ужинали в соседнем тайском ресторане; иногда музыканты, такие как Лаудон, приглашали его на ужин. Уэйнрайт III, “Преступный мир” или “Бессмертный Ли” Окружные убийцы — тоже пришли бы. Когда трапеза заканчивалась, Джону приносили горячее полотенце, несмотря на то, что ресторан не предоставлял своим клиентам горячих полотенец; это было особое угощение только для Джона. Обычно он уходил на десять минут раньше всех, и в этот момент остальные выкуривали сигареты, которые держали в руках

снова в его присутствии. Затем Джон пошел и сел в кабинку в Мейда-Вейл, где слушал пластинки в одиночестве, пока не пришли его коллеги с пивом для публики, и группа не приготовилась к выступлению.

Там было несколько невероятных сессий: Мелис отыграл потрясающий сет в тот вечер, когда “Ливерпуль ” выиграл Кубок УЕФА; Мелт Банана, Херман Дюн, Л. Раумшмир и диджей Rupture

также были в числе фаворитов Джона. The White Stripes сыграли замечательную Шоу Maida Vale в июле 2001 года, за день до их выступления в клубе “100”. Джон играл на семидюймовке, которую ему прислал Джек Уайт, и как раз перед этим почувствовал, что у него появились белые кровяные тельца. Джек и Мэг прибыли в Великобританию.

Когда Джон и его продюсер Анита приехали в Мейда-Вейл, группа проводила саундчекинг, поэтому Джон воспользовался возможностью вздремнуть. Анита рассказала мне, что помнит, как Джек и Мэг с нетерпением ждали, когда Джон проснется. Джон проснулся в тот же день, когда и они. Когда он это сделал, они все ушли на Тайский ресторан и говорили о блюзе. Джек расспрашивал Джона о концертах, которые он посещал, и Джон рассказал ему все о том, что видел Джина Винсента. Оглядываясь назад, это кажется странным, но Джон не имел ни малейшего представления о том, что “Белые полосы” были готовы взорвать Британию. По дороге обратно в студию он сказал Аните: “Они очень милые, не так ли? Мы должны обязательно упомянуть даты их гастролей, чтобы у них была хорошая аудитория.’

The White Stripes исполнили три сета по три песни, и лица зрителей рассказали всю историю: никто не мог поверить, что из-за этого устрашающего звука в группе было только двое таких музыкантов. Анита спросила, могут ли они спеть еще одну песню в качестве финала. В итоге они спели три. Последним номером был ‘Baby Blues’ Джина Винсента. Джон

просто расплакался. Улыбку с его лица невозможно было согнать ломом.

Еще одна сессия, которая была очень дорога Джону, была проведена Джеффом Миллсом. На самом деле, Джон был так взволнован , когда услышал, что Джеффа пригласили на шоу в В мае 1998 года он попросил продюсера проверить, тот ли это Джефф Миллс. Когда он появился, Джон нервно наблюдал за ним через стекло, но в конце концов набрался смелости зайти и поздороваться. Он думал, что Джефф похож на молчаливого человека, но больше ошибаться было нельзя. Через несколько

секунд Джефф уже задавал Джону вопросы о записях, которые тот слушал, и об артистах, с которыми встречался. У Джеффа было с собой пятьдесят пластинок, и Джон осторожно предположил, что, вероятно, он принес слишком много для тридцатиминутного сета. Джефф только улыбнулся про себя. Выступление было потрясающим, Джефф без особых усилий порхал между тремя деками, кружился, танцевал — и он сыграл все пятьдесят треков. Джон неделями судачил об этом.

В том же году он передал целое шоу техно-лейблу Tresor Records, чтобы отпраздновать их сотый релиз. До этого момента техно - исполнителей не приглашали на шоу по той простой причине, что Джон и его продюсер Анита думали , что они будут слишком крутыми, чтобы их принять. Но такие музыканты, как Паку, Тони Хирург, Карл Реджис, Тобиас Шмидт и Нил Ландструмн, были вне себя от радости, и сессия стала настоящим открытием. Тони воспользовался возможностью, чтобы попробовать несколько новых, более эмоциональных миксов; Нил заявил, что это было лучше, чем просто выступление; Карл выдал потрясающий финал, от которого у Джона застучали зубы. Джон, со своей стороны, был просто потрясен.

Было приятно видеть, что он так увлекся музыкой. Он был таким же, когда посвящал программу

на зарождающуюся тогда grime-сцену в мае 2004 года. Джон начал играть в grime тремя месяцами ранее, послушав пиратскую радиостанцию Rinse FM, и подхватил некоторые из композиций twelve-inches, включая первый трек grime, который он сыграл в эфире, ‘Battle’ Джона Э. Кэша—с Black Market “Records” в Сохо. Когда Джон впервые пришел туда со своим помощником Эрмитом, парнем за прилавком, Никки вручил им стопку пластинок grime и сказал: “Пионер”. Джон спросил, не так ли называется грим-шоу, но Ники объяснил: “Нет, вы первопроходец, сэр, и я просто должен был это сказать!” Джон отшутился , но было видно, что это его развеселило.

После этого всякий раз, когда Джон и Эрмит отправлялись за пластинками , Ники дарил им новые двенадцатидюймовые диски

grime. Джон неизменно просматривал их и говорил: “Вот это купил”. И это. А вот этот: “как мальчик, обменивающийся футбольными карточками на детской площадке. Он купил их так много, что новых поступало все меньше, чтобы удовлетворить его.

“Грязная ночь” возникла из-за того, что Джон и Эрмит понял, что на Radio 1 никто не играет эту музыку, и это сделало ее еще более захватывающей. Студия была переполнена молодыми диджеями, которые Эрмита заметили в одном из ночных клубов Брикстона — там были диджей Иствуд и команда Renegade, в которую входили ведущие Purple, G Double E, IO и IE. Те из них, кто начал бриться , были недостаточно взрослыми, чтобы водить машину; те, кто умел водить , были недостаточно взрослыми, чтобы голосовать. Большинство из них раньше привыкли к микшированию в своих спальнях или в кругу друзей, а теперь они выступали в прямом эфире на радио 1. Было довольно рискованно выступать с этими относительно неизвестными музыкантами; музыка была настолько слабо представлена на радио, что казалось вдвойне важным, чтобы шоу прошло в прямом эфире.

был успешным. Джон был просто рад , что продемонстрировал grime, когда никто другой его не играл; он нашел, что грубость и жизненность сцены омолаживают.

В 1999 году Джон начал транслировать свои Вечерняя программа по четвергам из маленькой домашней студии, которая была оборудована в его кабинете. Он должен был приехать в Лондон на шоу по вторникам и средам и остановиться в отеле; в четверг днем он работал над “Домашними правдами” с восьми утра до чаепития, после чего отправлялся домой, чтобы успеть на вечернюю программу в десять.

Технические тонкости вещания из дома были для него загадкой. Все, что он знал, это то, что если он нажмет кнопку с надписью “BH Feed” на своем столе в студии, то сможет вести шоу прямо здесь. Каждый Итак, в четверг шоу шло из комнаты в дальнем конце зала, из-за старого футбольного автомата и бильярдного стола, которые он купил для детей, когда умерли их бабушка и

дедушка. В ходе программы один или несколько детей, в зависимости от того, кто был дома, могли прервать его, чтобы обсудить такие насущные темы, как сложная организация поездки на предстоящие выходные. Типичные фразы, которые звучали в кабинете во время прослушивания пластинок, включали в себя такие незабываемые классические песни всех времен, как “Папа работает, Тм в эфире’, ‘Пожалуйста, я действительно работаю’ и ‘Флосс, плод моих чресел, не сиди на краю бильярдного стола”, - каждый из них произносил это с характерным умоляющим подвыванием.

Примерно в это же время мы также начали приглашать группы к нам домой для проведения концертов. Продюсер Джона, Анита, была инициатором, и Би-би-си была очень рада, что сессии состоялись, так как

они стоят дешевле, чем аналоги в Мейда-Вейл. Первыми, кому была оказана честь выступать в нашем доме, были Blur, Пи Джей Харви и Cinerama, и они прошли так успешно, что домашние выступления стали регулярными.

С нашей точки зрения, они были похожи на небольшие вечеринки. В обычный четверг группа приезжала домой ближе к вечеру, чтобы установить свое оборудование и провести саундчек. Когда Белль и Себастьян приехали сюда, они все собрались — по —моему , на тот момент в группе было девять человек - и очень щедро одарили меня подарками: цветами, едой, игрушками для собак.

Позже я приготовила ужин для всех. Это может означать приготовление пищи на тридцать персон, если учесть музыкантов, их окружение и различных друзей и родственников, которых мы пригласили с собой. Затем Джон вернулся из Лондон около семи, вместе с теми, кто продюсировал в тот вечер — Элисон, Анитой или Луизой — и нашими замечательными инженерами Джорджем Томасом и Энди Роджерсом. Джон иногда устраивал музыкантам экскурсию по своей коллекции пластинок, выбирая то, что, по его мнению, могло их заинтересовать. Во время первого из двух визитов Blur Дэймон спросил Джона,

слышал ли он о “Серебряных яблоках”, и Джон сразу же подошел к соответствующей полке, достал пластинку и включил ее для него. Джон был доволен , когда составлял программу для фестиваля Meltdown, и ему удалось объединить Blur и the Silver Apples в одном проекте. The Silver Apples даже исполнили версию песни Blur “Song 2” в своем собственном уникальном стиле.

Блур играл в шатре в нашем саду, но

большая часть сессий была записана в студии Джона. Там иногда бывает довольно тесно, и в случае с Белль и Себастьяном клавишнику пришлось самостоятельно устраиваться в ванной. Когда Здесь играл Пи Джей Харви, и у нас собралось так много зрителей, что большинство из них в конце концов остановились на дорожке, которая проходит рядом с домом, заглядывая в студию. Мне нравится это изображение: я вижу , как все толпятся за окном в тот теплый летний вечер.

На протяжении многих лет у нас здесь работали потрясающие люди — Эш, Лора Кантрелл, Супер Пушистые звери, Суперграсс, белые полосы. Нина Настасья из В Нью-Йорке провели несколько сеансов. После этого она оставалась на связи ; Джон всегда отмечал, что она была единственным музыкантом, который заходил к нам, даже если ее не было поблизости. Она приедет в Англию, позвонит Мы с Джоном приехали из Лондона на поезде, чтобы пообедать.

Те вечера, когда здесь выступали группы, неизбежно превращались в пьяный хаос, как только шоу заканчивалось. Я не хочу выделять Белль и Себастьян, но надо сказать в их пользу, что они привезли не только подарки для меня, но и свои собственные ингредиенты, чтобы приготовить “Белые русские” для всех. Когда они спросили, можно ли им воспользоваться холодильником, я подумал: “Зачем они взяли с собой молоко?” Но тут из пакета высыпались водка и калуа , и пенни упала. К тому времени, когда они ушли, мы были не в состоянии говорить или как следует координировать движения.

В конце девяностых Джон также возобновил выступления, но вместо того, чтобы вернуться к университетской жизни, он

ограничивал себя в основном более масштабными и престижными мероприятиями — что

это было бы названо “хеппенингами”, если бы они происходили в шестидесятые годы. Все, что казалось ему маловероятным выбором, например, Племенные Особую привлекательность имели концерты Gathering или Big Chill extravaganza, а также фестиваль Sónar в Барселоне.

Его первый Tribal Gathering состоялся в 1997 году, и Джон был удивлен, когда его пригласили, учитывая, что микширование на самом деле не было его коньком. Прибыв на место, он подъехал к Тихоокеанская палатка. Он хотел вскарабкаться по стальному пандусу на площадку для диджеев, чтобы продемонстрировать, что в старом brute еще есть жизнь, но выбрал неподходящую обувь для этой задачи, надев ботинки со стоптанной подошвой вместо единственной альтернативы - черных кроссовок, покрытых грязью. В результате ему пришлось карабкаться по рампе, хватаясь за опоры палатки. Это, должно быть, выглядело не очень хорошо.

На сцене играла группа Cornershop. Мужчина подошел проверить вертушки. Палатка была переполнена. Когда аплодисменты по поводу финального номера Cornershop начали стихать, Джон приступил к исполнению и мужественно справился со своим стремлением не проигрывать первую пластинку на неправильной скорости. Со второй пластинкой дело обстояло иначе.

Он заранее решил , что на Tribal будет звучать разная музыка. Не просто танцевальная музыка, а музыка, под которую люди могли бы танцевать. Это был его девиз для фестиваля, и он считал, что это было довольно умно, хотя и подразумевало окончание предложения предлогом. Итак, он сыграл The Fall, несколько гитарных соукусов из страны, ранее известной как Заир, несколько мелодий в стиле регги, Status Quo. Да, Статус-кво. Джон сказал нескольким людям, что хотел бы войти в историю — или, как он выразился, опускаться все ниже и ниже — как человек, который играл в Quo в Tribal, так что он действительно был обязан. Это было хорошо

тоже получил. Затем он сделал единственное сведение , на которое был способен, запустив комментарий Би-би-си Победный гол Далглиша в матче Кубка Европейских чемпионов против Брюгге — Мы прорвемся к Сунессу… Сунесс вперед… Далглиш не был в офсайде… и Далглиш забил “Ливерпулю” — один-ноль!” — под техно -трек.

Томас и его друзья потом сказали Джону , что он был хорош, и этого ему было достаточно. Пит Тонг крутил ее двадцать минут на Radio 1, возможно, это был единственный раз, когда The Fall прозвучала в танцевальной программе. А Джон вернулся домой сразу после полуночи.

Впечатления от выступлений становились все лучше и лучше, хотя растущий успех Джона и восторженный прием, который он получал, никак не уменьшали нашего беспокойства. Что бы это ни было за выступление, мы с Джоном, несомненно, провели все предыдущие часы, беспокоясь о том, что оно обернется катастрофой. Вместо этого каждое из них было великолепнее предыдущего. Выступления в клубе были выдающимися. Чибуку в Ливерпуле был особенно интересен, потому что мы чувствовали, что на карту поставлено нечто большее, чем просто репутация Джона: в то время Флосси училась в Ливерпульском университете, так что она и все ее друзья собирались там побывать. Если бы Джон что-то напутал, это могло бы негативно сказаться на общественной жизни Флосси. Она была подавлена шестью месяцами ранее, когда узнала, что Джон приглашен на концерт, но, к ее чести, она никогда не говорила ему, что молилась, чтобы он этого не делал.

Мы с Джоном оба заранее чувствовали себя несчастными; мы едва притронулись к ужину, потому что у нас сводило животы. Он хотел, чтобы Флосси гордилась нами. Дети всегда неохотно признавались своим университетским друзьям, что Джон - их отец.

Всю свою жизнь люди знали, кто такой Джон, и я думаю, они просто хотели посмотреть, смогут ли они самоутвердиться, не прибегая к помощи своих знаменитых родителей. Это могло поставить их в неловкое положение. Когда Уильям учился в университете, однажды вечером он сидел на кухне в холле и беседовал с группой сокурсников на тему “Кто из известных людей тебе нравится?” . Одна из них назвала Джона в качестве своего избранника и начала восхвалять его очарование. Это было больше, чем Уильям мог вынести. - Ты говоришь о моем отце, - пролепетал он в конце концов.

Флосси ужасно нервничала перед Чибуку. Только когда заиграла первая пластинка и все начали танцевать, аплодировать и скандировать имя Джона, она подумала, что, возможно, это все-таки не конец света. Ее отец пережил бурю, и она ужасно гордилась им.

Первый Сонар, сыгранный Джоном в 2001 году, по-настоящему вдохновил его. Мы оба переживали, что с его стороны было ужасной ошибкой согласиться, но публика снова была в восторге. Это придало ему уверенности, и он снова начал получать удовольствие от выступлений, даже ставил вертушки на вечеринки Radio 1, где его выступления всегда были изюминкой вечера.

Он варьировал пластинки, которые брал с собой на концерты в своей прозрачной коробке, хотя среди них были и самые стойкие — “In The Midnight Hour”, “You’ll Never Walk Alone’, a blast of Quo. И то, что он играл , не было чем-то эзотерическим; он просто ставил то, что, по его мнению , заставляло людей вставать и танцевать. Он был , вероятно, первым диджеем в мире, который не микшировал пластинки. Он иногда пытался микшировать , но у него ничего не получалось. Я был

иногда я беспокоился, что Джон в любой момент может подорвать доверие публики. Он мог сыграть веселый хардкорный трек, затем прервать его и добавить джигу из ниоткуда, и вы могли подумать: он все испортил. Но все равно все бы танцевали.

Ему понравились два больших чилл-фестиваля, на которых он выступал, особенно тот, что состоялся в июле 2004 года. Мы остановились в небольшом отеле типа “постель и завтрак” неподалеку, в Малверне Холмы, и когда мы добрались до площадки, реакция на появление Джона была потрясающей. Люди приветствовали его еще до того, как он вошел в палатку, где играл. Там было душно и битком набито. Когда Джон начал выступать в качестве диджея, публика впала в истерику.

Меня всегда поражало, что он имеет влияние на молодую публику в клубе или на фестивале, особенно потому, что я всегда настаивал на том, чтобы он перестал вести себя старше своих лет . “Тебе не нужна эта чертова палка”, - пожаловался я, когда Джон настоял на том, чтобы ковылять с ручкой от швабры, что он уже отмечал в начале этой книги. У него была навязчивая идея превратиться в старика; он как будто пытался ускорить этот процесс. Это было странно, потому что по своим вкусовым качествам и выносливости он был таким молодым. Но мысль о старости и маразме показалась ему весьма привлекательной. Он надеялся со временем стать сэром Генри в Роулинсон-Энд и предвкушал, как в старости будет причинять нам с детьми несказанные неудобства и мучения. Например, он часто грозился проснуться с мыслью, что он в 1847 году или что ему предстоит пробежать четыре мили по трассе M6.

Прежде чем его выступление закончилось, какая-то женщина подошла к сцене и протянула Джону своего ребенка

,

которого она попросила его поцеловать. Он был совершенно потрясен, но с радостью подчинился, затем вернул младенца и посоветовал матери вынести его из палатки ради его маленьких барабанных перепонок. Это было потрясающее событие, вызвавшее эйфорию. Кроме того, это был последний концерт Джона.

Незадолго до того, как мы отправились в Перу в октябре 2004 года, дети попросили меня уговорить их отца сменить график работы. В июле расписание было вновь пересмотрено, и программа Джона на Radio 1 была перенесена на час назад, так что теперь она шла с одиннадцати вечера до часу ночи, со вторника по четверг. В результате сеансы в Мейда-Вейл больше не могли проходить в прямом эфире, потому что зрители не допускались в здание после полуночи. Когда сеансы записывались заранее, атмосфера просто не была прежней. И поэтому неотъемлемая часть Программа Джона была отменена

.

Джон был счастлив сам по себе, и не было никаких веских причин, по которым ему не следовало бы ехать в Перу; перед нашим отъездом ему выдали справку о состоянии здоровья . Но мы все видели, что он все легче выдыхался. Он даже подумывал о предварительной записи одного концерта в неделю. Подходящий дом Правда в его расписании тоже могла вызвать стресс. Крис Берту уже некоторое время считал, что шоу нуждается в летнем перерыве. Джон часто говорил , что ему нужно уметь “переживать” забавные истории, чтобы он мог освежить свой репертуар историй. Пятьдесят две недели в году, которые он проводил в “Домыслах “, не позволяли этого. Но предложение Криса никогда не

пользовался большой популярностью на Radio 4. Когда Крис и Когда Фиона впервые обратилась к Джону с идеей превратить “Потомство” в “Домашнюю правду” и уделять ему по часу каждую субботу, он ответил на их опасения по поводу других его обязанностей замечанием, которое, оглядываясь назад, кажется довольно печальным. ‘Не волнуйтесь, - сказал он им, - я никогда не беру отпусков”.

Это одна из причин, по которой я рад, что мы устроили настоящий семейный праздник за год до смерти Джона. Прошло

около десяти лет с тех пор, как мы все вместе куда-то уезжали, и было ясно, что рабочий график Джона будет препятствовать любому существенному перерыву. Если, конечно, его не оторвут насильно от его проигрывателей и микрофонов. В конце концов, на него не нужно было давить - тот факт, что его дети действительно хотели поехать с ним в отпуск , был достаточно убедителен сам по себе.

Идея пришла в голову Данде и Захре, партнершам Уильяма. Между ними, а также с только через месяц заметила, они организуют двенадцать США—Джона и меня четверо детей и их соответствующие значимых других, Габриэль и ее сын Маленький Джон—остаться в красивый замок в Дордонь. Праздник продолжился непосредственно после фестиваля Big Chill в июле 2003 года. После того, как Джон закончил там выступать в качестве диджея, мы с Уильямом и Зарой проехались по Франции и встретились с остальными участниками в замке. Это были не особенно насыщенные событиями две недели, но было видно, что Джон остро нуждался в отдыхе. Он проводил большую часть времени , плавая в бассейне на резиновом кольце, щеголяя в соломенной шляпе “Стетсон”, заломленной набекрень , и изображая из себя медузу. Что ж, это делало его счастливым.

Мы также катались на каноэ и байдарках в близлежащем

река, которая была практически пересохшей, так что приходилось скорее пробираться по руслу. И каждый вечер у нас был продолжительный турнир по бадминтону . Днем было слишком жарко, чтобы двигаться , поэтому, как только стемнело, мы выстроили машины в ряд, включили фары, чтобы осветить площадку, и играли от души. Несмотря на то, что в то время Данда была на восьмом месяце беременности, она стала чемпионкой, хотя, возможно, это как-то связано с тем фактом, что она была единственным игроком, который не пил, и, следовательно, единственным человеком , у которого все еще сохранялась зрительно-моторная координация. Когда мы, пьяные, не шатались по площадке для бадминтона в свете фар, нас обычно можно было застать за длинным деревянным столом на улице, где мы пили , чтобы забыть, сколько съели, а потом снова

ели, потому что забывали, что сыты.

Это были прекрасные каникулы; я не могу припомнить , чтобы когда-либо видела Джона более счастливым. К концу двухнедельного отпуска все разъехались в разное время, чтобы вернуться в Англию, и в конце концов в замке остались только Джон, Томас и я . Мы втроем планировали провести там еще несколько дней, но эта идея просуществовала недолго. В первое утро после отъезда остальных Томас спустился к завтраку, чтобы рассказать нам, что он не спал всю ночь, осознав, каким старым и жутковатым стало это место теперь, когда все остальные уехали. Он застал своего отца укладывающим вещи в машину: У Джона был точно такой же опыт. Я был в меньшинстве. Я неохотно согласился отправиться домой с этими двумя трусишками в желтых блузках для больших девочек.

Когда дети высказали свои опасения перед нашим с Джоном отъездом в Перу, мне оставалось только согласиться.

Я заверил их, что поговорю с Джоном. Его напряженный график работы не способствовал тому, что он по-прежнему не мог самоорганизоваться. За прошедшие годы было много случаев, когда он оказывался в безвыходном положении: я потерял счет тому, сколько раз в семидесятых он так запаздывал со своей колонкой “Звуки”, что нам приходилось ехать в Лондон, чтобы сдать ее прямо в типографию, когда чернила на бумаге еще не высохли. бумага.

Он всегда был невероятно занят, даже чрезмерно увлечен, но старался этого не показывать. Если Крис просил его дать интервью или отправиться в поездку на По правде говоря, он говорил: “Думаю, да, но я должен посоветоваться с Шейлой, у нас на кухне на стене висел календарь, в котором были записаны все его встречи, и система заключалась в том, что Джон не мог согласиться ни на что, пока мы не проверим это по этому календарю. Если бы меня не было на кухне, то никаких приготовлений не было бы сделано. Очевидно, это сводило продюсеров с ума. Но мы были максимально близки к тому, чтобы справиться с нагрузкой Джона.

В последнее время он был разочарован тем фактом, что у него было свободное время, когда он был на Западе Заканчивал работу в среду, но совсем не было, когда он был дома в течение остальной недели. Поскольку в Лондоне ему было особенно нечего делать перед вечерней программой, он обычно бродил по музыкальным магазинам Сохо или звонил Томасу на работу и говорил: “Том, я внизу, пойдем выпьем со мной’.

Если возможно быть перегруженным работой и безгранично счастливым, то таким был Джон. Все, кто присутствовал на вечеринке по случаю его шестьдесят пятого дня рождения в августе 2004 года , восхищались тем, каким довольным он казался. Он любил свою жизнь, она действительно была такой простой. Он никогда не был так счастлив, как тогда, когда выступал со своей программой или

проводить время со своей семьей.

Больше всего Джону понравилось , когда он случайно наткнулся на демо-версию, которая привела его в восторг. Он, должно быть, провел сотни часов своей жизни , стоя на кухне, набирая номер, который был записан на какой-то кассетной карточке, и объявляя в трубку: “Привет, это Джон Пил с wonderful Radio 1. Он любил обзванивать группы и болтать без умолку, приглашая их на сессию записи или прося связаться с ними, когда они закончат свою следующую запись.

Даже сейчас в его комнате лежат груды компакт-дисков, кассет и пластинок, которые он никогда не ставил, многие из них до сих пор хранятся в упаковках Jiffy, а некоторые появились уже после смерти Джона. Письма, которые сопровождают их, демонстрируют типичную смесь смелости, оптимизма и духа:

Дорогой Джон, |

В последнее время я поймал себя на том, что слушаю ваше шоу все чаще и чаще, так как приближались экзамены, и я играл в догонялки. Если бы я только учился в течение года, а не пытался

создать величайшую рок-н-ролльную группу в мире. В любом случае, когда я смотрю в будущее на грани провала в сочетании с абсолютно хаотичной группой, меня обнадеживает, что есть еще кто-то, кто может столкнуться с множеством технических проблем во время выступления и продолжать улыбаться (я полагаю, вы улыбаетесь, it 1s radio). Так что, поскольку у нас есть кое-какие общие точки соприкосновения , я решил прислать вам копию нашего мини-альбома. Он немного грубоват , но чего можно ожидать от 4-х треков?

с наилучшими пожеланиями,

Дэвид Маррс (из Камбрии)

451

Уважаемый мистер Пил

Здравствуйте, меня зовут Том Корнейл, и, как и многие другие, я певец и автор песен, пытающийся добиться успеха в музыкальной индустрии. Я ваш большой поклонник и просто хотел узнать, не могли бы вы послушать мою CD, поскольку я думаю, что могу многое предложить, и вам это может понравиться!Я ценю, что вы, должно быть, постоянно получаете демо —версии, но если у вас найдется пять минут, пожалуйста , взгляните на них - мы будем рады любым отзывам. Еще раз спасибо

Том Корнейл

Уважаемый мистер Пил,

Я посылаю вам эту пластинку, зная, что вы единственный крупный диджей, который хотя бы подумал о том, чтобы послушать нас, не говоря уже о том, чтобы сыграть наши песни. Поэтому, если вы не сыграете нам, мы будем плакать, пока не закончим нашу следующую пластинку, а потом доставим вам неприятности этим. Если у вас мало времени, я рекомендую трек 4.

Много любви,

Любой из них, возможно, вызвал бы у Джона такой же восторг, какой он испытал от “Undertones” и “The Fall”, “Ragga Twins” и “Big Black”, “the Dwarves ” и “the Butthole Surfers”, “Captain Beefheart” и “Cocteau Twins”, “Faces” и “Carcass”.

Одним из самых ярких моментов его выступления на радио за последние несколько лет стало исполнение в своей программе первой записи The Delgados, первоначально записанной для Radio Scotland . Вы могли слышать, как удивление в его голосе нарастает после каждой песни. В конце концов, он объявил в эфире, что ему придется отвезти группу в Мейда-Вейл, чтобы провести полноценную сессию

для шоу.

Вскоре после выступления Дельгадо Джон представлял документальный сериал “Звуки пригородов” для канала Channel 4. Идея заключалась в том, чтобы сосредоточиться на группах, которые появились в отдаленных пригородах Великобритании. Во время одного из эпизодов Джон познакомился с группой Comatose и взял интервью у вокалистки. После этого он сказал ей, что хотел бы, чтобы группа записала сессию для его программы. Вскоре выяснилось, что она не только никогда не слышала шоу, но и понятия не имела, кто он такой и к чему пытается ее подтолкнуть. Джон подумал , что это было замечательно.

В другом эпизоде сериала было показано, как Ланаркшир, а также такие группы, как BMX Bandits, The Jesus and Mary Chain, the Soup Dragons и Подростковый фанклуб. В рамках программы Джон встретился со Стюартом Хендерсоном из группы Delgados. После того, как они провели интервью. Стюарт спросил Джона, не хочет ли он заглянуть в Электробар на следующий вечер, чтобы принять участие в викторине. Джон согласился при условии, что это не превратится в празднество зевак, как это обычно случалось в прошлом.

Перед викториной Стюарт обязательно зашел в бар, чтобы сообщить о личности своего специального гостя. “Пошли на хуй”, - таково было общее мнение. “Нет, честно, это Джон Пил”, - сказал Стюарт. - И сделай мне одолжение. Когда он будет дома, не ведите себя как гребаные идиоты. Я обещал, что все будет в порядке и никто не будет его слишком беспокоить. Он вышел из паба, взволнованный перспективой того, что один из его кумиров будет посещать его местную забегаловку, и напуганный тем, что посетители поставят его в неловкое положение, затеют драку, устроят истерику из-за Джона.

Когда наступил важный день, Стюарт пришел в паб за полчаса до того, как должен был прийти Джон. Только когда он вошел в переполненный зал, он осознал всю силу слухов. Очевидно , все в радиусе пяти миль, у кого был пульс, и те, у кого его не было, собрались в пабе, сжимая в руках банки и выжидающе глядя на Стюарта. Их лица напряглись, когда они увидели, что он прибыл без сопровождения. “Мы, блядь, знали, что он не придет”, - было первым ответом, достигшим ушей Стюарта, и только когда он попытался перекричать шум, чтобы успокоить их, шум утих. Стюарт устроился за угловым столиком, сгорбился над своей кружкой пива и начал представлять себе все наихудшие сценарии, которые могли произойти в ближайшие часы.

Джон вошел через двадцать минут под оглушительный рев. С нервной, смущенной улыбкой он уселся за столик, пока Стюарт разносил напитки. Публика была великолепной: люди подходили поздороваться, пожимали Джону руку, а затем оставляли его в покое.

Когда начался опрос, Стюарт обнаружил, что его собеседник не представляет особой ценности. Прозвучало вступление к “Voodoo Chile’, и Джон клялся, что это был “Пурпурный туман’. Господи Иисусе, - рассмеялся Стюарт: ‘Разве вы не проводили несколько сеансов с Джими Хендрикс? Может быть, тебе стоило прислушаться к нему чуть больше.’

Ночь прошла в том же духе, с Джоном и Стюарт все больше напивался и все больше веселый. Джон сказал Стюарту, что, по

его мнению, такой вечер пришелся бы по душе Джону Леннону, поскольку он любил посидеть в пабах и поболтать о всякой ерунде.

В конце вечера на него упала тень.

454

Столик Джона и Стюарта. Гас Аллан, выдающийся Местный житель с устрашающей короткой стрижкой подошел к ним и представился Джону. Ладно, Джон, черт возьми, Джон, ты мой гребаный герой — видишь ли, когда я учился в школе, ни одной пизде не было дела до меня, но я всегда слушал, как ты показываешь . Потрясающе, большой человек". Одно рукопожатие, и Гас ушел.

Полчаса спустя Джон ушел под единодушные аплодисменты, завершив незабываемый вечер. Когда несколько дней спустя он вел свое шоу , то сказал в прямом эфире, что ему выпала честь посетить Electric Bar в Мазервелле на вечер викторин и что он прекрасно провел время. 'Замечательное место, - сказал он, - и я искренне надеюсь посетить его снова'. Затем он посвятил песню Гасу.

*

Джон вел свою последнюю программу на Radio 1 в четверг, 14 октября 2004 года, в одиннадцать часов вечера из своей комнаты в конце коридора. Все шло как обычно. Он начал шоу с песни "I Wanna Holler". (Но этот город слишком мал)" в исполнении the Detroit Кобры и информированные слушатели: "Сегодня вечером у нас полный зал, а это значит, что все остальные смотрят телевизор, пока премьер в конце зала ведет программу'. Он упомянул песню , которую планировал исполнить для "нашего Тома" — The Коробка, в которой это пришло" Анны Фирмин и the Trigger Евангелие—' Но он уже лег спать и ничего не услышит. Вы тоже не увидите, потому что сегодня вечером этого не будет".

Тренчер участвовал в записи таких песен, как ‘Row After Row Of Leper Skulls’, ‘Attack Of The

Сексуальные домогательства”, “Я Потеряла Все Свои Волосы, Катаясь на Лыжах Несчастный случай’ и “Попал живым под поезд’. То Осень, конечно, выдалась с “Пороховой бочкой”, в то время как Я представил Pig’s Big 78— по этому случаю Конвей Твитти - это единственное, во что можно поверить”. Мы с Джоном подпевали каждому слову, пока стилус потрескивал, выплевывал и шипел, двигаясь по канавке.

Как обычно, было много электронных писем от слушателей, которые сделали прямую трансляцию такой приятной для Джона. Мужчина, обучающийся в Университет Оклахомы написал , что ему было интересно услышать, как Джон упомянул в вчерашней вечерней программе, что он работал в КОМА в шестидесятые годы. Дэн из Стивлесс отправил электронное письмо с подробной информацией о новом адресе веб-сайта. Кто-то написал нам, что ему очень понравились недавние выступления Super в Майда-Вейл Пушистые звери и Филлип Робак. Кто-то еще хотел узнать название песни, которую Джон исполнял несколько лет назад, в которой была строчка: “Привет, я Чаки, хочешь поиграть?’ Гэри написал по электронной почте, что, по его мнению, причина в напряжении в 150 вольт, и Джон пообещал разобраться и снова прослушать запись через несколько недель. Другой слушатель написал, спрашивая , можно ли посвятить его девяносто седьмому-year-old grandfather‘, который, вероятно, не будет слушать. Джон записал альбом the Aphrodisiacs” ‘Backbone Of Society’.

Он также исполнил японский трэш-трек под названием ‘Flummox’ группы Swarrrm. - Это “рой” с тремя “р”, - объяснил он. - Я не думаю, что это так. На самом деле они не называются “Рой” с тремя “Р”. Это было бы просто глупостью. Запись была прислана ему Дином из-за его крайней боязни шума. “Какой же это герой”, - вздохнул Джон. Там был

“Whats The Matter Blues” Фрэнка Стокса, “Hushhh’ Эндрю Томаса и ‘Shangri-La Tiger” группы Dollhouse (“Что, по их мнению, они делают?” - удивился Джон, когда песня закончилась, вызвав шквал откликов).

Последней записью на шоу была песня Клюта “Time 4 Change” с альбома “Никто не слушает”. Больше не. Затем Джон отключился. ‘Я вернусь к вам в начале ноября, надеюсь, обновленный, и у меня будет масса ваших просьб сыграть с нами. Спасибо, как всегда, за то, что выслушали”.

457

Это ДЕСЯТЬ человек если кто -то не ошибается

я и мой друг; я 5 ТТ | 13^ стн Шри ДЖАТ

Родной город или семья в лиге : ЭЛЬ ирато! пять лет НАЗАД это было

Более тонкая ЛИНЗА IMP

с днем рождения, мой любимый МТ 2 не имеет значения L

> Что-то новое…

coe. M! “т Aro itr 48 gm VIN CIB

m xcv на g

Я узурпатор и идиот МЛАДШИЙ…

2: ВАШ zr -w qWV. в МОП-я з е мы Ми Мне ЭМ =Т Кью Джон

Е е ж ц ВГ АТТ] apain м Поко ХТР (ОС Фет квад е Тее Пэл 7 = для

кровати цзюе

День рождения * zi - 5d : Я хочу, чтобы ты был там (с другой стороны | Визави Парма С другой стороны

ве

VC Ca ad: Я просто. ae | i ^ Vi be! Я не знаю, что делать!

Я или! Это продолжение

Эпилог

Джон умер от сердечного приступа в Перу 26 октября 2004. В последующие недели и месяцы мы с детьми были искренне поражены реакцией общественности и средств массовой информации. Они оказали нам огромную поддержку.

Мы оказались в необычной ситуации. Куда бы мы ни посмотрели, люди оплакивали Джона. Мы знали, что эти поздравления были не для нас, и что они были сделаны спонтанно. Но осознание того, что другие люди разделяют нашу печаль , очень помогло.

Когда по радио 1 объявили о смерти Джона, я все еще торчал в Перу, но дети были дома. Они получили от меня телефонный звонок ранним утром и готовились к объявлению в прямом эфире, которое, как они знали, было запланировано на вторую половину дня. После этого Би-би-си передала по радио и телевидению материалы, в которых звучали теплые слова благодарности от коллег и музыкантов, с которыми Джон работал бок о бок на протяжении многих лет.

В последующие недели на него обрушился поток электронных писем и корреспонденции. Люди, которые никогда даже не встречались с Джоном, присылали цветы и письма с соболезнованиями. Некоторые из них были адресованы просто ‘Семье Джона Пила”. Где-то в Саффолке.

Граффити появились в Ливерпуле, Брайтоне и Белфаст. На мосту

Чаринг-Кросс в Глазго кто-то написал краской из баллончика “Джон Пил РАЗОРВИСЬ” рядом с двумя влюбленными сердцами. В Лидсе художники-граффитисты совместно создали стену с изображением

459

фотография Джона с надписью: Джон Пил, главный вдохновитель и ключевой игрок британской независимой музыкальной сцены… с 1939 по 2004 год… Мы никогда вас не забудем!!!’ Один мой друг пришел с собрания в Лондоне и заплакал при виде огромного плаката, свисавшего из окна многоквартирного дома. “Прощай, Джон”, - гласила надпись. ‘Мы любим тебя”. В тот день, когда эта новость стала достоянием общественности, сеть магазинов HMV почтила всех минутой молчания ; в крупных магазинах Virgin по всей стране из системы громкой связи прозвучала песня “Teenage Kicks”

.

Учитывая необычайный общественный резонанс и оказанную нам поддержку, казалось вполне естественным сделать заупокойную службу по Джону публичным мероприятием. Мы организовали громкоговорители для трансляции службы для всех, кто хотел собраться у собора в Бери-Сент-Эдмундсе.

Реакция на смерть Джона была просто ошеломляющей, но самый напряженный момент , должно быть, наступил, когда мы прибыли в собор и толпа там аплодировала и подбадривала нас. Мы перехватили сообщения, которые выкрикивали: “Мы любим тебя, Джон!” и “Спасибо тебе, Джон!” Мы были благодарны за это. И мы также были благодарны за то, что , когда общественная служба закончилась, все уважали нашу частную жизнь и позволили нам пройти одним на частную службу в нашей деревенской церкви.

Его друзья делают все возможное, чтобы сохранить память о нем. Такое ощущение, что Энди Кершоу каждую неделю рассказывает историю о Джоне в своей программе на Radio 3; он даже получил мини-диск от слушателя, который собрал около двадцати самых смешных цитат Джона из его шоу на Radio 1. Энди продолжает

вставлять их в свою программу между песнями; иногда кажется, что Джон выступает в качестве соведущего с

Энди. Недавно мы были на концертах, где Лаудон Уэйнрайт и Нина Настасия вспоминали Джона и посвящали ему песни. Недавно Данда и Флосси были на концерте Лоры Кантрелл в Лондоне. На бис Лора вернулась и исполнила песню, которая, по ее словам, была “для моего хорошего друга Джона Пила”. Мы знаем, что в последующие месяцы группы давали концерты по всей стране Смерть Джона также стала свидетельством их уважения.

Интересно, перестанет ли когда-нибудь казаться странным, что Джона здесь нет. Когда у нас собирается большая семья, вы, естественно, ожидаете, что он будет там. Раньше он всегда был в центре событий. Теперь вы можете почувствовать его отсутствие. Я бы очень хотел, чтобы он был с нами и увидел, как “Ливерпуль” выиграл Кубок Европейских чемпионов 26 мая 2005 года. Перед матчем Данда и Флосси приготовили красные коктейли и угощение из красной еды. Стены гостиной были увешаны флагами “Ливерпуля”. Арчи был в полной форме. В перерыве, когда мы проигрывали “Милану” со счетом 3:0, мы молились Джону, умоляли его что-нибудь сделать, и тут все изменилось.— Джеррард, Смайсер, Алонсо: три гола за шесть минут. Затем мы выиграли серию пенальти, три-два. Это был потрясающий вечер, но мы и те, кто был близок к Джону, сожалели, что его не было рядом, чтобы отпраздновать с нами. На следующий день, - Джонни Уокер заметил в своем радиошоу: “Джон Пил, должно быть, танцевал на седьмом небе от счастья, когда Вчера вечером “Ливерпуль” победил. Держу пари, так оно и было. То Без сомнения, на прогулке по Уэстборн-Гроув.

На следующее утро после матча мы отправились в город и купили все красные цветы, какие только смогли найти, а затем отправились на церковное кладбище. На могиле Джона устроили небольшой праздник. Мы вылили

на нем было шампанское в наше первое Рождество без него. Незадолго до этого кто-то поставил бокал красного вина на могилу. На самом деле бокал все еще там, хотя вино сильно разбавлено. Мы не знаем, кто сделал этот жест, но , кто бы это ни был, мы просто хотим сказать спасибо.

Мы положили все цветы на могилу и завязали Ливерпульский шарф вокруг надгробия. Мы еще раз поблагодарили Джона за то, что он помог “Ливерпулю” выиграть Кубок. Затем мы неторопливо прошли обратно через церковный двор и направились домой.

Приложение

В 1992 году Джон впервые всерьез задумался о написании автобиографии. Готовясь к написанию, он отправил эти два письма своему литературному агенту Кэт Леджер:

Дорогая Кэт,

Я думал, что напишу тебе до того, как спадет чувство вины , вызванное твоим телефонным звонком трехминутной давности.

Конечно, я по-прежнему горю желанием написать Книгу, поскольку смерть моей мамы, как я уже объяснял, дала мне еще больший стимул. Остаются проблемы с поиском времени в моем истеричном графике непопулярных радиопрограмм. Я подозреваю, что только соблазн золота, как это обычно бывает, поможет справиться с этими проблемами.

Грубо говоря, в книге будет рассказано - в дополнение к обилию запятых - о моем рождении в возрасте четырех лет в хижине дровосека в Черном море. Лес. А если серьезно… рождение за три дня до начала войны (Второй мировой), воспоминания о

прослушивании Би-би-си в убежище Андерсона в верхней части сада, Немецкие самолеты, пролетающие над головой, военнопленные

463

работа в поле рядом с нашим садом, горящие Ливерпуль и Биркенхед . Затем детский сад, отец возвращается с войны — впервые в жизни Я его увидел - и его почти немедленный отъезд в то, что было В Родезию, чтобы еще раз взглянуть на него, прежде чем отправить нас всех туда. Его решение не делать этого и его довольно замечательный “Меркьюри” 46-го года выпуска. Мой отъезд в Вудлендскую школу, Деганви, когда мне было семь лет.

Четыре года крови, садизма, дезинформации, священников-извращенцев, футбола и еще больше крови. А также курение промокательной бумаги, запрет книг Джаста Уильяма, половое воспитание (ранние годы), невероятно изощренные издевательства и “Самый сильный мальчик в мире”. Перевелся в школу Шрусбери в возрасте 13 лет, провалив общий экзамен Вход стоил 1 доллар, но меня пропустили, потому что я гордился поколениями Рейвенскрофтов, которые учились в этой школе до меня. В первый семестр я был последним учеником в школе, после того как попал в класс, который в государственной школе считался бы подготовительным. Мой отец не проявил энтузиазма по поводу этого небольшого отличия. Установив рекорд палаты по количеству избиений (не санкционированных законом) за один семестр. Проблемы, связанные с

464

будучи, с трудом поддающимся описанию, довольно хорошим человеком-выглядящим на данном этапе жизни, т.е. сексуальное домогательство, вплоть до педерастии (я знаю, чего хочет общественность). Размышления о долгосрочных последствиях, описанных выше. Одиночество футболиста-одиночки и лень бегуна на длинные дистанции. Подтверждение, разочарование и начало пожизненного страха перед религиозным опытом. Новые

избиения, в высшей степени ритуальные и очень болезненные. Влюблена в парня, который в итоге стал успешным кандидатом от тори на дополнительных выборах, последовавших за этим “Исчезновение” Джона Стоунхауса. Неуспеваемость в классе, но Дж.Р.П.Р. (меня) спас удивительно мудрый, веселый и щедрый домоправитель (которому , скорее всего, была бы посвящена любая книга).

Поездка в мужской клуб в “Эвертон” финансировался школой, а мои сверстники, наихудшим образом, оказывали мне покровительство . Решил, что “Скоуз” “ойки” были лучшими людьми, чем те, с кем я учился. Энтузиазм по поводу ранних работ Билла Хейли и, что еще хуже, по поводу Фрэнки Лэйн и Джонни Рэй отошли в сторону, услышав Литтл Ричарда. Их отвергли вожди в стиле Флэшмена.

школьного джазового общества - высшего Общество, неизбежно - когда я пытался найти родственную душу. Одиночество одинокого фаната Лонни Донегана. Постоянная неуспеваемость в учебе превращается в краткий период отличий в классе классного руководителя. Причины быть благодарным за то, что я был слишком глуп , чтобы поступить в университет. Покидать В Шрусбери у него серьезные проблемы с адаптацией и 4-й уровень “О”.

Работаю рассыльным на хлопковой бирже Ливерпуля . Встречался с Дуэйном Эдди в “Ливерпульской империи” (среди прочих). Подайте заявку на ранний призыв для Национальная служба.

Направлен в Освестри для прохождения начальной подготовки (Королевская артиллерия). Командир батареи - маленький глупый засранец, который встречается с моей сводной сестрой. Параграфы о распаде брака О родителях и последующей женитьбе отца на развратной старухе, с которой он был помолвлен целую вечность назад, до того, как встретил мать на лыжных каникулах в Венгене в романтические 1930-е годы. Мой собственный опыт катания на лыжах, в том числе на Виккерсе Виконт и поющий йодлем.

Неудача — да, еще одна — стать Кандидат на офицерскую подготовку (возможно , первый студент государственной школы, который провалит »Реакцию сержантов«) потерпел неудачу. Ученик государственной школы среди них , дальнейшие неприятности, за которыми последовали

удивительная реакция сослуживцев.

Перевод в Солсбери-Плейн для дальнейшего беспричинного насилия. Неожиданная роль Армии спасения в жизни молодого солдата JRPR. Ходатайство о совершенно ложном направлении в Англси из сострадания удовлетворено. Передача дела в суд Королевское оружие, управляемое истеблишментом Артиллерия - за главы с веселыми историями о жизни в армии. Сентиментальные истории о том, как забрали брата Алана (11 лет) и его лучшего друга Энтони Холден (биограф королевской семьи и игрок в карты) сходил пообедать, а затем понаблюдал, как они играют на скалах в бухте Тре-Арддур. Создал скиффл-группу с товарищем по команде, который пригрозил мне судебным иском, когда я в последний раз публично назвал его имя. Работа на сверхсекретном радаре и показательная демонстрация его работы перед высокопоставленными офицерами НАТО. Ритуальное сожжение складов квартирмейстера. Гонки на мотоциклах. Поездка в Ливерпуль, чтобы увидеть Джина Винсента и Эдди Кокрана. Поездки в Ливерпуль, чтобы увидеть Ливерпуль. Страницы о чудесах Билли Лидделл (левый).

Дембель после двух действительно счастливых лет. Враждебный отзыв из батареи Командир. Враждебный прием отцом того же самого. Перевод в тяжелую

работаю на хлопкопрядильной фабрике в Рочдейле . Романтический рассказ Алана Беннета о жизни в “грязных”

условиях на севере. Угроза отца отправить меня в США. Реакция Джеймса Дина на то же самое, за которой последовала паника, когда он обнаружил себя на борту эсминца “Юджин Лайкс”, направляющегося в Хьюстон.

Пересечение Атлантического океана.

Прибытие в Хьюстон. Смерть журналиста. Поспешный отъезд в Даллас. Жертва попытки изнасилования в YMCA. (До сих пор было удручающе мало секса — если не считать мастурбации и многого другого).

Поспешный переезд в живописный пансионат на Гастон-авеню с постоянно меняющимся населением , состоящим из бездельников, пьяниц, расистов, ковбоев и т.д. Собственное погружение в пьяную жизнь. Ночи, проведенные в болтовне с официантками в опасных барах и клубах. Первое знакомство с магией Рой Орбисон. То же самое со вторым и третьим. То же самое в-четвертых. Поножовщина в клубных туалетах. Влюбляюсь в красный цвет-целеустремленная девушка по имени Джуди. Первый сексуальный опыт (увы, не у Джуди 9) Поездка в тюрьму Форт-Уэрта для прохождения медицинского обследования при подаче заявления на постоянное проживание в США. Тур концертов—Big D Jamboree и т.д. Первая радиопередача (1961). Укушенный насекомым и последующая глупая

поведение. Снова влюбиться, на этот раз в авиакомпанию “Брэнифф Эйрлайнз” стюардессу, которую также зовут Джуди. Отправиться — не с Джуди — в Новый Орлеан, чтобы проследить судьбу стриптизерши по имени Крис Кольт, Девушка В возрасте 45 лет. Член-основатель округа Даллас Крикетный клуб. Играю в крикет в Хьюстон, Остин, Сан-Антонио, Абилин. Враждебная реакция местного населения. Встреча — и все это правда — с Джоном Кеннеди, Ричардом Никсон и Линдон Б. Джонсон во время кампания 1961 года.

Второй сексуальный опыт.

Первое, что нужно сделать: перетащить полосу. Жизнь в стиле ‘американского граффити’. Продолжаю работать рассыльным.

Перевоплотился в агента по страхованию урожая и в качестве такового совершает поездки на Запад Техас, сопровождающиеся посещением Мексиканских борделей (в строго непубличной роли).

Дальнейшие концерты. Встреча с Lightnin' Хопкинсом и Мемфисом Слимом. Видя Джимми Рид. Приход в жизнь "Битлз" и дешевая эксплуатация незнания американцами европейской географии и веры в то, что если я родом из Ливерпуля, то должен знать

Fab 4. Постыдная эксплуатация фанаток с похожими ошибочными представлениями. Толпа в центре города Далласе более 2000 кричащих подростков. Несколько месяцев странных

сексуальная активность, выходящая за рамки самых пылких фантазий о мастурбации. Опасности, о которых говорилось выше.Бегство из сарая, в котором я жил, в дом одной из моих постоянных посетительниц. Смерть ее отца и матери и наш последующий брак. Ей было 15, мне - 26.

(Перед этим: убийство Кеннеди (не я) и мое присутствие на пресс-конференции, на которой Ли Харви Освальду было предъявлено обвинение, позже подтвержденное (к моему удивлению) фильмом Granada TV film.)

Подробности собственного краткого тюремного заключения в округе Джас

Удаление — непосредственно перед появлением полиции — для Оклахома-Сити и первая работа на радио на полный рабочий день. Огромная популярность Шоу Пола и Джона. Отмечаемый на высоком уровне Школьная игра по возвращению домой. Покупка Corvette. Отказ от вышеупомянутого. Покупка Chevrolet 409. Использование вышеупомянутого для поездки Дэна Янки и the Carpetbaggers и Джея Уокера и the Пешеходов на концерт в индейских резервациях. Важность "Держись Слоупи", "Глория" и "Луи" Луи". Опасно останавливаться в 3 часа ночи на сельских стоянках грузовиков, чтобы позавтракать. Опасность быть призванным в армию и отправленным во Вьетнам была

предотвращена, когда я напомнил, что уже служил в армии союзников. Психика пэла пострадала, и он пошел “к маме”. Поездка в Миннеаполис на встречу с “Битлз”.

470

Неудача на встрече с “Битлз”. Избиение полицией.

Новые ловушки в сельской Оклахоме. Начало распада брака. Домашнее насилие и каменная лягушка. Потеря работы.

Переезд в Сан-Бернардино, Калифорния. Восемнадцать месяцев на КМЕНЕ. Дальнейший распад брака. Поездки в Лос-Анджелес, чтобы увидеть Capt. Beefheart и ряд других модных групп. Познакомился с Jefferson Airplane. Они ему не понравились. Работал с местными группами. Был отправлен непонятым жить к матери в Лондон. Недовольство матери. Поездки в Уоттс после массовых беспорядков. Участие службы шерифа Департамент по продолжающемуся ухудшению брачных отношений. Слева Калифорния. Прибытие домой.

(Выше добавлено еще кое -что, например, концерт Rolling Stones в Сан-Франциско Бернардино, во время которого фанат разрядил в сцену полицейский револьвер. Опасная близость сверху. Поразительная сила фанаток. Концерты Германа “Отшельники”, “Животные”, “Холлис

“.)

Я попала на радио “Пиратский корабль” Лондон. Жена присоединилась ко мне в Лондоне. Жизнь напротив Королевской прачечной Фулхэма. Дальнейшее ухудшение отношений в браке что привело к окончательному краху, переезду в квартиру возле Риджентс-парка с фотографом-андрогином (моим

471

высылка) и печальное погружение жены в преступную жизнь, которое в конечном итоге привело к тюремному заключению и ее ранней смерти — не планируйте слишком долго останавливаться на этом

.

Жизнь в Аппер-Харли-Сент - “Заносчивые соседи”. Закрытие “Пиратов”. (Страницы забавных историй о жизни на корабле.) Встреча при необычных обстоятельствах с Джоном Ленноном. Встреча с Йоко. Общие размышления о жизни в качестве второстепенного принца среди хиппи. Дальнейший сексуальный опыт. Поездки в венерические клиники. Странное лечение крабов в Бирмингемском отеле с будущей женой. Пишу серьезную чушь для ряда хипповских газет. Пишу ужасные заметки на обложке. Цитаты выше. Фестивали. Опыт употребления кислоты. Встреча с Брайаном Джонс. Его смерть. Хендрикс. Выступления на Radio 1. Запись Who, Cream, Хендрикса, Pink Floyd. Жизнь второстепенной телеведущей. Судебные процессы в Стране Оз и отношение (продолжающееся) “Ruclum” Невилла к JRPR (включая недавний унизительный вечер в клубе Groucho.

Череда концертов. Череда неудач, связанных с одним и тем же. Встречи почти со всеми интересными группами того времени. Концерт Doors в Лондоне. Дальнейшие сексуальные переживания, в том числе с hi’te-

любители пеших прогулок. Встреча с Марком Боланом и рассказ о трех или четырех годах , в течение которых он был моим лучшим другом. Жизнь хиппи в Лондоне , включая бархатные брюки Опыт и несчастья в качестве наркомана. Секс в поезде. Встреча с Шейлой Гилхули (она же Свинья) и постепенное изменение жизни к бесконечно лучшему, и я надеюсь, что так будет продолжаться до глубокой старости.

Смерть отца.

Это переносит нас примерно в 1970 год. Позже я пришлю вам подробности, но мне нужно идти помогать детям ставить палатку.

Т

473

Дорогая Кэт, Как и было объявлено, вторая часть воспоминаний англичанина Джентльмен.

Dandelion Records — мечта рушится. Создание звукозаписывающего лейбла на крайне непрактичных, но идеалистических основаниях. Любопытные отношения с артистами привели к прозрению на кафельном полу мужского туалета в Портсмуте. Размышления о великих диджеях (противоречие в терминах, а именно: то Странная Борода, Джон Р., Вулфман Джек и продажа автографов цены на вечери, и только британский отличный диджей Алан Фримен).

Унизительный провал на Вершине Популярность и последующая смерть продюсера. Дружба с “Ливерпулем” Поэты, перемежающиеся — как и все остальное — размышлениями о футбольном клубе “Ливерпуль”, то есть о Кенни Далглише., Просто Самый Лучший. Письма от Дэвида Боуи собирает деньги на строительство want’ for it, мы потратили 67 фунтов стерлингов. Художественная лаборатория в Бекенхэме. Размышления о Художественные лаборатории, как правило, безграничны огромное количество всякой ерунды, порожденной этим, и эффект того же самого — омертвляющий эффект того же самого — на восточную Европейская музыка (включающая в себя Глупая шляпная теория продвинутой поп-музыки

474

критика).

Рыдания в = Ссуффобрке, начинающая молодежь Клуб (называемый, по давно забытым причинам, Грейт Финборо

Международный аэропорт). Каникулы с такими же в Уэльсе, Корнуолле и на территории бывшей Югославии. Спасать жизни (серьезно) молодых людей в микроавтобусах, когда у них отказывают тормоза при спуске с гор в Альпах. Секс. Водить молодежь В клуб на концерты-Status Quo в Стаффорде, Tangerine Dream в Олдершоте через неделю после взрывов в пабах — и на матчи в Ливерпуле. Создаем семью с Уильямом. Отец (я) плачет в прямом эфире. Истории о Артистах из группы Dandelion , Стэквадди-панк до панка - включая истории о пьянстве, жестокости и мести на трассе M6.

Фестивали в Голландии, PinkPop (недалеко от Маастрихта) Маастрихт —книга, гарантирующая отсутствие мыслей о Маастрихтском договоре. Другие фестивали в стране и за рубежом с рассказами о Бакстоне. Фестиваль, “Ангелы ада”, грязь, пьянство, ножи и уединенный дом.

Домостроение, руководство для начинающих, в том числе. поиск дома и жизнь в фургоне, визиты знаменитых друзей - ну, довольно известных, например, Ричарда Невилла. Рождественский концерт с участием Рода Стюарта, Айвора Катлера, the Faces, Роберта Уайатта и других. Джон Уолтерс и его

влияют на нашу жизнь. Тусовки Субботние вечера, основанные на ночных фильмах по телевизору.

Журналистика, начиная с статей о дерьме (возможность для смеха цитаты из того же, например, “облака - это стихи, написанные на небе”) в “Интернэшнл таймс”, страна Оз, дом Гэндальфа Сад. Своего рода прогресс в создании дисков и музыки Echo (включая разворот на центральной странице в костюме школьницы , а также множество других фотографий с обнаженными женщинами и неуклюжим обоснованием того же самого, что привело к появлению “Школьницы из Ежегодные соревнования на Радио 1, которые, если быть честным ко мне, в один год выиграла половина носорога, а в другой - пишущая машинка), затем Звуки, Наблюдатель, Независимый (кратко) и в качестве корреспондента журнала Bike Magazine). Интервью с Фрэнком Заппой, Canned Heat и доктором Джоном Ночным

туристом в Clympings. Дружба с Капитаном Бифхартом, возможно, единственным настоящим гением, работающим в области популярной музыки. Анекдоты (трогательные) о великом человеке (ныне, увы, серьезно больном).

Роллеры в Бэй-Сити в Мэллори-парке во время автогонок “инкорпорейтед” Тони Блэкберн на скоростном катере , управляемом Уомблом, и затмение Слейда.

Встреча с сумасшедшим, который

утверждал, что является не одним из них, а всеми остальными. Маленькие лица. Размышления о широком спектре неуравновешенных людей, с которыми приходилось сталкиваться во время карьеры в шоу-бизнесе.

Радио 1 Веселые дни и веселые недели. Тони Блэкберн, принимающий обиженных бизнесменов в Бирмингеме, и стремительная переоценка Блэкберна. Танцевальный конкурс “Дискотека” в Ливингстоне. Выходные-сюрпризы для “Свиньи” в Ниагаре Водопады и странная встреча с Дайром Проливы. Поездки с BBC World Служение Зимбабве (включая пение “наш путь в Замбию”), Сьерра-Леоне Леоне (включая глубокое потрясение от жизни местных жителей), Болгария (включая то, как Уильям влюбляется) и страны Балтии. Поездки Радио 1 в Россию (до гласности) и в Венгрию, Чехословакию. Отдых на Сент-Люсии и влияние сексуального Песня «Pistols”.

Стадион “Хейзел” и наше присутствие в толпе, мы чудом спаслись и получили травму. Эффект от Хиллсборо — как краткосрочный, так и долгосрочный.

Это была и дружба с Джоном Горман, бывший на эшафоте, включая деревенские торжества по случаю Королевского Свадьбы и юбилеи.

Короткий период на радио Люксембург (с анархическим шоу под названием Стенхаусмюр-2, Кауденбит-2, которые были признаны, хотя и с трудом, лучшим сериалом

Во всей Европе в какой -нибудь публикации). (Был единственным человеком , работавшим на радио 1 и 208 я думаю, одновременно.) Размышления о влиянии Люксембурга и AFN на жизнь. Восхищение ребенком Дженсен. Как друзья по ритму, мы украсили Top Of The Pops и Radio 1 — глубоко сожалеем, когда он ушел в Столица.

Программы для британских вооруженных сил Трансляция. Наши храбрые мальчики и девочки в окопах не проявляли к этому особого интереса , но пользовались необычайной популярностью среди гражданского населения Германии, что привело к тому, что большинство моих самых лучших друзей стали Немецкий. На самом деле, последние два года его признавали радио-диджеем в Германии. Полная неспособность говорить по-немецки. Программы для радиостанций в Бремен и Берлин (запись сделана в углу нашей гостиной) оба проиграли в прошлом году перед лицом возрождающегося национализма. Программы (продолжаются по состоянию на сегодняшнее утро) в Австрия и на удивительно названном Радио мафия в Финляндии.

Панк-революция и ее продолжающиеся последствия для личной жизни и всего мира. Заигрывание панков с регги, удивительная реакция публики в конце 1960-х, когда я начал играть регги по радио, грубая враждебность читающей публики

к регги, письмам и угрозам от расистских группировок, включая кампания по отправке мне какашек по почте (в том числе от британцев Ячейка движения в Уолсолле, к которой было приложено письмо, начинающееся словами “Дорогой Джон”). Размышления о расизме.

Попытки организовать радиопередачи в США, первоначальный энтузиазм американских предпринимателей улетучивается, когда они действительно начинают слушать программы. Нынешняя

попытка , которая, по крайней мере , привела к распространению программ под эгидой Спонсорской компании Nana. Абсурдно оптимистичные прогнозы американской рекламной машины и всеобщая возможность посмеяться. Важное осознание того, что сохранение здравомыслия зависит от избегания шоу—бизнеса, о котором говорилось выше, вызвано появлением с Клайвом Джеймсом и Андре Превен в телепрограмме “Ужасный ” подумал, что если бы я действительно работал, то мог бы проводить большую часть времени с такими гламурными людьми, как они, а затем подумал, что предпочел бы болезненную и унизительную операцию на прямой кишке — и окунуться в деревенскую жизнь. Преимущества вышеперечисленного и радость от того, что их описывают (в Хранитель) как “эксцентричный отшельник”. Это, по-видимому, дает мне право вести себя так, как мне заблагорассудится. За ним следует столько страниц, сколько вам захочется

слащавая история о младенцах, безнадежной любви к детям, о том, как Свинка чуть не умерла после рождения четвертого ребенка (Флосси) и неохотном решении остановиться на достигнутом, о покупке подержанного автомобиля Morgan, который у нас все еще есть, но мы не видели его уже 12 лет. События, произошедшие на остановке по дороге в Бери-Сент-Эдмундс.

Джон Бирт сломал запястье в матче со счетом 5:0 в Холборне. Ужасный опыт работы в качестве ведущего Radio 1 на различных важных мероприятиях BBC , включая откровенно покровительственное поведение Аттенборо.

Эффект от критической рецензии на концерт Дилана, опубликованной в Guardian. Дружба с Энди Кершоу.

Поездки на конкурс песни “Евровидение” в Брюссель — возвращение в Хейзел и веселая встреча с королем и королевой Бельгии Небольшая вечеринка с участием покойного Рэя Мура наводит на размышления о действительно великих телеведущих Муре, Литтлтоне, Клейтон, Авотт - (имехудимгунти , встреча с последним по имени и 25 —минутный монолог от него же) - и

Лозанна. Энтузиазм по поводу “Евровидения”, его сложности и безумных туристов Сожалею, что это больше не важно.

Впечатления от “Down Your Way” и “Desert Isd4” и “Deeee”. Практически любое появление на

Radio 4, в том числе письма от великих и добрых людей, появление давно потерянных родственников и т.д. Ужас при посещении

. Юбилей диска “Необитаемый остров” исполняют в неподходящем костюме. Странная встреча с принцессой Маргарет и сочувствие к ней. Находим общий язык в восхищении ее отцом и “Арчерами” Мы оба предстали в одном и том же образе. (В книге гарантированно не будет никаких королевских глупостей.)

Также будут рассказы о том, как мы попали в “Цитату без кавычек”, что называется “Игра в законы”, а также походы в кино, театр и на выставку ужасных японских картин с участием Саманты Фокс и Ширли Уильямс для телеканала Gloria Hunniford TV. Восхищение этими и другими сюрреалистическими сочетаниями.

Посетите, чтобы обратиться к группе пожизненников по адресу Гартри (включая 3 из 4 Гилдфорда) За 4 дня до выхода “Гилдфорда 4”.

Размышления о других диджеях Radio 1 , в том числе (если это возможно по закону) о самом ненавистном человеке в мире, вечер с Ноэлем Эдмондсом, который едва не погиб от его рук на глазах у телеаудитории всей страны, а также размышления о славе и потребности людей в ее атрибутах.

Встречи с Кайли Миноуг и восхищение ею. Ее доброта к

Флосси и подруга Флосси Хлоя. Объясните, почему они предпочитают Кайли, Шину и остальных Спрингстину, U2, Dire Straits и т.д. Будут рассказаны истории (нелестные) о посещениях Пила. “Акры” Сью Кук (которая сломала наше электрическое одеяло) и Боб Гелдоф.

Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать об этом утре, Кэт. Очевидно, что по мере того, как я буду разбирать все коробки с хламом, которые у меня хранятся, будут всплывать другие вещи — например, в ходе предварительной проверки было найдено около 10 писем и открыток от Элтона Джона, — и я только что понял , что упустил из виду удивительно забавную поездку в Японию, описанную выше. Там будет много доморощенной информации об автомобилях, собаках, кошках, детях, друзьях детей, машинах, соседях и вечеринках.

И еще кое-что - на вечеринке по случаю моего 50-летия присутствовали четыре представителя Зимбабве. Братья играли в саду, что-то свинья организовал 3 лет после брошенного вскользь замечания в клуб в Хараре и сочетание в то и на нашей свадьбе симпатической фолк шоу-бизнеса и наших друзей из Стоумаркет.

Возникнет вполне реальная опасность того, что книга превратится в гимн

хвала Шейле, но без нее

все равно не было бы книги, которую стоило бы писать

.

Удачной охоты…

483

СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА

БИБЛИОТЕКА ОКРУГА УЭСТМИТ

gl: 66632;

1. Эта книга может храниться в течение трех недель.

2. После этого, в случае невозврата, будут взиматься штрафы в соответствующем размере плюс почтовые расходы.

3. Эта книга должна быть возвращена не позднее указанной ниже даты.

* в мае 2015 г.

“X i”

2 мая 2013 г.

-7 АПРЕЛЯ 205 г.

C/821

SNS -EM

Т

БОЛЬШОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ

Не многие люди на самом деле достигают статуса легенды за свою жизнь, но Джон Пил - исключение, великий британец , чей вклад в британскую культуру неоспорим. Любим миллионами людей — как за его неустанную поддержку музыкальных талантов на Radio 1, так и за его популярное радио 4. покажите основные истины — Джон писал эту необыкновенную книгу, когда умер в Октябрь 2004 года. В настоящее время она завершена его женой Шейлой Рейвенскрофт с помощью их четверых детей.

В первой половине книги, написанной Джоном, описывается его ранняя жизнь, от детства до взросления, включая школьные годы и службу в Национальной армии. Уникальный голос Пиля слышен в каждом предложении. ‘Вторая часть, написанная Шейлой, дает интимный портрет этого человека и его музыки, а также взлеты и падения повседневной жизни в их доме в Саффолке.

Работа над этой книгой была

проделана с любовью всей семьей Джона, и

их энтузиазм принес свои плоды. Она настолько же необычна, каким он был, и является достойной данью уважения самому Джону.

D

Фотография на обложке ^» Simon Danby 8 14 Дизайн Клэр Уорд! TW

Великобритания ISBN 1 4056 48112 в твердом переплете
Великобритания-Solteaver ISBN | 4056 4812 0

сюй Я

КРУПНЫЙ ШРИФТ Би-БИ-си